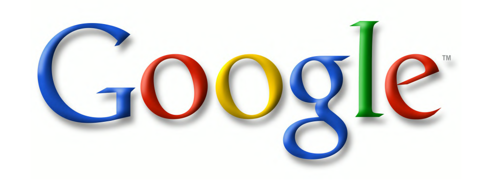


HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

СОЧИНЕНІЯ

Н. Д. ИВАНИШЕВА

изданныя иждивеніемъ Университета Св. Владиміра,

подъ редакціей профессора А. В. Романовича-Славатинскаго и библіотекаря К. А. Царевскаго.

КІЕВЪ.
Въ университетской типографіи.
1876.

10

СОЧИНЕНІЯ

Н. Д. ИВАНИШЕВА.

СОЧИНЕНІЯ

Н. Д. ИВАНИШЕВА.

СОЧИНЕНІЯ

Н. Д. ИВАНИШЕВА

изданныя иждивеніемъ Университета Св. Владиміра,

подъ редакціей профессора А. В. Романовича-Славатинскаго и библіотекаря К. А. Царевскаго.

Отдѣлъ первый: Изслѣдованія по исторіи славянскихъ законодательствъ.

Отдѣлъ второй: Изслѣдованія по исторіи югозападнаго края.

КІЕВЪ.
Въ университетской типографіи.
1876.

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

Николай Дмитріевичъ Иванишевъ около тридцати лѣтъ служилъ Университету Св. Владиміра, какъ профессоръ законовъ государственнаго благоустройства, какъ деканъ юридическаго факультета и какъ ректоръ.

Послѣ его рановременной смерти, въ октябрѣ 1874 г., совѣтъ Университета Св. Владиміра предположилъ почтить память своего усопшаго даровитаго члена изданіемъ въ свѣтъ его сочиненій. Поминки, достойные учрежденія, главная задача котораго—служить наукѣ. Честь, вполнѣ заслуженная *Иванишевымъ* за долговременное и многополезное служеніе Университету и русской наукѣ.

Приведеніе въ исполненіе благородной мысли совѣта возложено было имъ на меня. Моя обязанность состояла въ томъ, чтобы самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполнить это почетное порученіе.

Я постарался обстоятельно изучить портфели покойнаго *Иванишева*, чтобы извлечь изъ нихъ оконченныя работы, годныя для изданія ихъ въ свѣтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что́ уже было напечатано въ разныхъ ученыхъ и періодическихъ изданіяхъ.

Въ этихъ портфеляхъ я нашелъ множество отрывочныхъ замѣтокъ и массу выписокъ изъ памятниковъ, подчасъ сгруппированныхъ и сведенныхъ въ систему. Все это относится къ исторіи государственной экономіи въ Россіи, къ исторіи сла-

вянскихъ законодательствъ, къ славянской и русской археологіи, къ исторіи и праву Литвы и Польши и т. д. Все это свидѣтельствуетъ о богатой и трудовой умственной жизни покойнаго *Иванишева*, о его широкихъ и даровитыхъ ученыхъ заслугахъ. Изъ всего этого можно заключить, что у него выработался органическій планъ для ученыхъ работъ, центральнымъ пунктомъ котораго было *славянство*, а выдающимися сторонами—историческое развитіе *общины* и *федераціи*. Этому плану соотвѣтствовалъ и подборъ книгъ богатой библіотеки *Иванишева*.

Но широкіе планы нашего даровитаго славяновѣда не были приведены въ исполненіе: какъ ни богаты его портфели данными для оцѣнки его ученыхъ стремленій и замысловъ, я не могъ извлечь изъ нихъ ничего вполнѣ законченнаго и годнаго для изданія въ свѣтъ. Болѣе другихъ я нашелъ обработаннымъ этюдъ „О распредѣленіи поземельной собственности въ Россіи“, но и онъ разрознёнъ и не оконченъ, а все остальное—одни фрагменты, отрывочныя замѣтки и сырой матеріалъ.

Покойный оставилъ, кромѣ того, два курса: 1) по международному праву—по *Клюберу* и 2) законамъ государственнаго благоустройства—вполнѣ самостоятельный. Но эти курсы, во 1-хъ, сохранились въ разрозненномъ видѣ, а во 2-хъ, они наполнены анахронизмами для настоящаго времени, и могли-бы быть, поэтому, изданы только съ нѣкоторой переработкой и измѣненіями, примѣнительно къ перемѣнамъ въ положительномъ законодательствѣ. Дѣло спеціалистовъ, за которое я не рѣшился взяться.

Такимъ образомъ, моя задача, какъ издателя сочиненій покойнаго *Иванишева*, должна была ограничиться перепечаткой въ одной книгѣ всего того, чтó было напечатано покойнымъ въ разныхъ ученыхъ и періодическихъ изданіяхъ.

Сведя въ одно цѣлое всѣ напечатанныя *Иванишевымъ* изслѣдованія, я нашелъ цѣлесообразнымъ разбить ихъ на два *отдѣла*, размѣстивъ подходящія къ каждому отдѣлу статьи въ хронологическомъ порядкѣ—по времени ихъ появленія.

Первый отдѣлъ составили изслѣдованія по исторіи славянскихъ законодательствъ—плодъ занятій въ Прагѣ, подъ руководствомъ *Ганки*. Сюда вошли: докторская диссертація, изданная въ 1840 г., и составляющая теперь библіографическую рѣдкость „О платѣ за убійство въ древне-русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирою"; актовая рѣчь 1841 г. „Объ идеѣ личности въ древнемъ правѣ богемскомъ и скандинавскомъ", напечатанная съ выпусками въ августовской книжкѣ Журнала мин. народнаго просвѣщенія за 1841 г. и возстановленная по рукописи, хранящейся при дѣлахъ совѣта, и „Древнее право Чеховъ"—переводъ съ коментаріями отрывка изъ одной чешской рукописи „Рядъ земскаго права"—напечатано въ февр. книжкѣ Журн. м. н. просвѣщенія за 1840 г.

Изслѣдованія *Иванишева* по исторіи славянскихъ законодательствъ обратили на себя вниманіе славяновѣдовъ нѣмецкихъ и чешскихъ. Въ исторіи русской науки имъ принадлежитъ то немаловажное значеніе, что онѣ едва-ли не впервые выдвигали вопросъ о необходимости сравнительнаго изученія права славянскаго для уразумѣнія права древне-русскаго.

Мы считаемъ органическимъ переходъ *Иванишева* отъ исторіи славянскихъ законодательствъ къ изученію исторіи югозападнаго края. Съ образованіемъ въ Кіевѣ въ 1843 г. Археографической комиссіи, *Иванишевъ* дѣлается ея душою и главнымъ работникомъ. Онъ принимаетъ участіе во всѣхъ занятіяхъ комиссіи; онъ издаетъ памятники и первый ихъ разрабатываетъ. Плодомъ этой дѣятельности *Иванишева* былъ рядъ изслѣдованій по югозападной исторіи, изъ которыхъ составленъ

нами *второй отдѣлъ*. Сюда вошли: „Жизнь кн. А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни“—предисловіе къ изданнымъ комиссіей памятникамъ, относящимся къ кн. А. М. Курбскому; оттуда мы извлекли также „Свѣдѣнія о Ковельскомъ имѣніи, принадлежавшемъ кн. Курбскому“. Слѣдующее мѣсто въ ряду статей 2-го отдѣла составляетъ изслѣдованіе „О древнихъ сельскихъ общинахъ въ югозападной Россіи“. Оно было напечатано въ III-й книжкѣ Русской Бесѣды за 1857 г., и издано вновь Кіевской Археографической комиссіей отдѣльной брошюрой въ 1863 году. За тѣмъ слѣдуетъ статья объ „Уніи“, первоначально напечатанная въ III-й книжкѣ Русской Бесѣды за 1858 г., и потомъ вторично напечатанная, какъ предисловіе къ 1-му тому I-й части Архива югозападной Россіи. „Постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ въ югозападной Россіи“—въ первый разъ издано отдѣльной книжкой въ 1860 г., и потомъ перепечатано, какъ предисловіе къ 1-му тому II-й части Архива югозападной Россіи. Послѣдняя, наконецъ, статья—полемическаго характера „Отвѣтъ Кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ“... была издана отдѣльной брошюрой въ 1861 г. Брошюра эта была подписана предсѣдателемъ комиссіи *М. В. Юзефовичемъ* и главнымъ редакторомъ *Н. Д. Иванишевымъ*, но при составленіи ея, несомнѣнно, главное участіе принимало даровитое перо послѣдняго.

Въ свое время изслѣдованія *Иванишева* по югозападной исторіи обратили на себя вниманіе русской ученой критики. Обогативъ русскую науку такимъ капитальнымъ трудомъ, какъ статья „О древнихъ сельскихъ общинахъ въ югозападной Россіи“, изслѣдованія эти были сильнымъ толчкомъ въ дальнѣйшемъ развитіи науки русской югозападной исторіи, которая можетъ гордиться изслѣдованіями продолжателя *Иванишева*—*В. Б. Антоновича*.

Мы считаемъ себя вправѣ воздержаться отъ болѣе по-

дробной оцѣнки ученой и литературной дѣятельности *Иванишева,* такъ какъ объ этомъ написали довольно подробное изслѣдованіе, которое имѣетъ быть окончено въ іюльской книжкѣ „Древней и Новой Россіи“ за нынѣшній годъ.

Скажемъ одно: все что написано *Иванишевымъ* далеко не соотвѣтствуетъ его широкимъ замысламъ и недюжиннымъ дарованіямъ. Но какъ ни мало по объему написанное имъ, оно даетъ ему право на одно изъ видныхъ мѣстъ въ немногочисленномъ ряду истинныхъ сподвижниковъ русской науки. И совѣтъ Университета Св. Владиміра, издавая въ одной книгѣ его разбросанныя изслѣдованія, принесетъ не малую пользу работающимъ надъ русской наукой, которые между своими настольными книгами, вѣроятно, найдутъ мѣсто и для издаваемыхъ нами „*Сочиненій Н. Д. Иванишева*“.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ принесть нашу искреннюю благодарность библіотекарю Университета Св. Владиміра, *Кириллу Алексѣевичу Царевскому,* который изъ уваженія къ памяти покойнаго *Николая Дмитріевича Иванишева,* нашего общаго наставника, взялъ на себя наибольшую часть труда при изданіи его сочиненій.

Профессоръ **А. Романовичъ-Славатинскій.**

Кіевъ.
2-е мая, 1876 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Изслѣдованія по исторіи славянскихъ законодательствъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Изслѣдованія по исторіи югозападнаго края.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
32	6 сн.	талера	галера.
388	5 св.	Въ 1522 году	Въ 1622 году.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Изслѣдованія по исторіи славянскихъ законодательствъ.

I.

О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирою.

Разсужденіе, написанное для полученія степени доктора россійскаго законовѣдѣнія.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Для объясненія памятниковъ россійскаго законодательства необходимо сравнительное изученіе законодательствъ всѣхъ славянскихъ народовъ. Каждое племя имѣетъ отличительный характеръ мысли точно такъ, какъ оно имѣетъ свою отличительную физіогномію. Это отличіе мысли особенно является рѣзкимъ при первоначальномъ образованіи государствъ, когда народы не успѣли еще обмѣняться произведеніями духовной жизни, когда жизнь общественная управляется естественнымъ чувствомъ правосудія, близкимъ къ инстинкту.

Когда племя дѣлится на народы, то, не смотря на отдѣльную историческую судьбу каждаго изъ нихъ, мысль, съ нѣкоторыми измѣненіями, удерживаетъ общій характеръ племени, если только вліяніе иноплеменныхъ народовъ не подавитъ ея. Поэтому законодательство каждаго отдѣльнаго народа, какъ выраженіе народной мысли, можетъ быть понятно только тогда, когда мы будемъ разсматривать его въ связи съ законодательствами другихъ одноплеменныхъ народовъ. Одна и та же юридическая мысль является у отдѣльныхъ народовъ въ разнообразныхъ формахъ и достигаетъ полноты и ясности только тогда, когда мы соберемъ

всѣ ея отдѣльныя черты и составимъ изъ нихъ одинъ образъ. Для древняго россійскаго законодательства изслѣдованіе славянскихъ законодательствъ не только важно по тому, что можетъ прояснить намъ древніе наши законодательные памятники, но и потому, что оно даетъ намъ возможность рѣшить вопросъ: »считать ли намъ древніе памятники россійскаго законодательства произведеніями, заимствованными у Германцевъ, или чисто славянскими«?

Настоящее сочиненіе имѣетъ предметомъ изъяснить одно юридическое понятіе посредствомъ сравнительнаго изслѣдованія древнѣйшихъ германскихъ и славянскихъ законодательствъ. Для того, чтобъ свести двѣ противоположныя системы права, показать ихъ отличіе и результатъ, выведенный изъ такого изслѣдованія, употребить для объясненія древняго русскаго права, я выбралъ плату за убійство, какъ понятіе, которое составляло главный предметъ древнихъ законодательствъ, развивалось изъ внутренней жизни народа и цѣлые вѣки сопровождало существованіе государствъ, отъ ихъ первоначальнаго образованія до зрѣлаго возраста.

I. Вира въ германскихъ законодательствахъ.

Народы германскаго происхожденія, не смотря на политическое раздробленіе, представляютъ намъ чудное единство духовной дѣятельности, отъ самаго появленія ихъ въ исторіи и до настоящаго времени. Крѣпкій духъ германскій, на какой почвѣ онъ ни развивался, какая судьба историческая ни сопровождала его существованія въ разныя времена, всегда успѣвалъ сохранить характеристическія черты своей народности и на внѣшность, его окружавшую, положить печать своей дѣятельности. Отъ этого и языкъ, какъ хранилище мысли народной, остался единымъ, отъ этого также и древнее законодательство германское представляетъ замѣчательное единство какъ въ основныхъ началахъ, такъ и въ примѣненіи началъ къ самой жизни.

Изъ предметовъ законодательства нѣтъ ни одного, которымъ бы такъ подробно занимались древніе германскіе законодатели, какъ судъ объ убійствѣ. Въ каждомъ кодексѣ древнихъ законовъ первое мѣсто занимаетъ рѣшеніе вопроса: „Какое зло должно постигнуть убійцу, и какими средствами удержать месть родственниковъ убитаго?“ Размышляя надъ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ, германскія законодатели создали виру, понятіе,

которое появляется вмѣстѣ съ явленіемъ германскаго племени въ исторіи и сопровождаетъ образованіе германскихъ государствъ въ различныхъ странахъ и въ разныя эпохи. Здѣсь особенно отражается сила и единство національнаго духа, и это даетъ намъ возможность изобразить рѣзкими чертами отличительный характеръ германской виры, какъ понятія общаго всѣмъ германскимъ племенамъ.

Для изображенія характера германской виры, я считаю нужнымъ сравнить германскія законодательства разныхъ временъ, отыскать въ нихъ общія черты, и эти общія черты составятъ характеръ германской виры. Въ первый разъ разсматриваемое нами понятіе встрѣчается у Тацита въ такое время, когда Германцы не составляли еще большихъ политическихъ обществъ, а жили отдѣльными племенами. По извѣстіямъ Тацита мы можемъ изобразить виру въ ея первоначальномъ видѣ, какъ она возникла изъ самой жизни народа, безъ примѣси произвольныхъ постановленій законодательной власти. Leges Barbarorum дадутъ намъ возможность слѣдить за дальнѣйшимъ образованіемъ германской виры въ такую эпоху, когда Германцы являются уже не въ видѣ отдѣльныхъ племенъ, но какъ народы, соединенные въ государства единствомъ верховной власти и закона. Чтобъ изобразить характеръ германской виры въ эту эпоху, я буду заимствовать черты изъ законовъ: Визиготовъ, Франковъ Салическихъ, Бургундцевъ, Рипуріаріевъ, Алемановъ и Баюваріевъ. Законы древней Скандинавіи представятъ намъ начала, на которыхъ лежитъ печать глубокой древности, постановленія, возникшія еще во времена язычества, соединенныя съ религіозными вѣрованіями и украшенныя поэзіею. Наконецъ Саксонское Зеркало представитъ намъ послѣднюю степень развитія началъ, служившихъ основаніемъ германской вирѣ. Здѣсь частное уступаетъ общему, и слѣдовательно вира, какъ удовлетвореніе частному лицу, уступаетъ мѣсто, въ важнѣйшихъ случаяхъ,

чисто уголовнымъ наказаніямъ [1]). Мы увидимъ, что во всѣхъ исчисленныхъ памятникахъ вира является одинаковою: она основывается вездѣ на однихъ и тѣхъ же началахъ, имѣетъ однѣ и тѣ же существенныя черты, по которымъ можно узнать ее вездѣ, какъ бы она ни была измѣнена чрезъ соединеніе съ постановленіями другихъ чуждыхъ ей законодательствъ. Если мы схватимъ эти существенныя черты и составимъ изъ нихъ одинъ общій характеръ, то виру, такимъ образомъ представленную, мы будемъ имѣть право признать общею германскою вирою.

У народовъ, которыхъ высшія способности духа подавлены дикою чувственностію, идея правосудія свѣтитъ тускло въ жизни общественной. Она является темнымъ чувствомъ, можно сказать, инстинктомъ, но никогда не перестаетъ дѣйствовать на взаимныя отношенія людей, на какой бы низкой степени образованія ни находилось общество. Такого рода инстинктъ является преимущественно въ непреодолимомъ желаніи мстить за причиненную обиду. Право мести у всѣхъ народовъ, стоящихъ на низшей степени образованія, есть вѣчно живая идея правосудія, принявшая грубую форму мести. При первоначальномъ образованіи государствъ, когда верховная власть не имѣетъ возможности проникнуть собою весь составъ государства, законодатели пользуются врожденнымъ каждому чувствомъ мести для того, чтобы удерживать частную волю въ предѣлахъ, ей назначенныхъ. Месть въ ея первоначальной неопредѣленной формѣ является освященною закономъ. Вмѣстѣ съ образованіемъ общества, когда разумъ начинаетъ брать перевѣсъ надъ грубою чувственностію, съ одной стороны месть хладѣетъ, а съ другой

[1]) Главнымъ правиломъ полагается въ Саксонскомъ Зеркалѣ: alle mordere sal man radebrechen. Der den man slet oder weht oder roubert oder burnet sunder mortbrant u. s. w. den sal man die houbete abslan.

правительство, уничтожая частный произволъ, само вступается за нарушеніе законовъ. Отсюда является ограниченіе безпредѣльнаго права мести. Законы назначаютъ въ удовлетвореніе обиженному опредѣленную плату, которая бы, вмѣсто неизвѣстныхъ послѣдствій мести, доставляла обиженному выгоду и прекращала вражду [2]). На этомъ основаніи образовалась у Германцевъ вира.

Уже во времена Тацита начала германской виры являются довольно развитыми. Когда совершено было убійство, то родственники убитаго могли требовать удовлетворенія судомъ, или могли сами отмстить убійцѣ безъ помощи правительства. Въ первомъ случаѣ судъ приговаривалъ убійцу къ уплатѣ опредѣленной закономъ пени. Но въ преступленіи уже при Тацитѣ начинаетъ законъ различать двѣ части: оскорбленіе, причиненное фамиліи, и вредъ, нанесенный ей умерщвленіемъ одного изъ ея членовъ, а съ другой стороны нарушеніе закона, или преступленіе въ смыслѣ уголовномъ. На этомъ основаніи въ германскихъ законодательствахъ, во все время существованія виры, плата за убійства составлялась изъ двухъ частей: одна часть принадлежала обиженному, какъ слѣдствіе гражданскаго иска объ удовлетвореніи за причиненный вредъ, а другая часть принадлежала государству или государю [3]). Слѣдовательно плата за убійство у Германцевъ уже въ древнѣйшія времена одною частію принадлежитъ праву гражданскому, а другая ея половина носитъ характеръ чисто уголовный. При дальнѣйшемъ образованіи права, эти два элемента являлись иногда соединенными въ одномъ взысканіи, какъ напримѣръ въ законахъ

---

[2]) L. Lond. I. tit. XIV. 6. Melius est, ut vivus componat widrigild suum, quam de mortuo crescat faida inter parentes.

[3]) »Pars multæ regi vel civitati, pars ipsi, qui vindicatur, vel propinquis ejus exsolvitur«. Tacitus de. G. cap. 12.

Лонгобардовъ [4]); но по большей части взысканіе, которое платилось за нарушеніе закона судьѣ или государству, является отдѣльнымъ отъ суммы, которая платилась родственникамъ убитаго [5]); сумма, которую получали родственники убитаго, составляетъ въ собственномъ смыслѣ виру. Мало-по-малу элементъ уголовный усиливается, уничтожаетъ виру и самъ является въ видѣ смертной казни.

Все наше дальнѣйшее изслѣдованіе мы можемъ привести, для точнаго опредѣленія германской виры, къ рѣшенію слѣдующихъ трехъ главныхъ вопросовъ: 1) Какими началами руководствовались законодатели при опредѣленіи количества виры? 2) Кто имѣлъ право мстить и получать виру? и наконецъ 3) Кто долженъ былъ платить виру? На каждый изъ этихъ вопросовъ мы найдемъ удовлетворительное рѣшеніе въ памятникахъ древнихъ германскихъ законодательствъ.

Количество виры въ древнихъ германскихъ законодательствахъ не зависитъ отъ воли истца, но опредѣляется закономъ. Въ первыя времена появленія Германцевъ въ исторіи, когда обычаи управляли народомъ, находимъ мѣру удовлетворенія за убійство уже опредѣленною. Самымъ лучшимъ средствомъ къ удовлетворенію считалось золото (Gold ist schöner zur Busse, als Silber. Cl. zum Sachsp. III. 45). Такъ какъ въ древнія времена золото измѣрялось не счетомъ монеты, а вѣсомъ, то для опредѣленія количества виры нужно было принять тяжесть, которая бы служила сравнительною единицею

[4]) L. Long. Tit. IX. 12. 13. Si quis uxorem suam occiderit, componat sol. mille ducentos: medietatem parentibus, qui eam ad maritum duxerunt, et medietatem regi. Si quis puellam aut mulierem liberam occidit, componat sol. m. cc. medietatem parentibus et medietatem regi.

[5]) Sachsensp. Lib. III. art. 35. Uppe wene die klegere weregelt oder bute gewint von gerichte, uppe den hevet ok de richtere sin gewedde, of he it vorderen wel.

при взвѣшиваніи золота. Такою сравнительною единицею былъ трупъ убитаго. Иногда убійца долженъ былъ сдѣлать золотую статую въ ростъ убитаго, иногда платилъ онъ столько золота, сколько вѣсилъ трупъ, или обязанъ былъ покрыть золотомъ весь трупъ убитаго, и это золото отдавалось мстителю [6]). Даже въ позднѣйшихъ законахъ Баюваріевъ находимъ еще остатки этого страннаго измѣренія количества виры [7]). Съ дальнѣйшимъ образованіемъ законодательства, количество платы за убійство является опредѣленнымъ съ большею точностію и выражается числомъ монеты или скота. Съ этого времени законодательства германскія представляютъ самую подробную и разнообразную оцѣнку жизни человѣческой въ цѣлости и по частямъ. Но при всемъ разнообразіи германскихъ законодательствъ въ опредѣленіи количества виры, мы можемъ найти начала общія, которыя неизмѣнно повторяются у всѣхъ германскихъ народовъ и во всѣ времена.

Количество виры назначается сообразно съ состояніемъ, поломъ и возрастомъ убитаго лица (juxta conditionem suam sc. occisi). Такъ какъ главная сила народа составлялась изъ лицъ свободныхъ состояній (liberi, ingenii) и такъ какъ изъ свободныхъ возникли высшія, а частію и низшія состоянія; то германское законодательство за сравнительную единицу, при оцѣнкѣ лицъ разныхъ состояній, принимаетъ цѣну, положенную за жизнь свободнаго человѣка. Вира для благородныхъ состояній есть увеличенная цѣна жизни свободнаго лица, а litus и рабъ получали въ нѣсколько разъ уменьшенную виру свободнаго [8]).

---

[6]) Zeitschrift für geschicht. Rechtswissenschaft. I. 428. II. 937.

[7]) L. Baju. I. 1. 11. Si quis Episcopum occiderit, fiat tunica plumbea secundum statum ejus, et quid ipsa pensaverit auri tantum donet, qui eum occiderit.

[8]) L. Fris. Epil. Hæc omnia ad liberum hominem pertinent, nobilis

Увеличеніе виры при оцѣнкѣ лицъ изъ состоянія благородныхъ является весьма разнообразнымъ потому, что образованіе этихъ сословій, ихъ права и обязанности, въ разныхъ государствахъ и въ разныя времена, зависѣли отъ произвола государей или отъ другихъ случайныхъ обстоятельствъ. Поэтому законъ увеличенія виры для благородныхъ не можетъ быть подведенъ подъ одно общее начало. Напротивъ того уменьшеніе виры свободнаго, для оцѣнки низшаго состоянія, всегда слѣдуетъ постоянному правилу; вира свободнаго, въ этомъ случаѣ, всегда уменьшается вдвое [9]).

Въ отношеніи къ рабамъ законодательства германскія слѣдуютъ различнымъ началамъ. Въ большей части законодательствъ рабъ цѣнится какъ вещь, поэтому за убитаго раба убійца долженъ былъ дать живаго такого же достоинства [10]); но въ нѣкоторыхъ законодательствахъ, какъ на примѣръ въ законахъ Фризовъ, рабъ имѣетъ виру (verigeldus servi) [11]). Мы видѣли, что при оцѣнкѣ лицъ свободнаго состоянія вира увеличивается вмѣстѣ съ увеличеніемъ свободы, при оцѣнкѣ раба напротивъ

vero hominis compositio.......tertia parte major efficitur, liti vero medietate minor est, quam liberi hominis.

[9]) По законамъ Саксовъ благородный равенъ былъ шести свободнымъ и 12 литамъ. Въ капитуляріяхъ отношеніе между благороднымъ, свободнымъ и литомъ было такое: 4. 2. 1, но послѣ, когда вира, назначенная за голову благороднаго, казалась недостаточною для прекращенія самоуправства, цѣну за голову благороднаго увеличили въ три раза, и поэтому явилось отношеніе: 12. 2. 1. По законамъ Баюваріевъ полагается также различіе между благородными: нѣкоторые роды, именно пять родовъ, отличены были двойною вирою, а за голову герцога положена четверная вира.

[10]) L. Visig. IX. 1. 2. 5. Servum æqualis meriti reddere; duos cum eodem paris meriti reformare.

[11]) L. Frision. IX. 17.

количество платы за убійство зависитъ отъ степени употребляемости или отъ пользы, какую убитый рабъ могъ принести своему господину. Законы исчисляютъ разнаго рода прислужниковъ и ремесленниковъ, присвояя каждому изъ нихъ особенную виру [12]). Впрочемъ приложеніе виры къ оцѣнкѣ рабовъ есть произведеніе позднѣйшихъ временъ, когда христіанская религія начала уравнивать людей по ихъ нравственному достоинству. Въ древнѣйшихъ законодательствахъ плату за убійство раба, какъ и за убійство домашнихъ животныхъ, назначалъ господинъ [13]). По законамъ Визиготовъ убійца могъ за убитаго раба отдать живаго и тѣмъ загладить вину (servum æqualis meriti reddere. L. Visig. IX, 1. 2. 5).

Въ отношеніи къ полу убитаго лица германскія законодательства весьма несогласны между собою. Большая часть древнѣйшихъ законовъ цѣнятъ жизнь женщины дороже жизни мужчины. Въ законахъ Аламановъ, Баюваріевъ и Саксовъ вира

---

[12]) Lex salica. T. 10. cap. 2. отличаетъ ancillam отъ porcarius, venator, faber, carpentarius, stator, опредѣляя отношеніе между ними, какъ 25: 70. Въ L. Alaman. виру въ 4 solid. имѣютъ: 1) Pastor porcorum, qui habet in grege 40 porcos, et habet canem doctum et cornu et juniorem. 2) Legitimus pastor ovium, si 80 capita ovium in grege habet domini sui. 3) Seniscalcus, qui servus est, si dominus ejus duodecim vassos infra domum habet. 4) Mariscalcus, qui super 12 caballos est. 5) Coquus, qui juniorem habet. 6) Pistor similiter. 7) Faber, avrifex aut spatarius, qui publice probati sunt. Слуги царскіе (Pueri regis, homines regis) имѣли виру свободнаго; а если они занимали должности, присвоенныя благороднымъ. то получали вполовину противъ благородныхъ (L. sal. em. Tit. 16. L. Pip. 53. 9. 10).

[13]) L. Eiris. tit. 4. De servo aut jumento alieno occiso. Si quis servum alterius occiderit, componat eum, juxta quod a domino ejus fuerit æstimatus; similiter equi, boves etc.

женскаго пола вдвое болѣе виры мужескаго [14]). Въ законахъ Франковъ Салическихъ, Рипуріаріевъ, Фризовъ и въ древнихъ шведскихъ законахъ между вирою мужчины и женщины не было никакого различія [15]), только за убійство дѣвицы законъ салическій назначаетъ двойную виру [16]). Въ среднемъ періодѣ германскаго законодательства, напротивъ того, женщина цѣнится вполовину противъ мужчины. Сюда относятся постановленія Саксонскаго и Швабскаго Зеркала [17]). Оставаясь вѣрными началу частнаго удовлетворенія, германскія законодательства опредѣляли также различіе въ платѣ за голову по возрасту убитаго. Законъ Визиготовъ является особенно подробнымъ въ различеніи возрастовъ. Первымъ періодомъ считается существованіе до рожденія въ утробѣ матери и 15 дней послѣ рожденія. Съ возрастаніемъ силъ возрастаетъ и вира: начиная съ 3-го года до 9-ти лѣтъ, цѣна жизни увеличивается десятью солидами на каждый годъ [18]). Полная вира есть цѣна полной жизни; но сила жизненная можетъ быть также несовершенно уничтожена, а только нарушена или уменьшена. Развивая одно начало, служившее основаніемъ платѣ за убійство, германскіе законы раздробляютъ виру для оцѣнки жизненной силы по частямъ. За отнятіе одного изъ главныхъ членовъ полагается обыкновенно половинная вира [19]),

---

[14]) L. Alam. 67. 68. 4. Baju. 3. 13. Sac. 22.

[15]) »Si quis mulierem occiderit, solvat eam secundum conditionem suam, similiter sicut et masculum ejusdem conditionis solvere debet«. L. Fris. add. 6.

[16]) L. Sal. 289. L. Rip. 13.

[17]) Jeclich wib hat ires manes halbe buze und weregelt. Jeclich magt und ungemannet wib hat halbe buze nach deme, als sie geboren ist. Sachs. sp. III. 45. § 2. Сравни также Schwabenspiegel p. 402. 6.

[18]) L. Salica. XXVI. L. Visig. VIII. 4. 16.

[19]) Kofor Ancher. Farrago ligum antiquarum Daniæ municipalis § 3. pro manus vel pedis truncatione dimidia emenda hominis interfecti.

каждый палецъ имѣлъ свою особенную виру. Раны и удары орудіями разнаго рода подробно исчислены и оцѣнены [20]).

Вира, назначенная первоначально для оцѣнки людей, перенесена въ послѣдствіи къ животнымъ, и цѣна свободнаго человѣка служила также сравнительною единицею для оцѣнки птицъ и звѣрей. Особенными преимуществами пользовались животныя, которыя употреблялись для охоты. Иногда за убійство животнаго назначается вира, равная вирѣ свободнаго человѣка [21]). Саксонское Зеркало особенно отличается мелочными подробностями, въ которыхъ исчисляется цѣна птицъ и животныхъ по ихъ возрастамъ такъ, что уголовная часть этого памятника представляетъ болѣе статистическую таксу, нежели уголовный кодексъ [22]). Изъ подробнаго изчисленія преступленій и точной оцѣнки вреда, причиненнаго преступникомъ, можно заключить, что уголовные германскіе законы, въ ихъ грубомъ видѣ, стремились утвердить систему абсолютныхъ наказаній. Когда плата за убійство не имѣла законной силы, тогда единственнымъ судьею преступленія былъ истецъ. Его судъ былъ произволенъ, мѣра наказанія неограничена. Изъ этой крайности, которая уничтожала возможность правосудія, германскія законодательства впали въ другую крайность, уничтоживъ всякое разумное участіе судьи въ обсуживаніи преступленій, мѣры вины и въ назначеніи наказанія, сообразнаго съ преступленіемъ. Мѣру виновности германскія законодательства отыскиваютъ не въ самомъ престу-

---

[20]) Въ отношеніи къ орудіямъ отличаются: flagellum fustis, calix, pugnus. L. Burg. 11. 2.

[21]) L. Alam. 71. Si quis homo in equo suo caballicaverit et aliquis eum super ipsum plagare voluerit, caballum ejus plagaverit, ita plagam caballi componat, quemadmodum componere debuit, si dominum ejus plagasset.

[22]) Sachsens. Lib. II. ak. 16.

пленіи, а совершенно во внѣшнемъ и случайномъ предметѣ— въ убитомъ лицѣ. Требуя отъ всѣхъ сословій одинакое количество платы за голову, германская такса неравно наказывала преступниковъ, потому что богатый могъ легко загладить свое преступленіе, между тѣмъ какъ бѣдный лишался всего своего имущества, или дѣлался рабомъ.

Изложивъ начала, которыми руководствовались германскія законодательства въ опредѣленіи количества виры, я теперь перейду къ изслѣдованію вопроса: „На комъ лежала обязанность платить виру?“

Обязанность платить виру лежала не на одномъ преступникѣ, но родъ, къ которому принадлежалъ преступникъ, долженъ былъ участвовать въ платѣ за убійство. Это мы встрѣчаемъ уже у Тацита, когда Германцы являются раздѣленными на роды, независимо существовавшіе одинъ подлѣ другаго. Каждый родъ отвѣчалъ за своихъ членовъ, и, съ другой стороны, каждый членъ долженъ былъ принимать участіе въ дружественныхъ и враждебныхъ отношеніяхъ своего рода къ другимъ подобнымъ ему обществамъ [23]). Если истецъ отвергалъ плату, которую предлагалъ убійца для примиренія: то вставалъ весь родъ съ подданными и рабами, преслѣдовалъ преступника, отомщалъ за обиду или погибалъ самъ. Но когда истецъ соглашался взять плату за убійство и отказаться отъ мщенія, то сначала уплачивалась вира имуществомъ самого преступника. Если это имущество было недостаточно, то обязанность платить виру переходила къ родственникамъ убійцы по степенямъ родства. Въ законахъ Франковъ Салическихъ сохранилось символическое дѣйствіе, посредствомъ котораго преступникъ переносилъ обязанность платить виру на своихъ родственниковъ. Это симво-

[23]) Tacitus de Germ. c. 21. Suscipere tam inimicitias seu patris seu propinqui, quam amicitias necesse est.

лическое дѣйствіе, называемое chrenechruda, носитъ печать глубокой древности. Отецъ, мать и братья родные обязаны были прежде другихъ родственниковъ платить вмѣсто убійцы. Если ихъ не было, или они были такъ бѣдны, что не могли вполнѣ удовлетворить истца; то обязанность переходила къ сестрѣ матери преступника и ея сыновьямъ; далѣе слѣдовали три ближайшихъ родственника со стороны отца и матери. Если ни одинъ изъ этихъ родственниковъ не былъ въ состояніи уплатить виру, то истецъ бралъ къ себѣ преступника, выводилъ его четыре раза на площадь, и если никто не давалъ выкупа, то истецъ дѣлался полнымъ властителемъ надъ жизнію и смертію убійцы [24]). Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ участіе родствен-

---

[24]) L. Sal. LXI. 1. 2. Si quis hominem occiderit, et in tota facultate non habuerit, unde totam legem impleat, duodecim juratores dabit, quod nec subtus terram, neque supra terram plus de facultate habeat, quam donavit. Et postea debet in casam suam intrare, et de quatuor angulis terrae pulverem in pugno colligere et postea in duropello stare, et intus casam cuptare debet, et sic de sinistra manu trans suas scabulas jactare super proximiorem parentum. Quod si jam pater, aut mater, seu frater pro ipso solverunt, super sororem tunc matris, aut super ejus filios debet illam terram jactare: quod si isti non fuerunt, super tres de generatione patris et matris, qui proximiores sunt: et postea in camisia discinctus, discalceatus, palo in manu supra sepem salire, ut pro medietate, quantum pro compositione deberet, aut quantum lex addicat, illi tres solvant de materna generatione: hoc et illi alii, qui de paterna generatione veniunt, facere debent.—Si vero aliquis ex illis pauperior fuerit, et non habet, unde integrum solvat debitum, quicunque de illis plus alio habet exsolvat, et iterum super illum chrene chruda, ille qui est pauperior, jactet, ut ille totam legem solvat: quod si hic etiam non habet, ut legem solvat, et totam legem componat, tunc illum, qui homicidium fecit, tollit, qui eum in fide sua habet, et per quatuor mallos praesentem faciat; et si eum per compositionem aut fidem nullus suorum tulerit, hoc est, eum redimat, aut pro eo persolvit, tunc de vita

никовъ въ платежѣ виры является необходимымъ, хотя бы самъ преступникъ и былъ въ состояніи уплатить всю требуемую закономъ сумму изъ собственнаго имущества. Это постановленіе находимъ подробно развитымъ особенно у народовъ скандинавскихъ.—Вира дѣлилась на кольца. Главныхъ колецъ, которыми должно было уплатить виру, назначено четыре: первое кольцо въ три марки долженъ дать отецъ, сынъ или братъ; второе кольцо въ двадцать унцій—дѣдъ по отцу и по матери, также внуки отъ сына и дочери; третье кольцо въ двѣ марки—дяди и племянники, а остальное кольцо въ двѣнадцать унцій падаетъ на двоюродныхъ братьевъ. Кромѣ этихъ четырехъ колецъ, еще должно было выплатить шесть колецъ, уменьшающихся постепенно отъ одной марки до одной унціи. Ихъ уплачиваютъ дальнѣйшіе родственники до шестой степени даже въ боковыхъ линіяхъ. Въ древнемъ саксонскомъ законѣ за убійство благороднаго платилась простая вира и кромѣ того сумма въ восемь разъ большая простой виры. Родственники убійцы до седьмой степени уплачивали $^1/_3$ простой виры, а всю остальную сумму обязанъ былъ уплатить самъ преступникъ [25]). Если убійца померъ, не удовлетворивъ истца, то обязанность платить виру переходила къ ближайшимъ родственникамъ по правиламъ наслѣдства.

Изъ отдѣльныхъ фамилій составлялись общества, которыя

---

componat. Этотъ обрядъ въ декретѣ Гильдеберта названъ языческимъ и отмѣненъ: L. Sal. XV. De chrenechruda lex, quam paganorum tempore observabant, deinceps nunquam valeat, quia per ipsam cecidit multorum potestas.

[25]) Si mordum totum quis fecerit, componatur primo in simplo, juxta conditionem suam, cujus mulctae pars tertia a proximis ejus, qui facinus perpetravit, componenda est, duae vero partes ab illo, et insuper octies ab eo componatur, et ille ac filii ejus soli sint faidosi. L. Sax. II. 6.

избирали изъ своей среды судей и заботились сами о своей внутренней безопасности, однакожъ обязанность платить вмѣсто преступника никогда не падала на цѣлое общество, къ которому принадлежалъ убійца. Слѣдовательно ручательство общества (Gesammtbürgschaft, fidejussio universalis) несвойственно германскимъ законодательствамъ. Изъ этого общаго правила находимъ исключеніе въ законахъ Англосаксовъ и Франковъ, гдѣ цѣлое общество, къ которому принадлежалъ убійца, обязано было платить виру въ случаѣ несостоятельности самого убійцы и его родственниковъ [26]). Если litus уличенъ былъ въ убійствѣ и доказывалъ, что совершилъ преступленіе по приказанію своего господина, то господинъ платилъ виру [27]). Но если господинъ отрицалъ всякое участіе въ совершившемся убійствѣ, то долженъ былъ присягнуть съ двѣнадцатью свидѣтелями въ своей невинности, и тогда вся отвѣтственность падала на совершившаго убійство [28]). Рабъ не имѣлъ политической личности, но былъ принадлежность господина, и только посредствомъ своего господина онъ имѣлъ отношеніе къ обществу. Поэтому господинъ всегда отвѣчалъ за поступки раба, хотя бы онъ и доказалъ, что не принималъ въ нихъ никакого участія [29]). Рабъ не

---

[26]) Feuerbach, De universali fidejussione, quam germanice Gesammtbürgschaft vocant. Nürenberg. 1826.—Weiske, Die Grundlagen der frühern Verfassung Deutschalnds. Leipzig. 1836, p. 39.

[27]) L. Sax. XI. 1. Quicquid servus, aut litus, jubente domino perpetravit, dominus emendet.

[28]) L. Sax. II. 5. Si dominus liti dicit se in hoc conscium non esse, cum duodecim juret.

[29]) Это выражено въ видѣ общаго правила у Англовъ и Вериновъ: »omne damnum, quod servus fecerit, dominus emendet«. XVI.—Lex Sax. XI. 2. Si servus scelus quodlibet nesciente domino commiserit, ut puta homicidium aut furtum, dominus ejus pro illo, juxta qualitatem facti, mulctam componat.

имѣлъ даже права присягать въ доказательство своей невинности, а за него присягалъ господинъ съ шестью свидѣтелями [30]). По законамъ Франковъ Салическихъ рабъ, совершившій убійство надъ свободнымъ, отдавался родственникамъ убитаго за половину виры, а остальную половину доплачивалъ его господинъ [31]). Если рабъ, совершивъ убійство, бѣжалъ, то связь между имъ и господиномъ прерывалась. Онъ переставалъ быть принадлежностію своего господина, и тогда господинъ свободенъ былъ отъ платежа виры; но если рабъ опять возвращался, то вмѣстѣ съ тѣмъ являлась и обязанность платить виру [32]).

Вира, которую платилъ убійца и его родственники, не принадлежала ближайшему наслѣднику убитаго, но дѣлилась между членами цѣлаго рода. Этотъ законъ мы встрѣчаемъ во всѣхъ германскихъ законодательствахъ, какъ при первомъ появленіи Германцевъ въ исторіи, такъ и при дальнѣйшемъ образованіи государства. Месть въ первоначальной неопредѣленной формѣ была правомъ цѣлаго рода. Когда право мести замѣнено было вирою, то и вира должна была также принадлежать цѣлому роду убитаго. Только законы Турингговъ дѣлаютъ исключеніе изъ этого общаго всѣмъ германскимъ законодательствамъ правила. Въ этихъ законахъ право мстить и получать виру принадлежитъ исключительно одному только ближайшему

[30]) L. Rip. XXVIII. Si servus servum interfecerit, dominus ejus XXXVI. sol. culp. jud., aut cum VI. juret, quod servus ejus hoc non fecisset.

[31]) L. Salica. XXXVII. 8. Si servus ingenuum hominem occiderit, ipse homicida pro medietate compositionis hominis occisi parentibus tradatur, et aliam medietatem dominus servi se noverit soluturum. Cf. L. Long. V. I. XX.

[32]) L. Sax. XI. 3. Si servus perpetrato facinore fugerit, ita ut a domino ulterius inveniri non possit, nihil solvat.—5. Si servus iterum a domino receptus fuerit, mulctam pro illo componat.

наслѣднику убитаго [33]). Германскія законодательства различно опредѣляютъ степени родства, до которыхъ должно простираться право мстить и получать виру. По большей части принимается общимъ правиломъ, что тѣ лица, на которыхъ пала бы обязанность платить виру, если бы кто нибудь изъ ихъ рода совершилъ убійство, имѣютъ и право получать плату за убійство. Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ право мстить и получать виру не ограничивается никакою степенью родства; такое постановленіе мы находимъ въ законахъ Визиготовъ [34]). Но родство невсегда давало право получать виру: необходимымъ условіемъ была еще способность лица начать вражду и совершить месть (qui faidam levare possunt). На этомъ основаніи женскій полъ не имѣлъ права получать виры [35]). При раздѣлѣ виры на части между родственниками убитаго, обращалось вниманіе на близость родства. Въ большей части законодательствъ двѣ трети виры принадлежали мстителю, а остальная часть шла въ родъ. У Скандинавовъ право получать плату за убійство переходитъ къ родственникамъ убитаго такимъ же порядкомъ, какъ и право наслѣдства, съ тѣмъ только различіемъ,

---

[33]) L. Thuring. VI. 5. Ad quemcunque hereditas terræ pervenerit, ad eum vestis bellica, id est lorica, et ultio proximi, et solutio leudis, debet pertinere.

[34]) L. Wisig. Lib. VI. XV. Si ejusdem proximi ad quærenda defuncti mortem aut tepidi fuerint aut forte distulerint, tum accusandi homicidum omnibus generaliter, tam aliis parentibus, quam externis aditum facimus.

[35]) Si ipse quis occisus est filium masculum non reliquerit, quamquam filias instituissemus heredes sicut masculos in omnem substantiam patris aut matris, ipsam tamen compositionem volumus, ut accipiant parentes ejusdem propinqui, qui occisus fuerit, illi qui per caput succedere possunt. Quia filiæ ejus, eo quo femineo sexu esse probantur, non possunt ipsam faidam levare. L. Longobard. II. 13.

что ближайшій родственникъ не устранялъ отдаленнѣйшаго. Даже если вдова, оставшаяся послѣ убитаго, выходила замужъ, то право получать виру и мстить переходило къ ея второму мужу. (Zeitschrift für geschichtl. Rechtswiss. I. 327). При дѣлежѣ, также какъ и при уплатѣ виры, вся сумма, полученная отъ убійцы и его родственниковъ, раздѣлялась на четыре главныхъ кольца. Первое или главное кольцо въ три марки принадлежало отцу, сыну и брату; второе кольцо въ 20 унцій—дѣду по отцу и по матери, также внукамъ убитаго; третье кольцо въ 2 марки отдавалось дядямъ и племянникамъ, а послѣднее въ 12 унцій принадлежало двоюроднымъ братьямъ. Дальнѣйшіе родственники дѣлили 6 колецъ, которыя отъ одной марки понижались въ цѣнѣ до одной унціи. Право на участіе въ полученіи кольца принадлежало только родственникамъ мужескаго пола. Изъ лицъ женскаго пола только жена и дочь имѣли право на полученіе кольца. Впрочемъ этотъ законъ есть исключеніе изъ правила общаго всѣмъ германскимъ законодательствамъ, потому что, по общему правилу, тотъ могъ только получать плату за убійство, кто имѣлъ способность мстить, а въ германскихъ законодательствахъ женщина не могла мстить, и слѣдовательно не должна участвовать въ полученіи виры. Плата за убійство раба принадлежала господину, который оцѣнивалъ убитаго и получалъ плату. Только въ законахъ Франковъ господинъ обязывается часть платы за убійство удѣлить родственникамъ (L. Fris. 1. IX).

При изслѣдованіи вопроса: кто имѣлъ право мстить и получать виру? мы предполагали, что послѣ убитаго остались родственники. Если убитый не оставилъ послѣ себя никого, кто имѣлъ бы право мести: то вира принадлежала государству, какъ всякое другое вымороченное имѣніе, или королю, какъ представителю государства [36]).

[36]) L. Bajuv. 11. 20. 4. L. Sal. emend. LXV. L. Longob. T. IX. 12.

Изложенное мною подробное изслѣдованіе германской виры въ ея разнообразныхъ формахъ, въ разныя времена и у разныхъ народовъ германскихъ, даетъ мнѣ возможность отдѣлить общее отъ частнаго, собрать существенныя черты германской виры и изобразить ея характеръ въ немногихъ словахъ.

1. Вира германская въ первоначальной древнѣйшей формѣ уже заключаетъ въ себѣ элементъ уголовный: часть ея платится государству или представителю государства за преступленіе закона, а другая часть служитъ удовлетвореніемъ обиженному. Эти двѣ совершенно различныя части виры, никогда не соединяясь, живутъ до тѣхъ поръ, пока первая изъ нихъ, усиливаясь постепенно, не получила наконецъ отдѣльнаго, самостоятельнаго существованія и не превратилась въ чисто уголовное наказаніе.

2. Опредѣляя количество виры, законодательства обращаютъ вниманіе не на важность преступленія и не на лице преступника, но оцѣниваютъ жизнь убитаго, и поэтому количество виры соразмѣряется съ званіемъ, поломъ и возрастомъ убитаго. Въ мелочныхъ подробностяхъ замѣтно стремленіе утвердить начало абсолютныхъ наказаній, исключивъ совершенно произволъ судьи въ обсуживаніи преступленія и въ назначеніи наказанія.

3. Сравнительною единицею при опредѣленіи количества виры принимается цѣна свободнаго человѣка, которая увеличивается или уменьшается, смотря по уменьшенію или увеличенію свободы. Рабъ есть вещь и вира раба увеличивается или уменьшается смотря по тому, больше или меньше онъ могъ доставить прибыли своему господину.

4. Жизнь дробится на части и каждая часть имѣетъ свою виру. За отнятіе главныхъ членовъ платится полувиріе. Отъ людей вира переносится и на животныхъ.

5. Виру платитъ не одинъ убійца своимъ имуществомъ,

но въ платежѣ участвуютъ его родственники, иногда безъ всякаго ограниченія, а иногда съ ограниченіемъ въ отношеніи къ степенямъ родства.

6. Общество, которому принадлежалъ убійца, было свободно отъ платежа виры.

7. Право мстить не ограничивалось ближайшими родственниками убитаго, но принадлежало цѣлому роду; также и виру не имѣлъ права удержать одинъ ближайшій родственникъ убитаго, но дѣлился ею съ другими родственниками.

Вотъ форма германской виры съ ея общими началами и частными видоизмѣненіями! Требовалось продолжительной законодательной дѣятельности, чтобъ уничтожить это понятіе, обработанное вѣками, проникавшее собою всѣ части германскаго законодательства. Двѣ задачи нужно было рѣшить законодателямъ: съ одной стороны нужно было начало частнаго удовлетворенія, служившее основаніемъ системѣ виръ, замѣнить какимъ нибудь высшимъ, болѣе сообразнымъ съ идеею правосудія началомъ; а съ другой—уничтожить абсолютную опредѣленность наказаній, дать свободу судьѣ въ изслѣдованіи преступленія и въ назначеніи наказанія по мѣрѣ виновности. Отъ рѣшенія этихъ двухъ задачъ зависѣла историческая судьба германской виры.

Уже въ древнихъ памятникахъ, гдѣ вира обнимаетъ собою всѣ части законодательства, начинаютъ появляться, хотя только въ видѣ абстрактныхъ формулъ, высшія начала уголовнаго права. Иногда начало устрашенія, иногда богопочтеніе и уваженіе къ церкви и св. угодникамъ стоятъ въ законахъ вмѣстѣ съ началомъ частнаго удовлетворенія [37]). Въ концѣ каролинскаго пе-

[37]) L. Alam. 3. 3. ut alii cognoscant, quod sit timor Dei in christianis, et honorem ecclesiis impendant.—L. Bajuv. 1. 7. 4. ut sit honor Dei et reverentia Sanctorum, et Ecclesia Dei semper inviola sit.

ріода смертная казнь получаетъ законную силу для важнѣйшихъ преступленій (compositio sanguinis effusione)[38]). Не смотря однакожъ на явленіе новыхъ началъ, вира германская существовала во все продолженіе среднихъ вѣковъ, а у нѣкоторыхъ народовъ (наприм. у Франковъ) даже до 16-го вѣка. Carolina начала періодъ новаго уголовнаго законодательства, но она возбудила противъ себя сильное сопротивленіе именно потому, что не заключала въ себѣ постановленій о вирѣ и другихъ средствахъ, которыми преступникъ удовлетворялъ оскорбленнаго[39]).

Эти существенныя черты я считаю достаточными для изображенія отличительнаго характера германской виры. Ихъ всеобщность, ихъ вѣковое существованіе и твердость, съ какою онѣ противостояли вліянію новыхъ уголовныхъ началъ, доказываютъ, что онѣ были чисто народнымъ произведеніемъ, возникшимъ изъ внутренней жизни Германцевъ. При изслѣдованіи славянскихъ законодательствъ, я буду имѣть въ виду эти характеристическія черты, и употреблять ихъ пробнымъ камнемъ для распознаванія германизма въ славянскихъ законахъ.

II. Плата за голову у Славянъ.

Обычаи, которыми управлялись славянскія племена до соединенія въ государства, остались для насъ неизвѣстными. Византійскіе писатели не старались, подобно Тациту, понять духъ и изобразить въ существенныхъ чертахъ внутреннюю жизнь славянскаго народа. Они останавливаются на внѣшнихъ отношеніяхъ Славянъ къ другимъ народамъ и только мимоходомъ упоминаютъ, что Славяне имѣли свои народные обычаи (Σκλά-

[38]) L. Burg. 2. 1. Cap. Carol. Calv. pro Hisp. 3.
[39]) Mittermaier, Strafverfahren. 1. S. 110.

βινων ἔϑνη). Поэтому отношеніе убійцы къ обществу и къ родственникамъ убитаго остается неизвѣстнымъ. Только одно мѣсто у Маврикія (585—602) бросаетъ слабый свѣтъ на разсматриваемое нами понятіе. Описывая гостепріимство Славянъ, Маврикій говоритъ, что они даютъ чужеземцамъ проводниковъ. Если, не смотря на эту предосторожность, чужеземецъ претерпѣвалъ вредъ, то проводникъ долженъ былъ выдержать месть отъ своихъ сосѣдей, которые считали благочестивымъ дѣломъ мстить за чужеземца [40]). При всей неопредѣленности словъ Маврикія, мы замѣчаемъ въ приведенномъ нами славянскомъ обычаѣ совершенную противоположность съ обычаями германскими. Здѣсь месть имѣетъ основаніемъ религіозное чувство (σέβας ἡγέμενος). Это начало мы найдемъ развитымъ въ позднѣйшихъ законодательствахъ. Въ германскихъ законахъ, напротивъ того, месть имѣетъ основаніемъ частное удовлетвореніе и наказаніе за нарушеніе закона. Изъ этихъ различныхъ началъ выведены были также и различныя слѣдствія. У Славянъ всякое убійство, совершенное надъ своимъ или иностранцемъ, требовало мести, какъ религіознаго долга; напротивъ того у Германцевъ, если убитый оставилъ родственниковъ въ другомъ государствѣ, то онъ оставался неотмщеннымъ, потому что родственники его, какъ иностранцы, не могли начать вражду для своего удовлетворенія въ чужой землѣ, гдѣ совершилось убійство. Поэтому, когда месть замѣнена вирою, родственники иностранца не имѣли права требовать удовлетворенія [41]); только

[40]) Mauricii Strategicum. 1. XI. Εἰσὶ δὲ τοῖς ἐπιξενουμένοις αὐτοῖς ἤπιοι, καὶ φιλοφρονούμενοι αὐτοὺς διασώζουσιν ἐκ τόπου εἰς τόπον ὅυ ἂν δέωνται, ὡς εἴγε δὶ ἀμέλειαν τοῦ ὑποδεχομένου συμβῇ τὸν ξένον βλαβῆναι; πόλεμον κινεῖ κατ᾽ αὐτὸν ὁ τοῦτον παραϑέμενος, σέβας ἡγούμενος τὴν τοῦ ξένου ἐκδίκησιν.

[41]) L. Sal. 44. 1. Emend. 43. 1.

за нарушеніе закона убійца платилъ пеню, которая поступала королю или государству [42]).

Заимствованная мною у византійскихъ писателей черта еще недостаточна для изображенія полнаго характера платы за голову у Славянъ. Чтобъ рѣшить предложенную задачу, я долженъ изслѣдовать это понятіе, какъ оно являлось въ разныя времена у разныхъ славянскихъ народовъ уже по соединеніи ихъ въ государства. Для этой цѣли я пройду рядъ законодательствъ, дошедшихъ до насъ въ письменныхъ памятникахъ отъ древнѣйшихъ временъ. Законодательство богемское, моравское и древнее мазовѣцкое представятъ намъ славянизмъ, сохранившійся въ наибольшей чистотѣ: въ польскомъ и литовскомъ правѣ мы найдемъ перевѣсъ германскихъ законовъ и права римскаго надъ славянскими обычаями: у Сербовъ жили древнія славянскія начала вмѣстѣ съ буйною свободою и подчинились праву византійскому, какъ только частный произволъ началъ исчезать предъ усилившеюся монархическою властію. Во всѣхъ исчисленныхъ мною законодательствахъ, отдѣливъ славянизмъ отъ примѣси знакомыхъ намъ постановленій права германскаго и римскаго, мы будемъ имѣть возможность представить чисто славянскія начала, на которыхъ основывалась месть и плата за убійство у Славянъ. Изобразивъ характеръ германской и славянской платы за убійство, я приступлю къ изслѣдованію древняго русскаго права.

A. Hlawa, hlawnj penjze въ богемскомъ и моравскомъ законодательствахъ.

Въ древнемъ богемскомъ и моравскомъ законодательствахъ судъ о убійствѣ имѣлъ три періода: періодъ безпредѣльной мести,

42) L. Ripuar. T. 36. 1. 2.

когда убійца отдавался мстителю на жизнь и на смерть; періодъ мести ограниченной, когда мститель долженъ былъ принять выкупъ; наконецъ періодъ уничтоженія древнихъ началъ и перехода отъ частной мести къ публичнымъ наказаніямъ. Въ каждомъ изъ этихъ періодовъ мы встрѣтимъ начала, совершенно отличныя отъ началъ германскаго законодательства. Въ древнѣйшихъ памятникахъ богемскаго законодательства месть является не средствомъ къ удовлетворенію за обиду и не дикимъ инстинктомъ, побуждающимъ платить зломъ за зло, но она является религіозною обязанностію, исполненіе которой необходимо для спокойствія и блаженства души убитаго. Эта мысль такъ глубоко срослась съ жизнію народа богемскаго, что уже впослѣдствіи времени, когда христіанская религія утвердила новыя понятія о душѣ и безсмертіи, долго не исчезала вѣра въ необходимость мести, даже она является нѣкоторое время освященною обрядами христіанской религіи, которая, щадя привязанность людей къ коренным обычаямъ, иногда допускала языческіе обычаи, смягчала ихъ своими началами, пока не наступало время уничтожить ихъ [1]). Если родственникъ убитаго рѣшался заглушить въ себѣ голосъ мести, слѣдуя правиламъ христіанской добродѣтели, то убійца долженъ былъ подвергнуться по крайней мѣрѣ символической смерти, и эта символическая смерть была покора (pokora wrażedlnika). Я представлю этотъ обрядъ по древней рукописи, найденной Ганкою въ библіотекѣ князя Фюрстенберга (Jurium 11 do fol. 139).

Убійца съ одинадцатью родственниками или знакомыми долженъ былъ идти ко гробу убитаго. Всѣ они шли, одѣтые въ саваны, босые, безъ поясовъ, съ непокрытыми головами и со свѣчами въ рукахъ. Когда они приближались къ кладбищу, то родственники

[1]) Такъ поступало христіанство и съ испытаніемъ водою и желѣзомъ, обычаемъ безъ всякаго сомнѣнія языческимъ.

убитаго спрашивали убійцу: co żadasz? и убійца отвѣчалъ: „я убилъ покойника N и желаю совершить покору съ правою вѣрою.“ И тотчасъ съ обнаженнымъ мечемъ долженъ былъ идти съ своими родственниками на гробъ убитаго, стать на колѣни и пропѣть „Отче нашъ“. Отецъ и мать убитаго съ прочими родственниками сидѣли на порогѣ костела, и убійца подходилъ къ нимъ, становился на колѣни и просилъ, чтобъ ему простили немудрый поступокъ ради Бога, Матери Божіей и всѣхъ Святыхъ, потомъ вручалъ обнаженный мечь ближайшему родстеннику убитаго, подставлялъ свою голову подъ остріе меча и въ этомъ положеніи сознавался, что онъ также безсиленъ, какъ тотъ, надъ кѣмъ онъ совершилъ убійство, называлъ себя мертвымъ и просилъ державшаго надъ его головою мечь оживить его. И державшій мечь долженъ былъ сказать: „оживляю тебя!“. Три раза повторялось такое символическое дѣйствіе, и послѣ этого ближайшій родственникъ убитаго изрекалъ убійцѣ прощеніе отъ лица всѣхъ своихъ родственниковъ. Въ заключеніе пѣты были молитвы по душѣ убитаго.

Въ этотъ религіозный періодъ мести находимъ, что убійца отдавался мстителю въ полную власть на жизнь и на смерть, что мститель могъ лишить убійцу жизни, или взять все его имущество, или удовольствоваться частію имущества, или простить, не требуя никакого удовлетворенія. Законъ не смѣлъ мѣшаться въ религіозное вѣрованіе народа, утвержденное вѣками. Когда мститель, не прибѣгая къ суду, рѣшался начать вражду; то въ такомъ случаѣ обычай требовалъ, чтобы мститель увѣдомилъ убійцу о намѣреніи начать совершеніе мести, и для этого отправилъ бы посла въ жилище преступника. Съ того дня, въ который отправлено объявленіе, и до заката солнца на третій день мститель не смѣлъ начать вражды [1]). Преступникъ ста-

[1]) Ctibor z Towaczowa. 25.

рался, въ продолженіи трехъ дней, умилостивить родственниковъ убитаго, предлагая имъ выкупъ, и законъ не мѣшался въ ихъ переговоры [3]). Постепенное ограниченіе этой безпредѣльной власти родственниковъ убитаго надъ убійцею составляетъ исторію платы за голову въ богемскомъ законодательствѣ. Трудно опредѣлить время, когда неограниченное право мести у Богемцевъ подчинено было законамъ: первое ограниченіе мы встрѣчаемъ уже въ 14 вѣкѣ [4]). Право мстить смертію за смерть безъ суда отмѣнено законами подъ угрозою потери чести, довѣрія, изгнанія изъ отечества и отобранія всего имущества въ казну. Право родственниковъ убитаго на жизнь убійцы было отмѣнено, а предоставлено было только право на имущество. Какимъ же образомъ богемское право предписываетъ убійцѣ удовлетворять родственниковъ убитаго имуществомъ? Какими оно руководствовалось началами для опредѣленія количества платы за голову? Кто уплачивалъ головные пенязи, и кто получалъ ихъ? При изслѣдованіи этихъ вопросовъ я буду слѣдовать тому же порядку, какому слѣдовалъ я при изслѣдованіи германской виры.

Опредѣленіе количества платы за голову у Богемцевъ находится въ совершенной противоположности съ законодатель-

---

[3]) Jura primæva Baronum, Nobilium totiusque universitatis et vulgi provinciæ Brunensis. 1237. 32. »Quando qui interficitur in via confusio magna inde fit. Solent opponi denarii, avrum et argentum etc.

[4]) Na práwu swobodném o každu wiec bud' o diedinu, o dluh, o sskodu, neprziezen, násité podáwenié, unos, neb oczkoli kazdy czlowiek gma dosti gmieti, jinych wssech wiéce neb pomst nechaje, nod pokutu cti, wiéry a wyhnánié z zemie, za zhúbci a za zlodjeje zemského a pod stracenim sweho statku wsseho i nápadu, jakaž to pansky nález obecny swiedczi. Ondrz z Dube. 3. Также Cod. Talembergicus, Primo Stephani XVIII. fol. 54.

ствами германскими. Отмѣнивъ право мстить смертію за смерть, богемское законодательство не рѣшилось оцѣнивать жизнь человѣческую по состоянію убитаго лица или по важности оскорбленія, но предоставило самому истцу оцѣнивать потерю, назначать плату и предлагать свое требованіе на разсужденіе кметовъ. Прежде всего родственникъ убитаго могъ предложить убійцѣ кончить дѣло безъ суда, по добровольному согласію, и самъ предлагалъ условія, на которыхъ онъ соглашается примириться съ убійцею. Если убійца не соглашался на требованіе, то истецъ подавалъ въ судъ жалобу объ убійствѣ и деньгахъ, во сколько онъ цѣнитъ голову убитаго. „Объявляю вашей милости, говорилъ онъ судьямъ, что я позвалъ на судъ врага своего, который убилъ моего брата. И я хочу по всей формѣ суда вести искъ о головѣ и деньгахъ, во сколько я цѣню ту голову“ [5]). Дѣло шло гражданскимъ судомъ; плата за голову была чисто гражданскимъ удовлетвореніемъ за вредъ и никогда не принадлежала государству, какъ штрафъ за нарушеніе закона. Если отвѣтчикъ являлся на судъ и не признавался въ преступленіи, но не могъ доказать правоты своего дѣла присягою: то наказывался смертію; а если доходило дѣло до поединка и истецъ одерживалъ побѣду, то онъ отрѣзывалъ своею рукою голову побѣжденному, клалъ ее между ногъ убитаго, бросалъ два талера на обезглавленный трупъ, становился на колѣни и благодарилъ пановъ за правосудіе. Впрочемъ и здѣсь договоръ тяжущихся былъ выше закона. Тяжущіеся могли уговориться, какъ долженъ поступать истецъ съ побѣжденнымъ на поединкѣ отвѣтчикомъ. Но если отвѣтчикъ не явился на судъ, то жалоба истца признавалась правою, и въ такомъ

[5]) R. Z. P. 2. »Opowiedám sie wassie miłosti, że sem pohnal wraha swého, jenž jest zabil mého bratra, a to chci wésti przede pány s plnym práwem i z hlawy i z peniez, w czemž tu hlawu pokladam.

случаѣ истецъ посылалъ коморника (bedellus) къ отвѣтчику, чтобъ начать переговоры о платѣ за убійство (o hlawnjch penjzíech). Три раза являлся къ отвѣтчику посолъ съ такимъ предложеніемъ, объявлялъ объ этомъ въ домѣ отвѣтчика и на площади. Послѣ этого, если отвѣтчикъ не вступалъ въ переговоры съ истцемъ, то судьи въ имущество отвѣтчика вводили истца, который отдѣлялъ себѣ часть, равную количеству денегъ, во сколько онъ оцѣнилъ голову убитаго. У Нѣмцевъ этимъ бы и окончилась вражда, но богемская месть продолжалась и по полученіи платы за голову. Если истецъ гдѣ нибудь находилъ убійцу, то могъ сдѣлать его своимъ рабомъ, или убить и, проколовъ голени, привязать за ноги къ конскому хвосту и повлечь къ висѣлицѣ. Въ этомъ жестокомъ правѣ неумолимой мести мы находимъ одну весьма оригинальную черту, именно, если убійца будетъ найденъ мстителемъ у жены своей и жена прикроетъ его своею одеждою или обниметъ его, то мститель не смѣлъ коснуться своей жертвы. Убійца оставался также неприкосновеннымъ, если мстившій находилъ его при гробѣ Св. Вячеслава, патрона Богеміи, или предъ чешскою королевою. А если бы король вздумалъ защищать убійцу, то всѣ подданные имѣли право отказаться отъ повиновенія и даже панъ, который бы рѣшался служить королю въ такомъ случаѣ, наказывался изгнаніемъ изъ королевства [6]).

Принявъ за общее правило, что истецъ долженъ назначать плату за убійство, богемское законодательство не можетъ представить намъ оцѣнки человѣческой жизни по состоянію, полу и возрасту убитаго. Состоянія различаются не количествомъ платы за убійство, а способомъ доказательства. Въ германскихъ законодательствахъ сословія также различаются способомъ доказательства, но различіе это состоитъ только въ

---

[6]) R. Z. P. 50. 51. 27. 28. 29.

числѣ присягавшихъ свидѣтелей[7]). Въ богемскомъ правѣ, напротивъ того, если противники были равными по состоянію, то дѣло рѣшалось поединкомъ на мечахъ со щитами. Если истецъ былъ ниже отвѣтчика, то дѣло окончательно рѣшается присягою; а если истецъ выше отвѣтчика, то отвѣтчикъ могъ требовать битвы. Мѣщанинъ если звалъ на судъ поселянина за убійство, то они не имѣли права биться на мечахъ, а бились на кіяхъ съ большими щитами. Также и въ отношеніи къ полу и возрасту убитаго законы не назначаютъ никакой опредѣленной платы, но вездѣ голова оцѣнивается истцемъ и предлагается оцѣнка на разсужденіе кметовъ.

Слѣдуя такому началу, богемское законодательство никогда не могло развиться до того, чтобы раздробить жизнь человѣческую на части и положить за каждую часть жизненной силы опредѣленную плату; тѣмъ менѣе могло оно перенести сравнительную единицу, которою оцѣнивалась жизнь человѣческая, на птицъ и звѣрей[8]), какъ это сдѣлали германскія законодательства. Сквозь все уголовное право проведено одно начало, именно, что оцѣнка обиды и нанесеннаго вреда предоставляется самому истцу, и утверждается судьями. Напрасно Карлъ IV старался отмѣнить право истца назначать плату, если не за убійство, то по крайней мѣрѣ за тѣлесное поврежденіе[9]). Въ своемъ

---

[7]) Если вира 120 sol., то 12 свидѣтелей; при вирѣ отъ 60—120 sol. 6; отъ 30—60 sol. 3; при 12 sol. клянется самъ отвѣтчикъ per arma sua. См. Gaupp, Recht und Verfassung der alten Sachsen. Breslau, 1837.

[8]) Jura primæva Baronum, nobil. etc. 1237. »Si quis equos, equas, boves, vaccas vel aliqua majora subtraxerit, quantitas damni eximetur sub certa fide vel sacramento eorum, quibus jurisdictio est commissa, et secundum hoc accusantes admittantur«. 10.

[9]) Libi nam sie z stareho ustawenie zachowati aby żadny Pan wladyka neb giny człowiek czlowieku ginemu oczy ne wywrhl. Paklibi

уложеніи, извѣстномъ подъ именемъ Majestas Carolina, онъ предписалъ за лишеніе глаза, носа, или ноги брать все имущество преступника въ королевскую казну. Этотъ законъ былъ противенъ началамъ, утвержденнымъ вѣками, и поэтому не могъ получить никакой силы.

Только въ такихъ случаяхъ король или судьи назначали взысканіе за преступленіе, когда смерть или поврежденіе, нанесенныя частному лицу, были вмѣстѣ и оскорбленіемъ для цѣлаго государства. Но въ этомъ случаѣ наказаніе имѣетъ уже настоящій уголовный характеръ. Сюда относится случай, если кто совершалъ убійство предъ королемъ или предъ полнымъ судомъ. Такого преступника тотчасъ казнили смертію, но имѣніе его оставалось неприкосновеннымъ [10]). А если убійца успѣвалъ скрыться [11]), то все королевство призывалось къ мести, а имущество отдавалось имѣвшему право мести родственнику, который пользовался имъ, пока не получалъ удовлетворенія. Это же самое правило было распространено и на поврежденія тѣлесныя. Если кто въ присутствіи короля или предъ полнымъ судомъ обнажалъ мечь или ножъ, то наказывался отсѣченіемъ руки, а за кровавую рану наказывался смертію [12]). Есть еще

---

kto to wsetecnie uczynil w kralowu nemilost upadne. Sbozie y geho nabytky magi sie na krale przipandnuti. Cap. LXXXIV. LXXXV. LXXXVI.

[10]) R. Z. P. 41.

[11]) R. Z. P. 4. 7. ma prowolán byti, że jest stracence proti krali i proti wssiej zemi, a ma k niemu pomsta byti spomoci wsiej obce.

[12]) Тамъ же ст. 26. Также Cod. Talemb. 31. Primo Zdistai A. III. Anno domini m. ccc. L. X. XVIII. Nobiles domini et Barones regni Bohemiæ invenerunt pro jure, quod quicunque in curia Prothonotarii regni Bohemiæ cultellum suum vel gladium evaginaverit sev extraxerit, quod illi debet manus dextra amputari. Si autem aliquis ad effusionem sanguinis vulneraverit, capite debet plecti sev truncari.

одинъ случай, гдѣ плата за голову, не смотря на то, что искъ идетъ гражданскимъ порядкомъ, назначается не истцемъ, а судьями, именно: если лице низшаго состоянія подавало жалобу объ убійствѣ на высшаго, и если предварительно отвѣтчикъ не могъ уговориться съ истцемъ, и дѣло доходило до суда: то отвѣтчикъ платилъ за убійство по оцѣнкѣ судей [13]). А если являлось разногласіе между судьями, то рѣшалъ король.

Изложенныя нами начала, въ отношеніи къ назначенію количества платы за убійство, съ нѣкоторыми измѣненіями сохраняло богемское право во все продолженіе своего существованія до тѣхъ поръ, пока оно не было замѣнено правомъ нѣмецкимъ. Два уложенія: Prawa a zrzjzenij zemská kralowstwij czeskeho 1564 и Zrzijzenij zemská 1500 года, были изданы уже въ такую эпоху, когда королевская власть главнымъ образомъ дѣйствовала на преобразованіе древнихъ обычаевъ, между тѣмъ какъ прежде власть законодательная принадлежала панамъ, которые старались сохранить древнее право, какъ свою привилегію. Но и въ этихъ памятникахъ стороны могутъ уговориться объ удовлетвореніи за убійство и судъ не мѣшался въ дѣло [14]). Но если истецъ обращался къ суду, то въ такомъ случаѣ плата является уже болѣе опредѣленною и взысканіе за убійство начинаетъ принимать видъ уголовнаго наказанія. Истецъ не имѣлъ уже права въ жалобѣ означить сумму денегъ, во сколько онъ цѣнитъ убійство, но удовлетвореніе назначали судьи, а иногда самъ король. А если убійца скрывался, то

---

[13]) R. Z. P. »Podle nalezu a ssacowanié urednikuw ma tu hlawu složiti«.

[14]) Prawa a zrziz. zemsk. K. C. a. VI. »nez gestlyżeby se strany o mord smluwilij, pokudżby se pokuty geho milosti králowske w zrzijzenij zemskem wymerzené ne dotykalo teho geho milost kralowska przi tom zuostawowati racij«.

осуждался на смерть и терялъ все имущество, которое дѣлилось на три части: одна часть отдавалась дѣтямъ убитаго, а остальныя двѣ оставлялись наслѣдникамъ убійцы [15]). Тому же наказанію подвергался и тотъ, кто держалъ у себя скрывшагося убійцу. Отецъ, сынъ, братъ и дядя имѣли право продержать его у себя только однѣ сутки. Въ законахъ XVI-го вѣка начинаетъ также установляться опредѣленное количество платы за голову и обращается вниманіе на состояніе убитаго и убійцы. Если благородный убьетъ чужаго крестьянина, то для этого случая уложеніе 1564 года назначаетъ опредѣленную плату, похожую на германскую виру, но только несравненно большую: убійца долженъ дать господину убитаго крестьянина 300 копъ грошей чешскихъ. Если одинъ крестьянинъ убьетъ другаго, то господа, которымъ они принадлежали, рѣшали дѣло по добровольному между собою согласію. Панъ убійцы могъ заплатить сто копъ грошей, и тогда освобождался отъ обязанности представлять убійцу на судъ. А если убійца уйдетъ, или его господинъ не хочетъ платить пени, то господинъ убитаго можетъ поймать убійцу и лишить его живни [16]). Замѣтимъ и въ этомъ случаѣ важное отличіе богемскаго права отъ германскаго. Мы видимъ, что у Германцевъ при опредѣленіи количества виры только обращалось вниманіе на состояніе убитаго; въ богемскомъ, напротивъ того, за лице одного и того же состоянія платится иногда 300, иногда 100 копъ грошей, и слѣдовательно разность зависитъ не отъ состоянія убитаго, но отъ состоянія убійцы. Въ уложеніи 1500 года за вредъ, причиненный наси-

---

[15]) Práwa a zr. zemska. »Pakby nestál, aby na hrdlo geho y na statet saženo bylo, tak aby dedicum toho zabitoho a nebyloliby dedicuw, tehdy, y Prilteli neb Prytebum naybližssim trzetij dij statku geho·dopomožen a dan byl

[16]) Prawa a zrz. zemska. K. XXXV.

ліемъ (pych), кромѣ удовлетворенія за убитаго, полагается денежное взысканіе за нарушеніе закона (pokuta), состоявшее въ платежѣ 50 копъ грошей [17]).

Изложивъ начала, которыя принимало богемское законодательство за основаніе при назначеніи количества платы за убійство, я перейду къ рѣшенію вопроса: кто имѣлъ право по богемскимъ законамъ мстить и получать плату за голову?

Если мы будемъ слѣдить за развитіемъ права въ Богеміи, то мы найдемъ, что отъ самаго начала, когда еще право было соединено съ религіозными вѣрованіями, и до позднѣйшихъ временъ, право мстить и право получать плату за голову всегда принадлежало ближайшему наслѣднику убитаго, который не обязанъ былъ дѣлиться съ другими отдаленнѣйшими родственниками, какъ это мы находимъ въ германскихъ законодательствахъ. Только дѣдичь мстилъ или подавалъ искъ объ убійствѣ, а подъ дѣдичемъ разумѣются: сыновья, внуки, правнуки и т. д., не ограничиваясь никакою степенью, также братья, дяди и ихъ дѣти, но только неотдѣленные [18]). Дочь была наслѣдницею (diediezcka) только тогда, когда не было у нея братьевъ, или были только отдѣленные. Какъ наслѣдство переходило по степенямъ родства и ближайшій родственникъ устранялъ дальнѣйшаго: такъ и право мести и плата за убитаго принадлежали, по всей строгости наслѣдственнаго права, ближайшему наслѣднику [19]); а если ихъ было нѣсколько, то плата дѣлилась на равныя части. Слѣдствіемъ этого было то, что правило германскаго законодательства „тотъ только получаетъ виру, qui faidam levare potest" [20])

[17]) Zr. zem. a ktoby pych udielal, ten sskody bez puhonu pohnany zaplat puwodowi, a pokutu day, ktera na pych uložena gest od panuw gich milostij na zchwalenije urzednykow menssich.

[18]) Wiktorin ze Wssehrd. Kn. IV. III. VI.

[19]) Ondrei z Dub: Póhon o hlawu a unos.

[20]) L. Longobard. VII. XVIII. Si occisus filium masculum non

у Богемцевъ не могло имѣть мѣста, и поэтому женщины и дѣти несовершеннолѣтныя имѣли право на полученіе платы за голову, если они были законные наслѣдники убитаго. Замужняя могла вести искъ объ убійствѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что она не допускалась къ битвѣ, а дѣло рѣшалось присягою. Вдова могла мстить за родственника и за своего мужа, какъ и мужчина, съ тѣмъ только различіемъ, что, когда дѣло доходило до поединка, отвѣтчикъ долженъ былъ стать по поясъ въ выкопанной для этого случая ямѣ и въ такомъ положеніи отражать нападеніе. Дѣвица и несовершеннолѣтный мужескаго пола пользовались всѣми правами совершеннолѣтныхъ, съ тѣмъ только различіемъ, что, когда дѣло доходило до поединка, истецъ въ судѣ вручалъ оружіе одному изъ своихъ родственниковъ, который и долженъ былъ окончить тяжбу. Примѣненіе законовъ о наслѣдствѣ къ платѣ за убійство продолжается въ богемскомъ законодательствѣ до позднѣйшихъ временъ. По уложенію 1564 г. правительство отбирало все имущество скрывшагося убійцы. Третья часть этого имущества отдавалась дѣтямъ убитаго, а если не было дѣтей, то, по общему закону о наслѣдствѣ, ближайшимъ родственникамъ убитаго; а прочія двѣ трети оставались наслѣдникамъ убійцы [21]).

Въ богемскомъ законодательствѣ, какъ и въ германскомъ, плата за убійство раба принадлежала господину. Но здѣсь встрѣчаемъ то важное различіе, что въ богемскомъ законодательствѣ господинъ могъ удержать себѣ только третью часть

---

reliquerit, filiæ ipsam compositionem non recipiant.... quia filiæ ejus (sc. occisi), eo quod foemineo sexu esse probantur, non possunt ipsam faidam levare.

[21]) Pr. a z. zem. Pakliby nestál, aby.... na statek geho saženo bylo, tak aby dedicum toho zabiteho, a nebyloliby dedicuw, tehdy y Pryteli neb Pritelum nayblizsim trety dyl statku geho dan byl.

полученной суммы, а остальное отдавалъ родственникамъ убитаго. Если убитый не оставилъ ни жены, ни дѣтей, то половину всей платы за голову получали ближайшіе родственники, преимущественно тѣ, которые жили на одной землѣ съ убитымъ. Если господинъ не хотѣлъ дать имъ законной доли, то они дѣлались свободными [22]).

Теперь, по принятому нами порядку, слѣдуетъ рѣшить вопросъ: кто подвергался мести, и кто обязанъ былъ платить за убійство? Но рѣшеніе этого вопроса уже заключается въ изложенномъ нами изслѣдованіи. Въ противоположность съ германскими законодательствами, одинъ только виновникъ убійства подвергался мести; всѣ другіе его родственники оставались неприкосновенными, онъ же одинъ и платилъ за убійство. Замѣтимъ только одно важное обстоятельство. Мы видѣли, что германскимъ законодательствамъ несвойственно такъ называемое fidejussio universalis, по которому общество обязывалось платить за преступника. Въ богемскихъ законахъ, напротивъ того, встрѣчаемъ это установленіе уже въ древнѣйшія времена подъ именемъ: Ruka spoleczná или ruczenj spoleczne. Жители одного округа или деревни, если не могли представить на судъ преступника, принадлежавшаго къ ихъ обществу, должны были платить за убійство [23]).

Всѣ изложенныя нами постановленія о платѣ за голову у Богемцевъ относятся къ такъ называемому земскому праву (Prawo zemske, jus terræ), которому подлежали всѣ благородные съ ихъ

---

[22]) Pr. a zr. zem. XXXV.

[23]) Слѣды этого обычая встрѣчаемъ въ грамотахъ XII и XIII вѣка. Въ грамотѣ Премысла Оттокара 1222, данной духовенству, стоитъ: Quando quis interficiebatur in aliqua villa et interfector non capiebatur quilibet rusticus in CC denariis condemnari solebat: nunc nos, mitius agentes cum eis, volumus, ut tota villa in CC denariis condemnetur.

подчиненными. Земское право было привилегіею дворянства, ограничивало власть короля, и поэтому короли богемскіе, создавъ среднее состояніе городскихъ обывателей или мѣщанъ, ввели въ Богемію и особенное право, совершенно противоположное праву земскому, именно право германское, которое съ древнихъ временъ принято было въ Богеміи для мѣщанъ, развивалось отдѣльно, никогда не смѣшиваясь съ постановленіями земскаго права [24]). Въ этомъ городскомъ правѣ (Práwo mestské) находимъ германскую виру со всѣми ея характеристическими признаками. Здѣсь также оцѣнена жизнь каждаго состоянія въ цѣлости и по частямъ. Если мѣщанинъ изрубитъ владыку, то платитъ 100 копъ грошей, за кровавую рану 50 гр., за синюю 25; также и здѣсь за отнятіе главныхъ членовъ: ноги, руки, глаза, платится какъ за полчеловѣка. Работники также различаются по важности ремесла: за убійство ремесленника 10 копъ грошей, а если онъ плотникъ или слуга, то 5 копъ [25]). Легко понять, что убійца, пользовавшійся городскимъ правомъ, имѣлъ весьма важное преимущество предъ лицемъ, подлежавшимъ законамъ права земскаго; потому что первый совершенно былъ свободенъ отъ всякаго наказанія, когда уплачивалъ положенную закономъ виру, между тѣмъ какъ послѣдній находился во власти истца, который могъ лишить его всего имущества. Это преимущество лицъ, подлежавшихъ городскому праву, уничтожено въ уложеніи 1564 [26]).

---

[24]) Полный сводъ постановленій городскаго права изданъ 1578, подъ названіемъ: Prawá miestská kralowstwy czieského.

[25]) Priwillegia a Corolo confirmata 1351. Рукопись 1471, № 656, въ Чешс. музеѣ. Лист. 258.

[26]) Pr. a zrz. zemska. K. XXXIII. A bylliby kdo pokuta penežita na kterem práwe miestskem nema gi ten morderz užiti proti panskému a Rytyrskemu stawu osobe neb osobam, než gestližeby se wina nassla na temž morderzi a by tu pokutu trpel, a na hrdlo trestán byl.

Начала, которыя характеризуютъ плату за голову у Богемцевъ, встрѣчаются со всѣми подробностями и въ Моравскомъ законодательствѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь древнія обыкновенія живутъ гораздо долѣе. Обрядъ покоры, встрѣченной нами у Богемцевъ въ древнѣйшія времена, въ Моравіи доживаетъ до 16-го вѣка. Плата за голову сохраняетъ такой же неопредѣленный характеръ, какъ и въ правѣ богемскомъ, и зависитъ отъ согласія тяжущихся сторонъ; а если стороны сами не могли уговориться, то выбирали судей, и судьи назначали цѣну по мѣрѣ вины. Цтиборъ изъ Товачова замѣчаетъ, что въ его время обычай установилъ minimum платы за голову, и изъ его словъ мы можемъ заключать, что Морoване цѣнили себя гораздо выше, нежели Нѣмцы. Убившій Моравца долженъ былъ заплатить пятьсотъ гривенъ [27]), грошей добрыхъ пражскихъ, дать пятьсотъ фунтовъ воску, пятьдесятъ штукъ лучшаго сукна, коня съ хоругвію, заплатить пятидесяти пасторамъ, чтобъ они молились о душѣ убитаго, и кромѣ того съ пятьюдесятью родственниками и знакомыми подвергнуться покорѣ [28]). Впро-

---

[27]) Гривна то же, что и марка. См. Casopis ceskeho museum. 1831. I. 319.

[28]) Вотъ описаніе моравской покоры у Цтибора въ статьѣ: »O okladu hlaw zabitych wedle prawa zemie«. Убійца долженъ съ пятьюдесятью родственниками или знакомыми идти ко гробу убитаго босой, безъ пояса, и пасть ницъ на гробъ. А ближайшій родственникъ убитаго долженъ держать мечь надъ шеею убійцы остріемъ внизъ, и три раза долженъ спросить убійцу: »такъ ли я теперь властенъ надъ твоею жизнію, какъ ты былъ надъ жизнію моего брата (или другаго родственника), совершая убійство« .... и убійца три раза говорилъ: »да, но прошу ради Бога оживить меня«. Родственникъ убитаго говорилъ: »оживляю тебя«, и тогда убійца получалъ прощеніе. Kniha Towacz. C. III. 5.

чемъ, замѣчаетъ Цтиборъ, это не есть законное количество платы за голову; напротивъ того, истецъ и судья могутъ назначить большую плату [29]).

Изъ предложеннаго мною изслѣдованія я могу извлечь существенныя черты, которыми отличается плата за убійство въ богемскомъ и моравскомъ законодательствахъ отъ германской виры.

1. Месть въ богемскомъ и моравскомъ законодательствахъ, въ ея первоначальной безпредѣльной формѣ, имѣетъ основаніемъ не удовлетвореніе грубому инстинкту, требующему крови за кровь, и не удовлетвореніе за причиненный вредъ, но является религіозною обязанностію, которой выполненіе необходимо для спокойствія души убитаго.

Месть замѣнена платою также какъ и у Германцевъ; но плата за голову никогда не принадлежала государству ни въ цѣлости, ни по частямъ. Она вся поступаетъ мстителю, какъ гражданское удовлетвореніе за вредъ, и слѣдовательно нисколько не имѣетъ уголовнаго характера, какъ мы это замѣтили въ германской вирѣ.

2. Количество платы за голову въ богемскомъ и моравскомъ законодательствахъ не было опредѣлено законами въ видѣ таксы, но истецъ каждый разъ назначалъ самъ цѣну головы и вредъ, происходившій отъ убійства. Слѣдовательно

3. Въ богемскомъ законодательствѣ не было и сравнительной единицы, какъ свободный человѣкъ въ законахъ германскихъ, не было оцѣнки жизни по частямъ и не было опредѣленной закономъ платы за убійство животныхъ. Въ этомъ пунктѣ является рѣзкая противоположность между богемскимъ

---

[29]) Kniha Towac. C. III. 12. »a to se wsse polozilo czoz przinaymenssim byti muzie, ale když se mordowe stanuw, gakoz ubrmane smluway, tak se okladowe diegy«.

и германскимъ законодательствами. Германское законодательство, своею мелочною таксою стремясь уничтожить произволъ судьи при назначеніи наказаній, установляетъ начало абсолютной опредѣленности наказаній; богемское, напротивъ того, принимая во вниманіе безконечно разнообразную степень виновности, предоставляло истцу и судьямъ опредѣлять количество платы за убійство, и такимъ образомъ принимаетъ въ основаніе уголовныхъ законовъ начало абсолютной неопредѣленности. Исторія германскаго законодательства представляетъ стремленіе сбросить съ себя излишнюю опредѣленность, и дать болѣе свободы судьѣ, напротивъ того, исторія богемскаго законодательства являетъ стремленіе ограничить произволъ судьи опредѣленностію положеній.

4. Уже въ позднѣйшемъ законодательствѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ законъ опредѣляетъ плату за убійство, но и эта плата тѣмъ существенно отличается отъ германской виры, что количество ея соразмѣряется не съ состояніемъ убитаго, а съ состояніемъ убійцы.

5. Месть падала всегда только на одного виновника убійства, нисколько не касаясь его родственниковъ. Также и плата за убійство никогда не падала на весь родъ убійцы, какъ въ германскихъ законодательствахъ, но одинъ убійца долженъ былъ уплачивать всю сумму.

6. Въ противоположность германскимъ законамъ, общество обязывалось платить за убѣжавшаго убійцу.

7. Какъ одинъ убійца выдерживалъ месть, такъ точно и право мстить и получать плату за голову принадлежало одному только ближайшему наслѣднику убитаго. При этомъ правило наслѣдства, что „ближайшій родственникъ устраняетъ дальнѣйшаго“ имѣло полную силу.

В. Крвавина Сербовъ.

Не всѣ славянскія племена имѣли столько твердости духа, какъ Богемцы и Моравцы, чтобъ мысль о правѣ сохранить народною, безъ примѣси чужеземщины. Но изъ всѣхъ славянскихъ народовъ, оставившихъ слѣды своей юридической жизни въ исторіи всемірнаго законодательства, нѣтъ ни одного, которому бы внѣшнія и внутреннія обстоятельства такъ мало благопріятствовали къ развитію изъ своей внутренней природы идеи права, какъ народъ сербскій. Раздробленный на части, управляемый жупанами, которые придавали себѣ названія царьковъ, королей, воеводъ и только жили въ разгулѣ битвъ, онъ никогда не могъ сосредоточить своихъ мыслей на предметахъ законодательства. Только одинъ моментъ мы встрѣчаемъ въ исторіи Сербовъ, когда законодательство является предметомъ вниманія цѣлаго сербскаго народа, именно во время правленія царя Душана, когда издано было уложеніе, составленное въ общемъ собраніи всѣхъ сословій 1349 мая 21 [1]). Но въ этомъ правѣ славянизмъ чуть видѣнъ въ огромной массѣ постановленій, заимствованныхъ изъ права византійскаго. Сербскіе архижупаны и князья часто смотрѣли на византійскаго императора, какъ на своего верховнаго начальника, и старались подражать ему въ образѣ жизни [2]). Но особенно греческое духовенство имѣло весьма важное вліяніе на умы сербскихъ правителей, такъ что при составленіи Законника дѣйствующими лицами являются ду-

---

[1]) Этотъ памятникъ изданъ подъ названіемъ: Законникъ Сербскій Царя Стефана Душана Сильнаго, 1349 и 1354 г.

[2]) Кантакузенъ называетъ сербскихъ правителей, за ихъ подражаніе императорамъ греческимъ, обезьянами: Simiae simiarum, formicae formicarum more res suas administrant. Cantacuzenus. T. 1, подъ годомъ 1326.

ховные [3]). Поэтому не трудно понять, что славянское право, вступивъ въ борьбу съ византійскимъ, должно было покориться началамъ, за которыя поборала религія въ лицѣ духовенства. Впрочемъ Законникъ никогда не могъ получить силы общаго для всей Сербіи закона, потому что каждый правитель области былъ почти самостоятельнымъ властелиномъ, и давалъ судъ и расправу по древнимъ обычаямъ [4]). Поэтому въ законахъ царя Душана мы можемъ найти мало матеріаловъ для нашего изслѣдованія. Гораздо болѣе могли бы помочь намъ сербскія пѣсни, въ которыхъ живыми, иногда восточными красками изображается политическій и семейный бытъ Сербовъ. Это то же самое, что сѣверныя саги для объясненія жизни древнихъ Германцевъ. Но сербскихъ пѣсень издана только весьма малая часть [5]) и изъ нихъ только двумя мы можемъ воспользоваться для объясненія нашего предмета, именно въ томѣ III пѣснями 17 и 19.

И у Сербовъ, также какъ у Богемцевъ и Моравцевъ, месть является религіозною обязанностію, исполненіе которой необходимо для души убитаго. Даже вмѣсто: отмстить за уби-

---

[3]) Въ предисловіи къ Законнику стоитъ: »Въ лѣто 6857 индиктіонъ 2 въ праздникъ възнесенія Господніа мѣсеца Маиа 21 день сьи законникъ поставліаемъ отъ православнаго сьбора нашего, съ прѣосвѣщеннымъ Патріархомъ Кvрь Іоаникіемъ, и высшіе Архіереи и Црьковныки малими и великими, и много благовѣрнымъ Царемъ Стефаномъ и вьсеми властители, малыми же и великыми«.

[4]) Когда король, побуждаемый Греками, хотѣлъ воевать съ Турками, то вельможи отказывались идти съ нимъ: Si monitis his nostris obsecundarit, recte faciet; sin minus, eat bellum vobis assumtis tolleret: de nobis quidem nullus eum sequetur. Cantaçusenus подъ годомъ 1328.

[5]) Сербскія пѣсни изданы Вукомъ Кораджисомъ подъ заглавіемъ: »Народне Србске пѣсне. Скупио и на свіетъ издао Вукъ Ст. Караджичь. У Липисцы. 1823.

таго, Сербы говорили: „Освѣтити душу убитаго“. Вотъ доказательство.—Османъ убилъ Перовича Батрича. Принесла молва горькую вѣсть къ отцу Перовича Батрича. Закуковала сизая кукушка среди зимы, когда ей куковать невремя. То не была сизая кукушка, а то былъ Вучитевичь Перо, отецъ убитаго Батрича.

„Авај мене! до Бога милога!
Тѣми Батричь брата не остави,
Који би га могò осветити“.

Утѣшаетъ его Перовичь Радулъ: „Не тужи отецъ! жди до Юрьева дня, когда гора одѣнется листьемъ, черная земля травой и цвѣтами. Соберу я шайку молодецкую и отомщу за брата Батрича“.

Скоро насталъ Юрьевъ день, и уже Радулъ несетъ къ отцу отрѣзанную голову убійцы. „Благо мене јутрось и до вјека“! говоритъ обрадованный отецъ, кадъ я видже за живота свога, тѣ освети моего Батрича“ [6]).

Есть также и слѣды того постановленія, что убійца могъ откупиться деньгами отъ мстителей и что назначеніе количества платы за голову постановлялось уговоромъ между родственникомъ убитаго и убійцею, какъ и въ богемскомъ правѣ.

Пишетъ письмо Бегъ Любовичь и посылаетъ его на колѣно Павлянину Бајо: „Чуешь море, Павлянине Баю! Ты укусилъ меня за сердце, ты убилъ моего брата, такъ выходижъ на мейданъ юнацкій. Если же ты не поспѣешь выйти, то я пришлю тебѣ пряслицо и веретено, чтобы ты спрялъ мнѣ нитокъ на рубашку“.

Бајо Павлянинъ начинаетъ переговоръ и предлагаетъ мстителю сто дукатовъ; но Любовичь не хочетъ и тысячи дукатовъ.

---

[6]) Србске пјесне. III, стр. 215. Сравни также пѣснь 21, гдѣ мстителемъ является »Попъ Црногорацъ«.

„Я не хочу, говорить онъ, мириться съ тобою, пока ты не прійдешь на бѣлый дворъ мой, не поцѣлуешь моего гончаго пса между очами, моего коня въ копыто, меня въ лице и въ руку и черной земли предо мною". Замыслилъ гнѣвомъ Павличинъ Бајо и началъ готовиться къ битвѣ [7]).

Изъ этого видно, что въ обычаяхъ Сербовъ, изображенныхъ въ пѣсняхъ, мы встрѣчаемъ славянизмъ. Посмотримъ теперь, въ какомъ видѣ является онъ въ Законникѣ Душановомъ.

Въ законахъ царя Душана большая часть преступленій наказывается смертію, или отнятіемъ члена, посредствомъ котораго было совершено преступленіе. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ назначается денежная плата за убійство и раны. Но слѣдующія черты служатъ печатью славянизма въ сербской платѣ за голову:

1. Количество платы за голову зависитъ не исключительно отъ состоянія убитаго, но главнымъ образомъ отъ состоянія убійцы. Такъ если дворянинъ убьетъ поселянина, то долженъ платить тысячу перперъ; а если поселянинъ дворянина, то платить триста перперъ; но къ этому присоединяется византійское наказаніе—отсѣченіе обѣихъ рукъ [8]). Особенно это видно при платѣ за безчестье: за обезчещеніе простаго дворянина, князя или боярина и также за обезчещеніе поселянина платится сто перперъ. Но при этомъ берется во вниманіе, кто обезчеститъ: если простой дворянинъ обезчеститъ боярина или князя, то, кромѣ денежнаго взысканія, опредѣляется тѣлесное наказаніе; а если Сербъ обезчеститъ боярина, то прибавляется изувѣченіе [9]).

---

[7]) Сербске піесме. III. 17.

[8]) Сравни Законникъ, ст. 93. 87. 88.

[9]) Законникъ, ст. 50. 51. »Властелинъ, кои опсоуе и о срамоти властелина, да плати 100 перперъ; а властеличикъ ако опсоуе вла-

Замѣтимъ однакожъ, что опредѣленная плата за убійство назначена только для такого случая, когда искъ объ убійствѣ идетъ между дворяниномъ и поселяниномъ. За убійство лицъ духовнаго званія полагается смертная казнь [10]), а за убійство благороднаго, совершенное благороднымъ же, нигдѣ не упоминается никакого наказанія, и изъ этого можно заключить, что дѣло предоставлялось добровольному согласію обѣихъ сторонъ.

2. Во всѣхъ статьяхъ Законника, гдѣ только говорится о наказаніи за убійство, нигдѣ нѣтъ намека, чтобы месть падала на родственниковъ убійцы; напротивъ того, одинъ преступникъ подвергался мести и платилъ кровавину, а получалъ одинъ только ближайшій родственникъ убитаго.

3. Замѣтимъ еще, что въ сербскихъ законахъ встрѣчается во всей обширности то установленіе, которое мы встрѣтили у Чеховъ подъ названіемъ: Ruka spoleczna или Ruczenj spoleczné [11]).

Если кто сожжетъ домъ, то селеніе, гдѣ живетъ зажигатель, должно выдать преступника и заплатить вредъ; за воровство также уплачивалъ цѣлый округъ (okolina). Безъ сомнѣнія это же правило было распространено и на тотъ случай, когда будетъ найдено въ селѣ тѣло убитаго, и не отыщется преступникъ. Вукъ Кораджичъ раскызываетъ, что этотъ обычай и доселѣ сохраняетъ въ Сербіи полную силу [12])

стелина, сиречь Кнеза или Болієріна, да плати 100 перперъ и да се бію стопнего. И ако обсоуе себрь властелина, да плати 100 перперъ и да се осмудитъ. А коли властелинъ или властеличичъ опсоуе себра, да плати 100 перперъ«. Ср. ст. 86.

[10]) Законникъ, ст. 95 и 96.

[11]) Законникъ, ст. 94, 98, 99, 125, 180.

[12]) См. Вука Стефановича Србски рѣчникъ. У Бечу. 1818, pag. 338.

C. Głowszczyzna въ польскомъ и литовскомъ правѣ.

Польское законодательство представляетъ смѣсь народныхъ славянскихъ обычаевъ съ нѣмецкими. Въ древнія времена короли, имѣя неограниченную власть, заводили нѣмецкія колоніи, предоставляя имъ управляться по ихъ законамъ, предоставляя также и своимъ подданнымъ право пользоваться нѣмецкими законами, какъ особенною привилегіею. Говоря о городскомъ правѣ Богемцевъ, я замѣтилъ, что нѣмецкое право, въ сравненіи съ природнымъ богемскимъ, предоставляло преступнику важныя выгоды. То же самое мы находимъ и здѣсь. Право польское было строже нѣмецкаго, и потому часто преступникъ уходилъ въ города, гдѣ производилась расправа по нѣмецкимъ законамъ, чтобы тамъ подвергнуться наказанію. Вотъ что говоритъ объ этомъ статутъ Казиміра III, 1347: „jure Teutonico volunt se tueri, ut facilius commissi criminis eludant actionem". „In villis Teutonicis permanere consveverunt, ut actionem, contra illos propositam, eludant, per juris Teutonici defensionem". (LXIX. LXX). Особенно, начиная съ половины XIII вѣка, нѣмецкое право распространилось въ Польшѣ, такъ что при Болеславѣ Лысомъ оно начало брать перевѣсъ надъ правомъ польскимъ. Но и въ этой смѣси мы можемъ отличить чисто славянскія начала, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли еще полную силу въ дошедшихъ къ намъ памятникахъ польскаго законодательства, а о нѣкоторыхъ упоминается, какъ объ отмѣненныхъ.

Изъ всѣхъ формъ, въ коихъ является намъ польское право въ древнихъ памятникахъ, форма права мазовецкаго есть самая замѣчательная по своей древности и по удивительному сходству съ правами богемскимъ и моравскимъ[1]). И

---

[1]) Это сходство обнаруживается въ самыхъ частныхъ формальностяхъ судопроизводства, какихъ не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ

здѣсь также месть является религіозною обязанностію, необходимою для спокойствія души убитаго. Также и символическая смерть, которая знакома намъ подъ названіемъ покоры, встрѣчается въ правѣ мазовецкомъ со всѣми ея формальностями. Статутъ, данный въ Закрочинѣ 1390 года, говоритъ: „gdi wlodika zabye slyachczycza... pokoran ma uczynycz chûsti alycz do passa upuszczyw anagosyąn uczinyw z nagym myeczem samotrzecz naczezye, a ma prosycz przebog abi gemu obrazenye otpuszczono, atakye obrazenye otpuszczono yemu ma bycz“. (Lelewel, Pomniki języka y uchwał Polskich y Mazowieckich. 1824). Въ памятникахъ XIV вѣка власть родственниковъ убитаго надъ убійцею остается неограниченною никакою опредѣленною платою. Имѣвшій право мести могъ простить убійцу и оставить его ненаказаннымъ [2]); но онъ могъ его также и убить безъ суда. Эта власть мстителя надъ убійцею уже въ XV вѣкѣ, именно въ статутѣ Болеслава 1454 году, является ограниченною. Родственникъ убитаго, не прибѣгая къ самоуправству, долженъ подать искъ объ убійствѣ, иначе подвергается наказанію [3]). Но

германскихъ и славянскихъ законодательствъ. Присяга у Богемцевъ была двоякая: se zmatkem y bez zmatka. Для того чтобъ 1-я получила силу доказательства, присягавшій долженъ былъ произнести надиктованную ему напередъ форму присяги, не смѣшавшись ни въ одной буквѣ. Если онъ ошибался въ одной буквѣ, или дѣлалъ движеніе, противное предписаннымъ въ законахъ формальностямъ, то объявлялся виновнымъ. Это самое мы находимъ и въ правѣ мазовецкомъ подъ именемъ: potyczek. Statuta Mazowiæ 1406, 1410, 1453.

[2]) Statuta in Zakroczyn 1390: »Ille, cui molestia est illata, si ipsum homicidam voluerit mittere cum suo collo gratis, aut cum manu, hoc licite et libere facere potest«.

[3]) Statuita per ducem Boleslavum 1453: »Is, cui frater et consanguineus fuerit occisus, debet, si vult, ipsum homicidam circa sepulturam occisi vel in judicio inculpare et proclamare. Si vero præfatis modis et

и самый искъ ограниченъ давностію. Если кто не подавалъ иска объ убійствѣ въ продолженіи 20 лѣтъ, то убійца не подлежалъ болѣе мести [4]).

Въ дошедшихъ до насъ памятникахъ мазовецкаго законодательства количество платы является опредѣленнымъ сообразно съ состояніемъ убитаго; но здѣсь, также какъ въ сербскомъ и позднѣйшемъ богемскомъ, при опредѣленіи количества платы за голову, обращается вниманіе на состояніе убійцы. Такъ, если шляхтичъ убьетъ шляхтича, то платитъ 2900 грошей [5]). А если мѣщанинъ убьетъ шляхтича, то платитъ 60 марокъ родственникамъ убитаго, а 60 королю. Но родственники убитаго могли отказаться отъ платы и убить преступника [6]). Если поселянинъ убьетъ поселянина, то убійца платитъ 240 грошей дѣтямъ убитаго и столько же его господину [7]); а если шляхтичъ убьетъ крестьянина, то платитъ вдвое какъ дѣтямъ убитаго, такъ и его господину [8]). При постановленіи такого закона главная цѣль была та, чтобы плата за голову была столько же чувствительна для бѣднаго убійцы, какъ и для богатаго.

Для вознагражденія за тѣлесныя поврежденія принята система германской виры: за отнятіе одного изъ главныхъ

---

ordine inculpationis omissis, super domus illius homicidæ transiret aut equitaret, ratione vindictæ faciendæ, extunc sive ibi aliquem percusserit, occiderit aut vulneraverit, sive non, poenam... incidet et prolabetur ipso facto«.

[4]) Statuta in Warszowa 1421: »Extunc reus a solutione capitis et a vindicta sanguinis, vulgariter wrożba, absolvatur.

[5]) Stat. in Zakroczyn 1390: Si nobilis interfectus fuerit per nobilem... pro capite quinquaginta sexagenas grossorum minus duabus sexagenis pueris interfecti, aut ipsius propinquioribus solvere tenebitur.

[6]) Statuta Boleslai 1453.

[7]) Statuta Mazoviae 1412.

[8]) Statuta Mazowiæ 1390.

членовъ платится полувиріе [9]; каждый палецъ, выбитый зубъ, рана, простой ударъ имѣютъ особенную цѣну. Впрочемъ оцѣнка членовъ, по системѣ германской виры, имѣла силу только въ такихъ случаяхъ, гдѣ истецъ и отвѣтчикъ принадлежали къ одному званію. А если они были разныхъ званій, то начала виры подчинялись славянскому началу, по которому при оцѣнкѣ поврежденія должно обращать вниманіе главнымъ образомъ не на состояніе оскорбленнаго, а на состояніе оскорбителя. Такъ по общему закону за удары (poena percussionis alias bythe) платилось три марки; но если поселянинъ билъ шляхтича, то обиженный имѣлъ право отрубить руку своему оскорбителю [10]. Рана оцѣнена въ 3 марки, но если мѣщанинъ ранитъ шляхтича, то платитъ 240 грошей за выкупъ руки (pro manus redemptione) [11]; а если оскорбленный не хотѣлъ брать платы, то могъ отнять руку своему оскорбителю.

При назначеніи лицъ, на которыхъ должна падать месть и которыя должны были платить за голову убитаго, право мазовецкое сохраняло постоянно характеръ славянскихъ законодательствъ. Въ статутѣ Казимира III выставлено слѣдующее начало: Filius non portabit iniquitatem partis nec e converso. Ideo statuimus, quod pater pro nequam filio et e converso minime coerceatur et puniatur et idem de fratribus germanis vel quibuscunque consanguineis declaramus fore servandum [12]. При такомъ законѣ никогда въ польскомъ законодательствѣ не могло существовать то германское постановленіе, по которому родственники убійцы должны были участвовать въ платѣ за

---

[9] Manus nobilis valet medietatem capitis, idem lingua, oculus et alia membra principalia. Тамъ же.

[10] Statuta Boleslavi 1453.

[11] Тамъ же.

[12] Statuta Kazimiri III. CLV.

убійство. Въ правѣ мазовецкомъ вся месть падаетъ на одного убійцу. Если убійца не имѣлъ имущества для того, чтобы внести полную плату за голову, то истецъ имѣлъ право лишить убійцу жизни; однакожъ родственникамъ и друзьямъ предоставляется право внести за убійцу узаконенную плату [13]). Господинъ никогда не платилъ, если его крестьянинъ совершалъ убійство, и даже самъ еще получалъ отъ убійцы опредѣленную часть, чего мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ законодатетьствѣ [14]).

Также получаютъ плату за голову не всѣ родственники убитаго, а только ближайшіе наслѣдники убитаго. Слѣдовательно и здѣсь, какъ въ богемскомъ, моравскомъ и сербскомъ законодательствахъ, плата за голову слѣдуетъ законамъ о наслѣдствѣ, по которымъ ближайшій родственникъ устраняетъ отдаленнѣйшаго. Такимъ образомъ первое право требовать головщизну принадлежитъ дѣтямъ, потомъ родителямъ, потомъ братьямъ, а наконецъ отдаленнѣйшимъ родственникамъ, которые называются: amici, cognati, propinqui. Но во всякомъ случаѣ можетъ подавать искъ о платѣ за убійство только непосредственный наслѣдникъ убитаго (successores occisi) [15]).

Какъ въ правѣ мазовецкомъ, такъ и въ законодательствѣ Великой Польши находимъ смѣсь славянскихъ обычаевъ съ германскими. Древнѣйшій изъ доселѣ изданныхъ законода-

---

[13]) Statuta in Zakroczyn 1390: »Si vero nihil habuerit sic quod non habet, quo solvat, extunc collo proprio persolvat. Si vero amici ejus molestarentur et dolerent pro collo ipsius intefectoris, extunc illi amici possunt, ut volunt, parti læsæ, vel cui molestia facta est persolvere. vel etiam ille, cui molestia illata est, si vult, potest eum dimittere«.

[14]) Statuta Masoviæ 1412: »Ipse interfector octo-sexagenos grossorum pro interfecto det et solvat: pueris 4, domino cujus kmetho interfectus 4 et domino, cujus fuerit intefector, unam sexagenam.

[15]) Statuta Boleslai 1453. Statuta 1538.

тельныхъ памятниковъ польскихъ есть привилегія, данная Евреямъ въ 1264 году. Здѣсь мы находимъ месть еще въ томъ періодѣ, когда она является неограниченною, когда родственникъ убитаго имѣетъ право жизни и смерти надъ убійцею [16]). Если убійца уйдетъ, то родственники убитаго получаютъ не виру, опредѣленную закономъ по состоянію убитаго, но половину всего движимаго и недвижимаго имущества убійцы [17]). Вообще можно замѣтить, что въ древнихъ памятникахъ польскаго законодательства нигдѣ не находимъ ничего похожаго на германскую виру; но прежде всего убійца могъ рѣшить дѣло добровольнымъ соглашеніемъ съ родственниками убитаго [18]). Но подлѣ этихъ чисто-славянскихъ началъ начинаетъ быстро развиваться система германской виры, съ своею точною оцѣнкою жизни и тѣлесныхъ поврежденій. Уже въ статутѣ вислицкомъ цѣна точно опредѣлена за убійство лицъ разныхъ состояній: за убійство шляхтича 60 марокъ, за воина 30, за земледѣльца 10. За отнятіе главныхъ членовъ платится половина по законамъ германскимъ. Подробно опредѣляется также плата за раны и побои. Даже польское законодательство, при

[16]) Si Christianus Judæum occiderit, digno judicio puniatur... proximior Judæus ipsum Christianum mortificare debet taxando pro capite caput. Priv. Judæ. XIV.

[17]) Si vero talis Christianus anfugerit, extunc ipsius bona tum mobilia quam immobilia, quæcunque habuerit, medietas per proximiores consanguineos Judæi interemti, reliqua vero medietas pro camera nostra regia debet pertinere. Privil. Jud. XIV.

[18]) Statuta Kazim. IV. Opatovicensia de an. 1574. XVII. »Item quando unus conqueritur super alium: quod tu occidisti mihi fratrem et hoc cupiens in eo per juramentum solutionem capitis obtinere et ipse respondit: quod tu caput fratris tui in alio per modum concordiæ repetisti, solutum, quod sum probare paratus, visum fuit nobis et Baronibus nostris, quod id probari sit admittendus«.

назначеніи платы за убійство, нисколько не обращаетъ вниманія на состояніе убійцы, какъ это мы видѣли въ другихъ славянскихъ законадательствахъ, но беретъ германскую виру цѣликомъ безъ всякаго измѣненія, и поэтому количество платы назначается сообразно съ состояніемъ убитаго.

Только въ постановленіи о лицахъ, имѣющихъ право мести и обязанныхъ платить за убійство, проглядываетъ славянизмъ. Право мести принадлежитъ только ближайшему родственнику и не идетъ въ родъ [19]). Если крестьянинъ убьетъ крестьянина, то родственники получаютъ только часть всей платы, именно 6 марокъ, а остальныя четыре марки принадлежатъ кастеляну, подъ вѣдомствомъ котораго находился убитый [20]). Родители убитаго имѣли ближайшее право требовать плату за убійство, потомъ дѣти; и если не было ни родителей, ни дѣтей, то право получить плату за голову переходило къ дальнѣйшимъ родственникамъ (parentes, pueri et amici. Stat. Casimir. III. LX). Равномѣрно и уплачивалъ всю сумму, назначенную за убійство, одинъ убійца собственнымъ своимъ имуществомъ въ силу общаго правила: „Filius non portabit iniquitatem patris sui, nec e converso".

Также и польскому законодательству извѣстна была обязанность волости или округа платить за убитаго, если нельзя было отыскать убійцы; но это установленіе, которое такъ долго сохранялось у Сербовъ, въ Польшѣ встрѣчается только въ древнѣйшія времена. Въ грамотѣ 1253 стоитъ: „Quodsi solutio capitis super viciniam ceciderit, homines episcopis vel Glagoviensis Ecclesiæ, qui sui sunt, de illa vicinia, solvant dominis

---

[19]) Stat. 1418. VIII: Quando nobilis interficitur, e quocunque sexaginta marcæ pueris, aut proximioribus in limen propinquitatis, solvi debent, quælibet marca in duabus septimanis.

[20]) Стат. Вислиц. LVII.

suis portionem, quæ ipsos contingit etc. [21]). Это ручательство всѣхъ членовъ волости за каждаго члена иногда было слишкомъ тяжелымъ, особенно въ смутныя времена, когда законъ не могъ обуздать своевольства и когда убійца, при неустройствѣ внутренней полиціи, легко могъ скрыться отъ своихъ преслѣдователей. Поэтому короли, въ знакъ особенной милости, давали нѣкоторымъ округамъ привилегіи, по которымъ жители упомянутыхъ округовъ освобождались отъ платежа головщизны, если въ ихъ придѣлахъ совершено было убійство и нельзя было отыскать преступника. Такая привилегія дана была Болеславомъ 1278 года всѣмъ селеніямъ, принадлежавшимъ Люблинскому монастырю. Въ этой привилегіи говорится: „Si autem homo occisus.... inter homines bonorum domus dicte (Claustri Lubinensis) inventus fuerit... villas sæpedictas et incolas ipsorum a pæna hujusmodi homicidii, siue ducatus nostri, cujuscunque honorati, et præcipue castellani et ab urna mellis capitalis... absolvimus [22])“.

Право литовское, какое мы находимъ въ Литовскомъ статутѣ, мало заключаетъ въ себѣ чисто-славянскихъ началъ. Въ Литвѣ, также какъ и въ Польшѣ, германское право раздаваемо было въ видѣ привилегіи городамъ и селеніямъ. Двѣ, совершенно противоположныя по своимъ началамъ системы права не могли существовать въ одномъ государствѣ, какъ въ организмѣ, который можетъ держаться только единствомъ закона. Литовское право покорилось германскому, къ чему способствовало также польское, имѣвшее рѣшительное вліяніе на образованіе позднѣйшаго литовскаго законодательства. О литовскомъ правѣ, какъ оно было до смѣшенія съ германскимъ и

[21]) Tzschoppe u. Stenzel, Urkundensammlung. 1832, p. 332.

[22]) Выписка изъ современной рукописи, принадлежащей извѣстному польскому юристу Ромуальду Губе.

польскимъ, мы говорить не можемъ по недостатку памятниковъ. Можно предполагать, что и Русь литовская имѣла въ древнія времена свое право, основанное на началахъ, замѣченныхъ нами у древнихъ славянскихъ народовъ. Для подтвержденія этого мнѣнія, я могу сослаться только на одну рукопись въ литовской метрикѣ, подъ названіемъ: acta ducatus Lituaniæ, № 3, въ которой содержатся уфалы сейма Берестейскаго 1513 года. Одна изъ уфалъ измѣняетъ систему прежней головщизны и вводитъ новыя начала. Изъ этого постановленія видно, что въ древнемъ литовскомъ правѣ, какъ въ богемскомъ, моравскомъ и мазовецкомъ, убійца долженъ былъ, не прибѣгая къ суду, уговориться съ родственниками убитаго, которые имѣли право назначать количество платы за голову. Но если дѣло переходило въ судъ, то истецъ платилъ головщизну по древнему обычаю. Уфала 1513 года отмѣняетъ это неограниченное право истца надъ убійцею, и даетъ родственникамъ убитаго только право взять головщизну, а преступникъ подвергается тюремному заключенію на годъ и долженъ заплатить 12 рублей пени. Только въ одномъ случаѣ допускается древняя месть, именно, когда убійца будетъ застигнутъ на горячей крови: то за головщизну и за вину долженъ быть каранъ по праву Божьему—смертью „нехай идеть голова за голову". Слѣды славянизма находимъ также въ рукописи in Fol. 1513. Судн. дѣла, № 1 въ литовской метрикѣ. Здѣсь за убійство, совершенное подданнымъ одного пана надъ подданнымъ другаго, убійца не платитъ виры, опредѣленной закономъ, но отдается во власть истца, не въ замѣнъ за убитаго, какъ это мы видѣли въ германскихъ законодательствахъ, а на жизнь и на смерть[23]).—

---

[23]) Считаю не лишнимъ привести этотъ документъ въ подлинникѣ.

Sprawa Macka Jedkowicza z Pranką Mutrymową o zabicie poddanego iego od jey poddanych.

Слѣды безпредѣльной власти родственниковъ убитаго надъ убійцею встрѣчаются еще въ Статутѣ литовскомъ; только въ первой редакціи 1529 года.

Въ Статутѣ литовскомъ плата за голову разсчитана по всѣмъ правиламъ германской виры. При назначеніи количества платы не обращается никакого вниманія на состояніе убійцы,

---

Мордасъ Мишковичь, Степанъ Кончий, Стецко Саковичь смотрѣли есьмо того дѣла. Жаловалъ намъ Бояринъ Господарскій Мацко Өедкевичь на Боярину Господарскую на Сопранку Ментримовую, рекучи тымъ обычаемъ: паробокъ ея милости Мартинецъ съ товарищи своими, нерenемши на добровольной дорозе человека моего, забили до смерти, и мы спытали Мартина, што къ тому за отпоръ маешь, и онъ рекъ: не мое дѣло панове, не забывалъ есми человека его и Мацко вказалъ намъ списокъ соковый и торпостая; ино въ соковомъ листѣ стоитъ тымъ обычаемъ: я сокъ Милушисъ, Богдановъ человекъ, сочу Мацку Өедковичу о человека его, о Юдя, и сочю на Опранчина человека, на Мартынца, приходыло ми ся видети, штожъ тотъ Юдисъ шолъ сторгу и тотъ Мартинецъ самъ третей съ товарищи своими, то онъ вѣдаетъ съ кимъ, догонили на дорозе подлѣ гаю сосноваго Ондрева на ростанехъ. Въ Мартинца былъ вязъ, а въ его товарищовъ было по мечу, а подъ Мартинцемъ былъ конь пѣгъ, а подъ другимъ былъ воронъ, а подъ третимъ рыжъ, и забивши того человека и поѣхали чрезъ гаевище Ондрево. А Торполай Юхно Симоновичъ, пана Олбрахтовъ человѣкъ, и Мартинецъ рекъ: не знаюся тому, и мы казали его дати мучити и онъ не мученъ ко всимъ тымъ словомъ признался и товарищовъ своихъ сповѣдалъ на имя Рекутя и Ловча, и мы подлугъ его вызнаваня выдали есмо Мартинца шиею, жена и дѣти его волны, а тыхъ двухъ злодеевъ Рекутя, а Ловча казали есмо Стасю поставити за четыре недели, а если не поставитъ Стасъ на рокъ тыхъ злодеевъ, тогда онъ самъ маетъ платити съ тыхъ домовъ злодѣйскихъ двѣ части. Псанъ у Вильни мая 25 день индиктъ 13«.

но все зависитъ отъ состоянія убитаго, его пола и возраста. Самая высшая цѣна назначается за голову шляхтича 100 копъ грошей. Потомъ слѣдуетъ рядъ лицъ, имѣющихъ плату отъ 60 и до 20 копъ грошей. Служилые люди получаютъ плату, присвоенную ихъ должностямъ. Женщинамъ платится вдвое. Плата за голову, по всѣмъ правиламъ германскихъ законодательствъ, примѣнена также къ тѣлеснымъ поврежденіямъ, къ отнятію членовъ, къ ранамъ разнаго рода и къ простымъ ударамъ, гдѣ также обращается вниманіе на орудіе, которымъ нанесенъ ударъ [24]).

Въ Литовскомъ статутѣ находимъ весьма подробныя постановленія о томъ, кто имѣлъ право получать плату за голову, и какъ дѣлилась эта плата между родственниками различныхъ степеней. Если будетъ нѣсколько братьевъ, и будетъ убитъ кто нибудь изъ нихъ, или ихъ отецъ, или будетъ убита ихъ мать, или сестра незамужняя, или сестра вдова безпотомная, то всѣ братья вмѣстѣ ведутъ искъ о головщизнѣ и дѣлятъ ее на равныя части. Отецъ получаетъ плату за убійство сына безпотомнаго, дочери незамужней и дочери вдовы безпотомной. Если нѣтъ отца, то мать съ сыновьями и дочками дѣлятъ головщизну на равныя части; а если дѣти несовершеннолѣтни, то мать одна подаетъ искъ и получаетъ плату за убійство [25]). Если будетъ нѣсколько родныхъ братьевъ и сестеръ замужнихъ и незамужнихъ, то за убійство отца, матери и сестры мстятъ братья и берутъ себѣ плату за убійство, но только въ такомъ случаѣ, когда убитая сестра не оставила послѣ себя потомства. Сестры ведутъ искъ и получаютъ головщизну тогда только, когда нѣтъ братьевъ. За малолѣтнихъ дѣтей убитаго ведутъ искъ его родные братья, сестры и опекуны, которые отдаютъ плату за убій-

[24]) Статут. Лит. Раздѣлъ XI и XII.
[25]) Статут. Лит. Раздѣлъ XI. 44.

ство дѣтямъ убитаго по достиженіи совершеннолѣтія. А если послѣ убитаго не осталось дѣтей ни мужескаго, ни женскаго пола, то дальнѣйшіе родственники имѣютъ право подавать искъ, сначала родственники по отцу, а если ихъ нѣтъ, то по матери [26]). За убійство шляхтянки замужней, не оставившей дѣтей, мститъ мужъ и беретъ себѣ плату за голову. А если мужъ отказывается отъ мести, то это право переходитъ къ родителямъ, братьямъ, сестрамъ убитой и такъ далѣе. Если въ продолженіе иска убійца умретъ, то съ его смертію не изчезаетъ право истца требовать плату за убійство: родственники убійцы уплачиваютъ изъ его имѣнія [27]). Если послѣ убитаго не осталось никакихъ родственниковъ, то головщизна остается три года въ судѣ, и если въ продолженіе этого времени никто не явится съ правомъ получить деньги, взятыя за убійство: то половина всей суммы поступаетъ въ казну, а половина идетъ на госпиталь [28]).

Платитъ головщизну одинъ убійца своимъ имѣніемъ, безъ всякаго участія со стороны родственниковъ.

Слѣдовательно и въ правѣ польскомъ и литовскомъ мы находимъ тѣ же черты платы за убійство, какія характеризуютъ плату за голову въ богемскомъ, моравскомъ и сербскомъ законодательствахъ. Въ Мазовіи начала славянскаго права сохранились въ своемъ первоначальномъ видѣ гораздо долѣе, нежели въ другихъ областяхъ Польши; поэтому и плата за убійство въ правѣ мазовецкомъ ближе къ богемской и моравской. Въ правѣ литовско-русскомъ, древнемъ польскомъ и мазовецкомъ, въ ихъ древнемъ видѣ, родственники убитаго имѣютъ право жизни и смерти надъ убійцею. Въ мазовецкомъ сохранился даже рели-

[26]) Статутъ Литов. Разд. XI. 45.
[27]) Статутъ Лит. Разд. XI. 48.
[28]) Статутъ Лит. Разд. XI. 26.

гiозный характеръ мести. Въ древнемъ правѣ польскомъ, мазовецкомъ и литовско-русскомъ количество платы за убiйство не опредѣлено закономъ. Только уже тогда, когда германское право начало смѣшиваться съ древними обычаями, плата за голову принимаетъ германскую опредѣленную форму: но въ этой формѣ она отличается отъ германской виры тѣмъ, что она никогда не платится государю или государству, какъ пеня за преступленiе, что при назначенiи ея обращается вниманiе на состоянiе убiйцы, что уплачиваетъ ее одинъ убiйца, безъ всякаго участiя своихъ родственниковъ, и что, наконецъ, получаетъ ее одинъ только непосредственный наслѣдникъ убитаго.

III. Вира и головничество, или головщина въ древнемъ русскомъ правѣ.

Месть первоначально и въ русскомъ законодательствѣ является безпредѣльною, какъ она являлась вездѣ въ первыя времена гражданственности. Эта первоначальная форма мести изображена въ договорахъ Олега и Игоря. Сравнивая изображенный нами характеръ славянской мести, въ противоположность съ германскою, съ постановленiями, которыя находятся объ этомъ предметѣ въ договорахъ Олега и Игоря, мы легко можемъ рѣшить вопросъ: признавать ли намъ постановленiя объ убiйствѣ, находящiяся въ этихъ двухъ памятникахъ, славянскими или германскими?

Месть въ договорахъ Олега и Игоря представляетъ въ себѣ чистый славянизмъ, безъ всякой примѣси права чужеземнаго. Убiйца совершенно предается родственникамъ убитаго на жизнь и на смерть: „да держимъ будетъ сотворивый убiйство отъ ближнихъ убiеннаго, да убiютъ его". Въ этомъ основномъ положенiи всѣ законодательства—славянскiя и германскiя сходны между собою въ первый перiодъ ихъ образованiя. Но далѣе

постановленія договоровъ Олега и Игоря совершенно отличны отъ права германскаго. Если убійца уйдетъ, то родственники убитаго не получаютъ виры, опредѣленной закономъ по состоянію, полу и возрасту убитаго, но берутъ все имущество убійцы: „аще ли убѣжитъ сотворивый убійство, да возмутъ имѣніе его ближніи убіеннаго". Это начало совершенно противоположно понятіямъ о германской вирѣ и, напротивъ того, представляетъ буквальное сходство съ постановленіями славянскихъ законодательствъ. Въ законодательствахъ богемскомъ и моравскомъ это постановленіе измѣняется тѣмъ, что судья могъ ограничить право истца на полученіе всего имущества убійцы [1]). Въ привилегіи, данной Евреямъ Болеславомъ въ 1264 году, отбирается все имущество убійцы, также какъ и въ договорахъ Олега и Игоря; но половина имущества принадлежитъ королю [2]). Наконецъ въ древнихъ мазовецкихъ законахъ это начало встрѣчается безъ всякаго измѣненія [3]). Въ слѣдствіе этого начала древній законъ русскій не дѣлаетъ никакого различія между

[1]) Rad Zemskeho prawa. 27, 28.

[2]) Privilegium Judæorum per Boleslavum ducem Poloniæ a. 1264 concessum. XIV. »Si vero talis Christianus, qui occiderit Judæum, aliquo modo, aufugerit, extunc ipsius bona, ejusdem Christiani tam mobilia, quam immobilia, quæcunque habuerit, prima medietas dictorum bonorum et hæreditatum debet persolvi super proximiores consanquineos Judæi interfecti; reliqua vero medietas pro camera nostra regia debet pertinere.

[3]) Statuta Mazowieckie w Zakroczymiu roku 1390. VII. »Paklibi ktori krziwi z przeżeczonich ku moczi przyicz bi wzgardzyl tako zebi prawu staacz nyechczyal, any do roka i do scheszy nyedzyel bolanczemu dosycz uczinycz bi nyechczyal, degdy czsokoli bi gymyenya albo possycdzyenya sbozaa w zyemy myalbi, to wschisthko onemu komu zaloscz yest dano ma bycz, allo wschistko on bolyanczy mu dzyerzecz w pokoju becz wszego vgabanya.

сословіями убитаго, его поломъ и возрастомъ, при опредѣленіи удовлетворенія родственникамъ убитаго.

Все имущество принадлежитъ родственникамъ убитаго: слѣдовательно и здѣсь, какъ въ правѣ богемскомъ, моравскомъ и мазовецкомъ, мы замѣчаемъ совершенное отсутствіе уголовнаго элемента, который всегда сопровождаетъ германскую виру и состоитъ въ платѣ государству части денегъ, назначенныхъ для удовлетворенія родственниковъ убитаго.

Месть не простирается на весь родъ убійцы, ни на нѣкоторыхъ его родственниковъ, какъ это мы находимъ во всѣхъ германскихъ законодательствахъ: но вся она падаетъ на одного убійцу: „да держимъ будетъ сотворивый убійство". А если месть замѣняется отнятіемъ имущества, то имущество одного только убійцы отдается родственникамъ убитаго, а имѣніе его родственниковъ остается неприкосновеннымъ (Дог. Игор. 11). Особенно ясно выражено это правило въ третьей статьѣ договора Олегова, гдѣ, какъ будто въ противоположность германскому законодательству, только собственное имущество убійцы отдается родственникамъ убитаго. „Аще ли убѣжитъ сотворивый убійство, да аще будетъ домовитъ, да часть его, сиречь иже его будетъ по закону, да возметъ ближній убіеннаго". Даже часть, которую по законамъ должно отдѣлить женѣ, остается неприкосновенною. Также и право мстить и получать удовлетвореніе изъ имущества убійцы предоставлено одному только ближайшему родственнику убитаго: „да возметъ ближній убіеннаго". Эти черты я считаю достаточными для того, чтобъ признать законы о мести, изложенные въ договорахъ Олега и Игоря, чисто-славянскими законами.—Въ противоположность съ началами этого права, уже и здѣсь начинаютъ являться начала германскія, и договоры называютъ ихъ закономъ русскимъ. противополагая ихъ закону славянскому, точно такъ. какъ въ 1-й статьѣ Русской правды Русинъ противополагается Словенину.

Пять литръ серебра, плата, опредѣленная за ударъ мечемъ или другимъ оружіемъ, есть германизмъ въ договорахъ Олега и Игоря, потому что славянскія законодательства, какъ мы выше замѣтили, предоставляютъ всякое поврежденіе оцѣнивать самому истцу и представлять на утвержденіе судей [4]).

Русская правда рѣшаетъ два случая: во первыхъ, когда убитый не оставилъ родственниковъ, которые имѣли бы право отмстить за преступленіе: „ожели не будетъ кто мстя", и во вторыхъ, когда остались родственники у убитаго. Постановленія, относящіяся къ первому случаю, при первомъ на нихъ взглядѣ, обнаруживаютъ германскій характеръ, какъ въ своихъ началахъ, такъ и въ частномъ примѣненіи этихъ началъ. Статьи: 1, 7, 8 и 9, представляютъ таксу, въ которой находится подробная оцѣнка жизни для лицъ разныхъ классовъ. Цѣна свободнаго человѣка является здѣсь сравнительною единицею: „аще ли будетъ Русинъ... изгой... любо Словенинъ". Въ германскихъ законодательствахъ вмѣсто „liber homo" употребляется названіе народа, напримѣръ Franco въ законахъ салическихъ, Burgundo въ законахъ бургундскихъ и такъ далѣе [5]). Точно такъ и въ Русской правдѣ подъ названіемъ: Русинъ и Словенинъ разумѣются всѣ свободныя лица двухъ, въ то время еще не слившихся народовъ—германскаго и славянскаго происхожденія.

Но что такое изгой? Для объясненія словъ, которыя составлены изъ чисто-славянскихъ звуковъ, какъ напр. изъ и гой, мы всегда имѣемъ право обратиться къ славянскимъ нарѣчіямъ, особенно такимъ, которыя остановились на низшей

---

[4]) »Аще ударитъ мечемъ, или копьемъ, или кацѣмъ инымъ сосудомъ... да того дѣля грѣха заплатитъ серебра литръ пять по закону русскому«. Дог. Игор. 12. Олег.

[5]) L. Salica. XV. 2, 3 и много другихъ мѣстъ.

степени развитія, и поэтому хранятъ первоначальныя формы языка безъ всякаго измѣненія. Въ языкѣ иллирійскомъ hajati значитъ ходить, izhajati значитъ выходить, приходить въ какое нибудь мѣсто изъ путешествія [6]); въ словенскомъ hoja значитъ путешествіе [7]). Изъ этого мы можемъ съ большою вѣроятностію опредѣлить значеніе слова изгой. Изгой значитъ пришлецъ, иностранецъ. Это мнѣніе мы можемъ подкрѣпить еще тѣмъ, что въ позднѣйшихъ памятникахъ вмѣсто изгой употребляется чужеземецъ, безъ всякаго сомнѣнія слово позднѣйшаго образованія, какъ это доказываетъ его искуственная сложная форма [8]). Такимъ образомъ Русинъ, изгой и Славянинъ заключаютъ всѣ лица свободнаго состоянія, какія только могли находиться въ Россіи въ то время, когда составлялась Русская правда. Но для чего же, спросятъ, законъ дѣлаетъ это странное перечисленіе? Почему бы не употребить одного слова „свободный" для народовъ различныхъ націй; и особенно зачѣмъ противополагать Русина Славянину, когда и тотъ и другой были подданные великаго князя? Для рѣшенія этихъ вопросовъ я долженъ припомнить читателямъ, что въ средніе вѣка, при первоначальномъ смѣшеніи народовъ, разныя племена, живя одно подлѣ другаго, на одной и той же землѣ, пользовались каждое своимъ собственнымъ правомъ. Если какое либо германское племя вторгалось въ римскую провинцію и основывало государство, то право римское оставалось въ полной силѣ, и такимъ образомъ являлись двѣ системы права. Если это вновь основанное государство распространяло свои завоеванія на дру-

---

[6]) См. Іоакіма Stulli dobrocsanina Rjecsosloxje. V Dubrawniku. MDCCCVI.

[7]) Sloweno-Nemshki Rozhni besédnik. Sloshil Anton Janes-Murko. V Gradzi. 1833.

[8]) См. Судебникъ 1497.

гія германскія племена, то оно оставляло побѣжденнымъ ихъ права и обычаи неприкосновенными. Такъ было во всѣхъ германскихъ государствахъ, исключая остъ-готское. Въ послѣдствіи времени, когда разнородныя племена, составлявшія германскія государства, начали соединяться, когда различіе между племенами начало исчезать: тогда явилась другая система права, именно: jus territorii, по которой всякій, какого бы онъ племени ни былъ, подлежалъ законамъ того государства, въ которомъ онъ находился [9]). Я думаю, что и въ Россіи были подобныя двѣ системы права. Когда народъ германскаго происхожденія явился среди природныхъ жителей Россіи, то онъ долженъ былъ удержать первоначально свой законъ, свой судъ и расправу. Но когда различіе между Русскимъ и Славяниномъ начало исчезать, тогда только ихъ можно было подвести подъ одинъ законъ,—тогда можно было ввести jus territorii, и это сдѣлано въ Русской правдѣ. Вотъ, по моему мнѣнію, причина, по которой Ярославъ, назначая виру за голову свободнаго человѣка, долженъ былъ упомянуть, что эта вира назначается для Русина, Славянина и для всякаго иностранца, изъ которыхъ каждый до этого времени управлялся собственнымъ закономъ.

Голова свободнаго оцѣнивается въ Русской правдѣ въ 40 гривенъ. Эта сумма, для опредѣленія цѣны за голову высшихъ и низшихъ лицъ, увеличивается и уменьшается по всѣмъ правиламъ германскихъ законодательствъ. За голову княжа мужа и княжа тіуна она увеличивается вдвое. Для лицъ, состоящихъ въ нѣкоторыхъ должностяхъ, присвояется вира свободнаго человѣка, точно также какъ мы находимъ это въ законахъ салическихъ и въ законахъ Рипуаріевъ [10]), гдѣ pueri regis aut

[9]) Savigny, Geschichte des Römischen Rechts im Mittelalter. I.

[10]) L. Salica emend. Tit. 56.—L. Ripuar. T. 53.

homines regis, изъ какого бы званія они ни были, имѣютъ виру свободнаго. Въ Русской правдѣ къ этому классу относятся: гридинъ, тіунъ боярскій, ябетникъ, мечникъ, тіунъ огнищный, тіунъ конюшій, княжъ отрокъ, княжъ конюхъ, княжъ поваръ.

Мы видимъ, что германскія законодательства, при опредѣленіи платы за голову несвободнаго, обращали вниманіе на пользу, которую могъ бы принести убитый своему господину; то же самое находимъ и въ Русской правдѣ. Смердъ и холопъ стоятъ 5 гривенъ; но если они знаютъ какое нибудь ремесло, то 12 гривенъ.

Въ отношеніи къ полу убитаго въ Русской правдѣ не дѣлается никакого различія. Это можно заключать изъ того, что, исчисляя виры свободныхъ лицъ, законъ не упоминаетъ о вирѣ за голову женщины; а, говоря о лицахъ несвободныхъ состояній, вездѣ мужескій полъ ставится на ряду съ женскимъ: такъ за ремесленника и ремесленницу 12 гривенъ, за воспитателя (кормиличь) 12 гривенъ, „хотя си холопъ, хотя си раба".

Опредѣливъ такимъ образомъ цѣну жизни для лицъ разныхъ состояній, Русская правда продолжаетъ развивать принятыя ею германскія начала, и примѣняетъ виру къ тѣлеснымъ поврежденіямъ и къ оцѣнкѣ животныхъ. За отнятіе главныхъ членовъ: руки, ноги, за лишеніе глаза платится какъ за пол-человѣка. Со всею нѣмецкою разсчетливостію жизнь дробится по мелочамъ, и всякое насильственное прикосновеніе къ жизненной силѣ другаго имѣетъ свою особенную цѣну. Также отличается орудіе, посредствомъ котораго наносится поврежденіе: „мечъ, батогъ, чаша, рогъ, тылесня".

Вира, назначенная закономъ за убійство, относится въ Русской правдѣ только къ такому случаю, когда послѣ убитаго не останется родственниковъ, которые имѣли бы право мстить. Если мы будемъ разсматривать ее съ этой стороны, то государь, давъ силу закона этой германской таксѣ, ни сколько не по-

ступилъ противъ началъ права славянскаго. Мы видѣли, что славянскія законодательства назначеніе платы за голову предоставляли самому истцу: а если нѣтъ истца, то плата за голову есть вымороченное имѣніе и поступаетъ государю. Поэтому, если нѣтъ родственниковъ убитаго, то государь является истцемъ, и слѣдовательно имѣетъ право назначить плату за убійство. Основываясь на этомъ началѣ, Ярославъ могъ напередъ опредѣлить, сколько онъ въ каждомъ особенномъ случаѣ будетъ требовать за убійство, и при этомъ опредѣленіи онъ воспользовался развитою въ его время, облегчавшею для судьи произнесеніе приговора германскою вирою.

Но гораздо важнѣе для насъ изслѣдованіе втораго вопроса, то есть: что должно было случиться съ убійцею, если послѣ убитаго остались родственники, имѣвшіе право мести?

Въ договорахъ Олега и Игоря мы видѣли, что родственники убитаго имѣли право убить преступника. Эта же безпредѣльная власть родственниковъ убитаго надъ убійцею доживаетъ до Русской правды: „аще убьетъ мужъ мужа, то мстити брату брата“ и пр. Законодатель только и сказалъ о мести, предполагая, что не нужно излагать тѣхъ правилъ, которыя возникли изъ внутренней жизни народа и которыя неизгладимо живутъ въ его сознаніи. Но месть въ такомъ видѣ не долго могла существовать; потому что власть монархическая имѣла совершенную возможность обуздать самоуправство и ограничить частную волю въ правѣ располагать участію убійцы: отнято было у родственниковъ убитаго право жизни и смерти надъ убійцею, а предоставлено было имъ только право требовать плату за голову убитаго: „По Ярославѣ же, совокупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ Кіяникъ, Чюдинъ, Микула, и отложивша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати“. Эти куны составляютъ главную плату за убійство въ древнемъ русскомъ правѣ,

между тѣмъ какъ вира относится только къ одному частному случаю. Третья глава Русской правды противополагаетъ эти куны вирѣ и называетъ ихъ головничествомъ; а позднѣйшее законодательство называетъ ихъ головщиною, уже знакомымъ намъ изъ литовскаго права терминомъ.

Послѣднею задачею нашего разсужденія будетъ изслѣдованіе началъ, на которыхъ основано это головничество, или головщина; и для этого, по принятому мною плану, я изложу, по какимъ началамъ опредѣляется количество платы за голову въ древнемъ россійскомъ законодательствѣ, кто получалъ плату за голову и кто платилъ ее?

Количество платы въ древнемъ россійскомъ законодательствѣ, сообразно съ общими славянскими началами и въ противность германскимъ законодательствамъ, не опредѣляется закономъ сообразно съ состояніемъ, поломъ и возрастомъ убитаго, но назначается истцомъ и представляется судьямъ на утвержденіе. Вотъ начало, которое я долженъ доказать для того, чтобы приписать древнимъ русскимъ законамъ о платѣ за убійство славянскій характеръ! Для этого я могу представить слѣдующія доказательства:

1. Уже то обстоятельство ведетъ насъ къ этой мысли, что Русская правда, опредѣляя такъ подробно количество виры, принадлежавшей князю, когда не было родственниковъ убитаго, оставляетъ безъ всякаго вниманія количество платы за голову, которое должны были получать родственники убитаго. Если бы сумма, поступавшая родственникамъ убитаго, была опредѣлена закономъ, то дѣти Ярослава, отмѣнившія кровавую месть, безъ сомнѣнія упомянули бы объ этомъ въ своемъ законѣ; или оцѣнку жизни, по которой князь получалъ виру, если не было родственниковъ убитаго, распространили бы на всѣ случаи; или, по крайней мѣрѣ, куны, которыми выкупался убійца, называли бы вирою. Это явленіе покажется слишкомъ стран-

нымъ, если мы не предположимъ, что количество головщины или головничества не было напередъ опредѣлено закономъ; но что, во всякомъ случаѣ, истецъ самъ назначалъ плату за убійство и представлялъ ее судьямъ.

2. Но болѣе твердыя доказательства найдемъ мы, если изслѣдуемъ порядокъ судопроизводства, представляющій удивительное сходство съ постановленіями объ этомъ предметѣ въ законодательствахъ богемскомъ и моравскомъ. Убійца прежде всего старался кончить дѣло съ родственниками убитаго добровольнымъ соглашеніемъ, не прибѣгая къ суду. Если онъ успѣвалъ кончить дѣло безъ суда, то истецъ и отвѣтчикъ совершали мировую запись и тѣмъ оканчивалось дѣло. Такихъ мировыхъ записей сохранилось нѣсколько даже изъ позднѣйшихъ временъ. Вотъ образецъ: въ 1560 году совершена была мировая слуги Новинскаго монастыря Михайла Леонтьева съ крестьянами Кириллова монастыря по дѣлу объ убійствѣ ими Новинскаго слуги Алексѣя Ѳомина. Въ ней тяжущіяся стороны говорятъ: „и мы не ходя на судъ предъ губные старосты помирились съ слугою Кириллова монастыря съ Истомою Васильевымъ сыномъ, что тотъ Истома помирился съ нами въ тѣхъ душегубцевъ вмѣсто Василія Кирьянова съ товарищи за Олешинъ долгъ и за монастырскіе убытки и за проѣсть и за волокиту сорокъ рублевъ денегъ казенныхъ: и впредь мнѣ Михайлу и инымъ монастырскимъ слугамъ на нихъ того дѣла не отъискивать“.

Когда дѣло не кончалось добровольнымъ согласіемъ истца съ отвѣтчикомъ, то оно переходило въ судъ, и истецъ подавалъ въ судъ жалобу о душегубствѣ, точно также какъ о поджогѣ, воровствѣ, ябедничествѣ и иномъ лихомъ дѣлѣ, и въ жалобѣ означалъ цѣну иска. Эта цѣна во всякомъ искѣ называется однимъ общимъ именемъ: истцово. Вотъ доказательства: Устав. бѣлов. грамот. 1388: „а доведутъ на кого татьбу, или

разбой, или душегубство, и намѣстники велять на виноватомъ истцово доправити [11])". Въ Судебникѣ Іоанна III 1497: „а побіются на полѣ въ пожегѣ, или въ душегубствѣ, или въ разбои, или въ тяжбѣ, ино на убитомъ истцево доправити". Въ Судебникѣ 1550: „а доведуть на кого разбой, душегубство, или ябедничество, или иное лихое дѣло, и будеть вѣдомой лихой, и боярину... истцево велѣти доправити изъ его статка [12])". Въ Судной грамотѣ 1561 мар. 20: „а кто взыщетъ пожеги, или душегубства, или разбоя, или татьбы... ино ищеѣ искъ заплатити изъ отвѣтчиковыхъ животовъ". Ни въ одномъ изъ вышеисчисленныхъ и подобныхъ имъ мѣстъ не встрѣчаемъ платы за голову, опредѣленной закономъ; но, вѣроятно, самъ истецъ означалъ цѣну точно такъ, какъ онъ означалъ въ жалобѣ цѣну украденной вещи, или сгорѣвшаго отъ поджога строенія. Въ Судной новгородской грамотѣ 1473 августа 11, даже по окончаніи суда, когда дѣло истца будетъ признано правымъ, предписывается истцу вести переговоръ съ отвѣтчикомъ (въ богемскомъ правѣ umluwa): „а кто на кого утяжетъ въ тяжбѣ съ поличнымъ, или въ разбоѣ, или въ грабежѣ... и возметъ на него грамоту судную, а будетъ ему дѣло до истца, ино переговариваться ему съ нимъ мѣсяцъ". Этотъ переговоръ истца съ отвѣтчикомъ, по окончаніи суда, имѣлъ цѣлію доставить отвѣтчику средство смягчить приговоръ суда, чрезъ

---

[11]) См. Акты юридическіе, изданные археографическою коммиссіею, стр. 282. Сюда относятся также: мировая въ убійствѣ площаднаго писца 1577. Мировая крестьянина Андрея Калиника съ старцами Тихвинскаго монастыря по дѣлу о смерти крестьянина Николы Филиппова и о грабежѣ.

[12]) См. также акты, собранные археографическою экспедиціею. Уставная грамота 1509 іюля 29. Уставная онежская грамота 1536 іюня 4. Уставная важская грамота 1552 марта 21 и проч.

умилостивленіе истца, и встрѣчается почти во всѣхъ славянскихъ законодательствахъ. Когда истецъ не могъ уговориться съ отвѣтчикомъ, не прибѣгая къ посредству суда, когда и послѣ судебнаго рѣшенія истецъ не могъ умилостивить отвѣтчика: тогда приводилось въ исполненіе рѣшеніе суда, то есть, отвѣтчикъ долженъ былъ заплатить истцево. А если отвѣтчикъ былъ не въ состояніи заплатить требуемой суммы, то онъ выдавался истцу головою.

3. Росписаніе платы за тѣлесныя поврежденія, введенное Русскою правдою, исчезаетъ, какъ несогласное съ главнымъ основнымъ началомъ, на которомъ основаны были законы о взысканіи за убійство. Иногда плата за поврежденіе назначается истцемъ, а иногда истецъ предоставляетъ ее назначать судьямъ. Также какъ и въ случаѣ убійства, истецъ могъ рѣшить дѣло съ отвѣтчикомъ полюбовно, не прибѣгая къ суду. Такого рода мировая встрѣчается даже въ позднѣйшія времена, именно 1684 іюля 14 „мировая Тихвинца Гавріила Дрогнева съ Иваномъ Аникіевымъ въ порѣзаніи его ножемъ[13]“. Но если дѣло доходило до суда, то судьи, не имѣя передъ собою никакой оцѣнки разнаго рода увѣчья, назначали въ каждомъ особенномъ случаѣ вознагражденіе, смотря по степени увѣчья: „а за увѣчье указывати крестьянину, посмотря по увѣчью и по безчестью, и всѣмъ указывати за увѣчье, посмотря по увѣчью и по человѣку“. Судебн. 1550; „а увѣчья указывати, смотря по увѣчью“. Судн. грам. 1561 мар. 20[14]).—Только въ грамотахъ новгородскихъ вира за побои и за вырваніе бороды, также

---

[13]) Юридическіе акты, 285.

[14]) Смот. также въ Актахъ юридическихъ подъ 1613 годомъ, гдѣ истецъ, опредѣляя въ жалобѣ цѣну иска, говоритъ: »а хлѣбу, государи, моему цѣну, или крестьянъ моихъ бою и увѣчья и ихъ хлѣбу, что вы государи бояре укажете«.

и для оцѣнки разнаго рода домашнихъ животныхъ, держалась довольно долго, и постановленія объ этихъ предметахъ называются старою правдою: „баранъ присуждати 6 денегъ, овцу 10 денегъ, государю и судьи три деньги, и старая правда, за гусакъ и за гусыню присуждати по двѣ деньги государю, а судьи три деньги; за утицу и за селезня и за курицу и за кочетъ присуждати по двѣ деньги ... за бороду присуждати два рубля и за бой". Запись новгородская о церковномъ судѣ 1477 [15]). Доказавъ, что постановленія древняго русскаго права, которыми опредѣляется количество платы за голову, основываются на началахъ, общихъ всѣмъ славянскимъ законодательствамъ, и совершенно противоположны началамъ германской виры, я теперь перейду къ рѣшенію вопросовъ: кто имѣлъ право мстить и получать плату за голову, и кто подлежалъ мести?

И эти вопросы рѣшены въ русскомъ правѣ по началамъ, общимъ всѣмъ славянскимъ законодательствамъ. Одинъ только ближайшій родственникъ убитаго имѣетъ право мести, а не весь родъ убитаго, какъ въ германскихъ законодательствахъ: „мстити брату брата, либо сынови отца, либо отцу сына, либо брато чаду, ли сестрину сынови". Но русское право является весьма оригинальнымъ въ ограниченіи числа степеней родства, до которыхъ должно доходить право мести. Мы видѣли, что, при недостаткѣ лица, имѣвшаго право мести, государь получалъ виру; слѣдовательно, ограничивъ число лицъ, имѣющихъ право мстить, Ярославъ увеличилъ свои доходы. Право мести превращено въ финансовую мѣру. Въ позднѣйшихъ памятникахъ мы не находимъ почти никакихъ постановленій о лицахъ, имѣвшихъ право мести. Вѣроятно плата за голову переходила отъ одного родственника къ другому, по законамъ наслѣдства; и поэтому законодатели не считали нужнымъ издавать особливыхъ

---

[15]) Акты собранные археографическою экспедиціею, 1.

объ этомъ предметѣ постановленій. Часто встрѣчающееся выраженіе: „истцу истцево заплатити", безъ всякаго отношенія къ другимъ родственникамъ убитаго, доказываетъ, что всю плату за голову удерживалъ одинъ истецъ, не раздѣляя ее между родственниками убитаго. Германскій законъ: тотъ только имѣетъ право получать плату за убійство, „qui faidam levare potest", не существовалъ, и поэтому женскій полъ, какъ и въ другихъ славянскихъ законодательствахъ, могъ получать плату за голову. Доказательствомъ этому можетъ служить мировая 1577 ноября 18 въ убійствѣ писца, гдѣ дается женѣ убитаго писца запись въ томъ, что ей будетъ заплачена головщина и убытки, причиненные убійствомъ ея мужа[16]). Месть и обязанность платить головщину падала на одного только преступника, не касаясь его родственниковъ. Этотъ законъ, который мы встрѣтили уже въ договорахъ Олега и Игоря, является неизмѣннымъ въ продолженіе всей исторіи головщины. Въ Русской правдѣ есть рѣшительное доказательство для нашего мнѣнія: „а головничество, а то самому головнику... заплатити изъ дружины своею частію[17])". Слѣдовательно имущество родственниковъ убійцы, по началамъ, общимъ славянскимъ законодательствамъ, оставалось неприкосновеннымъ. Въ позднѣйшихъ памятникахъ законодательства головщина платится изъ одного только имущества преступника, а имущество его родственниковъ остается неприкосновеннымъ: „а который будетъ тать или убійца, или ябедникъ, вѣдомой лихой человѣкъ, и ловчій мой велитъ заплатити истцево изъ его статковъ". Уставная грамота 1509 іюня 29[18]).

---

[16]) Акты юридическіе, стр. 282.

[17]) Русская правда. 3.

[18]) Устав. важ. грам. 1552 мар. 21. »А истцемъ изъ душегубцева живота искъ заплатятъ«.—Судн. грам. 1561 мар. 20. »Ищеѣ искъ заплатити изъ отвѣтчиковыхъ животовъ«.—Суд.

„А доведутъ на кого разбой, душегубство, или ябедничество, или иное лихое дѣло, и будетъ вѣдомой лихой человѣкъ... истцево доправити изъ его статковъ". Судеб. 1550. 12. Если имущество отвѣтчика было недостаточно для удовлетворенія истца, то отвѣтчикъ отдавался головою, но имущество его родственниковъ оставалось неприкосновеннымъ. (Судебникъ 1550 ст. 12).

Говоря о лицахъ, которыя должны были уплачивать за голову убитаго, я не могу оставить безъ вниманія и того закона, общаго всѣмъ славянскимъ законодательствамъ, по которому округъ отвѣчаетъ за убійство, если преступникъ скроется. Принявъ во вниманіе, какъ легко изъ чужихъ законодательствъ термины могутъ быть заимствованы для обозначенія уже существующаго въ народѣ понятія, я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что ручательство округа за убійцу, выраженное въ 3-й статьѣ Русской правды, не заимствовано изъ германскаго законодательства, не смотря на то, что оно носитъ названіе виры и при томъ дикой виры. Уже въ Русской правдѣ она является въ большей степени развитія, нежели въ какомъ либо другомъ законодательствѣ славянскомъ, и сохраняетъ нѣсколько столѣтій свою полную силу [19]).

Изслѣдовавъ главные вопросы о платѣ за убійство въ русскомъ правѣ, я могу представить теперь въ немногихъ словахъ результатъ своего изслѣдованія.

Законъ первоначально предоставляетъ убійцу въ полную

грам. 1614. »Ино ищеѣ платити искъ изъ отвѣтчиковыхъ животовъ«.

[19]) Слѣды дикой виры, которая въ позднѣйшихъ памятникахъ называется вирою, встрѣчаются: въ Уставной бѣлозерской грамотѣ 1488; въ грамотахъ 1506 апрѣля 7, 1509 іюля 29, 1536 іюня 4, 1548, 1614 іюня 5, и въ Судебникахъ.

власть ближайшихъ родственниковъ убитаго. Эта безпредѣльная власть еще существовала въ Русской правдѣ при Ярославѣ. Но здѣсь является германизмъ и становится подлѣ славянскихъ обычаевъ. Князь, являясь мстителемъ безродныхъ, предпочитаетъ деньги кровавой мести и принимаетъ за руководство германскую таксу, извѣстную подъ именемъ системы виръ. Дѣти Ярослава ограничиваютъ власть родственниковъ убитаго надъ жизнію убійцы и замѣняютъ кровавую месть кунами. Эти куны составляютъ головщину въ русскомъ законодательствѣ, и имѣютъ слѣдующіе существенные признаки, по которымъ мы можемъ считать ихъ постановленіемъ чисто-славянскимъ, безъ всякой примѣси германизма.

1. Головщина въ русскомъ законодательствѣ, не заключая въ себѣ уголовнаго элемента, вся принадлежитъ истцу, какъ слѣдствіе выиграннаго гражданскаго иска, и никогда не принадлежитъ государству никакою своею частію.

2. Количество ея не опредѣляется закономъ, сообразно съ поломъ, возрастомъ и состояніемъ убитаго, но всякій разъ назначается истцемъ и представляется на разсужденіе судей. Слѣдовательно въ русскихъ законахъ не встрѣтимъ головщины свободнаго человѣка, какъ сравнительную единицу для опредѣленія жизни лицъ другихъ состояній.

3. Для оцѣнки тѣлесныхъ поврежденій, въ Русской правдѣ употреблена германская вира: но она скоро исчезаетъ предъ началомъ славянскимъ, по которому самъ истецъ, или судья, въ каждомъ особенномъ случаѣ, опредѣляетъ удовлетвореніе за вредъ.

4. Мстятъ и получаютъ головщину только ближайшіе родственники убитаго, по правиламъ наслѣдства. Ближайшій беретъ все количество головщины и устраняетъ отдаленнѣйшихъ отъ всякаго участія.

5. Выдерживаетъ месть и платитъ головщину одинъ только убійца, безъ всякаго участія другихъ родственниковъ.

6. Общество, составляющее округъ, ручается за каждаго изъ своихъ членовъ и вноситъ плату за голову, если допуститъ убійцѣ скрыться.—Эти черты суть только повтореніе того, что мы сказали при изображеніи отличительнаго характера богемской hlawy или головныхъ пенязей и при опредѣленіи характера славянской платы за голову вообще.

Вира, какъ установленіе чужое, противное кореннымъ началамъ славянскихъ законодательствъ, скоро исчезаетъ, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ. Напротивъ того, головщина живетъ нѣсколько вѣковъ, не измѣняя своего первоначальнаго значенія даже въ то время, когда новыя понятія, преимущественно утвержденныя христіанскою религіею, о преступленіи и правосудіи уже пустили глубокіе корни въ жизнь народную. Начала чисто-уголовныя долго не смѣли коснуться головщины, но стали подлѣ нея. Въ Судебникѣ 1497, кромѣ взысканія головщины изъ имѣнія убійцы, преступникъ былъ „въ казни и въ продажи боярину и діяку“. Но скоро эта казнь и продажа превращается въ смертную казнь. „А который будетъ тать или убійца, или ябедникъ, вѣдомый лихой человѣкъ, и ловчій мой велитъ заплатити истцево изъ его статковъ; а того лихаго человѣка велитъ казнити смертною казнію“ [20]). Частное начинаетъ уступать общему. Если имущество отвѣтчика недостаточно для удовлетворенія истца, то отвѣтчикъ не выдается головою: „а не будетъ у котораго лихаго статка, чѣмъ истцево заплатити, и ловчій мой того лихаго человѣча въ его гибели не выдастъ, а велитъ его казнити смертною казнію“. Здѣсь уже удовлетвореніе требованіямъ правосудія стоитъ выше удо-

---

[20]) Уставн. грам. 1509 іюля 29.

влетворенія за обиды, нанесенныя частному лицу [21]). Это начало является подробно развитымъ въ Судебникѣ 1550 года. Въ послѣдствіи времени элементъ уголовный въ наказаніи за убійство увеличивается тѣмъ, что къ смертной казни прибавляется конфискація имущества, оставшагося послѣ выдѣла головщины: „а кто взыщетъ пожеги, или душегубства, или разбоя, или тажбы... ино ищеѣ искъ платити изъ отвѣтчиковыхъ животовъ, а что за тѣмъ останется животовъ, и то описывати на меня царя ... и отвѣтчика казнити смертною казнію". Судная грамота 1614. Даже въ Уложеніи, гдѣ уголовныя начала являются въ полной силѣ, гдѣ слово головщина исчезаетъ предъ смертною казнію, и въ Уложеніи мы находимъ еще слабые слѣды платы за убійство. Если бы кто похвалялся смертнымъ убійствомъ, то тотъ, къ кому относится угроза, проситъ опасной грамоты: „и просителю дается опасная грамота съ большею заповѣдію, а заповѣди велѣлъ бы государь написати на того, кто на него похвалялся, пять тысящь или шесть и седмъ тысящь рублевъ и больше. И если убьетъ, то убійцу казнити смертною казнію и половину имѣнія его взяти въ государеву казну, а другую половину отдать убитаго женѣ и дѣтямъ и роду его, кто на того убойца начнетъ бити челомъ". Улож. X. 133. Во всѣхъ другихъ случаяхъ убійца предается смертной казни, а изъ его имѣнія берется часть не для удовлетворенія родственниковъ убитаго, а только для уплаты его кабальныхъ долговъ. Улож. X. 105.

---

[21]) Уставн. грам. 1509 іюля 29.

ПОЛОЖЕНІЯ.

I.

Въ древнихъ германскихъ законодательствахъ замѣтно стремленіе создать систему абсолютно-опредѣленныхъ наказаній: напротивъ неопредѣленныя наказанія составляютъ существенную черту древнѣйшихъ уголовныхъ законовъ Славянъ.

II.

Въ древнемъ русскомъ правѣ плата за убійство является въ двоякой формѣ: a) какъ понятіе, основанное на началахъ германскаго законодательства (вира), и b) какъ понятіе, возникшее изъ жизни славянскихъ народовъ (головничество, въ позднѣйшихъ памятникахъ головщина).

III.

Древнія богемское и моравское законодательства, предоставивъ законодательную власть родоначальникамъ, владѣвшимъ обширною поземельною собственностію, долго подавляли начало движимости (Bewegungsprincip) въ организмѣ государственномъ, и тѣмъ сохранили въ большей чистотѣ національныя славянскія начала.

IV.

Относительно неопредѣленныя наказанія составляютъ необходимую принадлежность уголовныхъ законовъ, основанныхъ на началѣ правосуднаго возмездія.

V.

Испытаніе водою и испытаніе желѣзомъ (ordalia) суть установленія чисто языческія, также незаимствованныя Славянами отъ Германцевъ, какъ и Германцами отъ Славянъ.

VI.

Начала уголовнаго права, изображенныя въ договорахъ Олега и Игоря, представляютъ характеръ чисто славянскихъ обычаевъ.

VII.

Hlawa въ богемскомъ и моравскомъ правѣ, крвавина у Сербовъ, głowszczyzna въ законодательствахъ польскомъ и литовско-русскомъ, наконецъ головничество или головщина въ древнемъ русскомъ законодательствѣ суть одно и то же понятіе, противоположное по своимъ началамъ германской вирѣ.

VIII.

Между древними славянскими законодательствами находится внутренняя тѣсная связь, возникшая изъ одноплеменности славянскихъ народовъ, и поэтому, для объясненія древняго русскаго права, необходимо сравнительное изученіе всѣхъ прочихъ славянскихъ законодательствъ.

II.

Разсужденіе объ идеѣ личности въ древнемъ правѣ богемскомъ и скандинавскомъ.

Академическая рѣчь для произнесенія въ торжественномъ собраніи университета Св. Владиміра, въ 1842 г.

Разсужденіе объ идеѣ личности въ древнемъ правѣ богемскомъ и скандинавскомъ *).

Идея личности есть основная идея права. Проистекая необходимо изъ разумности человѣка, она всегда служила краеугольнымъ камнемъ, на которомъ народы созидали права свои. Она покоряла себѣ народную мысль и глубоко отпечатлѣвалась въ исторіи народовъ.

Идея личности, для своего полнаго развитія и осуществленія, требовала продолжительнаго времени. Мысль, что всякій человѣкъ, по врожденной ему разумности, есть лицо, и слѣдовательно уже по своей природѣ долженъ имѣть опредѣленный кругъ правъ, какъ въ отношеніи къ государству, такъ и въ отношеніи къ другимъ гражданамъ, не вдругъ была признана человѣкомъ. Всемірная исторія законодательствъ представляетъ это постепенное развитіе и осуществленіе идеи личности въ жизни народовъ.

---

*) Печатано по рукописи, хранящейся при дѣлахъ совѣта университета Св. Владиміра, такъ какъ въ текстѣ этого разсужденія, напечатанномъ въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. Ч. XXXVI. 1842. II, стр. 1—18, нѣкоторые мѣста пропущены.

Древнія законодательства востока, исключая законодательство Евреевъ, какъ законодательство божественное, не могли возвыситься до идеи личности; поэтому здѣсь не было права. Здѣсь право лица на имущество исчезаетъ въ фамиліи, фамилія поглощается государствомъ, а государство исчезаетъ въ одномъ верховномъ повелителѣ. Такъ какъ идея личности здѣсь не могла быть основаніемъ права, то законодательство должно было искать для себя другаго основанія, и это основаніе была религія. Отъ этого право востока есть неизмѣнное право, уничтожающее всякое свободное движеніе законодательной мысли; отъ этого исторія востока представляетъ печальный образъ неподвижности. Если политическая исторія Греціи представляетъ картину разнообразной, движущейся жизни, то это потому, что здѣсь уже идея личности является основнымъ началомъ при образованіи законодательства. Здѣсь и боги являются лицами въ образѣ человѣка. Они первые основываютъ государства и даютъ законы; но это божеское право не такъ безусловно и неизмѣняемо, какъ на востокѣ. Боги полагаютъ только начало законодательству, дальнѣйшее образованіе предоставляется свободѣ человѣка. Но возникшая въ Греціи идея личности не имѣла еще полноты и окончательнаго образованія. Только Грекъ, гражданинъ государства, есть лицо и имѣетъ право; міръ внѣ Греціи есть міръ варваровъ, существъ, неимѣющихъ свободы и права. Слѣдовательно здѣсь идея лица является подчиненною государству и условливается государствомъ. Дальнѣйшее образованіе идеи личности предоставлено было Риму. Здѣсь она вырабатывалась въ вѣковой внутренней борьбѣ сословій. Народы Европы наслѣдовали идею личности, завѣщанную міромъ древнимъ, уже готовою, выработанною вѣками, и на ней основали права свои. Здѣсь мы встрѣчаемъ странное явленіе. Народы языческіе, съ своими грубыми вѣрованіями, съ своею чувственною жизнію, такъ скоро и такъ глубоко поняли мысль о правѣ человѣка,

такъ искренно увѣровали въ идею личности и рѣшились измѣнить свои коренные обычаи! Это явленіе, рѣшившее судьбу Европы, не будетъ для насъ страннымъ, если вникнемъ въ понятія о правахъ человѣка, существовавшія у народовъ европейскихъ во времена язычества; если изслѣдуемъ степень, на которой находилась идея личности у этихъ язычниковъ въ то время, когда законодательная власть не успѣла еще соединить народные элементы въ одно стройное цѣлое, и когда обычаи, возникшіе изъ внутренней жизни, служили правиломъ для внѣшней дѣятельности народа. Мы увидимъ, что у этихъ юныхъ народовъ, при первоначальномъ образованіи государствъ, понятіе о правѣ человѣка, какъ лица, было выше, нежели у древнихъ народовъ. Сквозь грубую кору языческихъ обычаевъ уже довольно ярко просвѣчиваетъ идея личности человѣка въ сознаніи народномъ и служитъ руководствомъ для законодателей.

Чтобы рѣшить, на какой степени развитія была идея личности у народовъ Европы до окончательнаго образованія государствъ и до введенія христіанской религіи, я не считаю нужнымъ теряться въ правахъ и обычаяхъ разныхъ народовъ, составляющихъ два племени—германское и славянское. Я считаю достаточнымъ избрать въ каждомъ племени народъ, который, по своей исторической судьбѣ, по своему народному характеру и любви къ отчизнѣ, наиболѣе и наичище сохранилъ коренныя права и обычаи, и поэтому можетъ считаться представителемъ своего племени. Къ такимъ народамъ я могу отнести Скандинавовъ и Богемцовъ. Древнее скандинавское право есть самый чистый германскій элементъ. Защищаемое морями отъ вліянія всего чужеземнаго, оно долго сохраняло языческій характеръ, долго являюсь въ формѣ саги уже въ такія времена, когда исторія государствъ европейскихъ оставила свою поэтическую одежду и явилась въ формахъ положительныхъ. Сюда не могло проникнуть ни римское право, какъ въ Германію, ни ленное

право не могло служить источникомъ для частнаго права, какъ это мы находимъ въ Англіи. Въ правахъ скандинавскихъ народовъ мы не находимъ строгаго и точнаго законодательства, и позднѣйшія законныя книги носятъ поэтическій характеръ саги. Поэтому скандинавское законодательство мы можемъ считать выраженіемъ безпримѣсной народной германской мысли. Чисто славянскую мысль мы можемъ найти въ древнемъ правѣ богемскомъ. Здѣсь, какъ и въ Скандинавіи, законы, одѣтые символами, первоначально являются въ формѣ поэзіи. Законодательная власть, въ лицѣ родоначальниковъ, хранила древніе обычаи, какъ святыню; отъ этого и здѣсь, какъ въ Скандинавіи, долго не было строгаго и точнаго законодательства, и языческіе обычаи держались гораздо долѣе, нежели въ другихъ европейскихъ государствахъ.

Избравъ область права матеріаломъ, изъ котораго я долженъ буду извлечь идею личности, я ограничусь только правомъ частнымъ: потому что право публичное, въ избранную нами эпоху, только что начинаетъ свое образованіе, не такъ глубоко проникло въ жизнь народную, и поэтому не можетъ служить рѣзкимъ выраженіемъ народной мысли; напротивъ, право частное возникло изъ жизни семейной, и поэтому представляетъ духъ народа съ его отличительнымъ характеромъ. Въ области частнаго права мы можемъ слѣдить за явленіемъ идеи личности преимущественно въ слѣдующихъ трехъ отношеніяхъ: 1) въ отношеніяхъ между супругами; 2) въ родительской власти; 3) въ правѣ господъ надъ ихъ рабами.

На востокѣ женщина есть вещь, есть имущество мужа, есть его богатство. Она пріобрѣтается и отчуждается, какъ всякая другая собственность. Въ Греціи женщина выше и свободнѣе: здѣсь является моногамія, здѣсь женщина владѣетъ собственностію, какъ внѣшнею сферою, въ которой можетъ вы-

ражаться ея самостоятельность. Но эти права предоставлены женщинѣ, не потому что она лицо, но потому что она гражданка. Женщина негражданка есть вещь. Слѣдовательно идея личности здѣсь зависитъ отъ государства и условливается имъ. Отъ этого въ законахъ о бракѣ находимъ въ Греціи противорѣчія. Моногамія здѣсь уничтожается легкостію развода и возможностію, кромѣ законной жены, имѣть конкубину (παλλακίς).— Фамильный деспотизмъ древнихъ Римлянъ уничтожалъ совершенно свободу и самостоятельность женщинъ. Только у новыхъ народовъ Европы женщина пріобрѣтаетъ свободу. Здѣсь она, какъ лицо, имѣетъ опредѣленный кругъ правъ въ общественной и частной жизни. Она уже не заключена въ стѣнахъ дома; кругъ ея дѣятельности не ограниченъ заботами семейными подъ неограниченною властію мужа: напротивъ, она является въ общественныхъ собраніяхъ и занимаетъ почетное мѣсто; ей предоставлена честь владѣть мечемъ и мстить за нанесенную обиду. Рыцари, въ угоду женщинамъ, отваживаются на трудные подвиги, соединенные съ опасностію жизни. Такое общественное значеніе даетъ женщинѣ какъ право скандинавское, такъ и богемское. Но въ Богеміи женщина, въ отношеніи къ правамъ общественнымъ, выше, нежели женщина въ Скандинавіи. Въ Богеміи ей доступенъ тронъ и предоставлено право быть правительницею народа. Дски праводатныя, хранилище народныхъ постановленій, и мечъ, карающій неправду [1]), какъ символы правосудія, составлявшіе принадлежность народныхъ сеймовъ, вручались для храненія дѣвамъ; въ собраніяхъ

[1]) »...due ueglasne deue uiucene uescbam uitzouim u iednei su deski praudodatne, u utorei mec criudi caraiuci«. Saud Libušin. Die ältesten Denkmäler der Böhmischen Sprache kritisch beleuchtet. Von Paul Joseph Šafařik und Franz Palazky. Prag, 1840.

народныхъ представителей онѣ собирали голоса въ священные сосуды [2]).

Въ области частнаго права законодательство скандинавское совершенно противоположно богемскому. Въ первомъ чуть замѣтна идея личности, сквозь грубыя восточныя краски; во второмъ находимъ свободу и самостоятельность женщины во всей полнотѣ и опредѣленности. Въ правѣ скандинавскомъ исключительный способъ вступленія въ бракъ есть купля съ одной и продажа съ другой стороны. Mundr, плата за жену, была необходима, иначе бракъ былъ недѣйствителенъ. Мелочная подробность и разсчетливость германскихъ законодательствъ проникла и въ брачный договоръ и опредѣлила цѣну женщины: самая низшая плата за жену полагается въ одну марку. Дѣти, родившіяся отъ матери, за которую заплачено менѣе одной марки, не имѣютъ права наслѣдства [3]). Такимъ образомъ, жена у Скандинавовъ есть купленная вещь; въ этомъ торговомъ договорѣ исчезаетъ ея личность. Такая плата за жену встрѣчается, подъ разными названіями, во всѣхъ германскихъ законодательствахъ и есть установленіе, общее всѣмъ законодательствамъ востока. Въ богемскомъ правѣ находимъ совершенно противное. Вмѣсто платы за жену, унижающей бракъ до простаго торга, здѣсь встрѣчаемъ приданое. Приданое имѣетъ важное значеніе въ законодательствѣ. При этомъ установленіи женщина предполагается существомъ, имѣющимъ право владѣть вещію, и слѣдовательно противоположнымъ вещи; она является въ домъ мужа, окруженная сферою, въ которой господствуетъ ея свободная воля, и въ которой выражается ея самостоятельность.

---

[2]) »I sebraste glasi deue sudne sbieraste ie u osudie zuate i daste ie lehom prouolati«. Тамъ же.

[3]) Codex juris Islandorum antiquissimus, qui nominatur Gragas; commentatio critica Schlegellii. I. 370.

Приданое есть личность женщины, выраженная во внѣшнемъ мірѣ. Отъ этого востокъ имѣлъ плату за жену, но никогда не могъ возвыситься до приданаго. Но въ богемскомъ законодательствѣ мало того, что жена, отдѣляясь отъ своего рода и переходя къ мужу, должна была явиться лицомъ самостоятельнымъ, имѣющимъ собственность,. требовалось еще, чтобъ эта личность и самостоятельность была признана мужемъ и была обезпечена отъ всякаго съ его стороны нарушенія. Для этого мужъ долженъ былъ записать на имя жены часть своего имущества, которая превышала бы третью приданое [4]).

Идея личности, въ полной и высшей степени своего развитія, необходимо требуетъ моногаміи. Въ этомъ отношеніи законодательства богемское и скандинавское имѣютъ свои особенныя слабыя стороны. Скандинавское законодательство признаетъ законною только одну жену, но дозволяетъ мужу раздѣлять любовь между женою и конкубиною. Если въ женѣ Скандинавца мы находимъ лицо, запечатлѣнное восточною физіономіею, то въ конкубинѣ женщина совершенно унижена до вещи. Допустивъ конкубинатъ и признавъ покупку единственнымъ способомъ вступленія въ бракъ, народы скандинавскіе увидѣли въ своихъ земляхъ заморскихъ купцовъ, привозившихъ имъ женщинъ на продажу. Въ числѣ такихъ купцовъ Laxdaela saga упоминаетъ о русскомъ купцѣ Гилли. Въ Богеміи не находимъ слѣдовъ конкубината, но зато ничѣмъ неограниченная свобода и самостоятельность женщины превращалась въ своевольство и давала женамъ право мѣнять мужей по произволу [5]). Такая свобода уничтожала строгую моногамію, и уже

---

[4]) Viktorina Kornelia ze Wšehrd knihy dewatery o práwiech a súdiech i o dskách země Česke. V. 6. Staročeská Biblioteka. W Praze, 1841.

[5]) Non eas (virgines) viri, sed ipsæmet viros, quos et quando voluerunt accipiebant. Cosmas Pragensis. 21.

христіанская религія, ограничивъ строгими наказаніями возможность развода, возвысила бракъ до соединенія лицъ на всю жизнь [6]).

Права жены въ самомъ семействѣ еще яснѣе дадутъ намъ понятіе о достоинствѣ женщины у представителей германскаго и славянскаго племени. У Скандинавовъ жена въ семействѣ есть покорная исполнительница приказаній мужа, который управляетъ домомъ неограниченно. Она обязана раздѣлять судьбу мужа, какимъ бы ни подвергался онъ несчастіямъ. Въ Ніалъ-Сагѣ Берггора добровольно подвергается сожженію, не желая разлучиться съ мужемъ, которому поклялась быть вѣрною до гроба. Богемское право болѣе любитъ женщину и старается дать ей значеніе въ семействѣ, ограничивъ строгими и точными постановленіями своевольство мужа. Древнѣйшій памятникъ богемскаго законодательства Sniem, распредѣляя работы между членами семейства, назначаетъ для женщинъ самыя легчайшія [7]). Жена представляла въ своемъ лицѣ семейство, она составляла домъ, и потому мужъ юридически считался находящимся дома только тогда, когда онъ находился подлѣ своей жены. Если возникала тяжба, то судъ могъ объявить вызовъ къ суду только въ домѣ отвѣтчика, а если отвѣтчикъ былъ женатъ, то только въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась жена. Право розенбергское

---

6) Cosmas Pragensis подъ годомъ 1021. Бречиславъ, для прекращенія разводовъ, издалъ законъ: »Si conjux virum, aut vir conjugem spreuerit et rixa inter eos usque ad discidium efferuerit, qui ex eis in priorem copulam legitime celebratam redire noluerit, nolo, ut, secundum ritum nostræ terræ, hujus rei violator in seruitutem redigatur, sed, qualiscunque sit persona, redigatur in Ungariam, et nequaquam liceat, ut pretio se redimat, aut in hanc terram redeat«.

7) Muse pasu, seni rubi stroia. Die ält. Denkmäler der böhmischen Sprache. Prag. 1840. 34.

говоритъ: „Если коморники являются въ домъ отвѣтчика, чтобъ звать къ суду, а имъ говорятъ: госпожи нѣтъ дома, она гоститъ у родственниковъ, то должно объявить вызовъ тамъ, гдѣ находится жена, иначе вызовъ недѣйствителенъ; потому что домъ отвѣтчика тамъ, гдѣ его жена“ [8]). Но вся сила ея власти въ семействѣ особенно являлась въ томъ, что она могла спасти своего мужа, преслѣдуемаго кровавою родственною местью. Законъ говоритъ: „Если убійца найденъ будетъ подлѣ своей законной жены, и она обниметъ его или прикроетъ своею одеждою, то мститель долженъ прекратить месть и оставить убійцу въ покоѣ“. Самъ король въ этомъ случаѣ не имѣлъ права помиловать убійцу и спасти его отъ родственной мести. Только въ присутствіи жены, при гробѣ Вячеслава, патрона Богеміи, и въ присутствіи королевы преступникъ могъ спастись отъ смерти [9]).

Въ древнихъ уголовныхъ кодексахъ въ числѣ преступленій находимъ дѣйствіе, нарушающее въ высшей степени честь, свободу и самостоятельность женщины: это есть насиліе, унижающее женщину до матеріальнáго средства къ удовлетворенію страсти. Изъ взгляда законодателя на это преступленіе и изъ строгости наказанія мы можемъ заключить, на какой степени развитія была идея личности въ правѣ народа. Германскія законодательства присуждаютъ обиженной денежное вознагражденіе. Изъ этого видно, что они смотрятъ на преступленіе, какъ на вредъ, подлежащій оцѣнкѣ, и слѣдовательно ставятъ его на ряду со вредомъ, причиненнымъ всякой другой вещи, составляющей частную собственность. Гораздо выше просвѣчиваетъ мысль въ суровомъ карательномъ правѣ Богемцовъ. Здѣсь насиліе считается преступленіемъ большимъ, нежели убійство.

---

[8]) Prawa zemie České. Ст. 26, 28, 35.

[9]) Řad zemskeho prawa. Ст. 32.

права лица нарушены въ высшей степени, вознагражденіе невозможно и унизительно, поэтому преступникъ долженъ былъ подвергнуться высшему уголовному наказанію. Обиженная съ распущенными волосами являлась въ судъ предъ старшинами народа и съ воплемъ объявляла о нанесенномъ оскорбленіи. Судьи, въ случаѣ сомнѣнія, подвергали преступника испытанію желѣзомъ, и когда жалоба оказывалась справедливою, то обиженной вручался мечъ, и она должна была собственною рукою отрубить голову преступнику [10]).

Отношеніе между родителями и дѣтьми у всѣхъ народовъ составляло важную задачу для законодателей. Отецъ есть виновникъ бытія дѣтей. Если народъ имѣетъ темное понятіе о личности человѣка, его свободѣ и самостоятельности, то, на основаніи этого причиннаго отношенія, онъ весьма естественно дойдетъ до той мысли, что сынъ въ отношеніи къ отцу есть существо безъ всякаго права. Отецъ далъ бытіе сыну, и поэтому бытіе сына есть полная собственность отца. Такой грубой взглядъ на юридическое отношеніе между отцомъ и дѣтьми встрѣчаемъ въ восточныхъ законодательствахъ. Даже римское право во всей строгости приняло эту мысль за основаніе фамильнаго права. Отсюда выведены жестокія права отца надъ жизнію дѣтей: право жизни и смерти, право выбросить новорожденное дитя на произволъ судьбы, право продать его. Отсюда также выведенъ законъ, что дѣти не могутъ имѣть собственности. Какъ прибыль, приносимая вещію, есть собственность владѣльца вещи, такъ точно и все пріобрѣтенное сыномъ должно принадлежать отцу. Даже дѣти сына составляютъ собственность отца. Эти грубыя понятія объ отношеніи родителей и дѣтей со всѣми послѣдствіями встрѣчаются и въ правѣ скандинавскомъ. Здѣсь, также какъ и на востокѣ, свобода и самостоятельность

---

[10]) Řad zemského prawa. Ст. 48, 88.

дѣтей исчезаютъ предъ властію отца; и здѣсь отецъ имѣлъ право продать дитя, убить его или выбросить, какъ всякую ненужную вещь. Въ Гуннлаугсагѣ Тористейнъ, отправляясь въ путь, говоритъ женѣ: „ты беременна, если родишь дочь, то выбрось ее, а если родишь сына, то я желаю, чтобъ онъ остался въ живыхъ“. Напрасно жена возражала Тористейну, что его богатство достаточно для содержанія многочисленнаго семейства. Тористейнъ съ угрозою повторилъ свое приказаніе. Не бѣдность края и недостатокъ средствъ къ пропитанію, какъ думаетъ Мишеле [11]), были главною причиною такого жестокаго обычая. Политико-экономическія мѣры къ насильственному уменьшенію народонаселенія никогда не могутъ заглушить голосъ природы въ народѣ юномъ, неиспорченномъ образованіемъ. Обычай имѣлъ свое основаніе во внутреннемъ убѣжденіи народа, въ ложно-понятомъ отношеніи отца къ дѣтямъ и въ низкой степени развитія идеи личности человѣка. Это уже можно видѣть изъ того, что самый ничтожный поводъ заставлялъ отца сдѣлаться убійцею дитяти: ненависть къ женѣ, чувство мести, а иногда даже зловѣщій сонъ. Какъ ни была груба языческая религія, однакожъ и она вооружалась противъ этого жестокаго обычая и неограниченной власти родителя противополагала освященіе: она окропляла дѣтей священною водою, посвящала ихъ богамъ, и тогда уже жизнь ихъ была неприкосновенною. Много требовалось времени для того, чтобъ христіанская религія, проникнувъ духъ народный, могла дать право и самостоятельность дѣтямъ въ отношеніи къ родителямъ.

Фамилія въ Богеміи представляетъ совершенно другое явленіе. Здѣсь каждое лицо имѣетъ свой опредѣленный кругъ правъ и обязанностей, опредѣленную степень независимости въ дѣйствіяхъ. Здѣсь фамилія представляетъ республику. Если

---

[11]) Origines du droit français. Par M. Michelet. Bruxelles. 1838. I. 3.

умретъ глава семейства, говоритъ древнѣйшій сеймъ, то дѣти всѣ вмѣстѣ владѣютъ имуществомъ, выбравъ себѣ владыку изъ рода [12]). Слѣдовательно каждый подчиненный членъ семейства не былъ собственностію родоначальника, не былъ отчуждаемою вещію, но былъ лицомъ свободнымъ и самостоятельнымъ. Эта личность выражалась въ правѣ каждаго сына на имущество, принадлежавшее фамиліи, и въ ограниченіи личныхъ правъ родоначальника. Имущество фамиліи не есть собственность родоначальника, но принадлежитъ всѣмъ членамъ семейства. Поэтому сынъ, достигши совершеннолѣтія, имѣлъ право требовать выдѣла. Если отецъ упорствовалъ, то сынъ могъ противъ него подать искъ. При дѣлежѣ имущества, отецъ могъ дать сыну удѣлъ только съ согласія родственниковъ, а себѣ могъ оставить вдвое противъ удѣловъ, доставшихся сыновьямъ. Если бы отецъ захотѣлъ самовольно отдѣлить сына, то раздѣлъ былъ дѣйствительнымъ только до смерти отца. По смерти отца отдѣленное имущество поступало въ общую массу, и раздѣлъ производился снова. Какъ имущество отца считалось собственностію фамиліи, такъ точно и имущество, пріобрѣтенное сыномъ неотдѣленнымъ, принадлежало семейству и дѣлилось поравну между пріобрѣтателемъ, его отцомъ и братьями. Во всѣхъ личныхъ отношеніяхъ сынъ имѣлъ право жаловаться на отца въ судъ, какъ и на посторонняго; даже противъ жестокихъ поступковъ отца онъ имѣлъ право крайней обороны. Еслибъ сынъ, защищая свою жизнь отъ нападеній отца, нанесъ рану или сдѣлался бы вынужденнымъ убійцею, то считался невиннымъ. Здѣсь ясно видно, что жизнь сына есть самостоятельная жизнь, независящая отъ жизни отца, что отецъ, произведя на свѣтъ существо свободное, долженъ былъ уважать въ немъ право лица и не

---

[12]) I umreli glaua celedina deti use tu sbosiom u iedno u'adu uladieu si z roda uiberuce. Die alt. Denkmäler der Böhm. Sprache, стр. 34.

могъ имѣть на него никакого вещнаго права. Дочь есть также лицо свободное и самостоятельное. Ея судьба зависитъ отъ воли родителя, но воля родителя не уничтожала совершенно воли дочери. Дочь давала согласіе на бракъ и могла сама выбрать себѣ мужа. Если отецъ, безъ достаточной причины, не соглашался на бракъ, то дочь могла предложить дѣло на рѣшеніе цѣлаго рода или обратиться къ суду [13]). Зато страшная казнь постигала ее, если она, безъ вѣдома отца и родственниковъ, оставляла домъ отцовскій и отваживалась на побѣгъ съ похитителемъ. Отецъ являлся судьею своей дочери. Посредство суда требовалось только для того, чтобъ привести въ ясность преступленіе. Если было ясно, что дочь была согласна на побѣгъ, то отецъ бралъ изъ рукъ судей мечъ и долженъ былъ собственною рукою отрубить головы своей дочери и ея похитителю [14]). Такимъ образомъ, право скандинавское и богемское, въ законахъ о власти родительской, представляютъ намъ двѣ совершенно противоположныя крайности. Право скандинавское предоставляетъ отцу слишкомъ обширную власть надъ дѣтьми, между тѣмъ какъ право богемское слишкомъ ограничиваетъ власть отца и права дѣтей расширяетъ за надлежащіе предѣлы. Указать правильную средину между этими двумя крайностями предоставлено было христіанской религіи.

Въ состояніи рабовъ идея личности является совершенно подавленною. Здѣсь человѣкъ, лишенный права выражать самостоятельно свою волю во внѣшнемъ мірѣ, есть существо страдательное, надъ которымъ чужая воля дѣйствуетъ неограниченно, подчиняя его случайнымъ цѣлямъ. У народовъ европейскихъ состояніе рабовъ главнымъ образомъ возникало и умножалось

[13]) V. K. z Wšehrd. V. 21, 38. VI. 7, 11. Kniha Towačowská. Рукопись въ Раудницкой библіотекѣ.

[14]) Řad zem. prawa. 84, 85.

изъ права войны. То же самое ложное понятіе, которое заставляло народы давать отцу неограниченную власть надъ дѣтьми, служило основаніемъ и власти побѣдителя надъ военноплѣннымъ. Отецъ имѣлъ потому неограниченную власть надъ сыномъ, что онъ есть причина, сообщившая жизнь; а побѣдитель имѣлъ такую же власть надъ побѣжденнымъ потому, что онъ не воспользовался правомъ убить побѣжденнаго, и слѣдовательно былъ причиною, сохранившею жизнь. Такой взглядъ, общій всѣмъ восточнымъ законодательствамъ, встрѣчаемъ во всей Европѣ при первоначальномъ устройствѣ государствъ. Слѣдовательно рабство здѣсь не имѣло основаніемъ корыстныхъ видовъ, какъ въ наше время рабство негровъ, но необходимо и естественно вытекало изъ основныхъ убѣжденій и понятій народовъ о личности человѣка. Рабъ составлялъ имущество господина, и потому неограниченно, съ душею и тѣломъ, подчинялся произволу господина. Здѣсь языческая религія не смѣла явиться защитницею правъ человѣка. Вѣчная зависимость раба отъ власти господина составляла религіозное вѣрованіе народовъ скандинавскихъ [15]). По понятіямъ народа и самая смерть не могла освободить раба отъ власти господина: рабъ оставался рабомъ и за гробомъ. Отсюда вышло обыкновеніе умерщвлять рабовъ при погребеніи господъ или при сожженіи ихъ труповъ, для того чтобъ умершій, перейдя въ будущую жизнь, тотчасъ могъ имѣть готовую прислугу. Та же участь постигала коня, сокола и собаку, необходимыхъ для охоты въ жилищѣ блаженныхъ. Это установленіе такъ глубоко пустило корни въ жизнь народную, что христіанская религія, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, долго не могла уничтожить его. Въ Скандинавіи, скоро по введеніи христіанской религіи, духовные только и могли настоять на томъ, что во время поста и въ праздничные дни господинъ

[15]) Gragas. II. 154.

не имѣлъ права убить своего раба [16]). Въ Богеміи уже въ XV вѣкѣ юристы спорили, можетъ ли рабъ позвать своего господина въ судъ за тяжкое оскорбленіе? Вшегордъ, основываясь на древнихъ установленіяхъ сеймовъ, утверждаетъ, что господинъ имѣетъ надъ своимъ рабомъ право жизни и смерти, и что слѣдовательно жалоба раба на господина невозможна. Даже и рабъ, отпущенный на свободу, не имѣетъ права предъявить искъ противъ своего прежняго господина [17]). Такъ какъ плѣненіе было главнымъ источникомъ рабства, то отсюда необходимо должна была явиться торговля рабами. По окончаніи войны семейства наполнялись чужеземцами, рѣзко отличавшимися родомъ жизни, обычаями, языкомъ и вѣрою. Государство еще не представляло того органическаго стройнаго цѣлаго, въ которомъ бы верховная власть, проникая собою весь составъ общества и управляя производительными силами народа, могла извлечь пользу изъ этого неправильнаго прилива народонаселенія. Поэтому семейства оставляли для себя самую малую часть военноплѣнныхъ, государству они были не нужны; оставалось или взять за нихъ выкупъ, или продать ихъ для вознагражденія потерь, причиненныхъ войною. Слѣдовательно торговля рабами въ древнія времена была необходимымъ слѣдствіемъ способа порабощенія, была также естественна, какъ и самое рабство. Уже въ 906 году Богемцы являются на берегахъ Дуная съ толпами рабовъ для продажи и платятъ за свой товаръ таможенныя пошлины: „de una ancilla tramisam I, de cauallo masculino similiter, de seruo saigam unam similis de equa [18]). Напрасно папы вопіяли противъ такого постыднаго торга [19]). Космасъ подъ годомъ 1021

[16]) Gragas. II. 154.
[17]) V. K. z Wšehrd. III. 22.
[18]) Boczek, Codex diplomaticus Moraviæ. Olomucii. 1836. I.
[19]) Cosmas Pragensis sub anno 1039.

говоритъ, что Вратиславъ, послѣ счастливой битвы, плѣнивъ польскихъ воиновъ, связалъ ихъ по сотнямъ и погналъ на продажу въ Венгрію и другія отдаленнѣйшія земли.

Несостоятельность должника могла быть также причиною порабощенія. Въ этомъ случаѣ встрѣчаемъ различныя постановленія, смотря по большей или меньшей ясности понятія о личности человѣка. Имущество есть внѣшняя часть бытія человѣка. Проникнутое свободною волею лица, оно составляетъ съ лицомъ юридическое единство. Древнее римское право превращаетъ это юридическое единство между должникомъ и его имуществомъ въ единство физическое: оно дѣлитъ имущество, разрѣзываетъ самого должника на части и удовлетворяетъ кредиторовъ: „Si plures erunt rei, tertiis nundinis partis secanto, si plus minusve secuerunt, se fraude esto, si volent uls Tiberim peregre venundanto“. Здѣсь человѣкъ является вещію дѣлимою въ физическомъ смыслѣ. Это самое постановленіе, во всей его строгости, встрѣчается и въ правѣ скандинавскомъ [20]). Въ богемскомъ законодательствѣ должникъ дѣлается рабомъ, продается, и изъ вырученной суммы удовлетворяются заимодавцы [21]).

Но и въ этомъ мракѣ, гдѣ лицо и вещь не могутъ быть отличены, гдѣ лицо, также какъ и вещь, отчуждается и дѣлится на части, уже просвѣчиваетъ идея. Богемцы ненавидѣли рабства и считали его противнымъ Богу: „mrzkost iest paroba hospodinu [22])“. Въ древнѣйшемъ эпосѣ богемскомъ IX вѣка За́бой, предводитель Чеховъ, вызывая на бой предводителя Саксовъ, не находитъ для него названія презрительнѣе, какъ наз-

---

[20]) Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer. Göttingen. 1828. S. 616.

[21]) »Pro debito si quis citatus fuerit et in primo termino non astiterit judicio, vendatur, nisi legitimum probare possit impedimentum. Boczek, Codex dipl. Moraviæ. T. II, p. 21.

[22]) Kralodworsky rukopis. W Praze. 1829. Zaboj, Slawoj, Ludiek.

ваніе раба: „Ai Ludiece, ty si parob na paroby krále! [23])“. Рабъ богемскій и скандинавскій имѣлъ существенныя черты, отличавшія его отъ рабовъ древняго міра. Сюда относится право вступать въ законный бракъ. Это право принадлежитъ только лицу, и поэтому Римляне, унизивъ раба до вещи въ строгомъ смыслѣ, лишили его права вступать въ законный бракъ. Идея личности раба еще просвѣчиваетъ въ томъ, что плата за обиду, причиненную рабу, отчасти принадлежала обиженному. Здѣсь рабъ признается лицомъ, потому что плата за поврежденіе вещи всегда принадлежитъ ея владѣльцу и не можетъ составлять собственности самой поврежденной вещи. Наконецъ, усердный рабъ могъ имѣть, по волѣ господина, полную собственность, и слѣдовательно юридически уже противополагался вещи и могъ проявлять въ ней свою свободную волю.

Такова была идея личности у представителей двухъ племенъ, составившихъ главную часть міра европейскаго! Въ самыя древнія времена она является у этихъ народовъ выше, нежели у народовъ древняго міра. Она возвысила женщину, она смягчила власть родителей и бытію дѣтей сообщила самостоятельность. Она уже начала возвышать и раба до степени лица. Надъ грубою массою языческихъ обычаевъ она носилась вѣчнымъ животворнымъ началомъ, участвовала въ образованіи формъ государственныхъ и приготовляла путь для христіанской религіи.

---

[23]) Тамъ же.

III.

Древнее право Чеховъ.

Древнее право Чеховъ.

Въ законахъ древнихъ Чеховъ славянское право сохранилось въ большемъ объемѣ, нежели въ законахъ другихъ славянскихъ народовъ. Законодательная власть принадлежала земскому суду, въ которомъ паны имѣли свои совѣщанія (polaz), и изъ этихъ совѣщаній выходили всѣ законы въ видѣ панскихъ рѣшеній (nález), составлявшихъ единственную форму, въ которой являлось древнее законодательство Чеховъ. Паны, не допуская никакихъ нововведеній, старались сохранять старое, утвержденное обычаемъ право. Къ этому должно прибавить нетерпимость къ чужеземцамъ, которая возникла отъ близкаго соприкосновенія къ враждебнымъ въ то время племенамъ германскимъ и продолжалась чрезъ всю исторію Богеміи [1]). Все

[1]) »Чужеземцы нигдѣ не должны быть терпимы въ землѣ чешской. При блаженной памяти князьяхъ: Звятомъ Спытигнѣвѣ, при отцѣ его Бретиславѣ и при святомъ Собѣславѣ, и при другихъ послѣ бывшихъ князьяхъ и короляхъ, чужеземцы были вонъ изъ земли выгоняемы, какъ объ этомъ всѣ чешскія лѣтописи ясно свидѣтельствуютъ: ибо правду сказалъ Коята первому королю чешскому Вратиславу отъ всей земли чешской: король! отъ своихъ Чеховъ ты имѣешь честь, а отъ Нѣмцовъ и другихъ чужеземцовъ имѣешь только лесть«. Wiktorin ze Wšehrd. III, 17. Рукопись въ Чешскомъ музеѣ. Ср. также Kosmas Chronicon Bohaemorum ad annum 1067.

это способствовало тому, что законодательство развивалось болѣе изъ древнихъ, утвержденныхъ обычаемъ, чисто славянскихъ началъ, и долго противилось нововведеніемъ и вліянію правъ чужеземныхъ [1]). Викторинъ изъ Вшегордъ удивляется неизмѣнности древняго чешскаго права, и готовъ думать, что это право дано было его предкамъ свыше. Онъ говоритъ: „не одной, не двухъ и не трехъ, а безчисленныхъ похвалъ достойны древніе Чехи, которые такія справедливыя и совершенныя права вымыслили. Часто и долго думалъ я объ этомъ, и мнѣ ничего другаго на мысль не приходило, какъ только то, что право земли чешской дано старымъ князьямъ самимъ Богомъ. Что не отъ Бога, то скоро исчезаетъ, а право земли чешской безъ всякой перемѣны, какъ сначала установлено, такъ и доселѣ сохраняется“ [2]).

Судебная власть пановъ была неограниченна. Они могли одно и то же дѣло рѣшать разнымъ образомъ, могли карать и миловать [3]). Они не хотѣли имѣть никакихъ писанныхъ законовъ, которые могли бы ограничить ихъ власть. Поэтому въ древнія времена до 1500 года не находимъ ни одного кодекса, который бы имѣлъ силу закона; но всѣ рѣшенія пановъ были за-

---

[1]) »Позорно для насъ искать у Нѣмцовъ права,
»У насъ право по закону святу,
»Которое принесли отцы наши
»Въ эту плодоносную землю«.
Rukopis Kralod. 1835, стр. 114.

[2]) Wikt. ze Wšehrd. III, 18.

[3]) »Паны говорятъ, что они могутъ въ своихъ рѣшеніяхъ, записанныхъ въ доски, прибавлять и убавлять. Они также говорятъ, что не должно имѣть писанныхъ правъ, чтобъ имъ можно было рѣшать одно и то же дѣло различнымъ образомъ«. См. рукопись: Ondřege z Dubi Wykład prawa Ceskeho: o swobodie Panow w náleziéch.

писываемы въ судебныя доски (dsky), о которыхъ упоминается уже въ Любушиномъ судѣ [1]), и которыя, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, дробясь на разныя вѣтви, въ XVI вѣкѣ составляли огромный кодексъ. Все это уничтожилъ пожаръ 1541 года. Въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ чешскихъ юристовъ сохранилось отчасти древнее чешское право. Для практики множество панскихъ рѣшеній, записанныхъ въ земскихъ доскахъ, было весьма неудобно: нужно было имѣть краткіе своды, которыми могъ бы пользоваться какъ судья, такъ и подсудимый. Доселѣ извѣстны четыре такихъ свода на чешскомъ языкѣ.

I. Право земли чешской (Práwo Země Ceské), памятникъ, найденный у Петра изъ Розенберга, наивысшаго коморника († 1347), и поэтому называется также: право стараго пана изъ Розенберга. По всей вѣроятности памятникъ этотъ написанъ въ первой половинѣ XIII вѣка. Изъ безпорядочнаго расположенія статей можно заключить, что этотъ памятникъ составленъ не однимъ лицемъ и не въ одно время. Начинается о коморникахъ и вызовѣ къ суду (1—68), потомъ объ оправданіи предъ судомъ (68—149), далѣе, въ какомъ случаѣ одинъ вызовъ къ суду, а въ какомъ три вызова; при этомъ указываются средства къ оправданію: вода, желѣзо, присяга одного истца, присяга свидѣтелей, поединокъ на мечахъ и на кіяхъ (149—199). Статья 199 содержитъ въ себѣ длинное оглавленіе, въ которомъ предложено 38 задачъ для рѣшенія въ статьяхъ послѣдующихъ; потомъ слѣдуютъ самыя статьи (200—281), въ которыхъ рѣшены только 8 задачъ, предложенныхъ въ оглавленіи. На концѣ стоитъ: „такъ оканчиваются права, которыя имѣлъ старый панъ изъ Розенберга. Аминь“. Часть этого памятника съ переводомъ на новый чешскій языкъ

[1]) »Desky prawodatné«. Ruk. Kral. стр. 111.

напечатана г-мъ Палацкимъ въ журналѣ: Casopis Ceského Museum. 1835. IV.

II. Рядъ земскаго права (Rad prawa zemského) написанъ при Карлѣ IV на латинскомъ языкѣ, потомъ въ XIV вѣкѣ передѣланъ и переложенъ на чешскій. Латинскую рукопись должно отнести къ 1360 году. Впрочемъ здѣсь много такихъ постановленій, которыя въ это время были уже древностію права, какъ напримѣръ испытаніе водою и желѣзомъ (ст. 53 и 66), судъ о похищеніи женщины (84, 85), судъ о скотѣ (89), о́гребъ (59), котораго даже не понимали въ то время, когда былъ писанъ этотъ памятникъ. Главный предметъ здѣсь та часть права, которая теперь называется судопроизводствомъ уголовнымъ.

III. Толкованіе чешскаго права (Wyklad práwa Ceského), написанное Андреемъ изъ Дубе около 1400 года. Въ посвященіи своего труда королю Вячеславу IV Андрей изъ Дубе говоритъ: „Я, Андрей старшій изъ Дубе, предлагаю нижайшую свою службу, готовую къ исполненію повелѣній твоего Величества. Какъ твой покорный и твоей чешской короны урожденный вѣрноподданный, я написалъ эту памятную книгу къ твоей чести, для твоего и для общаго блага и для славы всей земли чешской. Я писалъ такъ, какъ научился отъ своихъ предковъ и отъ многихъ старыхъ пановъ, которые любили право земли чешской; какъ научился, когда самъ былъ въ санѣ наивысшаго судьи, много лѣтъ при тебѣ и при отцѣ твоемъ, велъ и держалъ судъ вѣрно, съ своими вѣрными товарищами и сановниками того времени. А писалъ я особенно для того, чтобы это славное право и земскій судебный порядокъ не исчезли вмѣстѣ со мною, старымъ человѣкомъ: потому что, я думаю, мало осталось пановъ, которые помнятъ, какое право имѣли ихъ отцы“. Порядокъ статей принаровленъ къ судебной практикѣ и гораздо строже, нежели въ предыдущихъ памятникахъ. Двѣ главныя задачи старается рѣшить Андрей изъ Дубе: какія

нужно предпринять дѣйствія въ судѣ, чтобъ получить удовлетвореніе за нарушенное право, или чтобъ утвердить за собою какое-нибудь право, и чего должно остерегаться. Первая задача рѣшается въ двухъ отдѣленіяхъ. Въ первомъ описываются дѣйствія, которыя собственно относятся къ земскому суду (см. примѣч. 1): начинаніе иска, вызовъ къ суду, жалоба, оправданіе, рѣшеніе вслѣдствіе неявки одной изъ тяжущихся сторонъ и вслѣдствіе судебнаго приговора. Во второмъ отдѣленіи говорится о дѣйствіяхъ, которыя относятся собственно къ записнымъ доскамъ (dsky zapisné) (см. примѣч. 6). Во второй части предлагаются разныя предосторожности (wystraha) для избѣжанія ошибокъ, которыя могутъ имѣть слѣдствіемъ издержки или потерю иска (o zmatciéch). Въ эту судопроизводственную форму вставлены постановленія уголовныя, гражданскія и такія, которыя относятся къ государственному устройству. Къ этому памятнику прибавлено еще нѣсколько панскихъ рѣшеній, частію новыхъ, частію прибавочныхъ къ тѣмъ, которыя находятся въ самой системѣ. Безпорядокъ въ расположеніи заставляетъ думать, что эти рѣшенія были приписываемы въ разныя времена Андреемъ изъ Дубе или кѣмъ-нибудь другимъ.

IV. Девять книгъ о правахъ земли чешской (knihy dewatery o práwjch země Ceské). Сочинитель ихъ, Викторинъ Корнелій изъ Вшегордъ, былъ помощникомъ наивысшаго писаря королевства чешскаго (1493—97) и считался однимъ изъ ученѣйшихъ юристовъ своего времени. Рукопись относится къ 1535 году и содержитъ въ себѣ систему чешскаго права обширнѣе всѣхъ доселѣ извѣстныхъ. Викторинъ собралъ матеріалы изъ новыхъ и старыхъ, сгнившихъ, какъ онъ выражается, отъ древности досокъ земскихъ, и, принявъ порядокъ Андрея изъ Дубе, изложилъ предметы ясно и полно, примѣшивая иногда свои сужденія и ссылки на Цицерона, Горація, Соломона и другихъ мужей древности. Особенно важны тѣ книги,

въ которыхъ говорится о записываніи въ доски, гдѣ находимъ весьма обширно изложенное право договоровъ и наслѣдство по завѣщанію. Онъ также указываетъ на источники, которыми пользовался при составленіи своихъ книгъ *).

Чтобы познакомить читателей съ древнимъ правомъ Чеховъ, здѣсь сообщается отрывокъ изъ втораго памятника, который имѣетъ предметомъ уголовное судопроизводство. Переводъ сдѣланъ съ чешской рукописи; примѣчанія заимствованы также большею частію изъ рукописей, которыя Ганка сдѣлалъ для меня доступными.

Рядъ земскаго права.

Жалоба объ убійствѣ.

1. Если кто хочетъ позвать кого-нибудь къ земскому суду [1]) за убійство своего брата, или другаго родственника, то долженъ наблюдать такой порядокъ: прежде всего онъ долженъ замѣтить день, въ который убитъ его родственникъ. Потомъ, спустя двѣ недѣли послѣ убійства, долженъ прійти къ пражскимъ урядни-

---

*) Всѣ исчисленные нами памятники находятся въ рукописи. Ганка приготовилъ три первые памятника къ печати, сравнивъ болѣе двадцати рукописей. Онъ хочетъ издать съ русскимъ переводомъ и съ примѣчаніями на русскомъ языкѣ, потому что русскій языкъ дѣлается общимъ для всѣхъ Славянъ.

[1]) Земскому суду принадлежала высшая законодательная и судебная власть. Подъ предсѣдательствомъ короля засѣдали здѣсь четыре высшіе сановника: бургграфъ пражскій, наивысшій коморникъ, наивысшій судья и писарь наивысшій. За ними слѣдовали двѣнадцать пановъ и восемь владыкъ, а если дѣло шло о благѣ всей земли, то должны были присутствовать всѣ роды чрезъ своихъ представителей (wšichni rodowé). Ond. z D. mnoholi třeba panów z

камъ [2]), то есть къ наивысшему коморнику [3]) и другимъ урядникамъ, какихъ онъ найти можетъ, и объявить имъ и бургграфу пражскому [4]), говоря такъ: „Паны! прошу выслушать. Объявляю

---

nálogu. Rukopis Kralod. 1835, стр. 109. Дѣла рѣшались по большинству голосовъ, а если члены раздѣлялись на двѣ равныя части, то та сторона одерживала верхъ, на которой находился король и урядники. Рѣшенія земскаго суда не могли быть отмѣнены никакими постановленіями. См. § 50. Wikt. z Wšehrd. I, 1. II, 1. Ond. z D. po nálezu žadné otpary.

[2]) Урядники (uředníci) раздѣлялись на высшихъ и низшихъ. Высшихъ было четыре: бургграфъ пражскій, наивысшій коморникъ, наивысшій судья и писарь наивысшій. Первые три выбирались изъ высшаго сословія, послѣдній могъ быть изъ простыхъ. Предъ вступленіемъ въ должность они давали присягу королю и всей землѣ чешской по формѣ, которая сохранилась еще отъ язычества, обратясь лицемъ къ востоку и поднявъ вверхъ два пальца правой руки. Меньшихъ урядниковъ было семь: коморникъ, судья, писарь большихъ и меньшихъ досокъ, урядникъ чешской королевы, урядникъ пробшта вышеградскаго, урядникъ подкоморничьяго. Всѣ они избирались королемъ. Wikt. z. Wšehrd. IV, 2.

[3]) »Наивысшій коморникъ (naywy'šy komornik) занимаетъ въ судѣ самое высшее между панами мѣсто. Онъ долженъ хранить по законамъ права королевскія, имѣетъ въ своей власти младшихъ коморниковъ, отбираетъ пошлину за начинаніе и окончаніе исковъ, принимаетъ свидѣтелей въ капеллѣ и выслушиваетъ присягу. Вводъ во владѣніе недвижимымъ имуществомъ и конфискація недвижимыхъ имуществъ принадлежатъ ему«. Ond. z D. Naywyšši komornik. Въ его власти находились младшіе коморники (приставы въ русскомъ и сербскомъ правѣ), которые посылались для объявленія вызова къ суду, панскихъ рѣшеній, для переговора между истцемъ и отвѣтчикомъ. Они находились подъ вѣдѣніемъ коморничьяго старосты. Wikt. z. Wšehrd. IV, 2.

[4]) »Бургграфъ пражскій (Purgrabie Praŝsky) имѣетъ власть под-

вашей милости, что такой-то родственникъ мой (какъ называется и откуда) убитъ на дорогѣ въ мирное время такимъ-то (какъ называется убійца и откуда). Вотъ кого я объявляю предъ вами убійцею своего родственника и прошу дать мнѣ коморника [5]), который бы изслѣдовалъ убійство!" И взявъ коморника, долженъ показать ему убитаго и раны его и окровавленную одежду. А всю ту одежду долженъ коморникъ взять къ себѣ и сохранить, чтобы можно было показать ее въ судѣ. А если истецъ хочетъ себя обезпечить, то приведи онъ коморника предъ урядниковъ и заставь его объявить, что̀ онъ видѣлъ, и показать окровавленную одежду, и то прикажи записать въ земскихъ доскахъ [6]),

---

вергать злыхъ исполненію правосудія по земскимъ законамъ земли чешской, судить и мирить дворянъ, которые изберутъ его своимъ судьею, и, если нужно, отсылать дѣло на рѣшеніе пановъ. Также если судъ посылаетъ чрезъ коморника приказаніе, то бургграфъ долженъ подкрѣплять приказаніе суда своимъ посломъ. Когда бываетъ засѣданіе въ земскомъ судѣ, то онъ долженъ привести въ порядокъ скамьи и стулья, оградить ихъ перилами, водворить въ собраніи тишину и раздать мѣста адвокатамъ. Онъ долженъ сидѣть подлѣ наивысшаго коморника на лѣвой сторонѣ, держа въ рукахъ жезлъ королевства; а если король присутствуетъ въ судѣ, то бургграфъ долженъ встать, а на его мѣсто долженъ сѣсть король. Бургграфъ старается также о томъ, чтобы приказанія пановъ были исполняемы«. Ond. z D. Naywyšši Purgrabie Prašski. Срав. также Wikt. ze Wšehrd. II, 1.

[5]) Срав. примѣчаніе 3.

[6]) Кромѣ досокъ, въ которыя вносились рѣшенія пановъ, были также »записныя доски« (dsky zápisné), которыя раздѣлялись на большія и малыя. Въ большихъ записывались сдѣлки, которыя имѣли предметомъ переходъ правъ отъ одного лица къ другому вслѣдствіе договора, или по наслѣдству. Въ малыхъ таблицахъ можно было записать имущество, цѣною не выше ста копъ грошей. Къ меньшимъ доскамъ относились также »памятныя«, куда вносились

означить день и годъ, въ который случилось убійство. Прикажи также записать имя того коморника, который изслѣдовалъ дѣло: ибо если бы этотъ коморникъ умеръ до начатія суда, или нельзя было бы его найти, или потерялась бы окровавленная одежда, то истецъ указываетъ предъ судомъ на доски, и приказываетъ читать ихъ. Это будетъ имѣть такую же силу, какъ и свидѣтельство коморника предъ судомъ.

2. Потомъ, если хочетъ сдѣлать вызовъ, долженъ просить, чтобъ ему данъ былъ коморникъ, который бы позвалъ его врага къ суду, и когда позоветъ, то долженъ объявить день, къ которому позвалъ, и это должно быть записано въ доски. Въ назначенный день въ девятомъ часу, то есть въ полдень [7]), посылавшій вызовъ долженъ объявить урядникамъ и бургграфу пражскому, что онъ явился послѣ перваго вызова, и сказать: „объявляю вашей милости, что я позвалъ къ суду своего врага, который убилъ моего брата (называетъ обоихъ по именамъ). И я по всей формѣ суда хочу предъ панами вести тяжбу объ убійствѣ и деньгахъ, во сколько я ставлю то убійство". И тотчасъ, получивъ себѣ адвоката [8]), приказываетъ обѣ жалобы внести въ

нерѣшенныя дѣла, »погонныя«, для записыванія вызововъ къ суду, »коморничья«, куда записывались дѣла о недвижимомъ имуществѣ коморниковъ, и наконецъ доски, въ которыхъ записывались свидѣтели. Wikt. ze Wšehrd. VII, 3, 4, 5.

[7]) Девятый часъ соотвѣтствуетъ нашему двѣнадцатому.

[8]) Адвокатъ (řečník) велъ дѣло вмѣсто тяжущагося, сочинялъ и предлагалъ въ судѣ жалобу и руководствовалъ истца при исполненіи всѣхъ судебныхъ дѣйствій. Вотъ что говоритъ объ немъ Андрей изъ Дубе, въ статьѣ объ umienie (объ умѣньи) и žalobach: »Если кто подаетъ жалобу, то не нужно никакого умѣнья. Должно только знать, въ какомъ случаѣ прибѣгнуть къ адвокату, и адвокатъ, взявъ свою плату, сочинитъ жалобу, въ которой всегда бываетъ болѣе лжи, нежели правды, и это безъ сомнѣнія такъ ведется отъ язычества«.

доски (при этомъ замѣтить должно, что въ земскій судъ одинъ на другаго никогда не можетъ подать двухъ жалобъ вмѣстѣ, исключая тотъ случай, когда дѣло идетъ объ убійствѣ, какъ уже замѣчено).

3. Въ вечеру истецъ опять долженъ явиться къ урядникамъ и къ бургграфу пражскому съ тѣми же словами, какъ и прежде. Потомъ, на другой и третій день послѣ означеннаго срока, долженъ также явиться, съ тѣми же словами и въ тѣ же часы, какъ и въ первый день. По тѣхъ трехъ дняхъ онъ беретъ другаго коморника, который бы вызвалъ его противника къ другому сроку, и то велитъ записать въ доски. А когда придетъ этотъ второй срокъ, то истецъ также долженъ явиться къ суду, какъ и въ первый срокъ. И тотчасъ, для вызова къ третьему и послѣднему сроку, беретъ того самаго коморника, который вызывалъ къ первому сроку или другаго. А когда придетъ третій срокъ, то опять долженъ явиться въ судъ въ такіе же часы, въ какіе являлся къ первому и ко второму сроку.

4. Къ третьему сроку долженъ явиться отвѣтчикъ, и когда наивысшій коморникъ и судья [9]) и писарь наивысшій [10]) съ дру-

---

[9]) Судья (naiwyššy sudi) предлагалъ дѣла на рѣшеніе пановъ, вмѣстѣ съ наивысшимъ коморникомъ принималъ пошлины за начинаніе исковъ и присутствовалъ при присягѣ свидѣтелей въ капеллѣ. Онъ самъ могъ рѣшить тяжбу, если предметъ ея не былъ выше ста копъ. Подъ его вѣдомствомъ находились земскіе адвокаты (Wikt. ze Wšehrd. II, 1.—Ond. z D. Naiwyšši sudi).

[10]) Писарь наивысшій (pisař naiwyšši) завѣдывалъ письмоводствомъ, и поэтому всегда былъ изъ ученыхъ, велъ списки пановъ, которые засѣдали на судѣ; но не могъ вмѣшиваться въ судебныя пренія, а долженъ былъ находиться на каѳедрѣ съ младшими урядниками и писарями, и стоять, какъ нѣмой. Онъ имѣлъ въ своей

гими панами дворянами засядутъ уже въ судѣ; тогда истецъ, стоя предъ перилами, долженъ просить себѣ адвоката, котораго и должно дать ему. И этотъ адвокатъ, переговоривъ съ истцомъ, принесетъ жалобу, говоря: „панъ судья! такой-то (называетъ истца по имени) проситъ меня за себя слово вести, позволишь ли то ему и мнѣ?" И когда судья скажетъ, что онъ позволяетъ, тогда адвокатъ долженъ оградить право истца по своему наилучшему разумѣнію. Онъ долженъ просить, чтобъ ему изъ числа пановъ, засѣдающихъ на судѣ, отрядили пана, который бы научилъ его, на которой сторонѣ стать ему должно предъ панами, то есть на правой. Потомъ долженъ просить, чтобы отряжены были два пана, которые бы ему и истцу подавали совѣтъ и шептали на ухо, научая тому, что до ихъ права относится: потому что истецъ, позвавшій на судъ, съ великой печали по убитомъ родственникѣ, не можетъ имѣть хорошей памяти. Потомъ адвокатъ долженъ сказать: „этотъ истецъ проситъ, и я прошу его именемъ дать намъ половину пановъ, которые бы подавали намъ совѣтъ, и, если будетъ нужно, могли бы совѣщаться съ нами, а тѣхъ пановъ мы бы выбрали сами. Далѣе я прошу для себя и для истца, чтобы мнѣ позволено было вести тяжбу по наставленію панскому, и вести истца къ периламъ и распоряжать всѣми правами, какія къ этому суду относятся. А если бы я что-нибудь опустилъ, или въ какомъ-нибудь словѣ погрѣшилъ, то чтобъ истецъ могъ сказать: „нѣтъ, это не мое слово", и могъ бы поправить ошибку чрезъ меня, или чрезъ другаго адвоката. „И-вообще я прошу ему и себѣ всѣхъ правъ, для него и для меня въ этой тяжбѣ закономъ установленныхъ.

власти большаго писаря, который завѣдывалъ младшими писарями и меньшими досками; меньшаго писаря, который писалъ меньшія доски; ингроссатора, который писалъ на пергаментѣ, и двухъ регистраторовъ. Wš. z. Wšehrd. II, 1. IV, 2.

Просимъ тебя, панъ судья, доложить это панамъ и спросить, достаточно ли ограждены права, какъ я оградилъ ихъ для себя и для истца, и то просимъ объявить намъ". А когда судья скажетъ и паны рѣшатъ, что адвокатъ и истецъ могутъ употребить въ свою пользу все, чего просилъ адвокатъ; то тотчасъ къ истцу долженъ быть отряженъ панъ, который бы, посовѣтовавшись съ другими панами, научилъ его, гдѣ онъ долженъ стоять, когда войдетъ внутрь перилъ, то есть на правой сторонѣ. А если бы адвокатъ чего-нибудь не выпросилъ, или не оградилъ правъ его, то истецъ можетъ сдѣлать это, совѣтуясь съ отряженнымъ ему паномъ.

5. И отвѣтчикъ, если явится къ суду, долженъ также просить себѣ адвоката, который и долженъ быть отряженъ къ нему. И этотъ адвокатъ долженъ сказать, называя отвѣтчика по имени: „такой-то, оттуда-то, панъ судья, проситъ меня за себя слово вести: позволишь ли то ему и мнѣ"? И когда судья скажетъ: „позволяю", тогда адвокатъ долженъ оградить право отвѣтчика и просить пана, чтобы наставилъ его, на которой сторонѣ стать ему, и долженъ оградить всѣ права, выпрашивая каждое особенно, какъ то дѣлалъ адвокатъ другой стороны. Потомъ отвѣтчику также должно отрядить пана, чтобы научилъ, на которой сторонѣ стоять ему должно, то есть на лѣвой. И когда всѣ его права будутъ ограждены, то судья говоритъ: „какія права выпросилъ ты, тѣми можешь пользоваться".

6. И когда обѣ стороны станутъ одна противъ другой, тогда адвокатъ истца долженъ сказать: „панъ, судья! могу ли уже предложить жалобу (называетъ истца по имени)"? И когда судья скажетъ: „можешь", тогда адвокатъ долженъ сказать: „паны! прошу выслушать жалобу, которую я оградилъ предъ вами: такой-то, оттуда-то, жалуется на такого-то, оттуда-то (называетъ обоихъ по именамъ), что сей убилъ его брата (какъ назывался и откуда) на дорогѣ, въ мирное время, безъ всякаго

права. А если убійца станетъ запираться, то истецъ въ доказательство готовъ поставить свою жизнь противъ его жизни, какъ ему паны по праву укажутъ.

7. Тогда адвокатъ отвѣтчика долженъ сказать: „панъ судья! позволишь ли дать отвѣтъ на эту огражденную жалобу“? И когда судья скажетъ: „позволяю“, тогда адвокатъ отвѣтчика долженъ спросить: „когда случилось убійство“?

8. И адвокатъ истца долженъ сказать: „такого-то года (называетъ день, въ который случилось убійство, предъ какимъ. или послѣ какого праздника)“.

9. Потомъ адвокатъ отвѣтчика долженъ спросить: „было ли то повѣщено урядникамъ“? И когда урядники скажутъ: „было“, адвокатъ отвѣтчика долженъ спросить истца: „имѣетъ ли онъ коморника, который изслѣдовалъ убійство“? Тутъ коморникъ долженъ объявить, что̀ онъ видѣлъ, и показать окровавленную одежду. А если бы не было ни того коморника, ни окровавленной одежды, то истецъ долженъ показать доски, и если покажетъ, то этого уже довольно: все равно, какъ если бы онъ показалъ коморника и платье.

10. Тутъ адвокатъ отвѣтчика требуетъ, чтобъ ему жалоба была прочитана изъ досокъ, и если доски не будутъ сходны съ жалобою адвоката, и это увидятъ урядники, отвѣтчикъ освобождается отъ тяжбы, и объявляется невиннымъ. А если доски не различаются отъ жалобы, и это увидятъ урядники, то обвиняемый долженъ дать отвѣтъ. И въ этомъ случаѣ онъ или объявляетъ себя невиннымъ, и тогда долженъ оправдываться и доказывать свою невинность, или признается, что онъ принужденъ былъ совершить убійство, обороняясь отъ насилія и защищая жизнь свою, и объявляетъ, что онъ желаетъ доказать свои слова, какъ ему право и паны укажутъ.

11. И когда судьи положатъ рѣшеніе и объявятъ, что тяжущіеся должны выйти на поединокъ и жизнію доказать пра-

вое дѣло, тогда обѣ стороны никакъ уже не могутъ имѣть отдѣльныхъ совѣщаній. Тогда адвокатъ истца долженъ сказать: „панъ судья! Такой-то, оттуда-то, проситъ отрядить къ нему пана, который бы научилъ его, какъ приступить къ своему врагу, и какъ ему должно войти внутрь перилъ, которою ногою прежде, а которою послѣ, и которое онъ долженъ предъ панами преклонить колѣно и въ какомъ мѣстѣ, и которою рукою онъ долженъ держать полу кафтана, и что̀ долженъ говорить, прежде нежели ударитъ своего врага этою полою, и сколько разъ долженъ ударить, и какъ долго стоять, преклонивъ колѣно, и когда встать, и когда изъ-за перилъ выступить".

12. Потомъ адвокатъ отвѣтчика долженъ сказать: „такой-то, оттуда-то (называетъ отвѣтчика по имени), хочетъ доказать свою невинность и проситъ, панъ судья, отрядить къ нему пана, который бы научилъ его, какъ ему вступить внутрь перилъ и сдѣлать все то, о чемъ просилъ первый адвокатъ".

13. Тогда панъ, отряженный къ истцу, долженъ сказать: „слушай! если прикажу тебѣ войти внутрь перилъ, ты долженъ напередъ ступить правою ногою, а потомъ лѣвою; а когда станешь предъ панами, долженъ преклонить правое колѣно, и долженъ въ правую руку съ правой стороны взять полу кафтана, и долженъ держать, пока паны не прикажутъ тебѣ ударить этою полою твоего врага".

14. Потомъ панъ, который будетъ отряженъ къ отвѣтчику, долженъ громко сказать: „слушай! если прикажу тебѣ войти внутрь перилъ: ты долженъ напередъ ступить лѣвою ногою, а потомъ правою. А когда станешь предъ панами, долженъ преклонить лѣвое колѣно, и долженъ въ лѣвую руку съ лѣвой стороны взять полу кафтана; держи ее, не бей и не вставай, пока не будетъ сказано".

15. Тогда адвокатъ истца спрашиваетъ, говоря: „панъ судья! можетъ ли уже истецъ войти внутрь перилъ"? И судья

говоритъ: „войди“! И когда истецъ станетъ предъ панами, и преклонитъ колѣно, и возметъ съ правой стороны въ правую руку полу кафтана, тогда адвокатъ отвѣтчика также спрашиваетъ, говоря: „такъ какъ истецъ стоитъ уже внутри перилъ, то можетъ ли и отвѣтчикъ войти туда же“? И когда судья скажетъ: „можетъ“, и когда отвѣтчикъ станетъ на свое мѣсто съ лѣвой стороны, и преклонитъ лѣвое колѣно, и возметъ полу кафтана въ лѣвую руку съ лѣвой стороны, такъ что оба будутъ уже готовы:

16. тогда адвокатъ истца проситъ отрядить пана, который бы научилъ, что̀ долженъ говорить истецъ прежде, нежели ударитъ полою своего врага. И адвокатъ отвѣтчика также проситъ отрядить пана, который бы научилъ, что долженъ говорить отвѣтчикъ, прежде нежели ударитъ полою истца.

17. Тутъ отряженный къ истцу панъ громко произноситъ: „ты долженъ говорить такъ: Петръ (или какъ отвѣтчикъ иначе назывался), слушай! Объявляю, что ты мой врагъ, потому что ты убилъ Яна (или какъ убитый иначе назывался) на дорогѣ, въ мирное время, безъ всякаго права, и въ доказательство я хочу поставить свою жизнь противъ твоей жизни, какъ мнѣ законъ земскій и паны укажутъ.

18. Тогда панъ, отряженный къ отвѣтчику, громко произноситъ: „ты долженъ сказать истцу: слушай Иванъ или Яковъ! Ставишь ты мнѣ въ вину, будто я убилъ брата твоего, который назывался Петромъ или Вячеславомъ оттуда-то, на дорогѣ, въ мирное время, безъ всякаго права: въ этомъ я невиненъ предъ тобою, и въ доказательство хочу поставить свою жизнь противъ твоей жизни, какъ мнѣ законъ земскій и паны укажутъ.

19. Тутъ они должны дать обѣщаніе выйти на поединокъ, и имъ должно назначить день и мѣсто, какъ того требуетъ обычай и право, по которому рѣшаютъ паны. А если отвѣтчикъ признался въ томъ, въ чемъ его обвиняетъ жалоба, и сказалъ:

„я долженъ былъ совершить убійство, защищая жизнь свою отъ сдѣланнаго на меня нападенія". то тотчасъ тяжущіеся должны ударить полу объ полу, и оба должны стараться ударить прямо одну полу о другую, чтобъ ни одинъ не промахнулся. А если бы паны замѣтили, что кто-нибудь изъ нихъ въ какой-нибудь разъ не прямо ударилъ, то сдѣлавшій промахъ теряетъ искъ. А если бы оба прямо ударяли, такъ что паны похвалили бы ихъ, тогда адвокатъ истца долженъ спросить судью: „можетъ ли истецъ встать и выйти изъ-за перилъ?

20. Тогда панъ, отряженный къ истцу для наставленія, долженъ сказать: „выйди, уже время". Также и адвокатъ отвѣтчика долженъ спросить: „можно ли уже отвѣтчику встать и выйти изъ-за перилъ"? и отряженный къ отвѣтчику панъ говоритъ: „выйди".

21. Тутъ судья долженъ тяжущимся положить срокъ и указать мѣсто, гдѣ они должны другъ противъ друга присягать, а потомъ биться.

22. А когда придетъ тотъ срокъ, тогда истецъ, приготовившись къ битвѣ, долженъ сперва присягнуть по формѣ, какую выдадутъ ему паны, и если смѣшается, произнося присягу, то теряетъ искъ. А если кончитъ присягу, какъ должно, то отвѣтчикъ, также готовый къ битвѣ, долженъ присягать за свою невинность; и если смѣшается, произнося присягу, то обвиняется и теряетъ жизнь. А если кончитъ присягу, какъ должно, то тотчасъ тяжущіеся должны биться безъ полнаго вооруженія, только въ кафтанахъ и нижнемъ платьѣ, съ мечами и щитами, въ предѣлахъ имъ назначенныхъ, какъ установлено обычаемъ.

23. Здѣсь замѣтить должно, что въ старину такой наблюдался порядокъ: если отвѣтчикъ смѣшается, произнося присягу, и въ третій разъ не поправится, то объявляется виновнымъ и теряетъ жизнь. Въ противность этому, при одномъ изъ послѣднихъ императоровъ, паны, по пріязни къ одному отвѣтчику, рѣ-

шили, чтобы послѣ такой присяги не казнить тотчасъ отвѣтчика, но признать его виновнымъ, а истцу выиграть искъ; но вмѣсто смертной казни, отвѣтчика посадить въ темницу на вѣчныя времена, чтобы тамъ держалъ его бургграфъ пражскій до смерти, какъ узника. А если бы бургграфъ былъ близкимъ родственникомъ осужденному: то сей послѣдній отдается въ другую темницу, какую паны и король заблагоразсудятъ назначить, и тутъ должно держать осужденнаго, какъ узника, пока король и паны не убѣдятся совершенно въ его невинности, или пока истецъ и его родственники не простятъ ему вины и не попросятъ короля и пановъ освободить его.

24. А если бы кто-нибудь изъ тяжущихся не смѣлъ выйти на поединокъ, то, прежде нежели войдетъ внутрь перилъ, долженъ просить пановъ, чтобъ ему позволили имѣть совѣщаніе съ бургграфомъ пражскимъ, и бургграфъ долженъ безопасно проводить его за три мили отъ пражскаго замка, такъ чтобъ онъ могъ уйти отъ преслѣдованія своихъ непріятелей.

25. А если оба войдутъ уже внутрь перилъ и станутъ биться, и если кто-нибудь изъ нихъ устанетъ, то можетъ просить отдыха, и въ этомъ нельзя отказать ему. Тутъ бургграфъ пражскій долженъ положить между ними бревно, чрезъ которое въ продолженіе часа ни одинъ изъ нихъ не можетъ переступить и напасть на своего противника. А бревно то должны держать два урядника, то есть коморникъ и судья, имѣя его всегда въ готовности, и если бы кто пожелалъ отдыха, то слѣдуетъ давать оный даже до трехъ разъ, и каждый разъ на одинъ часъ.

26. А если одинъ переможетъ другаго, то долженъ своею рукою отрубить голову побѣжденному и положить ему ту голову между ногъ (если тяжущіеся по волѣ короля и съ позволенія пановъ не уговорились иначе поступать съ побѣжденнымъ). А когда побѣдитель отрубитъ голову и положитъ ее между ногъ,

тогда долженъ стать на одно колѣно и благодарить короля и пановъ за правосудіе, положить два галера [11]) на убитаго и тѣмъ принести ему жертву. Такъ онъ побѣждаетъ врага и выигрываетъ тяжбу. Побѣдитель долженъ это внести въ таблицы, чтобъ ему не мстилъ никто изъ родственниковъ убитаго. А кто будетъ мстить, тотъ теряетъ жизнь и имущество, которое переходитъ къ королевской милости и ко всѣмъ панамъ; и ни самъ мстившій, ни его дѣти не могутъ по праву земскому требовать назадъ того имущества.

27. Здѣсь замѣтить должно, что если бы отвѣтчикъ не смѣлъ явиться къ суду, или по нерадѣнію не явился бы въ срокъ, то истцу тотчасъ дается „устойное право" [12]) и онъ даетъ „памятное" [13]). Въ такомъ случаѣ, подавшій жалобу объ убійствѣ и деньгахъ за убійство, если хочетъ, можетъ взять коморника, который бы напомнилъ отвѣтчику рѣшить дѣло въ продолженіе шести недѣль взаимнымъ соглашеніемъ. А когда пройдетъ шесть недѣль, и отвѣтчикъ не уговорится съ истцемъ, то истецъ долженъ записать это въ доски и послать другаго коморника, для переговора въ продолженіе шести недѣль. А когда и другія шесть недѣль пройдутъ, и отвѣтчикъ не угово-

---

[11]) Галеръ (haleř)—серебряная монета, вычеканенная въ первый разъ въ 1228 г. Въ тринадцатомъ вѣкѣ изъ фунта серебра дѣлалось 96 галеровъ, въ четырнадцатомъ 144, а въ концѣ четырнадцатаго 240. См. Kurzer Abriss aus der Deutschen Münz-Geschichte. Nördlingen. 1837, стр. 8.

[12]) »Чтобъ устранить своевольство отвѣтчика, старые Чехи придумали prawo stané, которое дается истцу, если отвѣтчикъ не явится къ перекличкѣ вызововъ, или къ жалобѣ, или къ суду. Тогда отвѣтчикъ безъ всякаго возраженія долженъ удовлетворить истца. А потому оно называется stané, что одинъ устоялъ (ustoij) въ правѣ противъ другаго«. Wikt. ze Wšehrd. III, 18.

[13]) Pamatné—судебная пошлина за окончаніе иска.

рится съ нимъ, то опять должно записать это въ доски и взять третьяго коморника, чтобъ опять напомнилъ отвѣтчику о взаимномъ соглашеніи въ продолженіе шести послѣднихъ недѣль. И это напоминаніе должны дѣлать коморники въ домѣ отвѣтчика, предъ домашними, и потомъ объявлять въ торговый день на рынкѣ въ городѣ, ближайшемъ къ жилищу отвѣтчика.

28. А когда пройдетъ восемнадцать недѣль, и это будетъ записано въ доски, тогда истецъ долженъ взять одного урядника и одного коморника, которые вводятъ его во владѣніе [14]) имуществомъ отвѣтчика по общему обычаю. И тотчасъ истецъ съ однимъ коморникомъ будетъ пановать [15]) въ томъ имуществѣ

---

[14]) Если въ продолженіе двухъ недѣль отвѣтчикъ не рѣшалъ дѣла взаимнымъ соглашеніемъ съ истцемъ, то производился вводъ во владѣніе (zwod). Zwod, говоритъ Викторинъ изъ Вшегордъ, есть дѣйствительное введеніе (skutečne uwedenj) купившаго, или его наслѣдниковъ, или истца въ имущество отвѣтчика, какъ требуетъ право. »Вводъ во владѣніе назначался или вслѣдствіе устойнаго права (prawe stané), или вслѣдствіе неисполненія договора, или по панскому рѣшенію, и продолжался двѣ недѣли. Wikt. ze Wšehrd. IV, 14.—Ond. z D. o Zwodie. Въ древнѣйшихъ памятникахъ zwod встрѣчается въ томъ же смыслѣ, въ какомъ вводъ въ Русской правдѣ. Такъ въ »Правахъ конрадовыхъ«, отъ 1080, говорится: Quando ducitur, quod dicitur zwod, debet adesse Castellani, Nuntius, judices et villici et Camerarii, et unus vel duo de vicinatu illo, et supra tres non ducatur, sed in tertio remaneat. Abhand. d. Böhm. Gesellschaft der Wiss. Prag. 1786, p. 446. Срав. также Pr. z. č. статья 199. Впрочемъ въ этомъ мѣстѣ вѣроятно нужно читать »swod«, потому что въ древнихъ рукописяхъ z пишется вмѣсто s.

[15]) Спустя двѣ недѣли послѣ ввода во владѣніе (zwod), если отвѣтчикъ не удовлетворялъ истца, то производилось пановань е (panowanie). Трудно опредѣлить въ этомъ случаѣ отношеніе истца къ имуществу отвѣтчика. Пановачье было неполное (galowé) и пол-

по общему обычаю. А когда истецъ окончитъ панованье, и это будетъ записано въ таблицы, тогда къ нему долженъ быть отряженъ урядникъ, который изъ имущества отвѣтчика отдѣляетъ часть, соотвѣтствующую платѣ за убійство, и столько же урядникамъ.

29. И когда все это кончится, и отвѣтчикъ все еще не уговорится съ истцемъ и съ урядниками: тогда истецъ, гдѣ только найдетъ отвѣтчика, долженъ лишить его свободы или убить, и, проколовъ голени, долженъ привязать его къ конскому хвосту, не снимая никакой одежды, и повлечь къ пражской висѣлицѣ. Это онъ долженъ объявить урядникамъ и взять коморника, который бы осмотрѣлъ убитаго. И когда коморникъ донесетъ объ этомъ суду, то его донесеніе должно быть записано въ доски, и никто не долженъ мстить за убійство.

30. Здѣсь замѣтить должно, что если бы отвѣтчикъ былъ найденъ у своей законной жены, и она обняла бы его, или прикрыла своею одеждою, то онъ не можетъ быть взятъ отъ жены, и не долженъ терпѣть никакой обиды. Также если бы онъ находился у гроба Св. Вячеслава въ пражскомъ соборѣ, или предъ чешскою королевою, то также нельзя взять его, а должно оставить въ покоѣ.

31. Замѣтить должно также, что въ жалобѣ объ убійствѣ ни истецъ, ни отвѣтчикъ не могутъ вмѣсто себя ставить повѣренныхъ. Но если бы истецъ подалъ жалобу о платѣ за убійство не на того, кто убилъ его родственника, а на кого-нибудь

ное (plné). Въ обоихъ коморникъ сзывалъ сосѣдей и объявлялъ, что онъ вводитъ въ панованье такого-то, по такому-то праву. Въ неполномъ истецъ не могъ пользоваться имуществомъ, въ которое введенъ, а въ полномъ истецъ владѣлъ и пользовался имуществомъ отвѣтчика. Первое панованье всегда бываетъ три раза, а второе только одинъ разъ. Wikt. ze Wšehrd. IV, 15.

другаго, то такой же должно наблюдать порядокъ, какой описанъ выше; только каждый изъ тяжущихся можетъ, если хочетъ, или и оба вмѣстѣ, поставить повѣренныхъ, которые бьются на кіяхъ со щитами до тѣхъ поръ, пока одинъ не переможетъ другаго, и тѣмъ не выиграетъ иска.

32. Далѣе, если бы кто, не будучи совершеннолѣтнимъ, позвалъ другаго на судъ за убійство отца или какого-нибудь родственника, то адвокатъ долженъ оградить для него сиротское право. А если этого не будетъ сдѣлано, то отвѣтчикъ долженъ спросить: „признаетъ ли истецъ за свое все то, что сказалъ адвокатъ для огражденія его права“? И когда истецъ скажетъ, что признаетъ, то отвѣтчикъ, объявляя о томъ урядникамъ, долженъ сказать: „панъ судья! мой противникъ идетъ противъ меня съ жалобою, какъ мужъ: поэтому и повершить дѣло долженъ, какъ мужъ, а не какъ сирота, потому что адвокатъ не оградилъ для него сиротскаго права“.

33. Тутъ паны должны объявить истцу, что онъ не можетъ пользоваться сиротскимъ правомъ. А если бы адвокатъ оградилъ сиротское право, то истецъ долженъ войти внутрь перилъ, взять полу въ руку и ударить ею отвѣтчика, и тогда кто-нибудь изъ его родственниковъ можетъ войти внутрь перилъ и вести за него дѣло даже до поединка. А когда пойдетъ дѣло до поединка, то сирота долженъ стать предъ перилами, держа мечъ и щитъ, и его родственникъ долженъ взять изъ его рукъ тотъ мечъ и щитъ, и долженъ биться съ его противникомъ до самаго конца, какъ выше описано въ томъ мѣстѣ, на которое два перста указываютъ.

Равный приноситъ жалобу объ убійствѣ на равнаго.

34. Если равный позвалъ равнаго по роду въ судъ за убійство, напримѣръ панъ пана или владыка владыку, то они

во всемъ должны наблюдать такой порядокъ, какой описанъ выше, и должны выходить на поединокъ съ мечами и щитами. А если низшій по роду позоветъ высшаго, напримѣръ владыка шляхтича, и если отвѣтчикъ оградитъ свое право предъ жалобою, или сдѣлаетъ это его адвокатъ, говоря: „если дойдетъ дѣло до поединка, то отвѣтчикъ биться съ истцемъ не будетъ, потому что истецъ ниже его по роду"; тогда отвѣтчикъ долженъ доказать свою невинность, присягая самъ седьмой. И если всѣ произнесутъ присягу не смѣшавшись, то отвѣтчикъ освобождается, а если хоть одинъ смѣшается, то отвѣтчикъ обвиняется.

35. Но если отвѣтчикъ не выговоритъ себѣ вышеозначеннаго права, то долженъ биться, хотя бы истецъ былъ и ниже его по роду, и поединокъ долженъ идти такимъ же порядкомъ, какой описанъ выше. А если бы высшій по роду позвалъ къ суду низшаго за убійство, и если бы не хотѣлъ биться съ своимъ противникомъ; то адвокатъ прежде жалобы долженъ просить, чтобъ истцу дано было право высшаго по роду, и тогда истецъ долженъ самъ седьмой присягать, какъ описано выше. А если бы отвѣтчикъ не хотѣлъ присягать, боясь смѣшаться на присягѣ, то можетъ требовать истца на поединокъ, и истецъ долженъ биться съ нимъ или отступиться отъ него: ибо если не смѣетъ биться, то не долженъ и звать въ судъ.

Мѣщанинъ или поселянинъ (sedlák) подаетъ жалобу объ убійствѣ на высшаго.

36. Если бы мѣщанинъ или поселянинъ подалъ жалобу объ убійствѣ на шляхтича или владыку, то отвѣтчикъ, если оградитъ свое право и предъ жалобою объявитъ, что онъ драться не хочетъ, долженъ присягать самъ седьмой, какъ описано выше.

37. А если бы мѣщанинъ позвалъ поселянина, то они

должны биться палками съ большими щитами; потому что они оба одного холопскаго званія, а изстари заведено, чтобъ въ такой битвѣ мечей не употреблять.

Женскій полъ противъ убійцы. Жена.

38. Если бы жена, которая имѣетъ мужа, позвала когонибудь въ судъ за убійство, то отвѣтчикъ долженъ доказать свою невинность, присягая самъ седьмой, какъ описано выше.

Дѣвица.

39. Дѣвица, которая отказалась отъ замужества, позвавъ кого въ судъ за убійство, пользуется правомъ сиротскимъ, и ея родственникъ, кто бы онъ ни былъ, можетъ вести тяжбу съ ея врагомъ даже до поединка тѣмъ же порядкомъ, какъ описано выше.

Вдова.

40. А если вдова позвала равнаго себѣ по роду въ судъ за убійство мужа или другаго родственника, то должна вести тяжбу такимъ же порядкомъ, какъ и мужъ. Но когда дойдетъ дѣло до поединка, то отвѣтчикъ долженъ стать по поясъ въ выкопанной ямѣ, съ мечемъ и большимъ щитомъ, и въ этой ямѣ ворочаться, какъ можетъ, и обороняться. И она также должна биться съ мечемъ и щитомъ въ перилахъ, вокругъ нея поставленныхъ и принаровленныхъ къ этому случаю. И ни онъ изъ ямы, ни она изъ-за перилъ выйти не могутъ, пока одинъ не переможетъ другаго. А кто изъ нихъ выйдетъ, теряетъ искъ. И дѣвица восемнадцати лѣтъ, или старше, если хочетъ такимъ же образомъ биться съ своимъ врагомъ, пользуется тѣмъ же правомъ, какъ и вдова.

Ссора предъ королемъ или предъ полнымъ судомъ.

41. Если бы кто предъ королемъ или предъ полнымъ судомъ началъ ссору и убилъ кого-нибудь, и если бы при томъ былъ схваченъ, тотчасъ долженъ быть обезглавленъ; но его движимое и недвижимое имущество не теряется. А если убійца не будетъ схваченъ и уйдетъ, и если король чешскій или пражскіе урядники берутъ на себя присягу въ томъ, что они видѣли убійство, то не нужно никакого вызова къ суду: истецъ вноситъ свидѣтельство короля и урядниковъ въ доски, и долженъ вести искъ объ убійствѣ и имуществѣ убійцы полнымъ порядкомъ, какъ описано выше. И если онъ доведетъ свой искъ до конца полнымъ судомъ, то при этомъ случаѣ не можетъ быть между тяжущимися никакого добровольнаго соглашенія безъ воли короля или его гофмейстера.

Обычай древняго права.

42. Если бы высшій по чину или по роду былъ позванъ въ судъ за убійство отъ низшаго, и если бы отвѣтчикъ самъ, или кто-нибудь изъ его помощниковъ смѣшался на присягѣ: то отвѣтчикъ не долженъ быть тотчасъ обезглавленъ, но долженъ заплатить за убійство по оцѣнкѣ и рѣшенію урядниковъ пражскихъ, то есть наивысшаго коморника, судьи, писаря и бургграфа пражскаго, которые, посовѣтовавшись съ панами, должны оцѣнить убійство сообразно съ своею присягою. А если они не могутъ согласиться между собою, тогда панъ-король или его гофмейстеръ долженъ выслушать обѣ стороны, и если согласится съ мнѣніемъ одной изъ нихъ, то и другая должна принять то же мнѣніе и на немъ остановиться.

О пощечинѣ.

43. Если равный ударитъ въ щеку равнаго по роду предъ королемъ или предъ полнымъ судомъ, и тутъ же будетъ схва-

ченъ; то тотъ, кого онъ ударилъ, долженъ отмстить ему, ударивъ его два раза въ щеку и одинъ разъ въ носъ. А если бы высшій ударилъ низшаго, напримѣръ шляхтичъ владыку или владыка холопа, то низшій также долженъ въ отмщеніе ударить его два раза въ щеку и одинъ разъ въ носъ.

44. Но если бы низшій ударилъ въ щеку высшаго, напримѣръ владыка шляхтича, мѣщанинъ или поселянинъ владыку, и тутъ же былъ схваченъ; то виноватому должно отрубить руку и потомъ обѣ стороны должны представить поруку, что одна другой мстить не будетъ.

45. А если бы холопъ осмѣлился ударить въ щеку владыку или шляхтича, и тутъ же былъ схваченъ, то онъ съ жизнію отдается на милость того, кого ударилъ, чтобы обиженный дѣлалъ съ нимъ, что хочетъ.

О кровавой ранѣ.

46. Если кто предъ королемъ или предъ полнымъ судомъ ранитъ другаго до крови мечемъ или ножемъ, то, будетъ ли раненый выше или ниже по роду, преступнику тотчасъ должно отрубить руку. А если бы раненый умеръ отъ полученной раны, то ранившій долженъ то же самое терпѣть, что и убійца, какъ описано выше въ статьѣ объ убійцахъ.

Объ убѣжавшемъ врагѣ.

47. А если бы тотъ, кто убилъ другаго или ранилъ предъ королемъ или предъ полнымъ судомъ, ушелъ, то его имя и его вину должно объявить по всѣмъ странамъ, во всѣхъ городахъ, чтобъ преступника никто не скрывалъ, кто только принадлежитъ къ коронѣ чешской, маркграфъ ли то, или архіепископъ, или панъ, или какой-нибудь другой человѣкъ, и это запрещеніе продолжается шесть недѣль. А если бы кто принялъ къ себѣ

преступника, не зная его вины, то принявшему должно напомнить, чтобъ сбылъ преступника съ рукъ въ продолженіе слѣдующихъ шести недѣль. А если онъ, не смотря на это напоминаніе, будетъ скрывать преступника, и пройдетъ положенныхъ шесть недѣль, то онъ также объявляется врагомъ короля и всей земли, и надъ нимъ должна совершиться месть при содѣйствіи всего общества. А имущество, какое онъ только имѣетъ, должно быть присуждено раненому, который владѣетъ тѣмъ имуществомъ и пользуется, пока не будетъ удовлетворенъ.

48. А если бы преступникъ, не смотря на запрещеніе, былъ скрываемъ въ зàмкѣ или какомъ-нибудь королевскомъ городѣ безъ воли короля, то противъ того замка или города должны возстать всѣ паны сообща, какъ противъ явнаго врага. А для издержекъ, нужныхъ въ семъ случаѣ, паны должны брать имущество того замка или города до тѣхъ поръ, пока не будетъ выданъ преступникъ. А если этотъ замокъ или городъ добудутъ силою, то все недвижимое имущество поступаетъ королю, а имѣніе, которое собственно принадлежитъ бургграфу, должно быть присуждено раненому, который долженъ владѣть тѣмъ имуществомъ, пока не будетъ удовлетворенъ.

49. А если бы на кого донесли, что у него скрывается преступникъ, а онъ не признàется, то долженъ доказать свою невинность предъ королемъ и предъ урядниками пражскими. Онъ долженъ присягать одинъ, и не обвиняется, если смѣшается на присягѣ.

50. А если бы король чешскій захотѣлъ скрыть преступника, то всѣ дворяне должны просить его не нарушать права, и король исполняетъ ихъ просьбу. А если бы не исполнилъ, то жители того зàмка или города, гдѣ скрытъ преступникъ, силою добываютъ преступника, и когда добудутъ, то должны совершить надъ нимъ месть и забрать его движимое имущество, а все недвижимое принадлежитъ королевской милости.

51. Другой обычай есть слѣдующій: если король не хочетъ удовлетворить ихъ просьбы, то ни одинъ дворянинъ не исполняетъ для него никакой службы, никакой должности, пока онъ скрываетъ и не выдаетъ преступника. А если бы, въ противность сему, какой-нибудь панъ служилъ королю, или исполнялъ какую-нибудь должность, или самъ скрывалъ отыскиваемаго преступника, или, не смотря на приговоръ пановъ, скрывалъ другаго убійцу или вора: то долженъ быть изгнанъ изъ земли, а свое недвижимое имущество долженъ распродать въ три года, и долженъ быть исключенъ изъ общества пановъ и лишенъ всѣхъ правъ, панамъ присвоенныхъ; и всякъ, кто принадлежитъ къ коронѣ чешской долженъ считать его своимъ непріятелемъ.

О ночномъ насиліи въ домѣ.

52. Если кто хочетъ позвать кого-нибудь въ судъ за причиненное ночью насиліе, то долженъ наблюдать такой порядокъ: въ то время, когда производится насиліе, онъ долженъ кричать на обѣ стороны сосѣдямъ, или призвать ихъ и объявить о причиненномъ насиліи. Потомъ, не позже двухъ недѣль, долженъ взять коморника, для изслѣдованія дѣла, и показать ему домъ, разломанныя двери, сундуки, или другія принадлежности дома, которыя были повреждены, и долженъ привести сюда сосѣдей, которые бы объявили предъ коморникомъ, что они были призваны ночью, когда совершалось насиліе. И когда они это объявятъ и коморникъ сдѣлаетъ донесеніе урядникамъ, то истецъ долженъ все дѣло записать въ доски, и взять другаго коморника для вызова къ суду, чтобы этотъ коморникъ позвалъ отвѣтчика. И вызовъ долженъ быть объявленъ отвѣтчику въ его домѣ, предъ его домашними, и провозглашенъ въ торговый день на рынкѣ въ ближайшемъ городѣ.

53. И когда придетъ срокъ явиться къ суду, и вызовъ будетъ объявленъ на перекличкѣ [16]), тогда истецъ долженъ предложить жалобу о сдѣланномъ ему насиліи. А отвѣтчикъ, если явится къ суду, долженъ спросить: „когда это случилось"? и истецъ долженъ сказать, какого года и въ какой день. Потомъ отвѣтчикъ спрашиваетъ: „имѣетъ ли истецъ коморника, который изслѣдовалъ дѣло"? И истецъ тотчасъ долженъ имѣть подлѣ себя коморника, который объявляетъ, что̀ онъ видѣлъ самъ и что̀ слышалъ отъ сосѣдей. И если коморникъ говоритъ то же, что̀ и истецъ, тогда отвѣтчикъ приказываетъ читать себѣ доски, и если жалоба сходна съ досками и съ словами коморника, тогда должно быть положено предъ отвѣтчикомъ раскаленное желѣзо, на которое онъ долженъ положить два пальца и присягать за свою невинность; и это установлено для страха, чтобы менѣе дѣлали насилія, боясь горячаго желѣза. Если не сдержитъ пальцевъ на томъ желѣзѣ до тѣхъ поръ, пока не кончитъ присяги, то обвиняется и теряетъ жизнь. Но если бы коморникъ говорилъ не то, что̀ стоитъ въ жалобѣ истца, или если бы доски рознились отъ жалобы, то отвѣтчикъ освобождается.

---

[16]) »Перекличка вызововъ (swiedčenie póhonow) есть провозглашеніе (wyhlassenie) коморникомъ вызововъ къ суду въ срокъ, означенный въ погонныхъ доскахъ«. Wikt. ze Wsehrd. II, III. Она производилась такимъ образомъ. Коморникъ, стоя на каѳедрѣ, говорилъ: »Я позвалъ въ судъ такого-то отъ такого-то: явились ли къ своему суду? отзовитесь!« Каждый изъ тяжущихся долженъ отозваться. Если истецъ не отзовется, то сдѣланный имъ вызовъ недѣйствителенъ; а если отвѣтчикъ не отзовется, то теряетъ искъ; а если оба не отозвались на перекличкѣ, то вызовъ къ суду уничтожается, какъ будто бы его совсѣмъ не было. Перекличка производилась предъ засѣданіемъ пановъ въ судѣ. Wikt. ze Wsehrd. II, 2.

О вредѣ, причиненномъ нивнымъ растеніямъ.

54. Если кто, пася свой скотъ, потравитъ или истопчетъ на чужой нивѣ хлѣбъ, то владѣлецъ, если хочетъ подать жалобу, долженъ наблюдать такой порядокъ: во-первыхъ, онъ долженъ объявить о нанесенномъ вредѣ урядникамъ пражскимъ, взять коморника и показать ему вредъ. Потомъ долженъ взять другаго коморника для вызова къ суду и это записать въ таблицы. И когда придетъ срокъ, и истецъ изложитъ свою жалобу, то долженъ подлѣ себя имѣть коморника, который производилъ изслѣдованіе, и который долженъ быть готовъ къ свидѣтельству. Когда доски не будутъ розниться отъ жалобы, то отвѣтчикъ долженъ оправдаться присягою, и если смѣшается, то обвиняется; отвѣтчикъ также долженъ имѣть двухъ свидѣтелей, которые бы имѣли свободное недвижимое имущество, и могли бы очистить его присягу [17]).

О вредѣ, причиненномъ въ садахъ, на лугахъ, въ прудахъ и въ лѣсахъ.

55. Если бы кто хотѣлъ позвать другаго въ судъ за вредъ, причиненный въ саду, на лугу, за ловлю рыбъ или порубку лѣса, то прежде всего долженъ объявить о вредѣ пражскимъ урядникамъ и взять коморника для изслѣдованія, потомъ чрезъ другаго коморника позвать отвѣтчика къ суду, и все это записать въ доски. А когда придетъ срокъ, то истецъ долженъ изложить жалобу и имѣть при себѣ коморника для засвидѣтель-

---

[17]) Эти свидѣтели замѣнили испытаніе водою и желѣзомъ и назывались »очистниками« (očistniky). Вмѣсто испытанія водою нужно было представить двухъ, а вмѣсто желѣза шесть такихъ очистниковъ. P. z. č. 69, 71, 149—181. Они присягали такъ: »Присяга, которую далъ Павелъ изъ Сакъ, вѣрна и нелицемѣрна. Такъ мнѣ Богъ помогай и всѣ святые«. Ondř. z D. o dwú očistníkú po přisahách.

ствованія, какъ описано выше. И когда истецъ кончитъ жалобу, какъ должно, и отвѣтчикъ будетъ просить себѣ коморника, чтобъ осмотрѣть вредъ, то судья долженъ дать ему коморника, а истцу другаго, чтобъ всѣ они вмѣстѣ шли и изслѣдовали, когда и въ чьемъ имуществѣ причиненъ вредъ. Судья долженъ также назначить срокъ, къ которому коморники должны возвратиться въ судъ и донести объ изслѣдованіи. А когда воротятся и объявятъ, что̀ видѣли, то ихъ донесеніе должно быть записано въ доски.

56. Здѣсь замѣтимъ, что когда придетъ тотъ день, въ который коморники должны осматривать причиненный вредъ, тогда истецъ или его повѣренный долженъ дожидаться на конѣ, на мѣстѣ изслѣдованія, и когда увидитъ коморниковъ, долженъ слѣзть съ коня, снять шапку, отложить мечъ, скинуть плащъ и другое платье, такъ чтобъ обнажиться до пояса. А если бы онъ этого не сдѣлалъ, то конь, мечъ и платье, въ которомъ его застали на конѣ, отдается коморникамъ. А если дождется ихъ, обнажившись, и отвѣтчикъ или его повѣренный явится на мѣсто изслѣдованія, то истецъ, ступивъ правою ногою на недвижимое имущество, въ которомъ причиненъ вредъ, долженъ сказать: „послы, слушайте! Такой-то (указывая на отвѣтчика пальцомъ, какъ называется и откуда) здѣсь причинилъ мнѣ вредъ (исчисляетъ: потравилъ хлѣбъ, или стрясъ плоды съ деревъ, или выловилъ рыбу, или порубилъ лѣсъ, или причинилъ другой вредъ въ какомъ бы то ни было имуществѣ). А вредъ тотъ я ставлю во сто или двѣсти гривенъ серебра“ или болѣе, смотря по тому, какая сумма означена въ жалобѣ.

57. Тогда отвѣтчикъ также долженъ раздѣться, и, отложивъ все свое платье, долженъ ступить лѣвою ногою на имущество, о которомъ идетъ искъ, и долженъ сказать: „слушайте, послы! Это имущество мое, а не его. А если истецъ, объявляя притязаніе на это имущество, дѣйствительно имѣетъ на него право, то я выдаю своего противника пражскимъ урядникамъ

въ триста пенязей". Тогда истецъ долженъ сказать: „слушайте, коморники! Я его позвалъ къ суду, я его и выдаю урядникамъ пражскимъ въ триста пенязей". Тутъ отвѣтчикъ въ другой разъ долженъ сказать: „а я выдаю его въ шесть сотъ пенязей", и истецъ въ другой разъ долженъ сказать: „и я выдаю его въ шесть сотъ пенязей". Въ третій разъ говоритъ отвѣтчикъ: „а я его выдаю за девять сотъ пенязей", и истецъ также въ третій разъ говоритъ: „и я его выдаю въ девять сотъ пенязей". Тутъ въ четвертый и послѣдній разъ отвѣтчикъ долженъ сказать: „а я его выдаю на огребъ", и истецъ долженъ сказать: „и я его также выдаю на огребъ" [18]).

59. Здѣсь должно замѣтить, что это „выдаванье" должно быть заявлено урядникамъ того края, въ которомъ находится спорное имущество. А эти урядники должны перенести дѣло къ урядникамъ пражскимъ и объявить подъ присягою все, что имъ извѣстно объ этой тяжбѣ и о спорномъ недвижимомъ имуществѣ, и потому объявленію должны рѣшить тяжбу пражскіе урядники. (Здѣсь особенно замѣтимъ, что̀ значитъ упомянутый нами огребъ? Одни думаютъ, что если кто будетъ обвиненъ и потеряетъ искъ предъ пражскими урядниками, то осуждается на смерть и теряетъ имущество, какъ будто бы онъ былъ уже погребенъ (pohřben), потому что ohřeb также звучитъ, какъ и pohřeb (погребеніе). Другіе думаютъ, что огребъ есть опре-

[18]) Цѣль выдаванія (wzdawanie или wdànie) была та, чтобъ предотвратить неправое начинаніе исковъ страхомъ потери всего имущества. Въ позднѣйшемъ правѣ, кто бралъ коморника, чтобъ показать недвижимое имущество, о которомъ поданъ искъ, тотъ долженъ былъ напередъ положить въ судѣ 50 копъ грошей, которые шли на урядъ, если истецъ велъ коморника на такое имущество, на которое онъ не имѣлъ никакого права. Zřizenie zemska, 1500, стр. 44. Срав. также P. z. č. 244—274. Wikt. ze Wšehrd. VII, 2.

дѣленный срокъ, къ которому тяжущіеся должны явиться предъ урядниками, и кто пропуститъ этотъ срокъ, тому нѣтъ другаго наказанія, какъ потеря жизни и имущества; потому никто не долженъ пропускать того срока. Третіи думаютъ, что огребъ есть сумма тѣхъ денегъ, за которыя каждая изъ тяжущихся сторонъ выдастъ другую урядникамъ, до тысячи двухъ сотъ) [19]).

60. А срокъ долженъ быть назначенъ подъ угрозой смертной казни и лишенія всего имущества для того, чтобы тяжущіеся договорились съ урядниками о той суммѣ, за которую они выдаютъ одинъ другаго. А кто не договорится или не явится въ назначенный срокъ, тотъ лишается жизни и имущества. А если тяжущіеся договорятся, то послы, отряженные для изслѣдованія дѣла, должны вполнѣ объявить, что̀ они видѣли и слышали. И какъ высшіе урядники пражскіе рѣшатъ дѣло, сообразуясь съ правомъ, такъ и должно быть, и кому присудятъ имущество, за тѣмъ оно и должно остаться; а выигравшій тяжбу даетъ памятное, и долженъ кончить дѣло дальнѣйшимъ порядкомъ, то есть уговоромъ при вводѣ во владѣніе и до „оцѣнки“ [20]).

---

[19]) А я думаю, что о́гребъ значитъ ограбленіе или, по Русской правдѣ, разграбленіе. Право стараго пана изъ Розенберга говоритъ: »wdánié w ohřeb (вданье въ огребъ) есть выдаванье всего, что на немъ (т. е. на вданномъ) и подъ нимъ, мало или много, много или мало, все то идетъ на урядъ«, стр. 246.

[20]) Если ни вводъ во владѣніе, ни панованье не могли заставить отвѣтчика сдѣлать удовлетвореніе истцу, то истецъ, взявъ коморника, отправлялся въ имущество отвѣтчика, созывалъ окольныхъ жителей, и тутъ производилась оцѣнка (odhadanj). Коморникъ, совѣтуясь съ истцемъ и собравшимися жителями, оцѣнивалъ вещи порознь до тѣхъ поръ, пока цѣна вещей не была достаточна для

О собраніи оброковъ (urokow).

61. Если кто въ чужомъ имуществѣ собралъ оброкъ безъ всякаго права, деньгами, или хлѣбомъ, или чѣмъ бы то ни было, то владѣлецъ того имущества долженъ наблюдать такой порядокъ: во-первыхъ, онъ долженъ объявить урядникамъ пражскимъ и взять коморника для изслѣдованія. А когда коморникъ изслѣдуетъ дѣло и донесетъ о томъ урядникамъ, то истецъ долженъ записать донесеніе его въ доски, и взять другаго коморника, который бы позвалъ въ судъ виновнаго. И когда придетъ время приносить жалобу въ судѣ, и отвѣтчикъ будетъ желать пословъ для изслѣдованія, то ему должно дать пословъ, и дѣло потомъ продолжается, какъ описано выше, даже до огреба.

Жалоба о вредѣ съ объявленіемъ урядникамъ (s opowiedi).

62. Если бы кто причинилъ другому вредъ въ саду, въ пильникѣ, въ табунѣ, въ золотыхъ вещахъ, или съ презрѣніемъ протянулъ руку, чтобы ударить другаго въ лице, и если бы обиженный хотѣлъ позвать виновнаго къ суду; то прежде всего долженъ объявить о нанесенномъ вредѣ пражскимъ урядникамъ и взять коморника для изслѣдованія. И когда коморникъ сдѣлаетъ донесеніе, которое должно быть записано въ доски, то истецъ долженъ взять другаго коморника, который бы позвалъ отвѣтчика въ судъ къ первому сроку. И когда этотъ вызовъ будетъ объявленъ на перекличкѣ, то истецъ можетъ вмѣсто себя назначить повѣреннаго. И этотъ повѣренный, или самъ

того, чтобы удовлетворить истца. Послѣ этого истецъ дѣлался полнымъ владѣльцемъ оцѣненныхъ вещей. **Wikt. ze Wšehrd. IV, 16.—Ondř z D. Nález o othádanj.**

истецъ долженъ взять третьяго коморника, который бы позвалъ отвѣтчика въ судъ къ другому сроку. Потомъ долженъ взять еще коморника, и до начатія жалобы тотъ же наблюдается порядокъ, какой описанъ выше.

63. А если бы отвѣтчикъ сталъ защищать свою невинность, то истецъ, или тотъ, кого онъ нацменовалъ вмѣсто себя въ жалобѣ, долженъ присягнуть въ томъ, что отвѣтчикъ дѣйствительно причинилъ ему означенный въ жалобѣ вредъ, и если, произнося присягу, смѣшается, то отвѣтчикъ свободенъ; если же кончитъ присягу, какъ должно, то отвѣтчикъ долженъ присягнуть за свою невинность, и если совершитъ присягу не смѣшавшись, то долженъ имѣть съ собою шесть свидѣтелей, которые бы имѣли недвижимое свободное имущество, и эти свидѣтели должны присягнуть, что присяга истца не ложна, но справедлива. И если ни одинъ изъ нихъ не смѣшается, то отвѣтчикъ объявляется невиннымъ.

64. Здѣсь замѣтить должно, что если дѣло идетъ объ увѣчьѣ, а не было бы еще достовѣрно извѣстно, есть ли увѣчье, или нѣтъ его, то не полагается окончательнаго рѣшенія, а назначается срокъ. И когда срокъ придетъ, то истецъ долженъ быть осмотрѣнъ, и если окажется увѣчье, отвѣтчикъ осуждается за увѣчье, а если нѣтъ, то объявляется свободнымъ.

65. А если бы онъ хотѣлъ того же самаго отвѣтчика, или кого-нибудь другаго позвать въ судъ за нанесенную рану, когда еще не открылось увѣчье, или вообще если бы кто хотѣлъ позвать другаго къ суду за нанесеніе ранъ, несоединенныхъ съ увѣчьемъ; то тутъ долженъ быть одинъ вызовъ къ суду и простая жалоба объ одной ранѣ, или о двухъ, или о трехъ, или сколько будетъ ихъ означено въ жалобѣ. А за тѣ раны долженъ прежде присягать истецъ, что онѣ дѣйствительно нанесены ему отвѣтчикомъ, и если смѣшается, произнося присягу, то отвѣтчикъ свободенъ, а если кончитъ, какъ должно, то от-

вѣтчикъ долженъ присягать за свою невинность; если онъ не смѣшается, то будетъ свободенъ, а если смѣшается, то долженъ дать за каждую рану пять грошей.

Порядокъ вызова къ суду при тяжбѣ о недвижимомъ имуществѣ.

66. Если бы кто владѣлъ чужимъ недвижимымъ имуществомъ, и законный владѣлецъ этого имущества хотѣлъ бы сдѣлать вызовъ къ суду, то безъ всякаго объявленія урядникамъ долженъ послать три раза вызовъ къ суду и каждый вызовъ будетъ объявленъ на перекличкѣ; тогда отвѣтчикъ долженъ просить себѣ урядника, который бы осмотрѣлъ то имущество, за которое онъ позванъ въ судъ, и ему должно дать урядника. А если онъ не желаетъ этого, то предъ жалобою долженъ просить себѣ половину пановъ, которые засѣдаютъ въ судѣ, а истецъ проситъ другую половину для совѣта. И когда истецъ изложитъ жалобу, то долженъ имѣть девять свидѣтелей, людей осѣдлыхъ, которые бы имѣли свободное недвижимое имущество. Три свидѣтеля или и болѣе должны быть изъ того края, въ которомъ лежитъ спорное недвижимое имущество. Тогда отвѣтчикъ долженъ устранить двухъ изъ тѣхъ девяти свидѣтелей, какихъ захочетъ, а семь остаются для свидѣтельства. А если онъ не сдѣлаетъ этого до жалобы, то послѣ жалобы не можетъ уже устранить ни одного свидѣтеля. А тѣ свидѣтели, будь ихъ семь или девять, всѣ должны быть готовы идти въ капеллу для присяги, должны быть представлены урядникамъ и введены въ капеллу въ то время, когда звонятъ въ первый разъ, предъ окончаніемъ звона.

67. Тутъ отвѣтчикъ, если удовольствуется представленными истцемъ свидѣтелями, долженъ дожидаться, когда придетъ время присяги, и тогда изъ всѣхъ ихъ выбираетъ трехъ, которые и должны присягать. А если хочетъ, то можетъ противъ истца и

его свидѣтелей представить семь своихъ, изъ которыхъ три должны присягать противъ истца и его свидѣтелей, и чей свидѣтель, истца или отвѣтчика, смѣшается на присягѣ, или пропуститъ часъ перваго звона, тотъ теряетъ искъ.

68. А если обѣ стороны совершатъ присягу не смѣшавшись, то истецъ долженъ бресть по водѣ, а отвѣтчикъ за нимъ на разстояніи трехъ шаговъ. И если истецъ станетъ тонуть, бредя тремя шагами впереди, то отвѣтчикъ долженъ воротиться и объявляется невиннымъ. А если истецъ перебредетъ, то отвѣтчикъ долженъ брести за нимъ, и если перебредетъ, то долженъ быть свободенъ отъ истца; а если станетъ тонуть, то теряетъ имущество и жизнь.

69. Здѣсь должно замѣтить, что если бы кто купилъ у другаго имущество, и продавшій имѣлъ бы брата или другаго родственника по отцу, то есть по мечу, а не матери, то есть по веретену, и если бы этотъ родственникъ по мечу захотѣлъ удержать проданное имущество; то прежде нежели пройдетъ годъ и день, долженъ три раза сдѣлать вызовъ къ суду, а деньги, за сколько продано недвижимое имущество, долженъ вручить прагскимъ урядникамъ. И если отвѣтчикъ захочетъ взять деньги, то имущество долженъ уступить родственнику прежняго владѣльца, а урядники должны выдать ему деньги; и если не достанетъ хоть одного гроша, или между монетами найдется мѣдный или фальшивый грошъ, то отвѣтчикъ остается при своемъ имуществѣ, а деньги должны между собою раздѣлить урядники, сообразно съ должностію каждаго. А если отвѣтчикъ приметъ деньги, не выкинувъ ни одной монеты, то онъ по праву лишается купленнаго имущества, которое переходитъ къ родственнику прежняго владѣльца.

70. А если бы кто получилъ недвижимое имущество посредствомъ купли или мѣны и владѣлъ бы имъ годъ и день, и никто бы не препятствовалъ ему владѣть, то послѣ этого

срока никакой родственникъ не можетъ уже лишить его пріобрѣтеннаго имущества. А если бы онъ держалъ три года и восемнадцать недѣль, тогда уже никто не можетъ позвать его въ судъ, основывая свое право на родствѣ, потому что владѣтель выдержалъ бы уже срокъ давности, назначенный земскимъ правомъ.

71. Также если кто за долги отдалъ подъ залогъ свое недвижимое имущество, и хочетъ опять получить его, уплативъ долгъ, то долженъ это сдѣлать прежде нежели пройдетъ три года и восемнадцать недѣль, и долженъ три раза вызывать кредитора къ суду для врученія ему долга. А если пропуститъ три года и восемнадцать недѣль, то тогда уже нельзя звать въ судъ, чтобъ получить назадъ заложенное имущество, потому что будетъ пропущенъ срокъ давности.

О раздѣлѣ наслѣдства.

72. Если бы кто хотѣлъ своего брата или дядю или другаго родственника позвать въ судъ, требуя раздѣла наслѣдства, то предъ вызовомъ долженъ заявить прагскимъ урядникамъ все свое движимое и недвижимое имущество, какое только имѣетъ, и все это имущество долженъ положить или приложить къ раздѣлу. Потомъ долженъ три раза позвать родственника въ судъ, не пропуская срока давности, какъ описано выше.

О вѣнѣ (o wienie)[21].

73. Если кто женится, и потомъ мужъ или жена захочетъ начать тяжбу о вѣнѣ, и если вѣно будетъ больше десяти копъ, и достанется по наслѣдству; то нужно сдѣлать три раза вы-

---

[21]) Подъ вѣномъ разумѣется dos и вмѣстѣ donatio propter nuptias.

зовъ къ суду. И когда истецъ изложитъ жалобу, то долженъ слаться на доски, если въ нихъ записано его право на наслѣдство. А если въ доскахъ ничего не записано, то долженъ представить десять свидѣтелей, которые бы имѣли свободное недвижимое имущество. Тутъ отвѣтчикъ, если хочетъ, можетъ устранить двухъ свидѣтелей, а семь изъ нихъ истецъ долженъ записать въ доски. По крайней мѣрѣ три свидѣтеля должны быть изъ того края, гдѣ живетъ отвѣтчикъ. Свидѣтели должны быть введены въ капеллу и такъ же должны присягать, какъ описано выше. И отвѣтчикъ, если хочетъ, можетъ съ своей стороны представить свидѣтелей противъ свидѣтелей истца.

74. Здѣсь должно замѣтить, что во всѣхъ тяжбахъ, если кто имѣетъ доказательство въ доскахъ, то противъ доскъ свидѣтели не имѣютъ никакой силы, развѣ тогда, когда кто хотѣлъ бы уличить урядниковъ въ подложной записи. Тогда эта улика должна быть предоставлена рѣшенію пановъ, но всегда истцу, какъ ложному донощику, угрожаетъ сожженіе.

75. Замѣтимъ также, что каждая пани (pani) при жизни мужа съ каждымъ, кто провинится передъ нею, можетъ вести тяжбу о наслѣдственномъ вѣнѣ, объ убійствѣ родственника, объ увѣчьѣ и кровавыхъ ранахъ; но за денежные убытки она никого въ судъ позвать не можетъ. Если же она имѣетъ свое отдѣльное недвижимое имущество, котораго никому не записала, и которымъ она владѣетъ сама, то каждый, кому она задолжаетъ, можетъ начать съ нею тяжбу объ этомъ имуществѣ.

76. Но особенно замѣтимъ, что если какая-нибудь пани запишетъ мужу свое недвижимое имущество, или полученное въ вѣно, или заложенное ей, или наслѣдственное, а мужъ продастъ кому-нибудь то имущество; тогда пани, въ продолженіе трехъ лѣтъ и восемнадцати недѣль, можетъ дѣлать отпоръ [22]),

[22]) Если какимъ-нибудь образомъ имущество переходило отъ одного лица къ другому, и переходъ былъ записываемъ въ доски;

но никакъ не можетъ требовать назадъ, пока мужъ ея живъ. А если мужъ умретъ прежде трехъ лѣтъ и восемнадцати недѣль, то она можетъ начать тяжбу тѣмъ же порядкомъ, какой описанъ выше.

О межѣ (o meziéch).

77. Если кто, перейдя межу, причинилъ вредъ въ чужомъ недвижимомъ имуществѣ паствою скота, или пожатіемъ хлѣба, или покосомъ травы, то владѣлецъ имущества прежде всего долженъ объявить о томъ урядникамъ прагскимъ и взять коморника для осмотра. И когда явится коморникъ, то долженъ сказать сосѣдямъ, чтобъ они межей тѣхъ не трогали, и долженъ воткнуть колъ и завить его. Это должно быть объявлено на рынкѣ въ торговый день, въ ближайшемъ отъ того имущества городѣ. Потомъ владѣлецъ долженъ взять другаго коморника, чтобы стерегъ, не поймаетъ ли кого, кто бы, не смотря на завитый колъ, чинилъ вредъ самъ, или прислалъ другаго, или пригналъ свой скотъ. И когда коморникъ донесетъ на когонибудь, то его донесеніе записывается въ доски, и тогда владѣлецъ имущества долженъ трижды позвать отвѣтчика въ судъ и употребить противъ него выдаванье (wdawanie), начавъ отъ трехъ сотъ пенязей и до ó г р е б а, какъ описано выше.

О земскихъ консулахъ [23]).

79. Еслибъ кто хотѣлъ позвать въ судъ земскаго консула, то прежде вызова долженъ объявить о томъ прагскимъ уряд-

---

то всякъ, кто считалъ себя въ правѣ воспрепятствовать переходу отчуждаемаго имущества, могъ дѣлать возраженіе въ судѣ, и это возраженіе называлось отпоромъ (odpar). Wikt. ze Wšehrd. VII, 34—45. Ond. z D. ob Otpoře.

[23]) При каждомъ окружномъ начальникѣ (poprawce, procurator

никамъ, и потомъ взять коморника, который бы сдѣлалъ вызовъ, и этотъ вызовъ записывается въ доски. А когда вызовъ будетъ сдѣланъ, то должно объявить о томъ консуламъ, живущимъ въ городѣ, ближайшемъ къ жилищу отвѣтчика. Когда вызовъ будетъ объявленъ на перекличкѣ, то на консула приносится жалоба, какъ и на всякаго другаго отвѣтчика. А если дойдетъ дѣло до присяги, и отвѣтчикъ будетъ ссылаться на свое консульство, то онъ долженъ поднять два перста противъ солнца на востокъ, долженъ также имѣть по обѣимъ сторонамъ двухъ консуловъ и присягать безъ креста, говоря: „присягаю, что я невиненъ въ томъ, за что на меня Иванъ жалуется: такъ мнѣ Богъ помогай и моя консульская присяга, которую я далъ королю и всѣмъ гражданамъ, когда принималъ консульство". А два консула должны подтвердить его присягу, говоря такъ: „въ чемъ присягалъ Петръ, та присяга вѣрна и нелицемѣрна, въ томъ мы свидѣтельствуемся своею консульскою присягою, которую дали, когда присягали королю и обществу".

80. А если бъ попpавецъ (начальникъ округа) былъ позванъ въ судъ, то пользуется такимъ же правомъ, какъ и консулъ, и также долженъ имѣть подлѣ себя другихъ двухъ поправцевъ.

81. А если бы кто позвалъ въ судъ паношу (помощникъ или секретарь) консула земскаго или паношу поправца, и если бы была уже изложена жалоба, а отвѣтчикъ сказалъ бы, что онъ сдѣлалъ то, въ чемъ его обвиняютъ, по приказанію своего пана (такого-то консула или поправца), и если бы онъ дол-

или justitiarius) находилось нѣсколько присяжныхъ совѣтниковъ, которые подъ предсѣдательствомъ окружнаго начальника давали судъ и расправу въ округѣ, и назывались земскими консулами, для отличія отъ городскихъ консуловъ, которые судили мѣщанъ. См. Majestas Carolina, Rubr. CII. Privilegium veteris Pragae an. 1310. Рук. въ Чеш. музеѣ № 656.

женъ былъ доказывать свою невинность; то ему дается срокъ, къ которому онъ долженъ представить своего пана или его свидѣтельство въ судъ, и тогда освобождается безъ всякой присяги. А если бы панъ его умеръ, то онъ долженъ имѣть семь свидѣтелей, которые присягаютъ противъ солнца, свидѣтельствуя, что отвѣтчикъ поступалъ по приказанію своего пана. Этимъ же правомъ пользуется и каждый панопа высшаго урядника, если представитъ отъ своего пана свидѣтельство въ своей невинности. А если урядникъ умретъ, то отвѣтчикъ также долженъ очистить себя присягою свидѣтелей, какъ описано выше.

О поручительствѣ (o rukoimstwi).

82. Если кто хочетъ вести тяжбу о поручительствѣ, или объ отданномъ въ долгъ вѣнѣ, или о залогѣ, и если этотъ долгъ, или залогъ будетъ больше десяти копъ, то истецъ долженъ три раза сдѣлать вызовъ къ суду. И когда изложитъ жалобу, то долженъ представить семь свидѣтелей и записать ихъ въ доски. Три свидѣтеля присягаютъ прежде въ капеллѣ, а четыре присягаютъ послѣ, какъ описано выше.

83. А если долгъ будетъ въ десять копъ, то истецъ долженъ представить только трехъ свидѣтелей, изъ которыхъ одинъ присягаетъ прежде, а другіе два послѣ. И если отвѣтчикъ скажетъ, что для него довольно этихъ трехъ свидѣтелей, тогда отъ нихъ будетъ зависѣть рѣшеніе тяжбы; а если не удовольствуется, то можетъ также противъ свидѣтелей истца записать въ доски своихъ свидѣтелей и вести ихъ до капеллы, какъ описано выше; и чьи свидѣтели присягнутъ не смѣшавшись, тотъ выигрываетъ тяжбу и прочее [24]).

---

[24]) Этою статьею нѣкоторые списки оканчиваютъ řad zemského práwa, но въ нѣкоторыхъ прибавлено еще 17 статей. Слѣдующія три статьи носятъ на себѣ печать глубокой древности.

О похищеніи дочери дѣвицы.

84. Если бы кто хотѣлъ позвать другаго въ судъ за похищеніе дочери, то долженъ три раза сдѣлать вызовъ, а предъ вызовомъ объявить урядникамъ о похищеніи и каждый вызовъ записать въ доски. Когда жалоба будетъ предложена, и отвѣтчикъ скажетъ, что онъ сдѣлалъ похищеніе съ согласія самой дѣвицы, то онъ долженъ привести предъ судъ того священника, который вѣнчалъ ихъ. И священникъ долженъ присягнуть на книгахъ св. писанія и сказать по правдѣ панамъ и урядникамъ, была ли дѣвица согласна, когда онъ вѣнчалъ ихъ, или нѣтъ. И что скажетъ священникъ, то должны паны и урядники сохранить въ своемъ совѣтѣ. Потомъ отецъ дѣвицы долженъ просить пановъ, чтобъ его дочь была представлена на судъ пановъ, какъ требуетъ право, и паны рѣшатъ, что его просьба должна быть исполнена, и его дочь отдается въ монастырь св. Юрія въ прагскомъ замкѣ, гдѣ ее должно держать между монахинями шесть недѣль до начатія суда. И когда будетъ производиться первый судъ, то ее должно допрашивать внутри перилъ, и если она скажетъ, что согласна была на похищеніе, то тогда вмѣстѣ съ мужемъ отдается отцу, который имъ обоимъ своею рукою долженъ отрубить головы. А если дѣвица скажетъ, что она похищена была противъ воли, то должна своею рукою отрубить голову похитителю. А если похититель по вызову не явился къ суду, то противъ него такой же наблюдается порядокъ суда, какъ и противъ убійцы, что уже описано выше.

О похищеніи дочери вдовы.

85. Если бы кто похитилъ дочь вдову, и ея отецъ захотѣлъ бы позвать похитителя къ суду, то, не объявляя напередъ урядникамъ, долженъ три раза сдѣлать вызовъ. И если жалоба будетъ предложена и отвѣтчикъ скажетъ, что онъ сдѣлалъ по-

хищеніе съ согласія похищенной, то вдова должна быть приведена предъ пановъ урядниковъ, чтобы объявила, была ли она согласна, или нѣтъ; и для этого дается ей три дня на размышленіе. И если на третій день скажетъ, что похищеніе сдѣлано съ ея согласія, то отвѣтчикъ невиненъ, потому что вдова свободно можетъ выбрать себѣ мужа, какой ей понравится. Тогда похититель долженъ жениться на ней; но ея приданое теряется, и ни онъ, ни она не могутъ требовать у отца того приданаго, развѣ что-нибудь выпросятъ изъ милости.

86. А если вдова скажетъ, что похищена была противъ воли, тогда похититель выдается ей, чтобъ она своею рукою отрубила голову виновному и возвратилась къ отцу и къ своему приданому. А если бы отвѣтчикъ не явился къ суду, то противъ него подается жалоба такимъ же порядкомъ, какъ противъ убійцы, что уже описано выше.

Вызовъ къ суду за повѣшеніе, отрубленіе головы и сожженіе.

87. Если кто хочетъ позвать другаго въ судъ за повѣшеніе, отрубленіе головы, сожженіе или какое-нибудь другое противузаконное убійство, то долженъ сперва объявить о томъ урядникамъ прагскимъ и дать триста пенязей повѣстнаго (oprowiedznieho), и истцу дается коморникъ, чтобы отрѣзалъ повѣшеннаго, или перенесъ въ другое мѣсто того, кому отрублена голова, или сгребъ сгорѣвшія кости и прахъ сожженнаго; и это нужно сдѣлать прежде, нежели пройдетъ двѣ недѣли отъ совершоннаго убійства. А если бы трупъ убитаго былъ спрятанъ, и нельзя было бы его найти, тогда коморникъ разыскиваетъ, гдѣ случилось убійство, и когда онъ донесетъ объ этомъ урядникамъ, то его доносъ записывается въ доски, и судъ производится такимъ же порядкомъ, какъ и при обыкновенномъ убійствѣ.

Жалоба о скотѣ.

89. Если бъ кто безъ права держалъ чужаго коня, или другое животное, или купилъ бы его у вора,—если хозяинъ скота хочетъ сдѣлать вызовъ къ суду, то долженъ наблюдать такой порядокъ: долженъ объявить урядникамъ, что онъ отыскалъ свое животное и просить себѣ коморника, который бы осмотрѣлъ то животное. И коморникъ долженъ быть выданъ ему для осмотра и для вызова къ суду. И когда коморникъ осмотритъ животное, то долженъ у него отрѣзать кусокъ уха и спрятать, долженъ также положить срокъ, въ который оба, истецъ и животное, должны предстать предъ урядниками. А когда придетъ срокъ, то истецъ долженъ положить два пальца на чело или на голову животнаго, и по данной ему формѣ присягнуть, что оно принадлежитъ ему. И если совершитъ присягу не смѣшавшись, то ему возвращается животное, а онъ долженъ дать триста пенязей урядникамъ. А если не совершитъ присяги и смѣшается, то теряетъ триста пенязей и животное; а тотъ самый, у кого онъ взялъ, если хочетъ, можетъ присягнуть, что животное принадлежитъ ему, и если совершитъ присягу не смѣшавшись, да дастъ триста пенязей урядникамъ и возметъ животное и удержитъ его у себя. А если смѣшается, то теряетъ триста пенязей и животное, которое по праву должно быть отдано судьѣ, а пенязи должны быть раздѣлены между урядниками.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Изслѣдованія по исторіи югозападнаго края.

I.

Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни.

Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни *).

Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго, послѣ его бѣгства изъ Россіи, до сихъ поръ оставалась мало извѣстною. Акты, извлеченные изъ литовской метрики [1]), содержатъ отрывочныя свѣдѣнія, изъ которыхъ нельзя составить полной біографіи, а у польскихъ историковъ мы находимъ одни только сбивчивые и запутанные разсказы о бѣгствѣ Курбскаго въ Литву. Въ издаваемыхъ нынѣ матеріалахъ заключаются подробныя свѣдѣнія о характерѣ, жизни и окончательной судьбѣ этого замѣчательнаго лица въ русской исторіи; мы находимъ здѣсь показанія современныхъ свидѣтелей, видѣвшихъ князя Курбскаго въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ жизни

*) Статья эта составляетъ предисловіе къ изданію: »Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Акты, изданные временною коммиссіею, Высочайше учрежденною при кіевскомъ военномъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Т. I—II. Кіевъ. 1849«. Поэтому сдѣланныя въ ней ссылки въ такомъ видѣ: (I. 10. 13. 16) или (II. 194), указываютъ на соотвѣтствующіе томы и страницы означеннаго изданія.

[1]) Эти акты напечатаны въ изданіи Устрялова: Сказаніе князя Курбскаго. Изданіе второе. 1842.

частной и общественной. Въ Литвѣ, гдѣ слабость законовъ и правительственной власти давала просторъ своеволію, Курбскій могъ свободнѣе выказаться въ своихъ дѣйствіяхъ, и поэтому личность его представляется намъ яснѣе и понятнѣе.

Сигизмундъ Августъ, король польскій, не имѣя ни воинскихъ доблестей, ни сильнаго войска, для того чтобъ бороться съ царемъ Іоанномъ Грознымъ, прибѣгалъ къ неблагородной политикѣ. Онъ разсылалъ свои листы къ знатнѣйшимъ боярамъ московскимъ, склоняя ихъ къ измѣнѣ, обѣщалъ земли, свою ласку королевскую и привольное житье въ Литвѣ. Король охотно принималъ также способныхъ къ войнѣ дѣтей боярскихъ, которые цѣлыми толпами уходили изъ московскаго государства, получали земли въ Литвѣ, или служили на жалованьи, пользуясь правами шляхты [2]). Слѣдуя такой политикѣ, Сигизмундъ Августъ рѣшился вступить въ тайную переписку съ княземъ Андреемъ Курбскимъ, знаменитѣйшимъ изъ воеводъ московскихъ, славнымъ своими недавними побѣдами надъ Татарами и Нѣмцами.

Къ Курбскому отправлены были два письма, одно отъ короля Сигизмунда Августа, а другое отъ его сенаторовъ: Николая Радивила, гетмана литовскаго, и Евстафія Воловича, подканцлера великаго княжества литовскаго. Король, гетманъ и подканцлеръ приглашали Курбскаго оставить московское государство и пріѣхать въ Литву. Вѣроятно, отвѣтъ Курбскаго былъ несовсѣмъ отрицательный, потому что король и Радивилъ

---

[2]) Въ 1563 году мы находимъ въ уѣздѣ кременецкомъ Владиміра Заболоцкаго, съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 150 человѣкъ конницы (II. 143—267); въ 1564 году нѣсколько десятковъ дѣтей боярскихъ шли на службу королевскую подъ начальствомъ Богдана Шашковича (II. 268). Въ Кіевѣ находились также дѣти боярскія на службѣ королевской, вмѣстѣ съ князьями Хованскими (II. 299).

въ другой разъ отправили къ нему свои пославія; король обѣщалъ Курбскому свои милости, а Радивилъ увѣрялъ, что ему дано будетъ приличное содержаніе (Томъ II. 193). Послѣ двукратнаго приглашенія, Курбскій изъявилъ согласіе измѣнить Россіи; сенаторы присягнули въ томъ, что король исполнитъ свои обѣщанія, и Курбскій, получивъ королевскую опасную грамоту, бѣжалъ въ свое новое отечество [3]). Слѣдовательно Курбскій явился къ королю польскому не какъ бѣглецъ, преслѣдуемый страхомъ казни за проигранное сраженіе [4]); напротивъ, онъ дѣйствовалъ обдуманно, велъ переговоры и только тогда рѣшился измѣнить своему царю, когда плату за измѣну нашелъ для себя выгодною.

Курбскій прибылъ въ Литву въ началѣ 1564 года [5]). Вмѣстѣ съ нимъ явился значительный отрядъ Москвитянъ, изъ которыхъ нѣкоторые съ молодыхъ лѣтъ раздѣляли его военные подвиги, а другіе принадлежали къ опальнымъ фамиліямъ, извѣстнымъ въ русской исторіи [6]). Вотъ тѣ изъ нихъ, которые называются

---

[3]) Вотъ слова Курбскаго: »зaупевненемъ и кглейтомъ его кролевское милости, также за присягою ихъ милости пановъ радъ, се зде до панства его кролевское милости пріѣхалъ«. Т. I, стран. 232.

[4]) Польскіе историки разсказываютъ, что Курбскій, проигравъ сраженіе подъ замкомъ Невлемъ, началъ опасаться за свою голову, и что это было причиною его бѣгства въ Литву. Сказ. Курб. XV. XVI.—Арцыбышева, Повѣствованіе о Россіи. II. 293.

[5]) Самъ Курбскій говоритъ объ этомъ въ грамотѣ, данной Михаилу Келемету: »скоро выѣхавши изъ земли непріятельской, въ томъ же году былъ со мною подъ Полоцкомъ (I. 37)«. Извѣстно, что осада Полоцка началась въ октябрѣ 1564 года.

[6]) Этимъ подтверждается извѣстіе русскаго посла Аѳанасія Нагаго, посланное царю 1564 августа 6: »А отъѣхалъ де отъ тебя государя къ королю князь Андрей Курбскій, а съ нимъ де отъѣхали многіе люди«.

по именамъ въ изданныхъ нами актахъ: 1. Иванъ Ивановичъ Калыметъ; 2. Михаилъ Яковлевичъ Калыметъ; 3. Кирилъ Ивановичъ Зубцовскій; 4. Василій Кушниковъ; 5. Кирилъ Невзоровъ; 6. Якимъ Невзоровъ; 7. Иванъ Посникъ Вижевскій[7]); 8. Иванъ Посникъ Глинскій; 9. Посникъ Ростовской; 10. Иванъ Посникъ меньшій Туровицкій[8]); 11. Симонъ Марковичъ Вешняковъ; 12. Иванъ Мошнинскій; 13. Петръ Вороновецкій; 14. Андрей Барановскій; 15. Гаврило Кайсаровъ; 16. Меркурій Невклюдовъ; 17. Іосифъ Никитичъ Тороканов Пятый; 18. Петръ Сербулатъ; 19. Захарія Москвитинъ[9]); 20. Василій Лукьяновичъ Калиновскій.

Вскорѣ по прибытіи въ Литву, Курбскій получилъ грамоту на Ковельское имѣніе, данную въ Бѣльскѣ, 1564 года, іюля 4 (II. 194). Въ этой грамотѣ право Курбскаго выражено двусмысленно и неопредѣленно. Не было означено, что имѣніе

---

[7]) Вижевскимъ названъ онъ потому, что Курбскій сдѣлалъ его урядникомъ въ мѣстечкѣ своемъ Вижвѣ.

[8]) Туровицкимъ названъ отъ села Туровичи, въ которомъ дано было ему имѣніе.

[9]) Иванъ и Михаилъ Калыметы и Иванъ Мошнинскій служили Курбскому съ молодыхъ лѣтъ (I. 37. 242). Фамиліи Вешнякова, Кайсарова, Невклюдова и Тороканова упоминаются въ синодикѣ царя Іоанна Васильевича Грознаго. См. Сказ. кн. Курб. 414. Русскія фамиліи Вороновецкаго и Калиновскаго не извѣстны; пріѣхавъ въ Литву, они заимствовали прозванія отъ пожалованныхъ имъ имѣній: Вороновцы и Калиновцы. Нѣкоторые изъ Москвитянъ, пришедшихъ съ Курбскимъ въ Литву, имѣли русскихъ слугъ; такъ у Андрея Барановскаго была Москвитянка Марушка. I. 301.

дается на вѣчныя времена пріобрѣтателю и потомкамъ его, не упомянуто также о правѣ свободно распоряжать пожалованнымъ имѣніемъ. Такая грамота, по литовскимъ законамъ, не давала права полной собственности (II. 195). Сверхъ того, для дѣйствительности пожалованія, воля одного короля была недостаточна; для этого нужно было еще согласіе генеральнаго сейма [10]). Кромѣ Ковельскаго имѣнія, Курбскому дано было староство Кревское, въ воеводствѣ виленскомъ. Это пожалованіе было также противузаконно, потому что король не имѣлъ права раздавать иностранцамъ никакихъ должностей въ великомъ княжествѣ литовскомъ [11]). Получивъ грамоту, Курбскій не могъ тотчасъ вступить во владѣніе Ковельскимъ имѣніемъ; онъ долженъ былъ участвовать въ походѣ Литовцевъ на Россію и сражаться подъ стѣнами Полоцка, куда онъ явился съ отрядомъ, состоявшимъ изъ бѣглыхъ Москвитянъ и изъ 200 человѣкъ наемной конницы. По возвращеніи изъ похода, въ 1565 году, Курбскій, по приказанію короля, введенъ былъ во владѣніе Ковельскимъ имѣніемъ (II. 194).

Ковельская волость была однимъ изъ богатѣйшихъ и многолюднѣйшихъ королевскихъ имѣній. Лѣсной товаръ и хлѣбъ отправлялись въ Данцигъ и Эльбингъ, по рѣкамъ Бугу и Вислѣ (I. 198. 87. II. 154); въ селѣ Гойшинѣ добывалась желѣзная руда; звѣриные промыслы и пчеловодство доставляли значительные доходы. Населеніе было многолюдно. Это видно изъ того, что Ковельцы, предпринимая наѣзды на имѣнія сосѣднихъ владѣльцовъ, составляли вооруженный отрядъ, заключавшій болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, съ пушками, гаковницами, саадаками,

---

[10]) Stat. Lit. 1529, roz. I, art. 25.

[11]) Stat. Lit. 1529, roz. III, art. 3.—Zbior praw Litewskich. Poznań. 1841, стр. 405.

рогатинами и разнымъ другимъ оружіемъ [12]). Ковельское имѣніе заключало въ себѣ городъ Ковель съ замкомъ, мѣстечко Вижву съ замкомъ, мѣстечко Миляновичи съ дворцомъ и двадцать восемь селъ. Всѣ эти имѣнія Курбскій раздѣлилъ на три волости: ковельскую, вижовскую и миляновскую [13]). Для управленія каждою волостію, избранъ былъ урядникъ, или управляющій, изъ числа Москвитянъ, бѣжавшихъ вмѣстѣ съ Курбскимъ изъ Россіи. Урядникъ ковельскій считался намѣстникомъ князя, принималъ доходы отъ всѣхъ прочихъ урядниковъ и отдавалъ Курбскому общій отчетъ въ управленіи всѣмъ имѣніемъ (I. 199. II. 4).

Устроивъ имѣніе, Курбскій опять спѣшилъ на войну противъ царя московскаго. Зимою 1565 года, онъ воевалъ область великолуцкую, вмѣстѣ съ отрядомъ, состоящимъ изъ 15,000 Литовцевъ. Король въ своихъ жаловапныхъ грамотахъ хвалитъ Курбскаго за храбрость, оказанную въ сраженіяхъ, за его вѣрную и доблестную службу (I. 10. 13. 16). Возвратившись изъ похода, Курбскій нашелъ имѣніе свое въ большомъ разстройсвѣ. Сосѣдніе владѣльцы, пользуясь его отсутствіемъ, начали насильно присвоять себѣ земли, принадлежавшія къ волости Ковельской и заселять ихъ своими крестьянами. (I. 1.). Съ другой стороны,

[12]) См. жалобу князя Александра Сангушка Копирскаго на мѣщанъ города Ковля и обывателей Ковельской волости, въ книгѣ гродской луцкой за 1561 годъ, листъ 156.

[13]) Волость Ковельскую составляли городъ Ковель и селенія: Гридковичи, Шайно, Хотешово, Нюйно, Красная Воля, Мошчоная, Дубовая, Облапы, Вербка, Гойшино, Бахово, Скулинъ, Стебли, Мостища, Верхи. Къ вижевской волости принадлежали мѣстечко Вижва и села: Старая Вижва и Воля. Къ волости миляновской—мѣстечко Миляновичи и села: Порыдубы, Селища, Годевичи, Зелово, Туровичи и Клевецкое (I. 245). Всѣ эти мѣстечка и села существуютъ и теперь; въ нихъ считается 8,907 ревизскихъ душъ.

право, предоставленое Курбскому жалованною грамотою на волость Ковельскую, оказалось на практикѣ невозможнымъ. Ковельскую волость населяли, кромѣ крестьянъ, земляне и бояре господарскіе, мѣщане, водворенные въ городѣ Ковлѣ, также въ мѣстечкахъ Вижвѣ и Меляновичахъ, наконецъ Евреи, разсѣянные по всей волости Ковельской. Земляне и бояре господарскіе пользовались правами шляхетскими, владѣли землями и цѣлыми селеніями, пожалованными королевою Боною и князьями Сангушками [14]), на правѣ ленномъ или на правѣ полной собственности; мѣщане пользовались лично свободою и имуществомъ, подъ защитою права магдебурскаго; Евреи, на основаніи королевскихъ грамотъ, издревле пользовались личною свободою и важными общественными преимуществами. Эти свободныя сословія король не могъ подчинить Курбскому на вотчинномъ правѣ, не нарушивъ основныхъ законовъ государственныхъ. Чтобъ дать правамъ Курбскаго болѣе опредѣленности и согласить ихъ съ государственными постановленіями, Сигизмундъ Августъ нашелъ нужнымъ дать Курбскому другую грамоту. Этою грамотою, данною 1567, февраля 25, предоставлено было Курбскому только ленное право на Ковельское имѣніе. Вслѣдствіе чего права Курбскаго были весьма ограничены. Король объявилъ, что волость Ковельская есть собственность королевская (I. 8) и дана Курбскому на содержаніе, за что Курбскій обязанъ служить земскую военную службу, наравнѣ съ другими обывателями, шляхтою великаго княжества литовскаго. Курбскій не имѣлъ права распоряжать Ковельскими имѣніями, то есть, не могъ ни продавать, ни закладывать, ни

[14]) Ковельская волость была вотчиною князей Любартовичовъ Сангушковъ. Князь Василій Сангушко уступилъ это имѣніе королевѣ Бонѣ, получивъ взамѣнъ Смоляны, Обольце и Горволь. Starożytna Polska. Warszawa. 1844, p. II, 885.

завѣщавать. По смерти Курбскаго, имѣніе должно перейти къ его дѣтямъ мужескаго пола; еслибы не осталось дѣтей мужескаго пола, то имѣніе должно возвратиться въ казну. Въ отношеніи къ управленію, Курбскому предоставлена такая же власть, какая прежде принадлежала королю. Этимъ обезпечены и подтверждены права и преимущества, которыми пользовались жители Ковельской волости, на основаніи законовъ или жалованныхъ грамотъ. Какъ король не могъ отмѣнить этихъ правъ, такъ и Курбскій долженъ былъ сохранять ихъ ненарушимо.

Курбскій не могъ быть доволенъ такимъ вознагражденіемъ за родовыя вотчины и за все имущество, которое оставилъ онъ въ московскомъ государствѣ, положившись на обѣщеніе короля; поэтому Сигизмундъ Августъ старался вознаградить Курбскаго пожалованіемъ другихъ ленныхъ имѣній. Грамотою 1568 ноября 23, пожалована Курбскому волость Смединская (I. 13), а грамотою 1568 іюля 27, подтверждено ленное право на имѣніе въ волости Упитской, заключавшее 10 селъ и около 4000 десятинъ земли.

Скоро Сигизмундъ Августъ увидѣлъ, что въ Курбскомъ онъ пріобрѣлъ подданнаго строптиваго и непокорнаго. Присвоивъ себѣ самовольно титулъ князя ковельскаго [15]), Курбскій началъ распоряжаться пожалованнымъ ему имѣніемъ, какъ своею вотчиною, и раздавать своимъ Москвитянамъ села въ вѣчную и потомственную собственность: урядниву Ковельскому, Ивану Келемету, онъ далъ села Секунь и Сушки, а Андрею Барановскому село Борки (I. 37. II. 197). Его урядникъ

---

[15]) Въ письмахъ къ царю Курбскій подписывался: »княжа на Ковлю«. Въ своихъ жалованныхъ грамотахъ онъ называетъ себя иногда княжа Ковельское (I, 27), иногда князь Ковельскій (I, 37); но въ грамотахъ королевскихъ онъ никогда не называется этимъ титуломъ.

ковельскій, Иванъ Келеметъ, велѣлъ вырыть въ замкѣ ковельскомъ водяную яму, наполнилъ ее пьявками и сажалъ въ эту яму жидовъ; вопль ихъ раздавался за стѣнами замка. Жиды владимірскіе вступились за свою братію, жидовъ ковельскихъ, и, ссылаясь на королевскія привилегіи, требовали правосудія. Келеметъ отвѣчалъ, что онъ привилегій ихъ знать не хочетъ; что онъ дѣйствуетъ по приказанію своего князя, а князь можетъ наказывать своихъ подданныхъ, какъ ему вздумается, даже смертію; что королю и никому другому до этого нѣтъ никакого дѣла (II. 1—13. 196). Тогда жиды отправили депутатовъ на сеймъ (1569 года) въ Люблинъ, гдѣ въ это время находился и князь Курбскій. Когда началась тяжба, то Курбскій утверждалъ, что онъ имѣетъ полное право собственности на волость Ковельскую и на ея обывателей; но король въ первый разъ объяснилъ декретомъ своимъ, въ какой степени права Курбскаго ограничены. Курбскому приказано было оставить жидовъ въ покоѣ и не нарушать ихъ привилегій (II. 196). Курбскій насылалъ вооруженные отряды на сосѣднія земли и грубо отвѣчалъ посланцамъ, являвшимся къ нему съ приказаніями королевскими (I. 3.) [16]). Впослѣдствіи времени, онъ завладѣлъ по какому-то праву имѣніемъ пановъ Красенскихъ—Туличовомъ (II. 307). Король, по жалобѣ Красенскихъ, рѣшилъ, что Курбскій долженъ возвратить имѣніе. Курбскій получилъ объ этомъ приказаніе королевское уже въ то время, когда короля не было въ живыхъ. Вольскій, посланецъ королевскій, долго разъѣзжалъ по Ковельской волости съ листомъ королевскимъ. Слуги Курбскаго посылали его изъ одного имѣнія въ другое. Въ Миляновичахъ его встрѣтила толпа слугъ князя Курбскаго, Москвитянъ, которые не хотѣли сказать, гдѣ находится князь Курбскій, а одинъ изъ нихъ,

[16]) Сказ. князя Курбскаго. 438.

Кирилъ Зубцовскій, запретилъ посланцу королевскому ѣздить въ имѣнія князя Курбскаго и грозилъ ему палкой. Наконецъ, Волскій нашелъ Курбскаго въ Турейскѣ и хотѣлъ вручить ему листъ королевскій. Тогда Курбскій, въ присутствіи князя Константина Острожскаго и многихъ другихъ знатныхъ особъ, сказалъ посланцу королевскому: „ты, панъ Вольскій, ѣздишь ко мнѣ съ мертвыми листами; потому что когда король умеръ, то и всѣ его листы умерли. Когда пріѣдешь ко мнѣ съ листами отъ живаго короля, то такіе листы я отъ тебя съ честію пріиму, а этихъ листовъ, какъ умершихъ, я отъ тебя не беру. Да хотя бы ты и отъ живаго короля пріѣхалъ ко мнѣ съ листами, то я тебѣ и никому другому Туличова не уступлю (I. 39).“ Курбскій, распоряжаясь самовольно пожалованными ему имѣніями, сдѣлался опаснымъ для шляхты литовской. Поэтому, на Люблинскомъ сеймѣ, въ 1569 году, шляхта жаловалась королю, что она терпитъ притѣсненіе отъ князя Курбскаго, и просила, чтобъ имѣнія, противузаконно ему пожалованныя, были отобраны. Король не уважилъ этой просьбы, объявивъ, что Ковель и староство Кревское даны Курбскому на содержаніе, по весьма важнымъ государственнымъ причинамъ [17]).

Въ 1571 году Курбскій вступилъ въ бракъ съ Маріею Юрьевною, урожденною княжною Голшанскою [18]). Отецъ ея, князь Юрій Голшанскій, изъ древнѣйшей и знаменитой фамиліи, былъ женатъ на Маріи, урожденной княжнѣ Сангушковнѣ

---

[17]) См. J. Jaroszewicza, Obraz Litwy. Część II. Wilno. 1844. 187.

[18]) Въ актовыхъ книгахъ, 1570 года, сентября 11, Марія Юрьевна называется Козинскою; въ первый разъ называется она княгинею Курбскою въ 1571 году, августа 22. См. кн. гр. луц. 1570 лис. 220. I. 29. Первая жена Курбскаго и его сынъ умерли въ Россіи отъ преслѣдованій Іоанна Грознаго. II. 306.

(I. 157.) [19]). Дочь ихъ, Марія Юрьевна, была сначала замужемъ за Андреемъ Якубовичемъ Монтолтомъ, отъ котораго имѣла двухъ сыновей, Андрея и Яна. По смерти Андрея Монтолта, она вышла за Михаила Тишковича Козинскаго, кастеляна Луцкаго, отъ котораго имѣла дочь Варвару, бывшую замужемъ за княземъ Юріемъ Збаражскимъ (I. 157).

Марія Юрьевна Голшанская, оставшись вдовою по смерти Михаила Козинскаго, была богатая невѣста. Она владѣла, вмѣстѣ съ сестрою Анною Юрьевною Мылскою, родовымъ имѣніемъ князей Голшанскихъ Дубровицею [20]); въ Литвѣ ей принадлежали имѣнія Шешели и Кропшты (I. 280). Сверхъ того, князь Александръ Полубенскій уступилъ Маріи Юрьевнѣ часть имѣнія, принадлежавшаго сестрѣ ея, Софіи Юрьевнѣ, въ Звонѣ Великомъ Дубровицкомъ (I. 157). Кромѣ этихъ вотчинныхъ имѣній, Марія Юрьевна Голшанская имѣла въ своемъ распоряженіи обширныя имѣнія, записанныя ей покойными мужьями, Яномъ Монтолтомъ и Михаиломъ Козинскимъ. По литовскимъ законамъ, женихъ предъ свадьбою давалъ вѣновую запись, которою онъ записывалъ третью часть своего недвижимаго имущества невѣстѣ, для обезпеченія приданнаго (Stat. Lit. 1566, roz. V, art. 1 и 2.). По смерти мужа, вдова владѣла

[19]) Кромѣ Маріи Юрьевны, у князя Юрія Голшанскаго были еще двѣ дочери: Анна Юрьевна, бывшая замужемъ за Олизаромъ Кирдѣемъ Мылскимъ (I. 152), и Софія Юрьевна, вышедшая замужъ за князя Александра Полубенскаго (I. 157).

[20]) Марія Юрьевна съ сестрой своей Анной были въ вѣчномъ раздорѣ и вели непрерывныя тяжбы. Въ 1576 году третейскій судъ рѣшилъ, что Анна Юрьевна должна заплатить сестрѣ своей 3050 копъ грошей. Такъ какъ Анна Юрьевна не могла уплатить этой суммы, то ея часть въ Дубровицкихъ имѣніяхъ отдана была Маріи Юрьевнѣ, которая, съ этихъ поръ, сдѣлалась единственною владѣлицею Дубровицкаго имѣнія (I. 153).

имѣніемъ, записаннымъ ей вѣновою записью, до тѣхъ поръ, пока наслѣдники не выплачивали ей всей суммы, записанной въ обезпеченіе приданнаго (Stat. Lit. 1566, roz. V, art. 2). На основаніи этихъ законовъ, Марія Юрьевна Голшанская получила отъ перваго своего мужа, Яна Монтолта, имѣнія Жирмоны и Болотеники въ повѣтѣ лидскомъ и Орловкишки въ повѣтѣ ошмянскомъ (I. 281), а отъ втораго мужа, Михаила Козинскаго, имѣніе Осмиговичи въ повѣтѣ владимірскомъ (I. 158). Марія Юрьевна внесла въ домъ князя Курбскаго значительное движимое имущество, состоявшее въ драгоцѣнныхъ украшеніяхъ, серебреной посудѣ и въ богатыхъ одеждахъ. Въ ея имѣніяхъ, Дубровицѣ и Болтеникахъ, находились табуны, въ которыхъ считалось до 500 лошадей, кромѣ рогатаго и мелкаго скота (I. 149—151). Невѣста Курбскаго отличалась своею набожностію. Она всегда имѣла при себѣ Евангеліе въ богатой оправѣ, Псалтырь, Евангеліе учительное, Октоихъ и книгу, называемою Соборникъ. При ней неразлучно находился кипарисный ковчежецъ, въ которомъ хранилось немало образовъ и мощи многихъ святыхъ. Эта фамильная святыня князей Голшанскихъ получена была отъ патріарховъ іерусалимскихъ за дорогую цѣну и завѣщана Маріи Юрьевнѣ отцемъ ея, княземъ Юріемъ Голшанскимъ (I. 160). Вступая въ бракъ съ княжною Голшанскою, Курбскій роднился съ важнѣйшими литовскими фамиліями, что было весьма важно для него, какъ для пришельца, особенно въ Литвѣ и Польшѣ, гдѣ вельможи держали въ рукахъ своихъ короля и цѣлое государство. Онъ вступалъ въ родство съ князьями Сангушками [21]), Збаражскими, Соколинскими, Полубенскими, Сопегами, съ Монтолтами и Воловичами. Но увлекаясь богатствомъ и знатностію, Курбскій,

[21]) Изъ князей Сангушковъ былъ особенно друженъ съ Курбскимъ князь Романъ Сангушко, воевода брацлавскій, гетманъ дворный литовскій, прославившійся побѣдами надъ московскими войсками.

вступая въ родство съ домомъ Голшанскихъ, опустилъ изъ виду весьма важныя невыгоды. Его невѣста была пожилая и слишкомъ опытная женщина. Въ семействѣ Голшанскихъ были вѣчные раздоры и непрерывныя тяжбы. Княжны Марія и Анна Голшанскія, владѣя Дубровицкимъ имѣніемъ нераздѣльно, находили поводъ къ безпрестаннымъ ссорамъ; въ эти ссоры вмѣшивался мужъ Анны Юрьевны, Олизаръ Кирдѣй Мылскій, нападалъ на крестьянъ Маріи Юрьевны, производя разбои и грабежи въ ея имѣніяхъ. Иногда Анна Юрьевна, лично предводительствуя отрядомъ вооруженныхъ слугъ своихъ, нападала на земли сосѣднихъ владѣльцовъ [22]). Однажды, встрѣтивъ на дорогѣ сестру свою, Марію Юрьевну, она напала на нее съ толпою слугъ своихъ и ограбила ее (I. 254). Эти раздоры служили поводомъ къ безконечнымъ тяжбамъ, такъ что въ 1578 году Марія Юрьевна имѣла болѣе 200 выписей изъ актовыхъ книгъ, по тяжебнымъ дѣламъ съ сестрою своею Анною и ея мужемъ, Олизаромъ Кирдѣемъ Мылскимъ (I. 154). Сыновья Маріи Юрьевны, Янъ и Андрей Монтолты, отличались своимъ буйствомъ, дѣлали наѣзды на земли сосѣднихъ владѣльцовъ, занимались грабежами и разбоями [23]). Ихъ двоюродная сестра, Анна Монтолтовна, дочь Якубовича Монтолта Коблинскаго, вела открыто развратную жизнь. Будучи замужемъ за какимъ-то паномъ Зглячинскимъ, она бѣжала изъ дому сперва съ жолнеромъ Ковнацкимъ, а потомъ, забравъ имуще-

---

Въ завѣщаніи своемъ, 1571 мая 10, князь Романъ Сангушко отказалъ Курбскому четверку лошадей. Книга гродская владимірская 1582, листъ 303.

[22]) Въ книгѣ грод. луцкой за 1571 годъ, лис. 113, записана жалоба Казимира Ледницкаго о нападеніи Анны Юрьевны Голшанской на имѣніе Смелинское, о грабежѣ и разбоѣ.

[23]) См. книгу грод. луц. 1562 года, листъ 37.

ство мужа, бѣжала съ слугою своимъ, Андрюшкой Менькомъ. Однажды, по наущенію своихъ двоюродныхъ братьевъ, Яна и Андрея Монтолтовъ, она покушалась отравить своего мужа и, за ужиномъ, подала ему леща, приправленнаго ядомъ, который приготовленъ былъ изъ черной ящерицы. Здѣсь же за ужиномъ сидѣли Александръ Семашко и его жена. Слуги, по приказанію Анны Монтовтовны, поднесли отраву Александру Семашку въ какомъ-то напиткѣ, а женѣ его – въ кувшинѣ съ медомъ (I. 182). Родственная связь съ такимъ семействомъ не обѣщала ничего добраго.

Предъ вступленіемъ въ бракъ, Курбскій, слѣдуя обычаю, далъ своей невѣстѣ вѣновую запись, которою обезпечилъ приданное, оцѣненное въ 17,000 копъ грошей литовскихъ, на Миляновичахъ и на имѣніяхъ Упитскихъ[24]) (I. 146). Съ своей стороны, Марія Юрьевна, по выходѣ замужъ, записала князю Курбскому почти всѣ свои имѣнія, видя, какъ она выражается, искреннюю любовь и усердіе его милости князя, своего мужа (I. 29). Она записала Курбскому Осмиговичи, Дубровицкія имѣнія, Шешели и Крошти, передавъ ему всѣ акты на эти имѣнія (I. 107). Курбскій сдѣлался владѣльцомъ обширныхъ родовыхъ имѣній, принадлежавшихъ двумъ фамиліямъ: Дубровица принадлежала роду Голшанскихъ, а Осмиговичи потомкамъ Козинскаго. Съ этихъ поръ начинается непримиримая вражда дѣтей и родственниковъ Маріи Юрьевны къ князю Курбскому. Кирдѣй Мылскій и жена его, Анна Юрьевна, родная сестра княгини Курбской, причиняли князю Курбскому тяжкія обиды, нападали на его слугъ и крестьянъ, дѣлали угрозы, похваляясь

---

[24]) Курбскій, какъ ленный владѣлецъ, не имѣлъ права давать записи на свои имѣнія; поэтому онъ испросилъ у короля особую грамоту, которою дозволено было ему записать вѣно жены своей на имѣніяхъ Ковельскихъ. Эта грамота дана 1567 сентября 8. См. Сказ. кн. Курбскаго. Стр. 443.

на жизнь его, и вымышляли на Курбскаго и его жену небывалыя, позорныя вещи (I. 46). Янъ и Андрей Монтолты подговорили слугу Гинейка украсть и доставить имъ бланкеты за печатью и подписью князя Курбскаго и его жены (I. 52). Вражда еще болѣе усилилась, когда княгиня Курбская, въ 1576 году, написала завѣщаніе, которымъ подтвердила всѣ свои прежнія записи, данныя князю Курбскому на имѣнія. Княгиня устранила своихъ дѣтей и родственниковъ и клялась, что она имѣній своихъ никому, кромѣ князя, своего мужа, никогда не записывала и не дарила (I. 75). Для ея дѣтей оставалось одно только село въ Литвѣ, которое она завѣщала сыну своему Андрею, да, сверхъ того, два заложенныя села: Жирмоны и Орловкишки, которыя она завѣщала сыновьямъ своимъ выкупить и владѣть ими нераздѣльно (I. 72).

Курбская, отдавъ своему мужу имѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и власть надъ собою, скоро раскаялась въ своемъ поступкѣ. Курбскій проводилъ печальную жизнь, какъ странникъ между людьми тяжкими и зело негостелюбными (II. 303). Онъ не могъ сродниться съ вѣтреною и разгульною шляхтою [25]), тосковалъ по отчизнѣ, оплакивая мать, жену и единственнаго сына, покинутыхъ имъ въ Россіи и погибшихъ въ темницѣ (II. 307). Не находя ни въ чемъ утѣшенія, Курбскій занимался науками, учился латинскому языку, философіи Аристотеля и переводилъ бесѣды Іоанна Златоустаго (II. 308). Такой образъ жизни долженъ былъ наскучить Маріи Юрьевнѣ. Чтобъ освободиться отъ власти угрюмаго Москвитянина, она рѣшилась отнять у него свои имѣнія, и для этого, похитивъ документы на Дубровицу, отослала ихъ къ сыну своему Яну (I. 98). Курбскій дѣлалъ домашній обыскъ, но документовъ не отыскалъ, а нашелъ мѣшочекъ съ пескомъ, волосьемъ и другими чарами,

---

[25]) См. J. Jaroszewicza, Obraz Litwy. Cz. III. Wilno. 1845.

которыя княгиня держала у себя для того, чтобъ князь любилъ ее (I. 95). Желая предупредить дальнѣйшія покушенія Маріи Юрьевны и прекратить сношенія съ сыновьями, Курбскій заперъ ее въ замкѣ ковельскомъ. Не смотря на то, княгиня нашла средство сноситься съ своими сыновьями; она пересылала письма чрезъ игумена Вербскаго и чрезъ нищихъ калѣкъ, умоляя Андрея Монтолта освободить ее изъ заключенія, тайно или открытою силою (I. 98). Тронутый просьбами матери, Андрей Монтолтъ рѣшился убить князя Курбскаго, подстерегалъ его по дорогамъ, разъѣзжая съ толпою вооруженныхъ слугъ своихъ по землямъ ковельскимъ. Не видя успѣха въ своихъ замыслахъ, онъ наѣхалъ разбоемъ на Скулинскую землю, принадлежавшую князю Курбскому: грабилъ и убивалъ людей, сжегъ лѣсной товаръ, приготовленный на продажу и, поймавъ крестьянъ, подъ пыткою распрашивалъ ихъ, гдѣ находится князь Курбскій. Между тѣмъ, братъ его, Янъ Монтолтъ, началъ дѣло судебнымъ порядкомъ. Явившись въ урядъ владимірскій, онъ объявилъ, что, по дошедшимъ до него слухамъ, Курбскій избилъ свою жену, измучилъ ее и уморилъ въ жестокомъ заключеніи. Для изслѣдованія дѣла, урядъ, по просьбѣ Яна Монтолта, отправилъ вознаго съ понятыми въ имѣніе Курбскаго Миляновичи. Возный нашелъ Курбскаго больнымъ. Князь лежалъ на кровати, а княгиня, его жена, сидѣла подлѣ него на скамьѣ. Когда возный объявилъ о причинѣ посѣщенія, то Курбскій сказалъ: „вотъ, панъ возный, смотри—жена моя сидитъ въ добромъ здоровьи, а ея дѣти выдумываютъ на меня такія вещи.“ Потомъ сказалъ княгинѣ: „говори, княгиня, сама!“ Но княгиня отвѣчала уклончиво, сказавъ только: „что мнѣ и говорить, милостивый князь, когда возный и самъ видитъ, что я сижу“ (I. 79). Янъ Монтолтъ отправился въ Варшаву и подалъ жалобу королю. Онъ жаловался, что Курбскій жестоко обращается съ своею женою, что онъ несправедливо завла-

дѣлъ ея движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, что вынудилъ у нея нѣсколько десятковъ бланковыхъ листовъ, чтобъ отъ ея имени распоряжаться принадлежащими ей имѣніями [26]). Курбскій потребованъ былъ на судъ короля, и въ 1578 году отправился во Львовъ, вмѣстѣ съ своею женою. Не прибѣгая къ суду королевскому, обѣ стороны согласились предоставить дѣло на рѣшеніе третейскаго суда, составленнаго изъ пріятелей, избранныхъ каждою стороною. Третейскій судъ рѣшилъ, что Курбскій долженъ развестись съ своею женою, на слѣдующихъ условіяхъ: 1. Курбскій долженъ возвратить Маріи Юрьевнѣ Дубровицкія имѣнія; Марія Юрьевна, съ своей стороны, должна освободить Курбскаго отъ 17.000 копъ грошей, записанныхъ ей вѣновою записью на Ковельскихъ имѣніяхъ (I. 165); 2. имѣніе Шешели и Крошты Курбскій будетъ удерживать въ пожизненномъ владѣніи; 3. получивъ разводъ отъ суда духовнаго, Курбскій обязанъ отпустить Марію Юрьевну изъ своего дому, со всею учтивостію (I. 137). Заключивъ мировую сдѣлку, Курбскій и его жена возвратились въ Ковель, укрѣпили своими записями постановленіе третейскаго суда и на другой же день отправились во Владиміръ, чтобъ получить разводъ въ духовномъ судѣ и внести записи въ актовыя книги.

Въ это время, расторженіе браковъ въ Литвѣ не представляло большихъ затрудненій. Слабость свѣтской законодательной власти имѣла вліяніе и на власть духовную. Какъ въ дѣлахъ уголовныхъ и гражданскихъ, подлежавшихъ свѣтскому суду, взаимное согласіе тяжущихся лицъ отмѣняло законъ [27]), такъ и въ дѣлахъ бракоразводныхъ, подлежавшихъ духовному суду, согласіе супруговъ считалось достаточною причиною

---

[26]) Сказанія кн. Курбскаго. 433.

[27]) Примѣромъ можетъ служить запись мировой сдѣлки князя Курбскаго съ княземъ Булыгою, по дѣлу о убіеніи Ивана Калымета. II. 49.

къ разводу. Недовольные другъ другомъ супруги являлись сперва въ урядъ и представляли запись [28]), въ которой объ-

[28]) Вотъ одна изъ такихъ записей: »Я, Марья Борзобогатовна Красенскаго, ознаймую тымъ моимъ листомъ, нинешнимъ и напотомъ будучимъ, кому потреба будетъ вѣдати, чтомъ я была, зъ воли Божое и дару его святое милости, пошла въ малжонство за пана Яцка Стецковича Добрыльницкаго, съ которымъ, мешкаючи часъ немалый въ станѣ малжонскомъ, потомство, отъ Бога Сотворителя намъ даное, межи собою сплодили есмо. А ижъ отъ годовъ мало не двохъ, зъ гнѣву и допущенья Божого, якоесь нетрафное мешканье межи собою маючи, узявши розницы великіе и росторгненье, я зъ мужемъ своимъ мешканья жадного, ведле стану малжонского, мѣти не могли есмо. Бачачи я по мужу своемъ мысль отменную и хуть ку мнѣ, жонѣ своей, не такую, яко есть обычай малжонку противо малжонцы показовать, и розумеламъ то, же я мешканья доброго зъ нимъ вже по сесь часъ мети не могла, не зъ жадного примушенья, а ни понуженья, одно доброволне, въ целомъ а зуполномъ здоровью будучы, а ни хотячи большого зайштя и розницъ межи собою множити, по сесь часъ и на потомные часы малжонка своего, пана Яцка, съ того мешканья моего малжонскаго, котороемъ я съ нимъ по всѣ часы мѣла отъ себе, отъ малжонства, вольнымъ чиню; я отъ него прожна, а онъ отъ мене. А ижъ насъ панъ Богъ, за грехи наши, тымъ наведити и малжонство розлучить рачилъ, я, пану Богу поручивши, позволямъ пану Яцку, кого хотя, поняти, а мне тежъ вольно замужъ, за кого хотя, пойти. А што ся тычетъ детей нашихъ, тые маютъ быти: при мнѣ двѣ дочце, Магдалена и Настасья, а при пану Яцку сыны два, Иванъ и Якимъ. Тыми, такъ я, яко и онъ, водле повинности хрестьянское, опекатися и старати о нихъ, яко цнотливымъ родицамъ о детехъ своихъ пристоитъ, маемъ вѣчне, въ жадномъ артыкуле того ростаня и постановенья нашого не зъгрушаючи, подъ зарукою его королевское милости пяти сотъ копами грошей, а стороне пана Яцковой такежъ пятьсотъ копами грошей, а заплативши тые заруки, предъ ся тое постановенье вечно

являли, что они соглашаются расторгнуть бракъ и дозволяютъ другъ другу вступить въ новое супружество. Духовная власть не могла противудѣйствовать укоренившемуся обычаю и дозволяла разводъ, безъ дальнѣйшаго изслѣдованія. На такомъ основаніи и Курбскій получилъ разводъ отъ епископа владимірскаго Ѳеодосія (I. 157), безъ всякихъ причинъ, по которымъ церковные законы дозволяютъ расторженіе брака (I. 137). Кончивъ дѣло о разводѣ, Курбскій отправилъ Марію Юрьевну изъ своего дому, со всею учтивостію, въ своей коляскѣ, запряженной четверкою лошадей (I. 137). Дворовые люди Маріи Юрьевны, какъ наемные слуги, такъ невольники и невольницы, не хотѣли слѣдовать за своей княгиней, измѣнили ей и остались у князя Курбскаго (I. 162).

Разводъ не примирилъ родственниковъ Маріи Юрьевны съ княземъ Курбскимъ и не прекратилъ раздоровъ. Какъ только Марія Юрьевна пріѣхала въ свою квартиру, то Николай Сопѣга, воевода минскій, хотѣлъ завладѣть экипажемъ Курбскаго, перебилъ кучеру руки и ноги, ругалъ Курбскаго неприличными словами и, объявивъ месть, грозилъ лишить его жизни (I. 138). Марія Юрьевна не осталась также въ покоѣ. Получивъ документы на имѣнія и избавившись отъ строгаго мужа, она въ тотъ же день подала въ урядъ нѣсколько жалобъ. Марія Юрьевна жаловалась, что Курбскій, отпуская ее изъ сво-

---

держано и въ покою на обе стороне заховано быть маетъ. А при томъ были и того добре сведоми его милость панъ Андрей Русинъ, подстаростій луцкій, а панъ Михайло Корытенскій, которые ихъ милость, панове вышшей помененные, печати свои за прозьбою моею къ тому моему вызнаному листу приложили; а и я тежъ сама печать свою приложила и руку подписала. Писанъ въ Луцку, лета Божьего нароженія тисяча пятьсотъ шестьдесятъ четвертого, мѣсяца мая двадцать семого дня«. Книга гродская луцкая 1564, листъ 94.

его дому, удержалъ ея людей и движимое имущество (I. 121, 128, 146); что онъ, посадивъ ее въ заключеніе, билъ палкой и такимъ образомъ вынудилъ нѣсколько десятковъ бланковыхъ листовъ за ея печатью и подписью; что на этихъ листахъ Курбскій писалъ, отъ ея имени, договоры, совершалъ мѣновыя и дарственныя записи (I. 125). Наконецъ, Марія Юрьевна жаловалась, что Курбскій, удержавъ ея служанку, Раину Ѳедоровну, мучилъ ее и, посадивъ въ тюрьму, приказалъ слугѣ своему изнасиловать ее (I 135). Уже въ концѣ 1578 года, Курбскій, передавъ Дубровицкое имѣніе Яну Монтолту и уступивъ Курбской 1200 копъ грошей, получилъ окончательную запись, которою Марія Юрьевна свидѣтельствовала, что получила отъ Курбскаго полное удовлетвореніе и никакихъ жалобъ на бывшаго своего мужа подавать не будетъ; ея служанка Раина объявила, что ея жалобы были ложны, что она не была ни бита, ни мучена, ни изнасилована (I. 166).

Въ продолженіе времени, безславно проведеннаго въ семейныхъ раздорахъ и тяжбахъ, Курбскій мало принималъ участія въ дѣлахъ общественныхъ. Знаемъ только, что въ 1573 году, на провинціальномъ сеймѣ въ Берестечкѣ, шляхта земли волынской избрала его своимъ депутатомъ въ Варшаву, на элекцію короля, вмѣстѣ съ другими знатными лицами; а въ 1575 году, когда Татары вторгнулись въ землю волынскую, Курбскій спѣшилъ противъ нихъ, съ своимъ отрядомъ (I. 26).

По церковнымъ законамъ, Курбскій не могъ вступить въ новый бракъ, пока была жива его прежняя жена; не смотря на то, онъ, въ 1579 году, сговорилъ за себя дѣвицу, панну Александру Петровну Семашковну. Родъ Александры Семашковны, ни по богатству, ни по знатности, не могъ сравниться съ родомъ князей Голшанскихъ. Отецъ ея, Петръ Семашко, былъ старостою кременецкимъ, а мать, Софія, происходила изъ дому Боговитиновъ. Петръ Семашко имѣлъ трехъ сыновей:

Яроша, Петра и Василія, и трехъ дочерей: одна изъ нихъ, Анна, была замужемъ за Θедоромъ Петровичемъ Загоровскимъ; вторая, которой имя неизвѣстно, была за Василіемъ Павловичемъ, а третья Александра, невѣста Курбскаго, оставшись сиротою, жила вмѣстѣ съ братьями. Жена Петра Семашка, Софія Боговитиновна, завѣщала дочери своей Александрѣ третью часть имѣнія Добрятина и половину всѣхъ стадъ своихъ. Братья Александры Семашковны были небогатые шляхтичи; еще до сватовства, они водили знакомство съ Курбскимъ и взяли у него въ долгъ 1600 копъ грошей, заложивъ половину имѣнія своего Добрятина (I. 173). За каждою изъ сестеръ своихъ они давали по 800 копъ приданнаго, въ деньгахъ и вещахъ.

Въ 1579 году апрѣля 26, Курбскій праздновалъ свою свадьбу въ городѣ Владимірѣ. Слѣдуя литовскимъ законамъ, онъ предъ свадьбою записалъ своей невѣстѣ вѣно на литовскихъ имѣніяхъ, Криничинѣ и Унитопотокахъ [29], а на другой день свадьбы подарилъ женѣ своей половину имѣнія Добрятина (I. 173). Курбскій былъ доволенъ своею молодою женой. Въ завѣщаніи своемъ онъ называетъ ее своею милою малжонкою, говоритъ, что она служила ему усердно, была вѣрна и вела себя благородно. Особенно во время болѣзни, она усердно прислуживала ему и заботилась о поправленіи его здоровья, съ немалыми для себя издержками (I. 243).

Въ 1580 году, княгиня Александра Петровна родила дочь, княжну Марину, а въ 1582, обрадовала своего мужа рожденіемъ сына, князя Дмитрія.

Не долго Курбскій наслаждался семейнымъ счастіемъ. Въ

[29]) Такъ какъ приданное Александры Семашковны состояло въ 800 копахъ грошей, то Курбскій обязанъ былъ записать ей неболѣе 1600 копъ. Курбскій записалъ своей невѣстѣ 12,000 копъ, объявивъ, что получилъ приданнаго 6000 копъ (I. 170).

1579 году, Стефанъ Баторій готовился со всѣми своими силами двинуться на Россію. Курбскій долженъ былъ также слѣдовать за знаменами Польской республики, съ бѣглыми Москвитянами и съ своими боярами. Апрѣля 6-го онъ праздновалъ свою свадьбу, а уже въ іюнѣ мѣсяцѣ собирался въ походъ. Король листомъ своимъ, отъ 29 іюня 1579 года, объявлялъ всенародно, что князь Андрей Михайловичъ Курбскій Ярославскій отправляется съ немалымъ отрядомъ своимъ на войну, противъ царя московскаго, и что всѣ судебныя дѣла, до него касающіяся, должны быть пріостановлены (I. 179). Кромѣ того, король уволилъ Курбскаго отъ платежа податей съ Ковельскихъ имѣній за 1579 годъ; эти деньги Курбскій долженъ былъ употребить на содержаніе наемнаго отряда. Нанявъ 86 козаковъ и 14 гусаръ, Курбскій присоединилъ ихъ къ своимъ слугамъ и боярамъ (II. 54), и съ этимъ отрядомъ сражался подъ Полоцкомъ, торжествовалъ, вмѣстѣ съ польскими войсками, побѣды Баторія, и свою радость выразилъ въ двухъ укорительныхъ письмахъ, написанныхъ къ Іоанну, по завоеваніи Полоцка и Сокола.

Это торжество было послѣднимъ для Курбскаго; съ этого времени несчастія и огорченія преслѣдуютъ его до самой смерти. На сеймѣ варшавскомъ 1579 года, постановлено было, для составленія отряда гайдуковъ, произвесть наборъ во всѣхъ королевскихъ имѣніяхъ воеводства кіевскаго, брацлавскаго и волынскаго. Для исполненія этого постановленія, король послалъ ротмистра своего, Щаснаго Ляшевскаго, который, объѣзжая королевскія имѣнія, выбиралъ самыхъ рослыхъ и крѣпкихъ людей, на службу королевскую. Ляшевскому приказано было произвесть наборъ и въ имѣніяхъ князя Курбскаго. Этимъ распоряженіемъ, король ясно показывалъ, что онъ не признаетъ Курбскаго ни вотчиннымъ, ни даже леннымъ владѣльцемъ Ковельскаго имѣнія, а считаетъ его только своимъ державцею, или управляющимъ. Курбскій оскорбленный обидою, которая,

лишая его имѣнія, ставила наравнѣ съ безземельною шляхтою, упорно и неуважительно воспротивился королевскому повелѣнію и не дозволилъ ротмистру королевскому набирать гайдуковъ въ своихъ имѣніяхъ. Разгнѣванный король отправилъ Курбскому грозное посланіе (20 іюля 1580). Въ этомъ посланіи Курбскій уже не нашелъ того привѣта, съ которымъ король обращался къ подданнымъ въ письмахъ своихъ: „Ласка наша королевская, искренно вѣрно намъ милый!" Называя Курбскаго своимъ державцею, а Ковельское имѣніе собственностію королевскою, Стефанъ Баторій требовалъ Курбскаго къ себѣ на судъ, грозилъ ему лишеніемъ уряда и всего имущества, за непослушаніе и сопротивленіе, имѣвшее слѣдствіемъ великій вредъ и опасность для государства (I. 189). Неизвѣстно, какъ Курбскій успѣлъ умилостивить короля; знаемъ только, что въ 1581 году, онъ снова долженъ былъ собираться на войну противъ царя московскаго. Онъ вооружилъ значительный отрядъ, и уже на свой собственный счетъ, а не на счетъ податей съ Ковельскихъ имѣній. Король опять приказывалъ, листомъ своимъ, отъ 10 іюня 1581 года, чтобы всѣ судебныя дѣла, касающіяся князя Курбскаго, были пріостановлены (I. 201). Отправляясь на войну, Курбскій, одряхлѣвшій отъ ранъ и огорченій, написалъ первое свое завѣщаніе, 5 іюня 1581 года. Въ этомъ завѣщаніи Курбскій, наперекоръ королю, не считавшему его ни вотчиннымъ, ни леннымъ владѣльцемъ, называетъ себя Курбскимъ, Ярославскимъ и Ковельскимъ и распоряжается пожалованными ему имѣніями, какъ своею вотчиною. На основаніи ленныхъ постановленій и грамоты, данной Курбскому въ 1567 году, Ковельское имѣніе, по смерти Курбскаго, переходило по наслѣдству только къ дѣтямъ мужескаго пола. Если бы не было дѣтей мужескаго пола, то имѣніе должно возвратиться въ казну. Курбскій имѣлъ только дочь, княжну Марину, которой, въ противность леннымъ постановленіямъ, онъ завѣ-

щалъ всѣ Ковельскія имѣнія. Также противузаконно онъ завѣщалъ женѣ своей, Александрѣ Петровнѣ, мѣстечко Миляновичи въ пожизненное владѣніе. Защитникомъ и главнымъ опекуномъ своему семейству Курбскій назначилъ князя Константина Острожскаго, кравчаго великаго княжества литовскаго. Въ знакъ дружеской памяти, Курбскій завѣщалъ князю Константину Острожскому, кравчему великаго княжества литовскаго, свои доспѣхи: зерцала булатныя, шишакъ и наручи булатные, золоченые; а пріятелю своему и слугѣ, Москвитянину Кирилу Зубцовскому, завѣщалъ свою саблю, сребромъ оправленную (I. 191—200). Сдѣлавъ распоряженія на случай своей смерти, Курбскій отправился съ отрядомъ своимъ подъ Псковъ, куда стремилось многочисленное войско, подъ предводительствомъ Баторія. Но Курбскому уже не суждено было сражаться съ своими соотечественниками. Прибывъ съ отрядомъ своимъ на границу Россіи, онъ заболѣлъ тяжкою болѣзнію, и принужденъ былъ остановиться въ своемъ литовскомъ имѣніи Криничинѣ, поручивъ отрядъ Москвитянину Кирилу Зубцовскому (I. 114). Отрядъ Курбскаго продолжалъ походъ къ Полоцку, участвовалъ въ осадѣ этого города и сражался храбро подъ его стѣнами. Король, по ходатайству сенаторовъ, далъ Кирилу Зубцовскому, подъ стѣнами Полоцка, грамоту на городничество луцкое, въ награду за храбрость и вѣрную службу (I. 213). Между тѣмъ, больной Курбскій приказалъ везти себя въ любимое свое мѣстечко Миляновичи, куда онъ привезенъ былъ съ большимъ трудомъ, на носилкахъ, привязанныхъ между двумя лошадьми.

Въ это время постигли князя Курбскаго неожиданныя огорченія. Марія Юрьевна Голшанская, пользуясь немилостію короля къ Курбскому, снова начала тяжбу. Она подала королю жалобу, въ которой обвиняла своего бывшаго мужа въ незаконномъ расторженіи брака и требовала отъ него удовлетворенія за обиды и удержанное имущество. Король отослалъ Голшан-

кую къ митрополиту, на судъ духовный, чтобъ прежде всего рѣшенъ былъ вопросъ о расторженіи брака, какъ о главномъ предметѣ жалобы [30]). Митрополитъ кіевскій и галицкій, киръ Онисифоръ Петровичъ, по прозванію Дѣвочка, боясь за своихъ посланцовъ, не смѣлъ отправить позовнаго листа и просилъ у короля защиты. Король, по просьбѣ митрополита, послалъ Курбскому свой листъ (фев. 15, 1581), въ которомъ строго запрещалъ оскорблять посланцовъ королевскихъ и митрополичьихъ, словомъ или рукою, и приказывалъ вести себя учтиво и спокойно, подъ штрафомъ въ 1000 копъ грошей литовскихъ. Тогда митрополитъ потребовалъ Курбскаго къ себѣ на судъ духовный, о незаконномъ расторженіи брака съ Маріею Юрьевною Голшанскою. Вмѣстѣ съ Курбскимъ потребованъ былъ и епископъ владимірскій Ѳеодосій, чтобъ содѣйствовать митрополиту въ рѣшеніи дѣла. Курбскій находился въ самомъ затруднительномъ положеніи: онъ развелся съ женою безъ законной причины и вступилъ въ новый бракъ, въ противность каноническимъ правиламъ. Поэтому приговоръ духовнаго суда могъ имѣть для Курбскаго и его потомства гибельныя послѣдствія. Намѣреніе Голшанской очевидно клонилось не къ тому, чтобы вступить въ прежнія супружескія права, но чтобъ бракъ Курбскаго съ Александрою Семашковною былъ признанъ незаконнымъ. Тогда дѣти Курбскаго, какъ рожденныя въ незаконномъ бракѣ, не имѣли бы права на наслѣдство, и Ковельское имѣніе, по смерти Курбскаго, поступило бы въ распоряженіе короля. Видя бѣду неминучую и желая для своей защиты представить причину, которая, по церковнымъ законамъ, давала бы право на разводъ, Курбскій записалъ въ актовыя книги уряда владимірскаго доносъ о прелюбодѣяніи бывшей жены своей, княгини Маріи Юрьевны Голшанской. Слуга Курбскаго Иванъ

[30]) Сказанія кн. Курбскаго, стр. 456.

Черничцкій, шляхтичъ Зыкъ Князскій и возный Жданъ Цирскій свидѣтельствовали, что они собственными глазами видѣли, какъ княгиня предавалась преступнымъ наслажденіямъ съ слугою своимъ Жданомъ Мироновичемъ (I. 204—213). Когда наступилъ окончательный срокъ, назначенный для явки въ судъ духовный (1582 янв. 17), то Курбскій объявилъ въ урядѣ, что, по болѣзни, явиться къ митрополиту не можетъ. Возный произвелъ слѣдствіе и нашелъ Курбскаго въ тяжкой болѣзни. Курбскій лежалъ въ постели и жаловался возному, что заболѣлъ на походѣ, въ имѣніи Криничинѣ, съ трудомъ привезенъ былъ на носилкахъ въ Миляновичи и съ тѣхъ поръ поправиться не можетъ (I. 221—223). Марія Юрьевна снова жаловалась королю (I. 223), а митрополитъ, не полагая окончательнаго рѣшенія о разводѣ Курбскаго, изложилъ свое мнѣніе и послалъ на благоусмотрѣніе короля. Митрополитъ писалъ, что онъ находитъ разводъ Курбскаго съ Маріею Юрьевною Голшанскою незаконнымъ, противнымъ священному писанію и правиламъ святыхъ отецъ; потому что ни мужъ, ни жена не представили никакихъ законныхъ причинъ къ расторженію брака. Притомъ же, хотя бы разводъ былъ дозволенъ и по законнымъ причинамъ, то Курбскій, при живой прежней женѣ, не могъ вступить въ новый бракъ. Объявляя разводъ Курбскаго съ Маріею Юрьевною и новый бракъ съ Александрою Семашковною незаконными, митрополитъ жаловался, что Курбскій оказываетъ непослушаніе его духовной власти, не является къ нему на судъ, не допускаетъ къ себѣ посланцовъ съ позовными листами и велитъ бить ихъ. Король разсмотрѣвъ дѣло въ судѣ своемъ, въ присутствіи свѣтскихъ и духовныхъ сенаторовъ, приказалъ назначить еще одинъ, послѣдній и окончательный срокъ. Къ этому сроку Курбскій долженъ былъ явиться на судъ митрополита, не извиняясь никакими причинами [31]). Неизвѣстно, какъ кончилось дѣло.

[31]) Сказанія кн. Курбскаго, стр. 459.

Въ завѣщаніи 1583 года, Курбскій говоритъ: „что касается бывшей жены моей, княжны Маріи Юрьевны Голшанской, которая звала меня на судъ къ королю и митрополиту, то я заключилъ съ нею мировую сдѣлку на вѣчныя времена, согласно съ рѣшеніемъ митрополита и на основаніи записей, данныхъ нами другъ другу. Въ этихъ записяхъ подробно изложенъ вѣчный нашъ уговоръ, и поэтому бывшей женѣ моей, княжнѣ Маріи Юрьевнѣ Голшанской, нѣтъ уже болѣе никакого дѣла ни до меня самого, ни до моего имущества“ (I. 239).

Въ то время, когда Курбскій занятъ былъ тяжбою съ Маріею Юрьевною Голшанскою, нѣкоторые изъ подвластныхъ ему бояръ явились къ королю съ своими жалобами. Панцырный бояринъ, Кузьма Порыдубскій, жаловался, что Курбскій, въ 1574 году, отнялъ у него вотчинное имѣніе Трублю, заграбилъ его движимое имущество и шесть лѣтъ держалъ его, съ женою и дѣтьми, въ жестокомъ заключеніи. Напрасно Курбскій ссылался на королевскія грамоты, которыми пожалованы были ему Ковельскія имѣнія съ боярами и крестьянами. Король рѣшилъ, что имѣніе Трубля должно быть возвращено Кузьмѣ, и что Курбскій долженъ вознаградить истца за убытки и тюремное заключеніе. Сверхъ того, король далъ Кузьмѣ Порыдубскому свою охранительную грамоту, для защиты его отъ преслѣдованій Курбскаго (II. 80—87). Другой бояринъ, Яцко Кузьмичъ Жаба Осовецкій, владѣлъ имѣніемъ Осовцемъ, въ волости ковельской. Это имѣніе было пожаловано ему королевою Боною, съ обязанностію исполнять военную службу. Курбскій, собираясь въ походъ въ 1581 году, требовалъ въ свой отрядъ и Яцка Осовецкаго; но Яцко далъ грубый отвѣтъ и на войну не поѣхалъ. Курбскій велѣлъ ему убираться вонъ изъ имѣнія, но Яцко опять не послушался. Тогда Курбскій послалъ слугу своего, Москвитянина Кайсарова, съ толпою вооруженныхъ людей. Кайсаровъ напалъ на домъ Яцка, избилъ жену его плетьми,

изгналъ его семейство изъ Осовца и разграбилъ имѣніе. Яцко подалъ жалобу въ урядъ Владимірскій, но урядъ отослалъ дѣло на судъ королевскій. Король опять обвинилъ Курбскаго, приказалъ возвратить Яцку имѣніе Осовецъ, удовлетворить за обиды и возвратить заграбленное имущество. Когда явился коморникъ королевскій и объявилъ означенное выше рѣшеніе, то Курбскій вышелъ изъ себя, обругалъ посланца королевскаго неблагопристойными московскими словами и воспротивился приказанію королевскому. Скоро впрочемъ одумавшись, Курбскій велѣлъ своимъ слугамъ догнать посланца королевскаго и сказать ему, что князь не противится исполненію королевскаго приказанія (II. 90—120). Вслѣдъ за боярами, отправились къ королю крестьяне смединскіе съ своими жалобами. Они жаловались, что Курбскій отнимаетъ у нихъ земли и раздаетъ своимъ боярамъ, что онъ увеличилъ подати и обременяетъ ихъ небывалыми повинностями. Король, выслушавъ жалобу, велѣлъ, безъ всякаго изслѣдованія, написать приказъ, чтобъ Курбскій не обижалъ крестьянъ и не требовалъ бы отъ нихъ противузаконно новыхъ податей и повинностей (II. 141).

Наконецъ и Москвитяне, послѣдовавшіе за Курбскимъ изъ Россіи, начали измѣнять ему. Въ 1580 году, въ ночь на 7 января, Москвитянинъ Меркурій Невклюдовъ, урядникъ миляновскій, хранившій ключи отъ княжеской казны, бѣжалъ, забравъ деньги, золото и серебро, на нѣсколько тысячъ копъ грошей литовскихъ. Другой Москвитянинъ, Іосифъ Торокановъ Пятый, донесъ королю, что Курбскій приказалъ убить слугу своего, Петра Вороновецкаго. Петръ Васильевичъ Вороновецкій былъ не простой Москвитянинъ. По прибытіи на Волынь, онъ получилъ отъ короля имѣнія Дунаевъ и Вороновцы [32]), въ по-

---

[32]) Отъ этого имѣнія онъ и называлъ себя Вороновецкимъ, а настоящая его фамилія не извѣстна.

вѣтѣ кременецкомъ; Курбскій далъ ему населенную землю въ имѣніи Трублѣ ковельской волости (II. 135). Вороновецкій былъ человѣкъ грамотный; это видно изъ того, что по смерти своей онъ оставилъ женѣ 12 большихъ книгъ, между которыми находился статутъ русскій (II. 130). Курбскій имѣлъ особенное довѣріе къ Вороновецкому, поручалъ ему бланковые листы за своею печатью и подписью (II. 125), сдѣлалъ его урядникомъ надъ безпокойными крестьянами смединскими и посылалъ его къ королю вести тяжбу съ панцырнымъ бояриномъ, Кузьмою Порыдубскимъ (II. 81. 82). Въ 1582 году, августа 9, Курбскій потребовалъ Вороновецкаго къ себѣ въ Миляновичи. Явившись немедленно во дворецъ, Вороновецкій имѣлъ какіе-то тайные переговоры съ княземъ и въ тотъ же день получилъ приказаніе отправиться домой. Не успѣлъ Вороновецкій выѣхать изъ Миляновичъ, какъ вдругъ явился слуга Курбскаго, Москвитянинъ Посникъ Туровицкій, и застрѣлилъ его изъ ружья. Трупъ убитаго тотчасъ былъ похороненъ, безъ всякаго изслѣдованія и безъ обрядовъ, предписанныхъ закономъ и установленныхъ обычаемъ. По смерти Вороновецкаго, осталась жена его, Настасья, съ малолѣтнимъ сыномъ; ей принадлежало право вести искъ съ убійцею. Курбскій задержалъ ее подъ стражею, въ имѣніи своемъ Порыдубахъ, приставивъ къ ней слугъ и крестьянъ своихъ, а имѣніе покойника отдалъ брату его, Москвитянину Іосифу Пятому Тороканову. Сверхъ того, Курбскій принялъ разныя предосторожности, чтобъ лишить Вороновецкую права вести искъ о убійствѣ. Вопервыхъ, записано было въ актовыя книги показаніе двухъ шляхтичей, пана Шараповича и пана Васильевича, которые свидѣтельствовали, что Настасья не была законная жена покойнаго Петра Вороновецкаго, но жила у него за кухарку (1582 сентября 6). Потомъ возный донесъ уряду, что былъ у князя Курбскаго и видѣлъ его, пораженнаго великою печалію о смерти слуги своего, Петра Вороновецкаго; что

Курбскій посылалъ спросить Настасью Вороновецкую, намѣрена ли она вести искъ о убійствѣ мужа своего? И что будто Вороновецкая сказала: „мнѣ нѣтъ нужды, хотя бы не только мой мужъ, но и всѣ Москвитяне пропали, которые находятся при князѣ Курбскомъ. Пусть злой долго не живетъ на свѣтѣ!“ Вороновецкой удалось однакожъ бѣжать въ имѣніе Андрея Вишневецкаго, Мацеевъ, гдѣ она поручила пріятелю своему, Негалевскому, отправиться во Владиміръ и подать на князя Курбскаго жалобу. Негалевскій, пріѣхавъ во Владиміръ, замѣтилъ подосланныхъ Курбскимъ шпіоновъ, болѣе 10 человѣкъ всадниковъ, и, опасаясь за свою жизнь, тайкомъ уѣхалъ изъ Владиміра въ Кременецъ, гдѣ и записалъ жалобу Вороновецкой въ гродскія книги. Но Вороновецкая не была въ состояніи продолжать тяжбу. Оставшись бѣдною вдовой, безъ имѣнія и покровителей, она вышла замужъ за шляхтича Григорія Петровича, и дѣло о убіеніи Петра Вороновецкаго казалось оконченнымъ. Между тѣмъ, братъ убитаго, Москвитянинъ Іосифъ Тороковъ Пятый, замышлялъ месть. Забравъ имущество Петра Вороновецкаго и назвавъ себя паномъ Калиновскимъ, Тороканов явился къ королю съ жалобою. Онъ жаловался, что Курбскій, приказавъ умертвить Петра Вороновецкаго, готовитъ такой же конецъ и ему, Тороканову. Въ доказательство, онъ записалъ въ актовыя книги слѣдующую записку, будто бы написанную Курбскимъ къ убійцѣ Вороновецкаго, Поснику Туровицкому: „Милый братъ, Посникъ Туровицкій! Завязалъ еси губу Петру Вороновецкому, тако завяжи и Пятому Тороканову. Слышу, что онъ хочетъ звать меня къ королю на судъ о убіеніи Петра Вороновецкаго. Когда позоветъ меня на судъ, то и мнѣ будутъ хлопоты, да и ты отъ бѣды не уйдешь.“ Сверхъ того Торокановъ жаловался королю, что Курбскій, напавъ на имѣніе его Калиновецъ, отнялъ у него все имущество. Король, безъ всякаго изслѣдованія, повѣрилъ Тороканову и принялъ его подъ

свою защиту. Въ 1583 году, февраля 24, возный вручилъ Курбскому листъ, въ которомъ король объявлялъ, что принимаетъ Іосифа Калиновскаго подъ свою оборону и запрещаетъ Курбскому обижать его подъ штрафомъ въ 2000 копъ грошей литовскихъ. Такое приказаніе короля, повѣрившаго безъ всякаго изслѣдованія доносамъ бѣглаго слуги, было для Курбскаго тяжкою обидою. Впрочемъ, на этотъ разъ, Курбскій скрылъ свою досаду, принялъ листъ королевскій съ честію, прочиталъ его спокойно и послалъ королю отвѣтъ. Онъ просилъ подвергнуть дѣло судебному изслѣдованію, объясняя королю, что человѣкъ, называющій себя Калиновскимъ, есть провинившійся бѣглый слуга, Іосифъ Пятый Торокановъ, Москвитянинъ, похитившій порученное ему на сохраненіе имущество Петра Вороновецкаго. Король, уваживъ просьбу Курбскаго, позволилъ ему арестовать бѣглаго слугу и послалъ приказаніе ко всѣмъ своимъ урядникамъ о поимкѣ и преданіи суду Іосифа Тороканова. Арестовавъ Тороканова въ урядѣ владимірскомъ, Курбскій представилъ свидѣтелей, которые объявили, что Торокановъ есть его бѣглый слуга; показаніе свидѣтелей Курбскій подтвердилъ своею присягою. Вслѣдствіе чего судъ приговорилъ выдать князю Курбскому Москвитянина Іосифа Пятаго Тороканова, какъ провинившагося бѣглаго слугу. Торокановъ, въ присутствіи собранныхъ Курбскимъ пріятелей, объявилъ свои доносы ложными и обязался уничтожить всѣ записанныя имъ въ актовыя книги объявленія, вредныя для доброй славы и чести князя Курбскаго. Жена Вороновецкаго, Настасья, объявила въ урядѣ, что получила удовлетвореніе и освободила Курбскаго и Посника Туровицкаго отъ всѣхъ поданныхъ ею жалобъ и обвиненій. Это происходило въ мартѣ мѣсяцѣ 1583 года, за два мѣсяца до смерти Курбскаго.

Чувствуя близкую смерть, Курбскій, въ 1583 году, апрѣля 24, написалъ второе свое завѣщаніе. Сдѣлавъ распоря-

женіе о погребеніи своего тѣла и о поминовеніи души, Курбскій, въ своемъ завѣщаніи, поручаетъ королю свое осиротѣлое семейство. Подавленный несчастіями, видя бѣдствія, угрожавшія его беззащитному семейству, гордый князь упалъ духомъ и назвалъ себя наименьшимъ и подножнѣйшимъ слугою королевскимъ (I. 230). Распредѣляя свои имѣнія между женою и сыномъ, онъ напоминаетъ, что получилъ эти имѣнія не какъ бѣглецъ, испросившій себѣ подаяніе, но по уговору, въ замѣнъ родовыхъ вотчинъ, которыя оставилъ онъ въ московскомъ государствѣ, будучи обнадеженъ словомъ королевскимъ и присягою сенаторовъ (I. 233). Свои литовскія имѣнія Курбскій, какъ и въ первомъ завѣщаніи, записалъ женѣ. Сверхъ того, желая вознаградить жену свою милую Александру Семашковну, за ея усердіе, услужливость, вѣрность и благородные поступки, Курбскій назначилъ ей, въ пожизненное владѣніе, любимое свое мѣстечко Миляновичи, со всѣми селами, къ нему принадлежащими (I. 234). Всѣ прочія имѣнія Курбскій завѣщалъ сыну своему, князю Дмитрію. Движимое имѣніе онъ велѣлъ раздѣлить между женою и сыномъ: женѣ завѣщалъ золотыя и серебреныя вещи, которыхъ осталось весьма немного; „потому что, говоритъ Курбскій, я все растратилъ на службѣ королевской, на содержаніе немалаго числа слугъ и на тяжбы съ разными лицами "(I. 236). Одежды, деньги, доспѣхи военные, табуны и всѣ стада свои Курбскій завѣщалъ сыну своему, князю Дмитрію, приказавъ ему, по достиженіи совершеннолѣтія, выдать замужъ сестру, княжну Марину, выдѣливъ ей приданное изъ четвертой части всего имѣнія. Слугамъ своимъ Курбскій подтвердилъ право собственности на пожалованныя имѣнія, а челядь невольную приказалъ отпустить на волю, давъ приличное награжденіе, „чтобъ по смерти моей, говоритъ Курбскій, никто не оставался въ неволѣ, у жены моей и у моего потомства "(I. 238). Княгиня Александра Семашковна, если останется во вдовствѣ, то

должна владѣть всѣмъ имуществомъ, до совершеннолѣтія дѣтей; должна получать доходы и давать дѣтямъ приличное воспитаніе. Опекунами своему семейству Курбскій назначилъ: князя Константина Острожскаго, воеводу кіевскаго, сына его, князя Константина Острожскаго, кравчаго великаго княжества литовскаго, старосту владимірскаго, Станислава Красицкаго, обознаго королевскаго, старосту любомскаго и болемовскаго, шурина своего, Василія Петровича Семашка, Ивана Хренницкаго, подсудка земскаго луцкаго, и Москвитянина Кирила Зубцовскаго, городничаго луцкаго.

Написавъ завѣщаніе въ мѣстечкѣ Миляновичахъ, Курбскій переѣхалъ въ Ковель, гдѣ и скончался въ маѣ 1583 года [33]). Тѣло его, согласно съ завѣщаніемъ, погребено было въ монастырѣ св. Троицы въ Вербкѣ, у ногъ его духовника, священноинока, отца Александра (I. 229) [34]). На погребеніе явились назначенные покойникомъ опекуны, съѣхались также слуги, земляне и бояре княжескіе. Опекуны, слѣдуя обычаю земли волынской, сдѣлали распоряженія объ управленіи имѣніемъ покойника; слуги и бояре предъявили жалованныя Курбскимъ грамоты, а заимодавцы свои долговыя требованія. Опекуны, разсмотрѣвъ грамоты, признали ихъ дѣйствительными и постановили рѣшеніе объ уплатѣ долговъ покойника. Распоря-

---

[33]) Курбскій скончался между 6 и 24 числами мая. Это видно изъ того, что 6 мая онъ подписалъ жалованную грамоту Москвитянину Ивану Мошнинскому, а 24 мая, княгиня Александра Семашковна уже была введена во владѣніе имѣніемъ, по смерти своего мужа (I. 242—245).

[34]) По распоряженію кіевскаго военнаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, сдѣлано было разысканіе въ Троицкой церкви, въ с. Вербкѣ, и найдена гробница, въ которой, по всей вѣроятности, погребенъ князь Курбскій.

женія опекуновъ были записаны и вручены княгинѣ Курбской, для руководства и исполненія (I. 151, 281).

Мая 23, возный Жданъ Цырскій, отряженный урядомъ владимірскимъ, передалъ Ковельское имѣніе княгинѣ Курбской, совершивъ вводъ во владѣніе, по принятому въ землѣ волынской обычаю. Въ замкѣ ковельскомъ собраны были земляне, бояре, войты, мѣщане и крестьяне всѣхъ трехъ волостей, составлявшихъ Ковельское имѣнія. Къ нимъ явилась княгиня Курбская, объявила себя ихъ законною госпожею и требовала повиновенія. Слуги, земляне и бояре, съ своей стороны, объявили княгинѣ, что признаютъ ее своею госпожею и владѣлицею всѣхъ ковельскихъ имѣній, причемъ каждый изъ нихъ, по приказанію княгини, началъ оказывать послушаніе, предъ вознымъ и шляхтою. Здѣсь же она назначила урядниковъ, для управленія имѣніями. Возный вручилъ княгинѣ опись движимаго и недвижимаго имущества, оставшагося по смерти Курбскаго, и съ этихъ поръ княгиня Александра Петровна вступила въ свои права, согласно съ завѣщаніемъ покойнаго князя (I. 245—247).

Но княгиня Курбская недобросовѣстно исполнила послѣднюю волю своего покойнаго мужа и неблагоразумно управляла его имѣніемъ. Она удержала деньги, завѣщанныя Курбскимъ на церкви, монастыри и для раздачи нищимъ; не хотѣла платить долговъ покойника и начала отнимать земли у слугъ покойнаго князя, также у землянъ и бояръ ковельскихъ. Имѣніе начало приходить въ разстройство, доходы уменьшились; между тѣмъ, молодая вдова предавалась удовольствіямъ, заводя непристойные балы съ жолнерами (I. 256). Княгиня возненавидѣла Москвитянъ, усердныхъ слугъ, преданныхъ дѣтямъ покойнаго князя, и начала преслѣдовать ихъ. Зная опытность и испытанное усердіе Кирила Зубцовскаго, Курбскій, предъ своею смертью, поручилъ ему урядъ ковельскій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и главное управленіе всѣми ковельскими имѣніями. Княгиня отставила

Кирила Зубцовскаго и на мѣсто его избрала какого-то пана Сокольницкаго, не оказавшаго никакихъ заслугъ семейству покойнаго князя. У Москвитянина Андрея Барановскаго она отняла пожалованное Курбскимъ имѣніе (I. 258); преслѣдовала Ивана Посника, урядника вижовскаго, и покушалась лишить его жизни; къ Москвитянину, Ивану Мошнинскому, войту миляновскому, подсылала убійцъ (I. 262). Кирилъ Зубцовскій, заботясь о благѣ дѣтей князя Курбскаго, нѣсколько разъ увѣдомлялъ опекуновъ о безпорядочномъ поведеніи княгини Курбской. Князь Острожскій, какъ главный опекунъ, нѣсколько разъ увѣщавалъ княгиню исполнить завѣщаніе покойника и привести дѣла въ порядокъ; но княгиня увѣщаній князя Острожскаго не слушала. Наконецъ, слуги покойнаго Курбскаго, Москвитяне Кирилъ Зубцовскій, Гаврило Кайсаровъ и Василій Кушниковъ, подали опекунамъ жалобу, отъ себя и отъ имени всѣхъ слугъ, бояръ и крестьянъ ковельскихъ, и просили суда. Опекуны нарядили слѣдствіе въ Ковлѣ (1585 февр. 25), приказавъ своимъ уполномоченнымъ разобрать дѣло и удовлетворить обиженныхъ (I. 242—251).

Недолго княгиня Курбская управляла Ковельскимъ имѣніемъ. Польское правительство только и ожидало смерти князя Курбскаго, чтобъ возвратить это имѣніе въ казну королевскую. Уже при Стефанѣ Баторіѣ, въ 1585 году, явились королевскіе коммиссары въ село Смедино, и, уплативъ наслѣдникамъ Курбскаго 1000 копъ грошей, присоединили волость смединскую къ королевскимъ имѣніямъ (I. 272). Сигизмундъ III началъ явно преслѣдовать семейство князя Курбскаго. Въ 1588 году сожженъ былъ крестьянами одинъ изъ сподвижниковъ Курбскаго, Москвитянинъ Андрей Барановскій. Онъ владѣлъ селомъ Борки, которое было пожаловано ему Курбскимъ и принадлежало къ ковельской волости. Король, безъ всякаго изслѣдованія и суда, приказалъ присоединить это село къ королевскимъ

имѣніямъ и отдалъ писарю своему, Флоріану Семеновичу Олешку, на правѣ ленномъ (I. 305—307). Вслѣдъ за тѣмъ, Красенскіе предъявили свои права на имѣніе Туличовъ, о которомъ они вели тяжбу еще при жизни князя Курбскаго. Король велѣлъ отобрать это имѣніе у наслѣдниковъ Курбскаго и отдать Красенскимъ (I. 307). Наконецъ, польское правительство рѣшилось отобрать въ казну все Ковельское имѣніе. Королевское казначейство донесло Сигизмунду III, что княгиня Курбская съ сыномъ своимъ, княземъ Дмитріемъ, незаконно присвоили себѣ право наслѣдства на ковельскія имѣнія, что они противузаконно владѣютъ этими имѣніями и получаютъ доходы, принадлежащіе къ столу королевскому. На основаніи поданнаго казначействомъ доклада, король рѣшилъ отобрать имѣніе у наслѣдниковъ князя Курбскаго и взыскать съ нихъ 100,000 злотыхъ за незаконное пользованіе. Прокурору королевскому приказано было начать искъ съ наслѣдниками Курбскаго формальнымъ порядкомъ. Вслѣдствіе сего, княгиня Курбская, сынъ ея Дмитрій и назначенные покойнымъ Курбскимъ опекуны позваны были въ королевскій судъ, чтобъ вести тяжбу съ королевскимъ прокуроромъ о неправильномъ, противузаконномъ и насильственномъ владѣніи казенными имѣніями, къ столу королевскому принадлежащими, то есть городомъ Ковлемъ и всѣми имѣніями, издавна къ нему принадлежащими.

Тысяча пятьсотъ девяностаго года, марта 14, явился предъ королевскимъ судомъ, въ Варшавѣ, восмилѣтній князь, Дмитрій Андреевичъ Курбскій, съ адвокатомъ своимъ, Ѳедоремъ Бруякою; явились также и опекуны: князь Константинъ Острожскій, воевода кіевскій, Иванъ Хренницкій, подсудокъ луцкій, Кирилъ Зубцовскій и Василій Семашко, родной братъ княгини Курбской. Станиславъ Красицкій, обозный королевскій, не явился по болѣзни, а прислалъ своего уполномоченнаго.

Адвокатъ Бруяка понималъ, что жалованныя князю Курб-

скому грамоты на Ковельское имѣніе, не утвержденныя сеймомъ, не могутъ служить неоспоримымъ доказательствомъ; поэтому, не предъявляя никакихъ документовъ, онъ старался доказать, что искъ начатъ королевскимъ судомъ незаконно. Ссылаясь на законы великаго княжества литовскаго, Бруяка утверждалъ, что настоящее дѣло не подлежитъ суду королевскому, но должно быть предоставлено рѣшенію земскаго суда или сейма; что позовъ къ суду недѣйствителенъ, такъ какъ въ немъ не означены опекуны поименно; что наконецъ сынъ Курбскаго не достигъ совершеннолѣтія, и слѣдовательно не обязанъ являться на судъ. На основаніи этихъ доказательствъ, адвокатъ Бруяка требовалъ, чтобъ дѣло отложено было до совершеннолѣтія князя Дмитрія Курбскаго, или отослано было на рѣшеніе сейма. Королевскій прокуроръ, давая законамъ превратное толкованіе, опровергъ доказательства, представленныя Бруякою и объявилъ ихъ недѣйствительными. Судъ, соглашаясь съ мнѣніемъ королевскаго прокурора, приказалъ подсудимымъ продолжать процессъ. Напрасно Бруяка протестовалъ противъ такого рѣшенія; протестъ былъ отвергнутъ королемъ, и подсудимые принуждены были представить въ судѣ документы, на основаніи которыхъ они владѣли Ковельскимъ имѣніемъ. Тогда дѣло можно было считать потеряннымъ. Подсудимые представили сначала письма короля Сигизмунда Августа къ покойному Курбскому, также гетмана литовскаго Радивила и подканцлера Воловича; потомъ они представили грамоту 1564 года, которою пожаловано было Курбскому право полной собственности на ковельскія имѣнія, грамоту 1567 года, которою пожалованы были Курбскому имѣнія на правѣ ленномъ. Они представили и другіе акты, изъ которыхъ можно было видѣть, что Курбскій распоряжался Ковельскимъ имѣніемъ на правѣ полной собственности. Королевскому прокурору легко было доказать недѣйствительность всѣхъ актовъ, представленныхъ подсудимыми. Письма короля, гетмана

и подканцлера, какъ частныя, не могли служить основаніемъ права собственности на ковельскія имѣнія; грамота 1564 года отмѣнена была грамотою 1597 года; а эта послѣдняя грамота не могла имѣть законной силы, потому что дана была безъ согласія сейма.

По окончаніи судебнаго пренія, судъ рѣшилъ представить дѣло на благоусмотрѣніе короля. Апрѣля 4, король открылъ засѣданіе вмѣстѣ съ коронными и литовскими сенаторами. Въ это засѣданіе явились тяжущіяся стороны, и здѣсь, въ присутствіи короля и сенаторовъ, излагали пространно и долго доказательства и опроверженія какъ о подсудности дѣла, такъ и о правахъ покойнаго Курбскаго на Ковельское имѣніе. Король, выслушавъ мнѣнія сенаторовъ, собралъ голоса и отложилъ рѣшеніе до другаго времени, чтобъ обдумать дѣло основательно и рѣшить его благоразумно. Мая 5-го, въ присутствіи короля и въ полномъ засѣданіи сенаторовъ, объявлено было наслѣдникамъ Курбскаго окончательное рѣшеніе. Ни князь Дмитрій Курбскій, ни его опекуны не явились для выслушанія приговора; явился только уполномоченный княгини Курбской, Николай Суликовскій, и родной братъ ея, Василій Семашко. Король декретомъ своимъ объявилъ, что покойный князь Курбскій получилъ ленное право на ковельскія имѣнія незаконно и пользовался имъ неправильно, что поэтому Ковельское имѣніе освобождается отъ леннаго права и присоединяется къ королевскимъ имѣніямъ. По прочтеніи приговора, явился Андрей Фирлей, зять бывшей княгини Курбской, Маріи Юрьевны Голшанской, и представилъ жалованную королевскую грамоту на пожизненное владѣніе Ковельскимъ имѣніемъ. Король, находя грамоту законною, постановилъ въ томъ же засѣданіи, что наслѣдники Курбскаго должны передать Ковельское имѣніе Андрею Фирлею, подъ штрафомъ въ 100,000 злотыхъ польскихъ. Суликовскій и Василій Семашко, отъ имени княгини Курбской,

протестовали противъ королевскаго рѣшенія и, основываясь на постановленіи Сигизмунда I, 1507 года, объявили, что желаютъ подать апелляцію на ближайшій коронный сеймъ. Протестъ ихъ былъ оставленъ безъ всякаго вниманія (II. 212). Княгиня Курбская, сама отъ себя и отъ имени дѣтей своихъ, записала въ урядѣ гродскомъ владимірскомъ жалобу на незаконное рѣшеніе суда королевскаго; причемъ она объявила, что въ свое время будетъ вести съ подканцлеромъ короннымъ искъ, судебнымъ порядкомъ (I. 211).

Для исполненія декрета, король послалъ въ Ковельское имѣніе дворянина своего, Щаснаго Дремлика. Княгиня Курбская, пригласивъ къ себѣ генеральнаго вознаго повѣта холмскаго, ожидала посланца королевскаго въ замкѣ ковельскомъ. Ночью, 15-го іюня 1590 года, гайдуки Андрея Фирлея ворвались въ Ковель, подъ начальствомъ пана Держка. Они ограбили и изранили сторожей и слугъ князя Дмитрія Курбскаго, а нѣкоторыхъ уби и. Держекъ съ бранью и угрозами выгналъ Курбскую изъ города. Пріѣхавшій затѣмъ дворянинъ королевскій, Щасный Дремликъ, едва могъ удержать слугъ и гайдуковъ Фирлеевыхъ отъ дальнѣйшихъ оскорбленій (II. 214). Курбская уѣхала въ село Перевалы, къ Доротѣ Фаличевской. Щасный Дремликъ, принимая городъ Ковель для передачи Фирлею, нашелъ, что Курбская опустошила замокъ, вывезла огнестрѣльное оружіе, ограбила церкви и причинила мѣщанамъ ковельскимъ немалыя обиды. Поэтому дворянинъ королевскій, пославъ возныхъ и шляхту въ Перевалы, арестовалъ княгиню Курбскую до дальнѣйшаго приказанія королевскаго, и отдалъ ее на поруки Доротѣ Фаличевской, подъ закладомъ въ 100,000 злотыхъ польскихъ (II. 226).

Завладѣвъ Ковлемъ, Андрей Фирлей началъ преслѣдовать Москвитянъ, получившихъ отъ покойнаго князя Курбскаго имѣнія въ волости ковельской. Прежде всего онъ напалъ на Ки-

рила Зубцовскаго, родственника и усерднаго слугу покойнаго князя. Собравъ отрядъ вооруженныхъ пѣшихъ и конныхъ людей, слугъ, бояръ и гайдуковъ, Фирлей приказалъ напасть на имѣніе Кирила Зубцовскаго Бѣлинъ. Отрядъ Фирлея, стрѣляя изъ ружей и карабиновъ, выгналъ Кирила Зубцовскаго, съ женою, дѣтьми и слугами, изъ имѣнія Бѣлина, и разграбилъ ихъ имущество (II. 216). Потомъ Фирлей напалъ на имѣніе Долгоносы, принадлежавшее Москвитянину Василію Кушникову (II. 233). Такая же участь постигла и Москвитянина Ивана Мошнинскаго, который съ молодыхъ лѣтъ служилъ Курбскому, раздѣляя его военные труды. Вооруженные слуги и бояре Фирлея напали ночью на имѣніе Мошнинскаго, Селище, окружили его домъ, захватили самого Мошнинскаго вмѣстѣ съ женою, и, заковавъ ихъ въ цѣпи, отвезли въ Миляновичи, гдѣ Фирлей мучилъ ихъ въ жестокомъ заключеніи (II. 23).

Княгиня Курбская Александра Петровна уѣхала съ дѣтьми въ свои литовскія имѣнія, и съ этихъ поръ свѣдѣнія о семействѣ князя Курбскаго прекращаются въ нашихъ источникахъ [35]). Послѣдняя судьба Маріи Юрьевны Голшанской не извѣстна. Знаемъ только, что въ 1584 году она была въ Кіевѣ, гдѣ записала своему любимцу, Ждану Мироновичу, 200 копъ грошей литовскихъ, за его вѣрную службу (II. 291); а въ 1585 году октября 8, она раздѣлила имѣніе между своими дѣтьми (I. 274).

Москвитяне, бѣжавшіе изъ Россіи вмѣстѣ съ Курбскимъ, проводили бѣдственную жизнь. Гнѣвъ божій тяготѣлъ надъ несчастными бѣглецами; многіе изъ нихъ погибли жестокою насильственною смертію.

Иванъ Ивановичъ Калыметъ [36]) болѣе другихъ

---

[35]) Свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ потомковъ князя Курбскаго находятся въ Сказаніяхъ князя Курбскаго. XXV—XXVII.

[36]) Такъ называетъ его Курбскій (II. 312); волынцы называли его Келеметомъ.

Москвитянъ пользовался довѣріемъ и уваженіемъ князя Курбскаго. Курбскій называетъ его слугою и братомъ своимъ, превозлюбленнымъ и вѣрнымъ, мужемъ, не только въ военныхъ дѣлахъ крѣпкимъ и искуснымъ, но и въ разумѣ свѣтлымъ (II. 312). Калыметъ былъ богатъ и одѣвался въ великолѣпную одежду. Онъ носилъ кафтанъ съ золотыми разводами и съ золотыми шнурками, унизанными жемчугомъ, бархатный жупанъ съ серебреными позолоченными пуговицами, а къ жупану московскій воротникъ, унизанный жемчугомъ, съ жемчужными пуговицами; саблю имѣлъ въ сребреной позолоченной оправѣ, купленную въ Константинополѣ (II. 38, 39). Иванъ Калыметъ съ молодыхъ лѣтъ служилъ Курбскому и раздѣлялъ его военные подвиги. По пріѣздѣ на Волынь, Курбскій удѣлилъ ему изъ своихъ имѣній два села, Секунь и Сушки, сдѣлалъ его своимъ намѣстникомъ въ Ковлѣ и главнымъ управителемъ всѣхъ ковельскихъ имѣній. Калыметъ сражался вмѣстѣ съ Курбскимъ подъ Полоцкомъ и подъ Великими Луками, и вездѣ отличался своимъ усердіемъ и храбростію (I. 37). Считая Курбскаго своимъ паномъ и самовластнымъ владѣльцемъ Ковельскаго имѣнія, Иванъ Калыметъ не признавалъ надъ собою власти королевской (II. 4, 5). Когда возный приносилъ къ нему приказъ королевскій, то Калыметъ говорилъ ему: „зачѣмъ ты принесъ мнѣ приказъ королевскій? Я королю не служу, а служу я князю, своему пану“ (II. 8). Иванъ Калыметъ часто ѣздилъ въ городъ Владиміръ по своимъ дѣламъ и по дѣламъ своего князя. Владимірцы питали къ нему непримиримую ненависть. Однажды (1571 г.), ляндвойтъ, ратманы и всѣ мѣщане владимірскіе возстали противъ Калымета, зазвонили въ колокола, заперли городскія ворота и хотѣли убить его. Съ большимъ трудомъ спасъ онъ свою жизнь (II. 33, 34). Въ 1572 году, марта 9, напалъ на Калымета пьяный князь Дмитрій Булыга и убилъ его съ звѣрскимъ неистовствомъ (II. 35—37). Курбскій

былъ глубоко опечаленъ смертію вѣрнаго слуги своего. Подъ вліяніемъ этого чувства, онъ писалъ свое предисловіе на книгу Словесъ Златоустовыхъ, въ которомъ такими яркими красками изобразилъ несчастную судьбу свою и злобу людей, его преслѣдовавшихъ (II. 312). Получивъ извѣстіе о смерти Калымета, Курбскій немедленно подалъ жалобу въ урядъ и со всею точностію исполнялъ судебные обряды, предписанные закономъ. Возный произвелъ слѣдствіе на мѣстѣ преступленія, потомъ изуродованный трупъ Калымета представленъ былъ въ урядѣ, въ замкѣ владимірскомъ, и здѣсь, надъ трупомъ убитаго, братъ его Михаилъ Калыметъ три раза провозглашалъ князя Булыгу убійцею. Мая 5-го, въ срокъ, назначенный судомъ, Курбскій явился лично въ урядѣ владимірскомъ, съ адвокатомъ своимъ Достоевскимъ, и объявилъ себя готовымъ къ суду. Цѣлый день, съ утра до вечера, ожидалъ онъ своего противника, и, слѣдуя судебному обычаю, три раза звалъ его на судъ; но князь Булыга не явился. Судъ опредѣлилъ взыскать съ имѣнія князя Булыги 1655 копъ 50 грошей и 4 пенязя, за убіеніе Калымета и за всѣ убытки, а самого преступника отослать на судъ королевскій. По закону Булыга подлежалъ смертной казни [37]), но дѣло кончилось мировою сдѣлкою, заключенною при посредствѣ князя Константина Острожскаго, воеводы кіевскаго, Василія Загоровскаго, кастеляна браславскаго, и Николая Лысаковскаго, кастеляна холмскаго. Князь Булыга обязался уплатить Курбскому 600 копъ грошей литовскихъ и сидѣть въ замкѣ владимірскомъ годъ и шесть недѣль (II. 49—54).

По смерти Ивана Калымета, братъ его, Михаилъ Калыметъ, получилъ отъ Курбскаго жалованную грамоту на имѣніе Секунь и Шушки. Михаилъ Калыметъ такъ же, какъ и покойный братъ его, служилъ Курбскому съ молодыхъ лѣтъ,

---

[37]) Ст. Лит. Роз. XI, ар. 2.

сражался подъ Полоцкомъ и подъ Великими Луками (I. 38). По пріѣздѣ въ Литву, Курбскій сдѣлалъ его своимъ подскарбіемъ. Михаилъ Калыметъ былъ женатъ на Катеринѣ Матысовнѣ, дочери Матыса Трошковскаго, войта ковельскаго. Въ своемъ имѣніи Секунѣ онъ построилъ церковь во имя Архангела Михаила [38]) и умеръ въ 1588 году. Въ завѣщаніи своемъ Михаилъ Калыметъ, умоляя князя Константина Острожскаго быть защитникомъ осиротѣлому семейству, говоритъ: „князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, воевода кіевскій, можетъ помнить заслуги брата моего Калымета и мои, какъ мы, вмѣстѣ съ его милостію, княземъ Курбскимъ, паномъ нашимъ, выѣхали изъ московскаго государства, оставивъ родныхъ и все свое имущество, и какъ мы въ здѣшнемъ государствѣ, проливая кровь, не щадя живота, жертвуя своимъ имуществомъ, повсюду служили князю, его милости." Михаилъ Калыметъ умеръ въ бѣдности; онъ принужденъ былъ заложить жидовкѣ Вихнѣ два свои серебреные пояса, а жиду Симсѣ—серебреный позолоченный поясъ жены своей.

Счастливѣе и почетнѣе всѣхъ Москвитянъ, бѣжавшихъ съ Курбскимъ изъ Россіи, былъ Кирилъ Ивановичъ Зубцовскій. Пріѣхавъ на Волынь, онъ женился на Маріи Андреевнѣ, урожденной княжнѣ Полубенской, и чрезъ такой бракъ вступилъ въ родство съ Курбскимъ [39]). По смерти Ивана Калымета, Зубцовскій сдѣланъ былъ урядникомъ ковельскимъ. Въ завѣщаніи 1581 года, Курбскій поручилъ ему управленіе всѣмъ сво-

---

[38]) Въ Секуни существуетъ до сихъ поръ весьма ветхая деревянная церковь во имя Архангела Михаила.

[39]) Родной братъ княжны Маріи Полубенской, Александръ, былъ женатъ на Софіи Юрьевнѣ Голшанской, родной сестрѣ княгини Маріи Юрьевны Курбской.

имъ имѣніемъ и завѣщалъ ему свою саблю (I. 194. 198). Мы уже видѣли (стр. 176), что Зубцовскій, въ 1581 году, начальствовалъ надъ отрядомъ Курбскаго при осадѣ Пскова, и что Стефанъ Баторій наградилъ его, за храбрость и вѣрную службу, городничествомъ луцкимъ. Въ этой должности, Зубцовскій оставался до самой смерти и даже предсѣдательствовалъ въ земскомъ судѣ, за отсутствіемъ судьи Чаплича Шпановскаго [40]). Онъ умеръ въ 1594 году, завѣщавъ похоронить себя въ монастырѣ ковельскомъ св. Троицы, въ Вербкѣ, подлѣ тѣла князя Курбскаго, своего благодѣтеля и родственника (II. 234) [41]).

Мы уже говорили о судьбѣ Москвитянина Петра Вороновецкаго, убитаго слугою князя Курбскаго, Москвитяниномъ Иваномъ Посникомъ Туровицкимъ (стр. 181). Но убійца

[40]) Актъ 1588 года, 18 іюня, начинается такъ: »На рокахъ судовыхъ земскихъ луцкихъ, отъ дня светое троицы римскаго свята, въ року теперь идучомъ осмдесятъ осьмомъ, водле Статуту припалыхъ и судовне отправованныхъ, передо мною, Кириломъ Зубцовскимъ, городничимъ луцкимъ, засажонымъ на мѣстцу его милости, пана Ѳедора Чаплича Шпановскаго, судьи земскаго луцкаго, а передо мною Иваномъ Хренницкимъ, подсудкомъ земскимъ луцкимъ, постановившися очевисто у суду, панъ Ѳедоръ Богушевичъ Тушевицкій, судья гродскій слонимскій« и пр. Книга земская луцкая 1588 и 1589, листъ 110 на оборотѣ.

[41]) Зубцовскій нигдѣ не называется Москвитяниномъ въ изданныхъ нами актахъ, но сыновья его: Петръ, Александръ, Василій и Николай, называются Москвичами, т. е. дѣтьми Москвитянина. Кн. земск. влад. 1596, лис. 18. Вскорѣ по смерти Зубцовскаго, жена его вышла замужъ за Яна Вишневскаго. Старшій сынъ Зубцовскаго Петръ, еще при жизни отца, ушелъ изъ дому и козаковалъ подъ начальствомъ славнаго Ниливайки. Въ 1596 году, онъ неожиданно явился къ своему вотчиму, Яну Вишневскому, и умертвилъ его самымъ жестокимъ образомъ. Кн. грод. луц. 1596, лис. 494, 791, 850 и 899.

не избѣжалъ казни. Иванъ Посникъ былъ женатъ на Өедорѣ Перевеской, дочери шляхтича Ивана Перевескаго. Въ 1585 году, 12 мая, Иванъ Перевескій пригласилъ своего зятя къ себѣ въ гости. Иванъ Посникъ пріѣхалъ съ женою къ своему тестю и, сидя въ свѣтлицѣ вмѣстѣ съ другими гостями, велъ спокойно бесѣду. Въ это время, неожиданно явился съ толпою вооруженныхъ людей шляхтичъ Зенько Човгаръ Тупальскій и съ яростію напалъ на Ивана Посника. Застрѣливъ Посника изъ ружья, Човгаръ хотѣлъ изрубить его въ куски. Напрасно жена защищала своего мужа собою и своею одеждою; явившійся на слѣдствіе возный нашелъ трупъ Посника изуродованнымъ: грудь была прострѣлена, ноги отрублены и голова въ двухъ мѣстахъ разрублена, чуть не надвое (I. 268— 271) [42].

На сѣверѣ, въ самомъ отдаленномъ отъ Ковля имѣніи, жилъ Москвитянинъ Андрей Барановскій. Онъ получилъ отъ князя Курбскаго село Борки съ землями и крестьянами, на правѣ полной собственности, и спокойно владѣлъ этимъ имѣніемъ. Въ 1588 году, ночью, крестьяне борковскіе заперли его въ клѣти и сожгли въ прахъ съ женою, дѣтьми и челядью; представлены были въ урядъ однѣ только обгорѣлыя кости. Преступники, при первомъ допросѣ, сознались въ своемъ преступленіи и были казнены смертью (I. 290—304).

Якимъ Невзоровъ и Посникъ Туровицкій меньшій убиты людьми князя Андрея Вишневецкаго (I. 56); Василій Лукьяновичъ Калиновскій, урядникъ миляновскій, умерщвленъ мѣщанами Берестечка (I. 65). Судьба прочихъ Москвитянъ осталась неизвѣстною.

---

[42]) Причину такого ожесточенія я отыскать не могъ. Быть можетъ, Зенько Човгаръ Тупальскій мстилъ за смерть Вороновецкаго; эта догадка подтверждается тѣмъ, что между пріятелями, подписавшимися па завѣщаніи Вороновецкаго, упоминается и Зенько Өедоровичъ Тупальскій (II. 134).

II.

Свѣдѣнія о Ковельскомъ имѣніи, принадлежавшемъ князю Курбскому.

Свѣдѣнія о Ковельскомъ имѣніи, принадлежавшемъ князю Курбскому *).

По распоряженію главнаго начальника коммиссіи, его высокопревосходительства, г. кіевскаго военнаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, ѣздилъ я въ ковельскій уѣздъ, чтобъ собрать на мѣстѣ свѣдѣнія о жизни князя Курбскаго и его сподвижниковъ. Объѣзжая волости, составлявшія имѣніе князя Курбскаго: ковельскую, вижовскую и миляновскую, я старался отыскать тѣ памятники, о которыхъ упоминается въ изданныхъ нами актахъ, разсматривалъ мѣстные архивы и прислушивался къ народнымъ преданіямъ. Вотъ немногія свѣдѣнія, собранныя мною, во время моего путешествія.

Село Ковле, изъ котораго образовался впослѣдствіи времени городъ Ковель, было вотчиною князей Любартовичей Сангушковъ. Сигизмундъ I, жалованною грамотою 1515 года, дозволилъ князю Василію Михайловичу Сангушку образовать изъ села Ковля городъ и устроить его на правѣ магдебургскомъ.

---

*) Помѣщены въ приложеніи къ изданію: «Жизнь князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Акты, изданные временною коммиссію, Высочайше учрежденною при кіевскомъ военномъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Кіевъ. 1849». Т. II, стр. 317 и слѣд.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставлено было новому городу учреждать ярмарки и торги. Князь Василій Сангушко уступилъ городъ Ковель королевѣ Бонѣ, получивъ взамѣнъ селенія: Смоляны, Обольце и Горволь. Съ этихъ поръ Ковель находился въ управленіи королевскихъ старостъ, которые заботились о благоустройствѣ города и волости, къ нему принадлежавшей, завѣдывали доходами королевскими, давали судъ и расправу крестьянамъ и шляхтѣ, владѣвшей, подъ названіемъ землянъ, участками королевскихъ имѣній. Въ своихъ дѣйствіяхъ старосты руководствовались Статутомъ Литовскимъ и особыми королевскими наказами. Они владѣли укрѣпленнымъ замкомъ и имѣли подъ своимъ начальствомъ бояръ путныхъ, панцырныхъ бояръ и землянъ, которые, по призыву старостъ, обязаны были въ полномъ вооруженіи являться на службу [1]).

Мѣщане города Ковля, на основаніи магдебургскаго права, составляли общину, имѣвшую свое внутреннее управленіе, свой особый судъ и цеховое устройство. Управленіе возлагалось на бургомистра и ратмановъ. Мѣщане ежегодно, въ первый понедѣльникъ послѣ праздника новаго года, избирали изъ среды себя восемь особъ, людей степенныхъ, опытныхъ въ дѣлахъ и ученыхъ. Изъ числа этихъ лицъ староста Ковельскій избиралъ четырехъ ратмановъ, назначая одного изъ нихъ бургомистромъ.

---

[1]) Первымъ старостою ковельскимъ былъ Богданъ Михайловичъ Семашко, который получилъ отъ королевы Боны наказъ о податяхъ и повинностяхъ мѣщанъ ковельскихъ; онъ упоминается въ 1549 году 29 генваря. Съ 1550 года должность старосты ковельскаго занималъ подкоморій бѣльскій, Александръ Лящъ; за нимъ слѣдовалъ Францискъ Фальчевскій (упомин. въ 1559 окт. 30); наконецъ послѣднимъ старостою ковельскимъ, отъ котораго Курбскій получилъ имѣніе, былъ Габріель Тарло, кастелянъ радомскій. Намѣстникомъ его былъ Петръ Куницкій. Эти свѣдѣнія заимствованы изъ рукописей, отысканныхъ мною въ архивѣ ковельской ратуши.

Обязанность бургомистра и ратмановъ состояла въ завѣдываніи городскими доходами и расходами. Имъ предоставлялась также полицейская власть и право взыскивать штрафныя деньги, которыя раздѣлялись между бургомистромъ и ратманами. Бургомистръ исправлялъ свою должность въ теченіе мѣсяца со дня выбора, потомъ передавалъ свой урядъ старшему изъ ратмановъ, который, по истеченіи мѣсяца, уступалъ должность бургомистра слѣдующему ратману, и такъ далѣе до новыхъ выборовъ.

Власть судебная предоставлена была войту и лавникамъ, или присяжнымъ засѣдателямъ. Войта избиралъ староста ковельскій изъ цеховыхъ мѣщанъ, человѣка честнаго, богобоязненнаго и знающаго законы. Мѣщане изъ среды себя избирали лавниковъ, которые, при вступленіи въ должность, давали присягу, въ присутствіи бургомистра и ратмановъ. Войтъ и лавники избирались на всю жизнь и составляли мѣстскій судъ. Они судили мѣщанъ во всѣхъ дѣлахъ, уголовныхъ и гражданскихъ, какъ малыхъ, такъ и великихъ, руководствуясь правомъ магдебургскимъ. Судъ взыскивалъ судебныя пени, которыя дѣлились между войтомъ и лавниками. По образцу гродскихъ и земскихъ урядовъ, мѣстскій судъ велъ свои особыя актовыя книги. Недовольные рѣшеніемъ войта и лавниковъ подавали апелляціи бургомистру и ратманамъ; на рѣшеніе бургомистра и ратмановъ подавалась апелляція старостѣ ковельскому, а на рѣшеніе старосты—въ судъ королевскій.

Ремесленники каждаго значительнаго ремесла соединялись въ цехи. Цехъ составлялъ корпорацію, имѣвшую свой особый уставъ, своихъ начальниковъ, казну, огнестрѣльное оружіе и другія принадлежности, къ братской чести служащія. Для управленія общественными дѣлами цеха, избирались ежегодно цехмистръ и четыре брата. Въ казну братскую поступали сборы съ цеховыхъ братій, съ ремесленниковъ, пріѣзжавшихъ на ярмарки, и штрафныя деньги. Изъ этой казны братья должны

были прежде всего снабдить церковь божію всѣмъ необходимымъ, по мѣрѣ возможности, устроить больницу и оказывать пособіе каждому брату, обѣднѣвшему по болѣзни, или по какому нибудь другому посѣщенію божію. Ремесленникъ, желавшій вступить въ цехъ, прежде всего обязанъ былъ дать угощеніе цехмистру и братіи; причемъ онъ представлялъ образецъ своей работы, доказывавшій совершенное знаніе ремесла. По вступленіи въ цехъ, онъ давалъ камень (32 фунта) воску на церковь и больницу, и въ теченіе двухъ недѣль занималъ должность прислужника въ цехѣ: служилъ братьямъ, старшимъ и младшимъ, стоялъ у дверей и наблюдалъ за порядкомъ въ засѣданіяхъ, чтобъ братья вели себя спокойно и слушали дѣла. Каждый братъ обязанъ былъ смотрѣть, чтобы лица, не принадлежавшія къ цеховой братіи, не занимались втайнѣ ремесломъ, цеху присвоеннымъ.

Для усиленія промысловъ, мѣщанамъ ковельскимъ предоставлены были важныя преимущества. Они имѣли право свободно и безмытно закупать воскъ, хмель, медъ и скотъ, по селамъ, къ староству ковельскому принадлежавшимъ; имъ предоставлено было, въ пользу городской казны, взимать десятину съ лѣсу и сушеной рыбы, которая привозима была на торгъ, право собирать подужную, помѣрную, вѣсовую и воскобойную пошлины, также мостовую пошлину съ купцовъ, проѣзжавшихъ чрезъ мостъ съ своими товарами, и прогонявшихъ скотъ на продажу.

Въ такомъ устройствѣ городъ Ковель поступилъ во владѣніе князя Курбскаго. Власть Курбскаго ничѣмъ не превышала власти старостъ ковельскихъ. Онъ обязанъ былъ водворять спокойствіе и безопасность и наблюдать за исполненіемъ государственныхъ повинностей. Какъ ленный владѣлецъ, онъ имѣлъ право суда надъ землянами, боярами и крестьянами ковельскими, и, въ случаѣ надобности, требовалъ бояръ и землянъ королев-

скихъ на службу. Мѣщане попрежнему пользовались правомъ магдебургскимъ, а евреи королевскими привилегіями. Рѣдко живя въ Ковлѣ, Курбскій поручалъ управленіе своему урядику. Первымъ урядникомъ ковельской волости былъ Москвитянинъ Иванъ Калыметъ; по смерти его, ковельскій урядъ отданъ былъ Москвитянину Кирилу Зубцовскому. Впрочемъ Курбскій иногда и самъ давалъ судъ въ ковельскомъ замкѣ, руководствуясь въ своихъ рѣшеніяхъ Статутомъ Литовскимъ [2]).

Въ настоящее время въ городѣ Ковлѣ нѣтъ никакихъ памятниковъ, которые бы напоминали жизнь Курбскаго и его сподвижниковъ. Соборная церковь, о которой упоминаетъ Курбскій въ своемъ завѣщаніи, давно сгорѣла. Ковель находился подъ защитою укрѣпленнаго замка, который былъ окруженъ стѣнами и имѣлъ нѣсколько воротъ съ башнями. Жители помнятъ объ этомъ замкѣ по преданію и разсказываютъ, что онъ истребленъ пожаромъ, но не извѣстно когда [3]). Старожилы помнятъ еще уцѣлѣвшія отъ пожара ворота съ башнею, суще-

[2]) Образецъ такого суда мы находимъ въ приговорѣ Курбскаго надъ служанкою Маріи Юрьевны Голшанской, Раинкою (I. 102—105). Замѣчательно, что Курбскій только сослался на Статутъ Литовскій, а рѣшилъ дѣло, хотя и не по всей строгости, согласно съ Судебникомъ. Дѣло шло о значительной покражѣ въ кладовой Зубцовскаго. Раинка возвратила лицомъ только часть украденныхъ вещей, и не имѣла денегъ для полнаго удовлетворенія истца. По Статуту (Roz. XV, art. 22), Курбскій долженъ былъ преступницу повѣсить, а поличное отдать истцу; но онъ приговорилъ выдать Раинку истцу головою, наказаніе вовсе неизвѣстное Статуту Литовскому. Это рѣшеніе болѣе согласно съ 55 статьею Судебника Іоанна IV, гдѣ говорится: «а не будетъ у котораго татя столько статковъ, чѣмъ истцово заплатити, ино его, бивъ кнутьемъ, да истцу въ его гибели выдати головою». Акты историческіе. I. 254.

[3]) Изъ актовъ ратуши ковельской видно, что замокъ ковельскій существовалъ еще въ 1707 году.

ствовавшіе до 1805 года; этотъ послѣдній остатокъ ковельскаго замка былъ разрушенъ по приказанію генерала Каменскаго [4]). До сихъ поръ еще ясно можно отличить мѣсто, гдѣ находился замокъ; оно окружено съ одной стороны рѣкою Туріею, а съ другой—засыпаннымъ рвомъ. Теперь на этомъ мѣстѣ находятся присутственныя мѣста. Въ церквахъ нѣтъ ни древнихъ образовъ, ни древней утвари. Мы знаемъ, что уже княгиня Курбская Александра Семашковна, выѣзжая изъ Ковля въ свои литовскія имѣнія, забрала съ собою все, что только было драгоцѣннаго въ церквахъ ковельскихъ (II. 227) *).

Книги судовъ мѣстскихъ ведены были со времени учрежденія города на правѣ магдебурскомъ, но древнѣйшія изъ нихъ истреблены пожаромъ. Книги, хранящіяся въ архивѣ ратуши ковельской, начинаются съ 1665 года и не заключаютъ въ себѣ никакихъ свѣдѣній о жизни Курбскаго.

Напрасно я старался найти воспоминаніе о московскихъ бѣглецахъ въ преданіи народномъ. Жители Ковля помнятъ древнихъ вотчинныхъ владѣльцовъ, князей Сангушковъ, говорятъ и про королеву Бону, но имя Курбскаго и его сподвижниковъ совершенно изчезло изъ памяти народа.

На еврейскомъ кладбищѣ я нашелъ надгробные камни, единственные остатки древней жизни города Ковля. На нихъ изсѣчены еврейскія надписи, въ которыхъ означены имена и добродѣтели покойниковъ. Вотъ нѣкоторыя изъ надписей, переведенныя отличнымъ знатокомъ еврейскаго языка, учителемъ 2-й кіевской гимназіи, Өедоровымъ [5]):

---

[4]) Вѣроятно, графа Сергія Михайловича Каменскаго.

*) Такія сокращенныя ссылки относятся къ изданію, приложеніе къ которому составляетъ настоящая статья.

[5]) Мѣста, заимствованныя сочинителями надгробій изъ Библіи, напечатаны въ разрядку. Переводчикъ передалъ эти мѣста словами славянской Библіи.

Надпись 1550 года.

Здѣсь погребенъ глава и предводитель своихъ собратій, исполинъ въ твореніи воли божіей. Чествовавъ Творца богатствомъ, которымъ Богъ благословилъ его, Мордохай, сынъ Симхи (коего память да будетъ благословенна!), эта благословенная мирра, вязаніе стакти a), глава своего племени, прекрасный плодъ прекраснаго древа, скончался въ первый день недѣли, въ адарѣ мѣсяцѣ, въ годъ: блаженъ мужъ b), иже творитъ законъ божій. Да будетъ душа его привязана союзомъ жизни у Господа Бога! c)

1595-го.

Здѣсь погребенъ наслѣдователь закона (какое добро здѣсь сокрыто!), мужъ достойный и дѣлавшій другихъ достойными предъ Богомъ, умножавшій ученыхъ устроеніемъ многихъ высшихъ училищъ, отецъ народа, исполненный заповѣдей божіихъ, подобно гранату (исполненному зеренъ), раввинъ Ааронъ, сынъ равви Соломона. Съ миромъ вознесся онъ на небо, въ 3-й день недѣли 4-го нисана, 5356 года. Обрядъ погребенія совершенъ былъ съ великими почестями. Его правда, яко высочайшая скала, его безпристрастный судъ надъ Израилемъ—все было предметомъ всенародной похвалы.

1598-го.

И было, когда состарѣлся Исаакъ; проникнутый духомъ закона, оставилъ онъ міръ сей, и душа его вознеслась на небо, для наслажденія божественнымъ свѣтомъ, въ жизни вѣчной, лучезарной. Тѣло его погребено въ 3-й день недѣли, 15-го савана, въ мѣсяцѣ, въ которомъ былъ данъ законъ Израилю,

---

a) Пѣсни пѣсней I. 12.

b) Мужъ по еврейски ишъ, пишется тремя буквами, которыя выражаютъ число 311; тысячи подразумѣваются.

c) 1-я Книга Царствъ. 25—29.

5359 года. Да будетъ душа его привязанѣ союзомъ жизни у Госнода Бога!

1611-го.

Сице внидетъ Ааронъ, сынъ Исаака, во святое a), 7-го нисана, 5373 года. Мѣсяцъ сей, первый изъ мѣсяцовъ года, да будетъ вамъ знаменіемъ b), что въ теченіе его ногребенъ здѣсь мужъ благочестивый, глава и предводитель сонма Израиля.

1612-го.

Кто сія проникающая, аки утро, добра, яко луна, избранна яко солнце? c) Это жена богобоязненная, достохвальная d). И было, въ пятый день недѣли 22 шевата, 5373 года, Богъ изрекъ свой судъ о Саррѣ, женѣ Авраама и дочери Авраама же, здѣсь погребенной, и посѣти Господь Сарру e), дабы душа ея была привязана союзомъ жизни у Господа Бога.

1612-го.

5373 года, 17 тишри. И сія бытія Исаака f): князь дома отечества своего g), Моисей Симонъ, глава и владыка, господинъ и вельможа, наслѣдователь закона, преданъ здѣсь землѣ. Правду господню онъ творилъ и судъ надъ Израилемъ. Да говорятъ за него его дѣла, всеобщее къ нему уваженіе и великія почести, которыхъ онъ удостоивался, правды его ради. Моисей вознесся на небо; да соединится душа его съ Господомъ Богомъ!

---

a) Лев. 16. 3.
b) Исход. 12. 2.
c) Пѣс. пѣс. 6. 10.
d) Прит. Сол. 31. 31.
e) Быт. 21. 1.
f) Быт. 25. 19.
g) Числъ 7. 2.

1616-го.

Въ седьмый день нисана, 5377 года, егда воспѣваша вкупѣ звѣзды утренніи и восхвалиша Господа вси Ангели a), мы отъ крылъ земныхъ слышахомъ вѣсть чудную b), гласъ божій съ небеси, гласъ велій, возвѣстившій людямъ о кончинѣ юноши премудраго, о добрыхъ его дѣлахъ, достойныхъ мужа, о сынѣ благонравномъ, утѣхѣ отца, о смерти Цеви—Герша, сына Авраамова. Въ сей день печали, день гнѣва господня, всѣ плакали и соболѣзновали о томъ, кто честью своею считалъ славу божію, наградою всѣхъ подвиговъ своихъ—наслѣдіе жребія между жребіями праведниковъ и премудрыхъ.

1723-го.

Въ горнее сѣдалище, верховнаго ради покоя, вознесся многоуважаемый раввинъ, великое свѣтило, достославный господинъ Исаія, сынъ раввина Наѳанъ-Наты (коего память да будетъ благословенна!). Душа его, въ стремленіи ко всесвятому, возвратилась къ Господу Богу, въ первый день недѣли 2-аго сивана, 5484 г. О, какое это для насъ несчастное и гнѣвное время! Да будетъ душа его привязана союзомъ жизни у Господа Бога, да водворится она въ кровѣ Бога небеснаго c), до пришествія Мессіи. Аминь.

Въ трехъ верстахъ отъ Ковля, находится небольшое селеніе Вербка [6]). Недалеко отъ села, среди болотъ, образовавшихся отъ разлитія рѣки Туріи, возвышается островъ, имѣющій не болѣе версты въ окружности. На этомъ островѣ построенъ былъ монастырь святыя Троицы, въ которомъ Курбскій завѣщалъ похоронить себя.

a) Іова. 38. 7.

b) Исх. 24. 16.

c) Псалт. 90. 1.

[6]) Въ немъ считается 28 ревизскихъ душъ мужескаго пола.

Ни изъ письменныхъ документовъ, ни изъ преданій народныхъ я не могъ узнать, кѣмъ основанъ этотъ монастырь, и когда онъ обращенъ въ приходскую церковь. Въ актѣ генеральной визитаціи 1760 года, 20 февраля [7]), находится слѣдующее описаніе церкви и монастырскихъ зданій: „Церковь деревянная во имя святыя Троицы, объ одномъ куполѣ, покрыта гонтами; на ней три желѣзные креста; деревянная дверь на желѣзныхъ петляхъ. Къ церкви пристроена колокольня, на которой четыре колокола. Церковное мѣсто не огорожено, а только омывается рѣкою Туріею. При церкви бѣлая изба съ двумя окнами, а въ ней изразцовая зеленая печь съ трубою; изъ избы ходъ въ чуланъ, за перегородкой. Кухня, а за ней комора, покрытыя соломою. На противуположной сторонѣ житница, также деревянный сарай съ навѣсами и два хлѣва.“ Церковь возобновлена была въ 1818 году, и въ этомъ видѣ существуетъ и въ настоящее время. Монастырскія зданія, означенныя въ актѣ визитаціи, не существуютъ. Я не нашелъ ни древнихъ образовъ, ни церковной утвари, которая напоминала бы о князѣ Курбскомъ. Еще при жизни Курбскаго, игуменъ вербскій Исаія, въ 1582 году, бѣжалъ изъ монастыря, забравъ оправленныя сребромъ евангелія, серебреныя чаши и другія вещи церковныя (I. 227). Только образъ св. чудотворца Николая, древней византійской живописи, напоминаетъ, что здѣсь молилась нѣкогда Русь московская. Объ этомъ образѣ сказано

---

[7]) Рукописный актъ, на двухъ листахъ, хранится въ ризницѣ вербской церкви; онъ имѣетъ слѣдующее заглавіе: Wizyta ieneralna cerkwi Werbskiey pod tytułem swiętey Tróycy dekanatu Kowelskiego dyecezyi Włodzimirskiey kollacyi J. K. Mości z opisaniem funduszowey erekcyi, wnętrzney i zewnętrzney, adornacyi, tudzież z inwentarzem sprzętow cerkiewnych, sporządzonym przez niżey wyrażonych wizytatorów ab illmo dno loci ordinario deputowanych, anno 1760 febr. 20, uczyniona et solitis ceremoniis odprawiona.

въ упомянутомъ выше актѣ генеральной визитаціи: „образъ св. Николая, древнѣйшей живописи (antiquissimæ picturæ). Достовѣрные люди говорятъ, что этотъ образъ существуетъ здѣсь около двухъ сотъ лѣтъ, и славится чудесами, которыя впрочемъ нигдѣ не описаны.“ Изъ этого видно, что образъ св. Николая поставленъ былъ въ вербской церкви около 1560 года, то есть, около того времени, когда Курбскій прибылъ на Волынь.

Московскіе пришельцы питали особенное уваженіе къ монастырю вербскому. Здѣсь завѣщалъ похоронить себя Москвитянинъ, Петръ Васильевичъ Вороновецкій (II. 135). Курбскій велѣлъ также похоронить себя въ вербской церкви, у ногъ отца своего духовнаго, священноинока Александра [3]). „Когда смерть, говоритъ Курбскій, разлучитъ мою душу съ грѣшнымъ тѣломъ моимъ, и когда Господь Вседержитель благоволитъ взять душу мою ко святой хвалѣ своей; то жена моя, милая княгиня Александра, похоронитъ грѣшное мое тѣло въ монастырѣ ковельскомъ св. Троицы въ Вербкѣ, въ церкви, у ногъ отца моего духовнаго, священноинока Александра“ (I. 192. 229). Воля Курбскаго дѣйствительно была исполнена; это видно изъ словъ Кирила Зубцовскаго, который также завѣщалъ похоронить себя въ монастырѣ вербскомъ: „а похоронитъ тѣло мое жена моя милая, княжна Марія Юрьевна Полубенская, по правиламъ святой греческой вѣры, въ монастырѣ ковельскомъ святыя живоначальныя Троицы, въ Вербкѣ, подлѣ тѣла покойнаго князя Андрея Курбскаго, моего благодѣтеля и родственника христіанскаго“ (II. 294).

---

[3]) Изданные нами акты сохранили имена трехъ игуменовъ, бывшихъ настоятелями монастыря вербскаго, при жизни князя Курбскаго. Первый изъ нихъ былъ священноинокъ Александръ, духовникъ князя Курбскаго и его жены, княгини Маріи Юрьевны. Въ 1578 году, упоминается игуменъ вербскій Симеонъ (I. 95.), а за нимъ слѣдовалъ игуменъ Исаія (I. 227).

Слѣдуя этимъ указаніямъ, я дѣлалъ разысканіе въ вербской церкви, въ надеждѣ открыть гробъ князя Курбскаго. Вскрывъ деревянный полъ, я нашелъ въ разныхъ мѣстахъ остатки согнившихъ деревянныхъ гробовъ. Только въ одномъ мѣстѣ, предъ мѣстнымъ образомъ Спасителя, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ иконостаса, открытъ склепъ, сложенный изъ кирпича и обрушившійся въ срединѣ. Вынувъ обрушившіяся части свода, я видѣлъ остатки согнившаго деревяннаго гроба и тлѣющія кости. Ни внутри, ни снаружи гробницы не было никакой надписи, изъ которой можно было бы узнать имя покойника [9]). Между склепомъ и иконостасомъ открыты остатки истлѣвшаго деревяннаго гроба. Если склепъ примемъ за гробницу Курбскаго, то въ этомъ деревянномъ гробѣ могъ быть погребенъ священноинокъ Александръ. Что касается до Кирила Зубцовскаго, то онъ могъ быть похороненъ въ одномъ изъ деревянныхъ гробовъ, ближайшихъ къ открытому нами склепу.

Въ волости ковельской, кромѣ города Ковля и села Вербки, заслуживаетъ вниманія село Секунь. Такое названіе, по словамъ жителей, дано селенію отъ того, что здѣсь когда-то была кровопролитная сѣча. Вступивъ во владѣніе Ковельскимъ имѣніемъ, князь Курбскій далъ село Секунь своему слугѣ и сподвижнику, Москвитянину Ивану Калымету, за его вѣрную и

---

[9]) На Волыни знатныя лица погребались въ подобныхъ же склепахъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣщался, поверхъ церковнаго пола, надгробный камень, на которомъ дѣлалась надпись. Такую гробницу можно видѣть, напримѣръ, въ зименскомъ монастырѣ, недалеко отъ города Владиміра Волынскаго. Въ этой гробницѣ похороненъ современникъ Курбскаго, князь Дмитрій Козѣка, сынъ князя Андрея Козѣки, выѣхавшаго изъ московскаго государства въ 1524 году. Кн. зем. влад. 1577—1579, лис. 175.

благородную службу. По смерти Ивана Калымета, убитаго княземъ Булыгою, это имѣніе перешло къ Михаилу Калымету, на основаніи жалованной грамоты, данной княземъ Курбскимъ 1572, іюня 10 (I. 39). Михаилъ Калыметъ владѣлъ Секунемъ до самой смерти. Онъ построилъ церковь во имя св. архангела Михаила, и снабдилъ ее доходами (I. 287); въ этой церкви онъ завѣщалъ похоронить себя (I. 283). До сихъ поръ въ Секуни находится ветхая деревянная церковь объ одномъ куполѣ, съ пристроенною къ ней колокольней. По разсказамъ жителей, она никогда не горѣла и поэтому считается одною изъ древнѣйшихъ въ ковельскомъ уѣздѣ. Въ секунской церкви я нашелъ болѣе, чѣмъ въ другихъ церквахъ образовъ византійской живописи; древнѣйшіе между ними—образъ Божіей Матери и святителя Николая. Имя Ивана и Михаила Калыметовъ вовсе не извѣстно въ народѣ.

Волость вижовскую составляли: мѣстечко Вижва, село старая Вижва и село Воля. Время, когда основано мѣстечко Вижва, не извѣстно. Уже при королѣ Казимирѣ существовалъ замокъ Вижва, принадлежавшій къ вотчиннымъ имѣніямъ князей Сангушковъ. Въ описаніи украинскихъ замковъ 1542 года сказано, что князь Василій Сангушко, для увеличенія волости вижовской, захватывалъ сосѣднія королевскія земли и присоединялъ ихъ къ своимъ имѣніямъ. Король Казимиръ, чтобъ прекратить своеволіе князя Сангушки, приказалъ сжечь замокъ Вижву, но его приказаніе не было исполнено. Вмѣстѣ съ ковельскими имѣніями, мѣстечко Вижва перешло въ собственность королевы Боны, а по смерти ея, причислено было къ королевскимъ имѣніямъ. Съ этихъ поръ вижовская волость подлежала вѣдомству старосты ковельскаго; мѣщане пользовались правомъ магдебургскимъ.

Курбскій, вступивъ во владѣніе ковельскими имѣніями, поставилъ въ Вижвѣ урядникомъ Москвитянина Ивана Посника,

который управлялъ вижовскою волостію и по смерти Курбскаго, до возвращенія Ковельскаго имѣнія въ казну королевскую.

Въ настоящее время Вижва есть бѣдное мѣстечко, окруженное болотами. Въ немъ считается 572 жителя. Замокъ давно сгорѣлъ. Мѣсто, на которомъ онъ находился, представляетъ круглую возвышенную площадь, окруженную съ одной стороны болотами, образовавшимися отъ разлитія рѣки Вижвы, а съ другой неглубокимъ рвомъ. Съ восточной стороны, примыкающей къ мѣстечку, былъ устроенъ подъемный мостъ чрезъ ровъ и ворота съ башней. На этомъ мѣстѣ находятся теперь частныя зданія, ничѣмъ не напоминающія древняго замка. Церковь не представляетъ также ничего замѣчательнаго.

Въ церкви селенія Старой Вижвы я нашелъ жалованную грамоту 1521 г. октября 19, данную княземъ Василіемъ Михайловичемъ Сангушкомъ церкви св. Спаса [10]).

---

[10]) Помѣщаю здѣсь эту грамоту, какъ единственный, найденный мною памятникъ, оставшійся отъ древнихъ князей Ковельскихъ:

Ja sługa Boży wierzący w iednego Boga Stworcy Nieba i Ziemi w Tróycy Jedynego wielbionego Oyca y Syna y Swiętego Ducha. Amen. Ja też sługa Hospodara Króla Jego Mości Zygmunta y syna Jmci wielkiego Xięcia Głogowskiego, i Opolskiego Krola Augusta Pana naszego Miłosciwego. Ja Xiąże Wasyli Michayłowicz Sanguszkowicz starosta Łucki, marszałek Hospodara Krola Jmci klucznik, Horodniczy iako tym moim listem w swoiey oyczyznie w Starey Wyżwie nadaię wiecznemi czasy na cerkiew Bożą założenia Swiętego Spasa Kapłanowi Andrzeiowi Chłudyńskiemu parafią ze wszystkiemi dochodami z dawna nałożącemi nie tylko iemu ale y potomkom iego według godności y urzędu nadaie dwie włoki za Daniłem przy końcu sioła, dwie włoki na Zagliniu, dwie włoki nad Podreczu y ogrod na Sokirczyszach przy brzegu rzeki Nakrubą dwanascie Kowelskiey miary z sianożęci na kosarzow pięc, naddatek u Jaworu, drugi u mosta, trzeci naddatek u Bodkach na Czewlu, sianozęć na Jaworskim błocie na kosarzow osm, u Rzece pasieka y sianożęć pasieka na Zamoszu y w Barciach zachodow trzy, na Dąbrowie y na Czewlu, na Zalisiu uroczyszcze

Въ десяти верстахъ отъ Вижвы находилось Смедино, нынѣ казенное село Смединъ. Это село съ своею волостію принадлежало къ королевскимъ имѣніямъ и приписано было къ замку владимірскому. Сигизмундъ Августъ, нуждаясь въ деньгахъ, заложилъ смединскую волость князю Михаилу Чарторійскому, за 1000 копъ грошей. Въ 1567 году, король, желая вознаградить Курбскаго за услуги, оказанныя государству и возбудить въ немъ ревность къ большимъ подвигамъ, пожаловалъ ему волость смединскую, на такомъ же правѣ, какъ и Ковельское имѣніе. Курбскій обязанъ былъ удовлетворить князя Чарторійскаго, уплативъ ему 1000 копъ грошей литовскихъ.

Во всей смединской волости, въ 1542 году, считалось

Łapczyszcz, stawek między lasami i bagnami i rzeczkami do samego Brodu Pułyskiego do Ratenskiey granicy aż do pięty. Przy tym że prawie moim nadaie parafią Brodki y mielnika do tey ze Cerkwi Swiętego Spasa, w starym młynie daie mu wolność w sobotę bez miarki mleć na swoię potrzebę, do kurzenia gorzałki y piwa na swoy obchod robić wolno y browar mieć dla swoiey wygody. Do łowenia ryb izów w rzece trzy az do rzeczki Nizuwki, w ieziorze na rzece izki w grobelki izek, na Hołowiczowskiey rzece Jzek, u Jaworu Jzek. W lasach i borach wolność wszelaką daię do opału, do budowania, pola przyczyniać i sianożęci w lasach y borach przy tym że prawie moim wolność iemu samemu y Sukcessoróm iego w całosci zachowuię, aby czynszow, składek, podatkow y innych wyderkafow dworskich y szelskich nie dawał, a ktoby te moie nadanie i wolność od tey Cerkwi Bożey miał poruszyć albo odiąć, to ma klątwę cerkiewną na sobie nosić anaftema y marinafta, niech będzie przeklęty w tym wieku i w będącym, a zemną ma rozsądzić się na tamtym swiecie, przed Samym Stwórcą Nieba i Ziemie.—Bogu cześć i chwała niechay będzie na wieki wieczne, amen. Pisan w zamku Kowelskim Roku tysiąc pięc set dwudziestego pierwszego, miesiąca Oktobra dnia dziewiętnastego. U tego Funduszu do oblaty podanego podpis ręki przy przycisnioney pieczęci staroswieckiey takowy: Wasyl Sanguszko Michayłowicz Xiąże ręką własną.

болѣе ста дымовъ; Смединцы составляли общину, подъ начальствомъ войта, который избирался королевскимъ урядомъ, съ согласія крестьянъ. Войтъ и лавники составляли сельское управленіе. Курбскій, получивъ смединскую волость, назначилъ урядникомъ Москвитянина Петра Вороновецкаго, а по смерти его, Ивана Посника. Въ 1585 году, присланы были королевскіе коммиссары, для выкупа смединской волости. Они уплатили наслѣдникамъ Курбскаго 1000 копъ грошей и присоединили Смединъ къ королевскимъ имѣніямъ.

Въ настоящее время Смединъ [11]) есть богатое казенное селеніе, имѣющее 768 жителей. При церкви смединской, съ незапамятныхъ временъ, существуетъ церковное братство. Уставъ этого братства утвержденъ былъ грамотою уніатскаго митрополита, Фелиціана Филиппа Володковича. Прилагаю этотъ уставъ, такъ какъ правила, въ немъ изображенныя, были общими для всѣхъ сельскихъ братствъ на Волыни.

Феліціанъ Філіппъ, Володковичъ, Божіею и святаго Ѳрона Апостолскаго благодатію, Архіепископъ Митрополітъ Кіевскій, Галицкій, и всея Россіи, Епископъ, Протоѳроній Володимірскій, и Берестя Литовскаго, Архімандритъ Кіево-Печерскій.

Во имя Пресвятыя и Животворящія Троицы, Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь.

И въ достохвальную буди память.

Не въ рукотворенныхъ храмѣхъ живяй вышній, ему же престолъ небо, земля подножіе, но идѣже два или тріе будутъ собрани, союзомъ любве славы божественныя связани, тамо, по реченію своему Евангельскому, посредѣ ихъ и въ нихъ, аки

---

[11]) Смединъ упоминается въ описаніяхъ славянскихъ старопечатныхъ книгъ. Въ этомъ селѣ, въ церкви Св. Симеона, хранился когда-то Октоихъ, напечатанный въ Краковѣ 1491 года. См. Обозрѣніе славяно-русской библіографіи. Т. I. Книга 2. С.-Петербургъ, 1849. Церковь Св. Симеона не существуетъ.

въ Церквахъ, себе Бога живаго пребывати благоволи. Сіе же собраніе коликую приноситъ благодать, егда присущество Господне имать съ собою (ибо тогда въ вся благая преизобилуетъ), не требѣ есть изображати, токмо: еже въ семъ собраніи единодушно работати Господеви, въ имя Пресвятыя Богородицы, или святыхъ Богу угодившихъ, равно есть, аки царствовати, всякъ, хотяй сообщатися, да внимаетъ.

Понеже сея благодати желаніемъ, любовію благолѣпія святыни Господнея возбужени и разжжени, Христолюбивіи Церкве Христовои Смѣдинской храму Воздвиженія Честнаго Креста Господня блюстителіе и парохіане, а славетніи при томже храмѣ жителіе смиренно молили насъ, пастыря своего, дабы, на сооруженіе при реченной Церквѣ и устроеніе братства, не токмо наше благословеніе, но и устави благонравнаго образа и обыкновеній (како въ семъ союзѣ братства подобаетъ работати Господеви, и имя Пресвятыя Богородицы славити) онѣмъ предали. Сего ради мы, пастырь, сицевое ихъ желаніе, съ всякимъ благоутробіемъ пріемше, люботрудную ревность благолѣпія Святыни Господнея о Господѣ похваляюще, и немедленно довлетворяще моленію помененныхъ желателей, (властію намъ свыше пособствующею) собраніе братства, при вышше реченной Церкви святой Смѣдинской подъ именемъ и защищеніемъ Святителя Христова Отца Николая, вознести, наздати и строити, благословеніе наше, симъ начертаніемъ онѣхъ вручающе, сицевыя (въ томъ союзѣ братства пребывати изволяющымъ) по правилному узаконенію предаемъ устави:

Артікулъ 1.

Понеже сего братства дѣло и конецъ сей есть: еже работающе Господеви, его всегда хваляще, имя Пресвятыя Богородицы яко защищеніе славити, благолѣпіе святини Господнея возлюбити, и о семъ пещися, отъ силы въ силу происходяще, паче инѣхъ добродѣтелми душевными сіяти; сего ради доложенъ

будетъ кійждо, въ семъ братствѣ пребывати хотяй, первіе въ день той, въ который вписатися изволитъ, исповѣдь святую всѣхъ грѣховъ своихъ сотворши, причастіе таинъ святыхъ получити. А по семъ, при Іереи Церкве реченныя и собранной братіи, обѣщаніе сице исполнити. Колѣна преклонши предъ іконою Пресвятыя Богородицы и положеннымъ Евангеліемъ, по исповѣданіи вѣры святыя, сирѣчь, вѣрую въ единаго Бога прочетши, послѣдствующая глаголати:

Пресвятая Богородице, Дѣво Маріе, Мати Господа моего Іисуса Христа, азъ, имярекъ, рабъ Сына Твоего и Твой грѣшный и непотребный, и самаго Пресвятаго лицезрѣнія Твоего недостойный, разженный любовію и желаніемъ по Бозѣ служити Тебѣ, имѣяй несумнѣнную надежду въ Твоей неисповѣдимой милости, днесь предъ Богомъ и Святыми небесными силами, вручаю мя Тебѣ во всегдашнаго раба, лику братій, о имени великаго Чудотворца Святителя Христова, Отца Николая, собранному, соединяюся, и отъ сего дне искренѣе желаю Тя имѣти себѣ Госпожу, Матерь и предстателницу житія и спасенія моего. Клятвенно съ усердіемъ обѣщаюся никогда же Тя оставити, но найпаче честь достойную имени Твоему Пресвятому всегда воздавати, и прочіихъ мнѣ врученныхъ къ томужде почтенію увѣщавати и наставляти долженствую. Сего ради, о Мати Божія! прилѣжно молю Тя, и съ Тобою Сына Твоего, да мя къ спасенному всѣхъ благихъ житію полезному наставитъ познанію, и находящихъ бѣдъ и напастей избавитъ, и и въ часъ смерти, матерными Твоими преклоненъ молитвами, помилуетъ, аминь.

По семъ, положши два перста на Евангеліе, изречетъ: сія вся яко истинно обѣщаю и Уставы братскія съ послушаніемъ должнымъ хранити имамъ, тако ми допомози, Господи Боже и сіе святое Евангеліе. Сія изрекши, лобызаетъ Евангеліе и ікону Пресвятыя Богородицы.

Артікулъ 2.

Кождый братъ долженъ будетъ вѣру святую и славу имене Пресвятыя Богородицы опасно блюсти и цѣло, не стыдящися, хранити себе отъ всякихъ дѣлъ блудныхъ, сваровъ, піянства, словесъ безчинныхъ, соблазновъ и прочихъ прегрѣшеній, найпаче отъ злыя бесѣды удаляти; да явится паче иныхъ ревнитель славы божественныя и угодникъ Пресвятыя Богородицы. Аще мощно будетъ, да не лѣнится по вся дни до церкве пріити, и тамо или службы божественныя выслухати, или, якоже изволитъ, Господеви и Пресвятѣй Богородицѣ помолитися.

Артікулъ 3.

Кождый братъ долженъ будетъ, рано и въ вечеръ, благодарящи Господа Бога, иже его на подобіе Свое сотворилъ, кровію Сына Своего откупилъ, Духомъ Святымъ до вѣры святыя привелъ, до братства воззвалъ, мовити въ имя Пресвятыя Троицы, 3 Отче нашъ и Богородице Дѣво, и Вѣрую во единаго Бога 1, въ вечеръ токмо придавши моленіе за усопшыхъ, и испытаніе въ то же время своея совѣсти, что чрезъ день дѣлалъ? и прочая творити, о грѣсѣхъ въ сокрушеніи сердечномъ, съ обѣщаніемъ исповѣданія, каятися.

Артікулъ 4.

Братія вси должны будутъ яко найчастѣй исповѣдатися и тайнамъ святымъ причащатися, именно въ постъ Рождества Господня, или на самый праздникъ; тогожде въ постъ великій, въ время Пасхи (когда церковь Божая подъ грѣхомъ смертнымъ повелѣваетъ), на праздникъ Сошествія Святаго Духа, въ день Святыхъ Апостолъ Петра и Павла, Успенія Пресвятыя Богородицы, и въ праздникъ Воздвиженія Честнаго Креста и Святителя Николая, яко защитителя своего братства.

Артікулъ 5.

Должни будутъ братія, во время всенощнаго на літіи, вси, во время утреннаго Евангелія и Славословія, по двою или больше,

во время службы Божія, Евангелія, Херувімской пѣсни, такожде Канонника, и во время: святъ, святъ, святъ Господь, и чрезъ Изрядис, ѣси со свѣщами посредѣ церкве стояти.

Артікулъ 6.

Егда кто отъ братій боляй и немощенъ будетъ, должны его иныи посѣщати и о Господѣ оутѣшати; аще будетъ бѣдный и нищій, но силѣ своей воспомагати, найпаче, дабы Тайнами Святыми былъ вооруженъ и узмотренъ, пещися. Егда же до него будетъ Іерей съ пресвятѣйшею Евхарістіею ити, со свѣщами должны будутъ послѣдствовати, преставлшагося погребсти при Божественной службѣ, душу его поминающе, милостыню святую дати.

Артікулъ 7.

Дабы службы Божія кождого мѣсяца, въ среду за живыхъ и субботу за усопшихъ (яко найумилостивнѣйшая жертва), дѣйствованы были, подобаетъ братіи въ любви старатися, и тогда всѣмъ въ церковь собратися со свѣщами, способомъ яковымъ описано предстояти, дающе нищымъ по силѣ своей милостыню. Акафисты такожде дабы на заутріе, или въ самый день праздника, или святъ Господнихъ нарочитыхъ, отправованы были, пещися братіямъ надлежитъ, и тогда всѣмъ со свѣщами предстояти.

Артікулъ 8.

Странствующіи братія, во время святъ урочистыхъ и тихъ дней, въ которыи службы Божія бываютъ, должны суть слухати службы Божественныя, аще же не будетъ мощно, да помолятся Господеви, и сіе должное инымъ добрымъ дѣломъ воздати и исполнити да не замедлятъ.

Артікулъ 9.

Во всѣхъ потребахъ церкве Господнея, найпаче въ превознесеніи славы Божія и въ прославленіи чести Пресвятыя Богородицы, должны будутъ братія усердно пещися. Послушаніе, по разсужденію честнаго отца своего духовнаго и старѣй-

шихъ братій, яковое онѣмъ вручено будетъ, любве ради и обѣщанія клятвеннаго (еже есть союзъ совершенства), творити и не стыдѣтися.

Артікулъ 10.

Строеніе сего братства належати имать до Пресвитера церкве реченной и единаго брата старшаго, а тріехъ совѣтниковъ, которіи сице избиранны будутъ: заутра, по праздницѣ Сошествія Святаго Духа, имутъ собратися вси братія въ церковь, и тамо, по призваніи Духа Святаго, въ притворѣ изберутъ себѣ четырехъ кандідатовъ, способныхъ на старшенство братское, и который отъ всѣхъ болше будетъ имѣти крисокъ, сей будетъ старшимъ братомъ; а инни три будутъ совѣтниками, по чину избранія своего; остатный можетъ быти писаромъ братскимъ.

Артікулъ 11.

Книги на писаніе братій, вписующихся и усопшихъ, карбону, реестра приходовъ и расходовъ, въ церкви или въ дому старшаго брата, ради нижей виражоныхъ употребленій, имѣти прислушаетъ; понеже при вписаню ся въ число братства, вписного, при схадзкахъ въ кождое время, найпаче въ потребѣ церкве, подобаетъ братіямъ, по силѣ своей, до карбоны милостыню святую складати, и сію чрезъ молодшихъ братій, на употребленіе своихъ должностей, снискати.

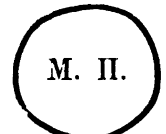
Артікулъ 12.

Схадзки братскія головныя имутъ быти четыри раза до року, сирѣчь: 1, въ праздникъ сошествія Святаго Духа; 2, на Успеніе Пресвятыя Богородицы; 3, на Соборъ Пресвятыя Богородицы; 4, на Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы. Меншія схадзки могутъ быти кождаго мѣсяца, въ недѣлю первую. На тихъ схадзкахъ имать быти честный отецъ Парохъ церкве и братія вси, идеже наченше пѣти: Царю небесный, по Трісвятомъ, пѣснь 9 праздника. По семъ должны будутъ внимати поученію отъ Іерея, посемъ совѣтовати о порядкахъ духовныхъ,

о украшеніи олтаря, вспоможеніи нищихъ, именно о погребаніи умершихъ, дабы тѣлеса ихъ на поруганіе на распутіяхъ не обрѣталися. Во время тихъ же сходзокъ, имутъ судити старшіе меншихъ за прегрѣшеніе и преступленіе, сирѣчи: аще не будетъ кто въ церкви, во время всенощнаго, службы Божія, аще инаго брата обезчеститъ, или ударитъ, таковыхъ старѣйшіи будутъ карати первѣе наказаніемъ, посемъ иными винами, сирѣчь сѣдѣніемъ въ общемъ соблюденіи, или низверженіи, или присужденіемъ до даянія воску и гривенъ до карбоны. Сего ради братія въ сицевыхъ справахъ (развѣ грунтовыхъ и головныхъ) не въ иномъ судѣ, токмо въ братскомъ да ищутъ справедливости. Аще кто явится безъ надежды покаянія, такого отъ числа братіи отринути достоитъ. Старшій братъ съ совѣтниками, при избраніи иныхъ вмѣсто свое, долженъ будетъ въ рахункахъ Іереевы и братіи, о приставленіи своемъ и о всѣхъ вещахъ братскихъ, отвѣтъ дати.

Сіе писаніе (да избыточествуютъ ревнителіе славы Божественныя во всемъ, и о еже не преступати, ниже лихоимствовати въ вещи брата своего; зане мститель есть Господь), въ сохраненіе всѣмъ христолюбивымъ предавше, печатію нашею утвержденное, рукою власною подписахомъ. Дадеся въ резиденціи нашой Купечовской, року Господня 1773, мѣсяца октября, дня 3-го.

Феліціанъ Архіепископъ
Митрополитъ



Курбскій, прибывъ на Волынь, поселился въ мѣстечкѣ Миляновичахъ. Это мѣстечко принадлежало къ королевскимъ имѣніямъ и находилось подъ управленіемъ старостъ; мѣщане пользовались правомъ магдебургскимъ. Въ 1550 году, Петръ Хвальчевскій, главноуправляющій замками и дворцами

королевскими въ Литвѣ, далъ мѣстечку Миляновичамъ уставъ, въ которомъ были изложены повинности мѣщанъ и торговыя постановленія [12]). Мѣстечко было небогато и малолюдно. Въ 1591 году, въ немъ считалось 41 домъ и 9 убогихъ хижинъ; во всемъ мѣстечкѣ было только три ремесленника, прочіе жители занимались хлѣбопашествомъ.

Земля, на которой водворено было мѣстечко Миляновичи, раздѣлялась на пляцы, или дворовыя мѣста; къ каждому дворовому мѣсту принадлежалъ участокъ пахатной земли. Дворовыя мѣста, вмѣстѣ съ пахатными полями, отдавались въ потомственную собственность или во временное пользованіе, съ платежемъ чинша.

Урядникомъ волости миляновской Курбскій назначилъ Василія Лукьяновича Калиновскаго, который въ 1576 году былъ убитъ мѣщанами Берестечка. На его мѣсто избранъ былъ Меркурій Невклюдовъ. Онъ управлялъ волостію отъ имени князя Курбскаго и давалъ жалованныя грамоты на поземельные участки [13]). Въ 1580 году, Меркурій Невклюдовъ бѣжалъ изъ

---

[12]) Starożytna Polska, przez Balińskiego i Lipińskiego. Warszawa. 1844. II. 887.

[13]) Въ книгѣ судовъ мѣстскихъ мѣстечка Миляновичъ сохранилась слѣдующая грамота Меркурія Невклюдова:

Я, Меркуръ Невклюдовъ, урядникъ Миляновскій, ознаймую тымъ своимъ листомъ, кому того потреба вѣдати, теперь и на потомъ будучимъ, ижъ за власнымъ росказанемъ его милости князя, пана своего, его милости князя Андрея Михайловича Курбскаго Ярославскаго, подалъ есми волоку цѣлую, зо всѣмъ на все, яко тая волока сама въ себѣ маетъ, Михну Горошковичу, которую волоку держалъ небожчикъ Иванъ Садовничій зъ сыномъ своимъ Маркомъ, на кгрунтѣ Ольшанскомъ, которая волока, по смерти того Садовничего и сына его Марка, на его милость князя спала, тогды я тую волоку за росказаньемъ усным его милости князя, тому Михну

Миляновичъ, забравъ въ кладовой Курбскаго золото, сребро и наличныя деньги (I. 121). Курбскій не любилъ права магдебургскаго; поэтому запретилъ мѣщанамъ избирать войта, а назначилъ отъ себя войтомъ миляновицкимъ шляхтича Николая Богушовскаго, давъ ему землю, нѣсколько дворовъ и фольварковъ и освободивъ его отъ всѣхъ податей и мѣщанскихъ повинностей (I. 36). По смерти Богушовскаго, Курбскій отдалъ войтовство Москвитянину Ивану Мошнинскому, который служилъ Курбскому съ молодыхъ лѣтъ и раздѣлялъ его военные подвиги (I. 243).

Курбскій завѣщалъ мѣстечко Миляновичи со всею волостію женѣ своей, княгинѣ Александрѣ Петровнѣ Семашковнѣ, въ пожизненное владѣніе. Княгиня, по смерти своего мужа, поручила управленіе волостію миляновскою своему брату, Василію Семашку, который распоряжалъ всѣмъ Ковельскимъ имѣніемъ, называя себя опекуномъ добръ и дѣтей покойнаго князя Андрея Михайловича Курбскаго Ярославскаго [14]). Мошнинскій оставался войтомъ и по смерти Курбскаго, до отобранія ковельскихъ имѣній въ казну королевскую. Въ Миляновичахъ былъ дворецъ Курбскаго съ придворною церковью.

Въ настоящее время, Миляновичи есть бѣдное мѣстечко, въ которомъ считается 233 жителя. Къ мѣстечку примыкаетъ съ южной стороны обширная, огороженная плетнемъ площадь, на которой находился дворецъ княжескій. Въ самой срединѣ

поступилъ вмоцъ вдержанье подалъ, якожъ и листъ тому Михну его милость вернути казалъ, зачѣмъ тотъ Садовничій держалъ при той волоцѣ. А Михно маетъ платы вшелякіе съ тое волоки платити, повозы возити, яко и иншіе мещанове Миляновскіе. И на то далъ есми ему сесь мой листъ, для пришлого часу, подъ печатью моею, тому Михну Горошковичу. Писанъ въ Миляновичахъ року 1579. мѣсяца генваря пятого дня. Кн. мѣс. мил., лис. 22.

[14]) Книга мѣстская миляновская 1586, лис. 25.

находится весьма ветхое, одноэтажное деревянное зданіе; стѣны его совершенно согнили, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обрушились, внутреннее расположеніе комнатъ измѣнено позднѣйшими передѣлками. Быть можетъ, этотъ домъ есть остатокъ зданій, принадлежавшихъ къ дворцу князя Курбскаго. На лѣвой сторонѣ двора жители указываютъ мѣсто, гдѣ была придворная церковь [15]).

Въ покровской миляновской церкви, нынѣ существующей, я не нашелъ ничего замѣчательнаго, исключая два экземпляра евангелія, напечатаннаго въ Вильно, въ 1575 году.

Въ мѣстечкѣ Миляновичахъ я, въ первый и единственный разъ, встрѣтилъ имя князя Курбскаго, именно въ актовыхъ книгахъ, которыя ведены были мѣщанами миляновскими. Самыя древнѣйшія книги начинаются съ 1584 года, то есть по смерти Курбскаго. Засѣданія уряда мѣстскаго происходили, въ противность праву магдебургскому, подъ предсѣдательствомъ урядника, или старосты, назначеннаго Василіемъ Семашкомъ. Вмѣстѣ съ старостою, засѣдали войтъ, ляндвойтъ и райцы, или ратманы. Акты вносилъ въ книгу писарь, которому громада платила по грошу съ дыму [16]).

---

[15]) Мѣсто, гдѣ находился дворецъ Курбскаго съ садомъ и хозяйственными зданіями, принадлежитъ къ фольварку, состоящему въ арендномъ содержаніи.

[16]) Для образца прилагаю запись войта мошнинскаго, въ которой упоминается о князѣ Курбскомъ:

Року Божего нарожения 1586, мѣсяца октября, семнадцатого дня.

Ставши предо мною, Миколаемъ Храплевскимъ, старостою Миленовскимъ, а при мнѣ былъ лантъвойтъ Миленовскій Занко Волосовичъ, а рядцы мѣскіе, Шимко Павловичъ, Ласко Горошковичъ, Михно Горошковичъ, Лукьянъ Никоновичъ, Якубъ Винцутичъ, Минцъ Олоферовичъ, обличне вызналъ войтъ Миленовскій Янъ Мошнинскій, ижъ дей, пане староста, маю за выслугу отъ его милости

Кромѣ описанныхъ мною мѣстъ, я посѣтилъ много другихъ селеній, принадлежавшихъ къ Ковельскому имѣнію князя Курб-

---

князя пана своего въ мѣстечку Миленовскомъ, врынку, плецовъ три, на которыхъ плецохъ збудовалъ есми домъ за власные гроши свои, светлицъ двѣ, сѣни двои, изба, коморъ двѣ, стайня, на тыхъ же плецохъ огородъ при томъ дворѣ, а ку тому двору подварковъ два, прозываемые Прошковскій, а третій Мицковскій, за мѣстомъ ку Ковно ѣдучи, направо межи Павломъ и Шимкомъ Годевицкимъ; тые плецы всѣ въ рынку два, а три за мосткомъ за власные свои гроши куплены, а третій плецъ, на которомъ дворъ поселиломъ, тотъ есть отъ его милости, князя пана моего милостиваго маю; теды тотъ домъ свой со всѣми плецы, загороды и зо всѣми пожитки, якъ сами въ собѣ маютъ, дарую и записую на вѣчные часы жени своей милой, Оленѣ Богушовнѣ, въ трицати копахъ грошей Литовскихъ, а съ тыхъ плецовъ и съ того дому не маетъ жадныхъ податковъ до скарбу ее милости княгини пани моей, такъ тежъ и мѣскихъ шарварковъ платити, водлугъ данины его милости, князя пана нашего, славной памяти князя Андрея Михайловича Курбскаго Ярославскаго. А если бы кто хотѣлъ о тотъ домъ и о пляцы тые припозвать жону мою, тотъ, хто позоветъ, маетъ заплатити заруки на ея милость княгиню, панію мою, копъ тридцать, а позваной сторонѣ маетъ заплатить другую копъ тридцать заруки. Якожъ панъ Янъ Мошнинскій, войтъ Миленовскій, и предъ лантвойтомъ Миленовскимъ, Занкомъ Волосовичемъ, на тотъ домъ и на тые плецы всѣ указывалъ листъ отъ его милости, славное памяти князя Андрея Михайловича Курпъского Ярославского, пана своего. Якожъ мы, оглѣдавши тотъ листъ, ижъ есть слушный, подъ печатью и съ подписомъ руки власные его милости, князя Андрея Михайловича Курбского Ярославского, казали есмо его добровольное зознане до книгъ мѣскихъ записать. И просилъ мене, Миколая Храплевскаго, абыхъ я и выписъ съ книгъ Миленовскихъ далъ женѣ его, подъ печатью моею и съ подписомъ руки моее власное. Писанъ въ Миленовичахъ.

скаго. Къ каждому селенію я подъѣзжалъ съ любопытствомъ и надеждою; но всегда обманывался въ своихъ ожиданіяхъ. Ни въ письменныхъ памятникахъ, ни въ преданіяхъ народныхъ я не нашелъ никакихъ слѣдовъ, которые напоминали бы о жизни Курбскаго и его сподвижниковъ.

III.

О древнихъ сельскихъ общинахъ въ югозападной Россіи.

О древнихъ сельскихъ общинахъ въ югозападной Россіи.

Въ актовыхъ книгахъ кіевскаго центральнаго архива сохранилось нѣсколько судебныхъ дѣлъ, въ которыхъ изображаются народныя собранія сельскихъ общинъ, существовавшихъ съ незапамятнаго времени въ югозападной Россіи. Эти судебныя дѣла такъ же важны для исторіи русскаго и другихъ славянскихъ законодательствъ, какъ для исторіи нѣмецкаго права акты древнихъ германскихъ общинъ, называемые Ordeel и Weisthümer. Открытіе и изслѣдованіе этихъ актовъ служило нѣмецкимъ юристамъ главнымъ источникомъ для возстановленія германской общины, съ ея законами и юридическими обычаями. Судебныя дѣла сельскихъ народныхъ собраній югозападной Россіи, такъ же точно, какъ и акты германскихъ марокъ, изображаютъ составъ общинъ, устройство народныхъ собраній, порядокъ судопроизводства и юридическіе обычаи, по которымъ рѣшались дѣла. Открытіе и изслѣдованіе этихъ народныхъ юридическихъ обычаевъ представляетъ важныя затрудненія. Приговоры народныхъ собраній не были выражаемы письмомъ, но сохранялись въ памяти народа. Уже въ позднѣйшія времена, когда судебныя мѣста получили правильную и обширную организацію, акты народныхъ собраній представляемы были въ

урядъ, для внесенія въ актовыя книги; но это случалось рѣдко, и притомъ зависѣло отъ произвола общинъ и частныхъ лицъ, подлежавшихъ вѣдомству народнаго собранія. Отъ этого, разсмотрѣвъ около трехъ сотъ актовыхъ книгъ луцкихъ, владимірскихъ и житомирскихъ, я открылъ въ нихъ не болѣе двадцати-двухъ судебныхъ актовъ; древнѣйшій изъ нихъ писанъ 1564-го, позднѣшій 1622-го года.

На основаніи этихъ матеріаловъ, я изложу составъ югозападной сельской общины, устройство сельскихъ народныхъ собраній и юридическіе обычаи, по которымъ производилось слѣдствіе и постановлялись судебныя рѣшенія. Для того, чтобъ читателю дать возможность наглядно повѣрять наше изслѣдованіе, я счелъ нужнымъ приложить шесть актовъ, болѣе важныхъ по своему содержанію, съ переводомъ ихъ на русскій языкъ. Первый изъ этихъ актовъ (1564-го апрѣля 18-го) замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ собранія сельскихъ общинъ называются вѣчами; второй актъ (1570-го генваря 12-го) даетъ понятіе о томъ неуваженіи, съ какимъ помѣщики и ихъ урядники смотрѣли на сельскія вѣча; въ третьемъ актѣ (1583-го генваря 2-го) наглядно изображается древній способъ преслѣдованія преступника, по его слѣдамъ; въ четвертомъ актѣ (1596-го августа 5-го) заключается порядокъ слѣдствія надъ трупомъ неизвѣстнаго лица; пятый актъ (1608-го мая 15-го) доказываетъ, что сельскія вѣча, состоявшія большею частію изъ крестьянъ, могли требовать на свой судъ не только поселянъ, но и помѣщиковъ; наконецъ, въ шестомъ актѣ (1622-го декабря 9-го) изображается порядокъ уголовнаго суда: изъ этого акта видно, что сельскіе общинные суды имѣли право подвергать обвиняемаго пыткѣ и казнить преступника смертною казнію.

Въ отношеніи къ составу, сельскія общины югозападной Россіи являются въ различныхъ формахъ. Одно многолюдное селеніе могло составлять отдѣльную общину. Такую общину

составляло село Богуринское въ луцкомъ повѣтѣ, принадлежавшее нѣсколькимъ помѣщикамъ [1]).

Но общины, состоявшія изъ одного селенія, встрѣчаются рѣдко; большею частію онѣ заключали въ себѣ нѣсколько, отъ четырехъ до девяти, сосѣднихъ селеній [2]). Одно изъ селеній, составлявшихъ общину, служило центральнымъ мѣстомъ, въ которомъ собирались крестьяне на вѣче. Частое стеченіе народа въ это селеніе развивало городскія отрасли промышленности, ремесла и торговлю. Тогда селеніе обращалось въ мѣстечко или городъ; жители его получали званіе мѣщанъ; но по прежнему принадлежали къ общинѣ, состоявшей изъ мѣстечка или

---

[1]) См. Прил. II.

[2]) Въ открытыхъ нами актахъ находимъ шесть такихъ общинъ: 1) Община въ владимірскомъ повѣтѣ заключала въ себѣ четыре селенія: помѣщичьи селенія Низненичи, Бутятичи,Варески и село епископа владимірскаго Тышкевичи (прилож. VI); 2) Община въ томъ же повѣтѣ заключала въ себѣ пять селеній: королевское село Стеферицкое и помѣщичьи села Овлучимъ, Вербое, Руда и Вохновичи (прилож. V); 3) Въ луцкомъ повѣтѣ община заключала въ себѣ шесть помѣщичьихъ селеній: Крупое, Ставокъ, Дворецъ, Подгайцы, село Передніе Подгайцы и Вишки. Въ составъ этой общины входило также предмѣстье луцкое (книга грод. луцкая 1583—го года, листъ 255-й); 4) Общину въ владимірскомъ повѣтѣ составляли семь помѣщичьихъ селеній: Могильно, Гнойно, Турья, Смолянка, Колинъ, Войчовъ и Вербое (книга гродская владимірская 1602 года, листъ 131); 5) Общину въ луцкомъ повѣтѣ составляли восемь селеній: Велицкъ, Селецкъ, Подлѣсье, Арсоново, Корсынъ, Читогощъ, Брехово и Уголье (прил. I); 6) Въ томъ же повѣтѣ общину составляли девять помѣщичьихъ селеній: Перницкъ, Жмучъ, Воля Жмудская, Мельница, сельцо пана Евстафія Коровая, сельцо пана Андрея Коровая, сельцо паньи Малинской, село Углы и село Подлѣсы (книга гродская луцкая 1591 года, листъ 47).

города и сосѣднихъ селеній [1]). Когда мѣстечку или городу, составлявшему центръ сельской общины, предоставлялось магдебургское право, то городское народонаселеніе отдѣлялось отъ общины, составляло отдѣльную корпорацію, учреждало особенное управленіе, основанное на избирательномъ началѣ, и освобождалось отъ участія въ сельскихъ народныхъ собраніяхъ. Вслѣдствіе такого отдѣленія самой богатой части народонаселенія, сельская община слабѣла; но связь между селеніями, ее составлявшими, не прекращалась. Можно полагать, что такимъ способомъ отдѣлился городъ Луцкъ отъ своей общины; потому что, не смотря на право магдебургское, которымъ пользовался этотъ городъ, предмѣстье его Окопища все еще продолжало сохранять связь съ селеніями; Вышками, Жидичиномъ, Теремнымъ, Яровицами, Дворцомъ и Липлянами, и составляло съ ними одну общину [2]).

Селенія, составлявшія общину, назывались селами око-

---

[1]) Къ такого рода общинамъ принадлежали: 1) мѣстечко Турійскъ и селенія: Ставокъ, Ежи, Туровичи и Клечковичи—въ повѣтѣ владимірскомъ (книга гродская владимірская 1622-го года, листъ 638); 2) мѣстечко Рожищи и села: Любечъ, Рудка, Козинъ, Ставъ, Соловинъ, Дущъ, Навозъ, Соколенъ и Смердинъ—въ повѣтѣ луцкомъ (прилож. III); 3) городъ Дубно, принадлежавшій князю Константину Острожскому, и селенія: Ранчинъ, Погорѣльцы, Ивань, Головчичи, Вознесенье, Тороканово и Подборцы—въ повѣтѣ луцкомъ (прилож. IV).

[2]) Книга гродская луцкая 1596 года, листъ 237. Иностранные писатели среднихъ вѣковъ упоминаютъ о невѣроятномъ множествѣ городовъ, принадлежавшихъ славянскимъ племенамъ юго-западной Россіи. Такъ сочинитель Географическихъ Мюнхенскихъ записокъ, жившій прежде Нестора, говоритъ о Бужанахъ, или Волынцахъ, жившихъ по рѣкѣ Бугу: «Бужане имѣютъ 231 городъ (civitates)». Съ достовѣрностью можно предполагать, что подъ городами разумѣются здѣсь центральныя мѣста общинъ.

личными. На какомъ основанiи и въ какое время возникла и утвердилась между ними общинная связь, опредѣлить трудно. Этотъ вопросъ можно будетъ рѣшить тогда, когда будутъ открыты болѣе древнiе акты. Въ памятникахъ письменнаго законодательства, дошедшихъ до насъ, нѣтъ объ этомъ никакихъ постановленiй. Крестьяне иногда жаловались въ урядѣ, что нѣкоторыя селенiя, состоя съ ними въ одной общинѣ, уклоняются отъ исполненiя общинныхъ обязанностей; но связь между селенiями крестьяне доказывали не законами и не договорами, а одною только давностiю: „они издавна съ нами о шкоды вшелякiя схоживалися" [1]).

Каждому селенiю принадлежало пространство земли, опредѣленное точными границами. Это необходимо было особенно потому, что, въ случаѣ преступленiя, отвѣтственность, прежде всего, падала на то селенiе, на земляхъ котораго находимы были улики. Совокупность земель, принадлежавшихъ такимъ селенiямъ, составляла округъ сельской общины. По присоединенiи древнихъ областей югозападной Россiи къ Литвѣ и Польшѣ, общинныя земли частiю присоединены были къ королевскимъ имѣнiямъ, частiю розданы помѣщикамъ, городамъ, церквамъ и монастырямъ; поэтому сельскiя общины, въ томъ видѣ, какъ онѣ изображаются въ открытыхъ нами актахъ, не имѣли права собственности на земли, ими занимаемыя. Впрочемъ, каждый крестьянинъ отдѣльно могъ прiобрѣтать поземельные участки, и владѣть ими на правѣ полной собственности.

Сельская община состояла изъ всѣхъ лицъ простаго сословiя (люди простого стану), имѣвшихъ постоянную осѣдлость въ ея округѣ. Сюда относились: крестьяне королевскiе, помѣщичьи, монастырскiе и церковные, сельчане, или свободные

---

[1]) Приложенiе III.

поселяне [1]), мѣщане, не пользовавшіеся правомъ магдебургскимъ [2]). Сверхъ того, къ общинѣ принадлежали также земляне королевскіе, то есть, безземельные шляхтичи, которые получали во владѣніе участки королевскихъ земель, подъ условіемъ исполнять опредѣленныя, преимущественно военныя повинности [3]).

Исчисленныя нами общины находились только въ двухъ повѣтахъ: луцкомъ и владимірскомъ, но изъ Статута Литовскаго видно, что это установленіе распространено было по всей Руси и въ другихъ мѣстахъ [4]); а Русь, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, составляли воеводства: волынское, подольское, бельское и русское, къ которому принадлежали земля львовская, земля саноцкая, земля галицкая и земля хелмская [5]). Сверхъ того, изъ актовъ видно, что сельскія общины существовали и въ воеводствѣ кіевскомъ.

Главная цѣль соединенія селеній въ общины состояла въ томъ, чтобы предупреждать нарушеніе законовъ, открывать и преслѣдовать преступниковъ, судить и наказывать ихъ, наконецъ присуждать и доставлять обиженному вознагражденіе. Каждое селеніе порознь и вся община вмѣстѣ отвѣчали за проступки всѣхъ своихъ членовъ. Въ предѣлахъ своего округа, община ручалась за безопасность жизни и имущества какъ

---

[1]) См. Прилож. 1.—[2]) Книга справъ поточныхъ гродскихъ луцкихъ 1590-го года, листъ 942 на оборотѣ.—[3]) Книга гродская луцкая 1583-го года, листъ 255—259.

[4]) Статутъ Литовскій 1588-го года, раз. XIV, артик. 9. Здѣсь говорится собственно не о сельскихъ общинахъ, а о копахъ: «на Руси и инде, гдѣ здавна копы бывали, копы сбираны и отправованы быти маютъ, яко ся на Руси заховывало и заховуетъ». Но копами, какъ мы объяснимъ въ продолженіе нашего изслѣдованія, назывались народныя собранія сельскихъ общинъ; слѣдовательно, гдѣ была копа, тамъ была и сельская община.

[5]) Starożytna Polska, Balińskego. T. 2, st. 36.

своихъ собственныхъ членовъ, такъ и пришельцовъ. Мы говоримъ здѣсь о сельской общинѣ, какъ она является въ открытыхъ нами актахъ XVI и XVII вѣка; во времена болѣе отдаленныя, она могла имѣть болѣе обширный кругъ власти и отвѣтственности.

Каждая сельская община имѣла свои народныя собранія для совѣщаній и для рѣшенія дѣлъ, подлежавшихъ ея вѣдомству. Такое народное собраніе называлось копа или купа, также громада, великая громада. Совѣщаніе народнаго собранія называлось вѣчемъ: копа собиралась на вѣче, то есть, для совѣщанія [1]). Изъ этого видно, что вѣча, о которыхъ упоминаютъ наши древнія лѣтописи, не были исключительною принадлежностію городскихъ общинъ, но они принадлежали и сельскимъ общинамъ. Слово вѣче встрѣчается только въ древнѣйшемъ изъ открытыхъ нами актовъ (1564 апрѣля 18); въ позднѣйшихъ актахъ употребляются слова купа, копа и громада; въ актахъ XVII вѣка слово копа изчезаетъ, и употребляется вездѣ слово громада [2]).

---

[1]) См. Приложеніе I.

[2]) Слова: купа и громада древни; они встрѣчаются въ переводѣ Библіи: «И принесоша десятины отъ телецъ и овецъ; и десятины отъ козъ и посвятиша Господу Богу своему. И внесоша и положиша купы многи. Мѣсяца третіяго начаша купамъ полагати основанія. И вниде Езекія и видѣша купы» и проч. (Втор. книг. Паралип. Глав. 31, ст. 7—10). «И наметаша громаду каменія велику» и проч. (Іис. Нав. Глав. 7, ст. 26). Замѣтимъ мимоходомъ, что и слово община встрѣчается въ переводѣ Библіи: «Душа, еже аще согрѣшитъ и солжетъ другу о вданіи или о общинѣ» (Левит. Глав. 6, ст. 1—3). Слово громада, въ смыслѣ народнаго собранія, встрѣчается въ Краледворской рукописи, въ поэмѣ о Бенешѣ Германовѣ: «Ai ta Beneś Hermanów tapo lud w hromadu zve protiw sasikóm». Kralodworsky Rukopis. W Praze, 1829, st. 140. Въ

Не всѣ лица, принадлежавшія къ сельской общинѣ, составляли народное собраніе и участвовали въ его совѣщаніяхъ; это право предоставлялось однимъ только домохозяевамъ, имѣвшимъ постоянную осѣдлость. Ихъ сыновья и братья, не имѣвшіе отдѣльныхъ хозяйствъ, а также женщины являлись въ собраніе только по особому требованію копы и притомъ не для совѣщанія, а только для свидѣтельскихъ показаній [1]). Копа иногда поручала домохозяевамъ допросить сыновей и братьевъ и представить собранныя свѣденія народному собранію [2]). На копѣ являлся священникъ, но онъ присутствовалъ для приведенія подсудимыхъ къ присягѣ и въ качествѣ свидѣтеля, не принимая участія въ народныхъ совѣщаніяхъ [3]).

Домохозяева, составлявшіе народное собраніе, назывались: сходатаи, сходатаи суграничные, сосѣди околичные, сосѣди-суграничники, судьи копные, мужеве, панове-мужове, обчіе, то есть, общинные мужи. Между ними отличались старцы, которыхъ мнѣніе пользовалось уваженіемъ особенно въ такихъ случаяхъ, когда нужно было постановить приговоръ на основаніи давнихъ рѣшеній народнаго собранія.

Такъ какъ каждый домохозяинъ обязанъ былъ присутствовать въ народныхъ собраніяхъ, и такъ какъ крестьяне, въ молодыхъ лѣтахъ, вступали въ бракъ и могли основывать отдѣль-

---

законѣ винодольскомъ (1280) народное собраніе называется купъ или вкупъ: «Скупишесе все на купъ». «Избрапе се одъ всякога града старійши на вкупъ». Чтенія въ общ. истор. и древ. росс. 1846-го года № 3-й. У Сербовъ и до сихъ поръ народное собраніе называется скупъ. См. Общественный и домашній бытъ Сербовъ. Жур. М. Н. П. 1856-го года, апрѣль, стран. 91.

[1]) Книга гродская луцкая 1583-го года, лист. 255—259.

[2]) Въ той же книгѣ, лист. 274. [3]) Тамъ же, листъ 297.

ныя хозяйства; то поэтому каждый изъ нихъ имѣлъ возможность, въ теченіе многихъ лѣтъ, изучать народное обычное право и, въ свою очередь, передавать его младшимъ поколѣніямъ. Такимъ образомъ, вѣче было не только судебнымъ собраніемъ, но и школою для изученія права, которое, безъ помощи письма, сохранялось въ памяти мужей-сходатаевъ, переходя отъ одного поколѣнія къ другому.

Сверхъ сходатаевъ, въ народное собраніе приглашались люди изъ трехъ селеній сосѣдней общины, по одному или по два человѣка изъ каждаго селенія. Эти лица назывались людьми сторонними; они не участвовали въ совѣщаніяхъ и въ постановленіи приговора, но слѣдили за ходомъ дѣлъ въ народномъ собраніи, чтобы, въ случаѣ надобности, свидѣтельствовать о производствѣ дѣлъ и судебныхъ рѣшеніяхъ.

Помѣщики и ихъ управители могли также присутствовать на копѣ; это случалось тогда, когда они сами приводили своихъ крестьянъ на вѣче. Впрочемъ, помѣщики и ихъ управляющіе не участвовали ни въ совѣщаніяхъ копы, ни въ постановленіи судебныхъ приговоровъ. Какъ народному собранію, такъ и подсудимымъ предоставлялось право приглашать living возпаго изъ гродскаго уряда. Въ такомъ случаѣ возный присутствовалъ на копѣ въ качествѣ свидѣтеля, составлялъ протоколъ и представлялъ свое донесеніе въ урядъ гродскій, для вписанія въ актовыя книги.

Число сходатаевъ иногда было весьма значительно. Копа, собиравшаяся въ 1601-мъ году, заключала въ себѣ около ста человѣкъ, хотя собраніе было неполное, потому что нѣкоторые помѣщики своихъ крестьянъ на вѣче не пустили [1]). Копа, собиравшаяся въ 1602-мъ году, состояла изъ полутораста судей копныхъ [2]).

---

[1]) Книга грод. владимірская 1601-го года, лист. 131—132.

[2]) Смотри Прилож. V.

Копа собиралась въ центральномъ мѣстѣ сельской общины, которое называлось коповище или копище, и занималась изслѣдованіемъ и рѣшеніемъ дѣлъ подъ открытымъ небомъ. Для изслѣдованія дѣлъ уголовныхъ копа собиралась на мѣстѣ преступленія: въ дубравѣ, въ бору, подъ горою. Если нужно было рѣшить споръ о поземельной собственности, то копа собиралась на спорной землѣ; а когда въ округѣ общины оказывался трупъ убитаго человѣка, то копа собиралась въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился трупъ или его разрозненные члены.

Вѣдомству копы подлежали всѣ лица простаго сословія, имѣвшія свою осѣдлость въ округѣ сельской общины, именно: крестьяне королевскіе, помѣщичьи, монастырскіе и церковные, свободные поселенцы и мѣщане городовъ, не пользовавшихся правомъ магдебургскимъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ власть копы простиралась и на самыхъ помѣщиковъ. Помѣщики имѣли право, по добровольному согласію, предоставлять копѣ рѣшеніе споровъ, между ними возникавшихъ. Такъ въ 1591 году возникъ споръ между паномъ Малинскимъ и паномъ Вышинскимъ о правѣ собственности на ниву и копань. Вмѣсто того чтобъ обратиться въ урядъ, помѣщики собрали копу, на которой старцы показали, что на спорной нивѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, покрадена была рѣпа, и что копа присудила удовлетвореніе пану Малинскому; что въ другой разъ собиралась копа о покражѣ пшеницы на той же нивѣ, и что вознагражденіе присуждено было тому же пану Малинскому. На этомъ основаніи, спорная нива и копань признаны собственностію пана Малинскаго; рѣшеніе было записано въ актовыя книги и получило законную силу [1]). Если въ помѣщичьемъ имѣніи, находившемся въ округѣ общины, причиненъ былъ вредъ, и если подозрѣніе падало на одного или нѣсколькихъ помѣщиковъ, имѣвшихъ

---

[1]) Книга гродская луцкая 1591 года, листъ 47, на оборотѣ.

осѣдлость въ томъ же округѣ, то помѣщикъ, потерпѣвшій вредъ, имѣлъ право собрать копу и просить, чтобъ она изслѣдовала дѣло и присудила удовлетвореніе за причиненный вредъ. Тогда копа посылала возныхъ и требовала, чтобъ обвиняемые помѣщики, вмѣстѣ съ своими крестьянами, явились предъ собраніемъ и оправдались въ обвиненіи. Если помѣщики не являлись, то копа три раза посылала свое требованіе, и затѣмъ, безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, опредѣляла декретомъ своимъ взыскать съ непослушныхъ помѣщиковъ и ихъ крестьянъ удовлетвореніе за весь вредъ, причиненый истцу. По окончаніи суда, копа отправляла въ урядъ гродскій депутатовъ, которые вмѣстѣ съ вознымъ излагали дѣло, и объявляли рѣшеніе, для внесенія въ гродскія книги [1]. Копа имѣла право производить слѣдствіе надъ помѣщикомъ. Если онъ присутствовалъ при этомъ и замѣчалъ, что открываются обстоятельства, уличающія его въ преступленіи, то могъ прервать дѣйствіе копы, и требовать, чтобы дальнѣйшее изслѣдованіе дѣла предоставлено было уряду гродскому. Такъ на копѣ, производившей въ 1581 году слѣдствіе о убіеніи жидовъ-мытниковъ луцкихъ, присутствовалъ панъ Яковъ Шибенскій съ своими крестьянами. Дворовая женщина Таца показала подъ пыткою, что убійство совершено съ вѣдома пана Шибенскаго. Тогда панъ Шибенскій сказалъ: „Слышу, что здѣсь и обо мнѣ идетъ рѣчь; эта подлая женщина и меня вмѣшала въ дѣло. Поэтому я, чтобъ доказать свою невинность, предаю всѣхъ, подозрѣваемыхъ въ преступленіи, суду уряда гродскаго, и самъ являюсь въ урядъ въ назначенный срокъ.“ Затѣмъ копа разошлась, прекративъ изслѣдованіе дѣла [2]).

Постоянно возраставшая власть помѣщиковъ, ограничивая

---

[1]) См. Приложеніе V.

[2]) Книга гродская луцкая 1583 года, листъ 297—300.

общинныя права поселянъ, произвела важное измѣненіе въ составѣ народныхъ собраній. Въ XVII вѣкѣ, мужи-сходатаи начинаютъ терять свое прежнее значеніе, уступая власть своимъ помѣщикамъ. Села околичныя посылаютъ отъ себя только по одному депутату; помѣщикъ или помѣщица съ нѣсколькими пріятелями, иногда въ присутствіи священника, производятъ судъ и расправу, постановляя приговоръ, на основаніи Литовскаго Статута. Крестьяне, присланные околичными селеніями, присутствуютъ безмолвно, соглашаясь съ распоряженіями помѣщика и его пріятелей; судъ общинный перестаетъ называться копнымъ судомъ, и получаетъ названіе сельскаго суда (sąd wieiski) [1]).

Изложивъ устройство общинъ сельскихъ и составъ народныхъ собраній, мы представимъ юридическіе обычаи, которыми руководствовалась копа, при изслѣдованіи и рѣшеніи дѣлъ. Но, чтобъ возстановить эти обычаи во всей ихъ полнотѣ, для этого недостаточны открытые нами акты; въ нихъ заключаются только судебные обычаи, въ примѣненіи къ немногимъ частію уголовнымъ, частію гражданскимъ дѣламъ. Въ двухъ актахъ изображается судъ о выдраніи пчелъ изъ бортей, [2]) въ одномъ актѣ заключается дѣло о порубкѣ бортнаго дерева и о похищеніи изъ борти меду [3]), одинъ актъ заключаетъ судъ о покражѣ вола [4]), одно дѣло о поджогѣ [5]), два дѣла объ убійствѣ [6]), одно дѣло о найденномъ въ округѣ общины трупѣ не-

---

[1]) См. Прилож. VI. Также книга гродская владимірская 1622 года, лист. 480. Книга гродская владимірская 1622 года, листъ 638.

[2]) Прилож. I. Книга гродская владимірская 1601 года, листъ 131.

[3]) Прилож. V. [4]) Прилож. II. [5]) Прилож. III.

[6]) Книга гродская луцкая 1583-го года, лист. 255—259; лист. 274; лист. 274 на обор. по 277; листъ 297—300; лист. 331-й на обор. Книга справъ поточныхъ луцкихъ 1590 года, лист. 942.

извѣстнаго человѣка [1]), наконецъ, одинъ актъ изображаетъ рѣшеніе спора, возникшаго между двумя помѣщиками, о правѣ собственности на ниву и копань [2]). На основаніи этихъ актовъ мы разсмотримъ порядокъ изслѣдованія дѣлъ, постановленіе судебныхъ рѣшеній и ихъ исполненіе.

Въ порядкѣ судопроизводства копа слѣдовала своимъ древнимъ обычаямъ: „водле стародавное звыклости, водлугъ давнаго звычаю, водлугъ стародавнаго звычаю“ [3]). Совокупность народныхъ юридическихъ обычаевъ называется копнымъ правомъ; судъ, производившійся на основаніи этихъ обычаевъ, называется копнымъ судомъ. Сходатаи говорили: „звычай права нашого копнаго“, противуполагая это право посполитому праву, подъ которымъ они разумѣли писанные законы, изложенные въ Статутѣ Литовскомъ. Нѣкоторые обычаи копнаго права вошли въ составъ Статута и такимъ образомъ получили силу писаннаго закона. О такихъ обычаяхъ сходатаи говорили „копный звычай, въ правѣ посполитомъ описанный“ [4]).

Если преступленіемъ нарушены были права частнаго лица, то, по началамъ копнаго права, обиженному самому предоставлялось отыскивать своего шкодника. Истецъ распрашивалъ людей, собиралъ письменныя доказательства, отыскивалъ улики. Такое предварительное изслѣдованіе дѣла называлось обыскомъ. Если истецъ, при всемъ своемъ стараніи, не могъ отыскать своего шкодника, и если онъ подозрѣвалъ, что

---

[1]) Прилож. IV. [2]) Книга гродская луцкая 1591 года, листъ 47 на оборотѣ.

[3]) Смотр. Прилож. III; книга гродская луцкая 1591 года, л. 47 на оборотѣ; книга грод. владимірская 1601 года, лист. 131.

[4]) Книга гродская луцкая 1569 года, лист. 237-й. Здѣсь помѣщено слѣдствіе и судъ о найденномъ въ округѣ общины трупѣ неизвѣстнаго человѣка. Обычай, въ этомъ случаѣ наблюдавшійся, внесенъ въ Статутъ и составилъ арт. 31, разд. 11.

преступникъ находится въ округѣ сельской общины, то онъ имѣлъ право требовать, чтобъ собрана была копа. Для этого онъ обращался къ помѣщикамъ, которые, по просьбѣ истца, высылали своихъ крестьянъ на вѣче. Истецъ могъ также обратиться въ урядъ гродскій, который давалъ ему урядовый листъ ко всѣмъ околичнымъ селеніямъ, составлявшимъ общину, приказывая собраться на копу (идти на копу, идти до права), въ опредѣленное время и въ назначенномъ мѣстѣ. Такіе же листы урядъ разсылалъ отъ себя по всѣмъ околичнымъ селеніямъ [1]). Крестьянинъ помѣщичій, желавшій предложить дѣло на рѣшеніе копнаго суда, обращался къ своему помѣщику, который оповѣщалъ околичныя селенія, назначая мѣсто и время собранію.

Всѣ селенія, составлявшія общину, обязаны были собраться на копу, въ назначенный срокъ. Если какое нибудь селеніе не являлось въ собраніе, то копа избирала депутатовъ, которые вмѣстѣ съ вознымъ отправлялись въ неявившееся селеніе и звали сходатаевъ на копу. Когда сходатаи идти не хотѣли, то депутаты возвращались и объявляли объ этомъ копѣ. Тогда копа, слѣдуя стародавнему обычаю, постановляла приговоръ, что селенія, неявившіяся на вѣче, за ихъ упорство въ непослушаніи, должны удовлетворить истца за весь причиненный ему вредъ, а себѣ искать виноватаго. Правило, на которомъ копа основывала такой приговоръ, выражалось словами: „невыходъ платитъ шкоду“ [2]).

Когда всѣ околичныя селенія, составлявшія общину, были собраны на копѣ, то истецъ имѣлъ право сдѣлать имъ перекличку, чтобъ удостовѣриться, всѣ ли сходатаи находятся на лицо; затѣмъ онъ словесно излагалъ свою жалобу и произведенный имъ обыскъ, прося сходатаевъ изслѣдовать дѣло и по-

---

[1]) Книга гродская луцкая 1583 года, листъ 255.

[2]) См. Прилож. III.

становить приговоръ, на основаніи права. Жалобу истца копа должна была слушать безмолвно, не прерывая рѣчей.

По выслушаніи жалобы, копа обязана была разъяснить всѣ обстоятельства преступленія и открыть виновнаго. Для достиженія этой цѣли, употреблялись два способа: во-первыхъ, распросъ на копѣ сходатаевъ и другихъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу; во-вторыхъ, изслѣдованіе знаковъ, то есть, уликъ, доказывающихъ преступленіе; первый способъ называется опытъ (чинить опытъ, выслухать опытъ), второй способъ называется ликъ (копа ликомъ доходитъ шкодника, копа выходитъ на ликъ о шкоды).

Право производить опытъ принадлежало истцу. Сходатаи, тотчасъ по выслушаніи жалобы, начинали совѣщаніе, переговариваясь между собою. Если при этомъ совѣщаніи какой нибудь сходатай проговаривался, или открыто объявлялъ, что знаетъ преступника, или имѣетъ на кого нибудь подозрѣніе; то истецъ долженъ былъ засвидѣтельствовать это объявленіе копою (освѣтчать копою), и тогда копа требовала, чтобы проговорившійся сходатай объявилъ имя преступника и все, что ему извѣстно о преступленіи. Если онъ отказывался исполнить это требованіе, то долженъ былъ удовлетворить истца, по приговору копнаго суда; но, удовлетворивъ истца, онъ пріобрѣталъ право отыскивать преступника, требовать отъ него удовлетворенія, или предать его суду.

Когда сходатаи, окончивъ переговоры, объявляли, что имъ ничего неизвѣстно ни о преступленіи, ни о преступникѣ, тогда истецъ объявлялъ,на кого онъ имѣетъ подозрѣніе, и подтверждалъ свои слова доказательствами. Подозрѣніе могло быть двоякаго рода: во-первыхъ, истецъ могъ объявить, кого именно онъ считаетъ преступникомъ (кому даетъ вину); во-вторыхъ, онъ могъ изъявить подозрѣніе, что кто нибудь изъ лицъ, принадлежавшихъ къ общинѣ, знаетъ, кѣмъ совершено преступ-

леніе, но не хочетъ выдать преступника. Обвиняемый, противъ доказательствъ истца, долженъ былъ дать выводъ, то есть, очистить себя отъ подозрѣнія, опровергнувъ доводы истца, или представивъ доказательства своей невинности. Если отвѣты обвиняемаго копа находила удовлетворительными, то освобождала его отъ подозрѣнія; но если истецъ не соглашался съ мнѣніемъ копы, то могъ требовать, чтобъ обвиняемый былъ подвергнутъ пыткѣ, и копа исполняла требованіе истца. Но если допрашиваемый былъ человѣкъ добрый, вѣры годный и неподозрительный, то истецъ могъ подвергнуть его пыткѣ только тогда, когда подтверждалъ свое подозрѣніе присягою. Если бы истецъ ничего не домучился, и подозрѣніе его осталось не доказаннымъ, то онъ обязанъ былъ заплатить обвиняемому за муку, по приговору копнаго суда. Пытка производилась въ присутствіи копы; допрашиваемаго сѣкли прутьями и жгли огнемъ.

Истецъ могъ три раза собирать копу, если распросъ сходатаевъ и изслѣдованіе судебныхъ доказательствъ того требовали. Послѣ перваго копнаго собранія, истецъ, до окончанія суда, отдавалъ помѣщику на поруки, въ опредѣленной суммѣ денегъ, всѣхъ крестьянъ того села, на которое падало подозрѣніе. Помѣщикъ обязанъ былъ заботиться о томъ, чтобы крестьяне этого селенія, уклоняясь отъ отвѣтственности, не разошлись въ разбродъ. Между каждою сходкою назначалось три дня промежутка; въ теченіе этого времени, истецъ продолжалъ розысканіе, для пополненія своихъ доказательствъ, а сходатаи обязаны были собирать свѣдѣнія, допрашивая сыновей и слугъ своихъ.

Если копа, на всѣхъ трехъ сходкахъ, объявляла, что она ничего не знаетъ и не вѣдаетъ ни о преступленіи, ни о преступникѣ, и если истецъ, съ своей стороны, ни на кого не могъ объявить подозрѣнія, то ему предоставлялось выбрать по произволу по нѣскольку мужей изъ всѣхъ селеній, присут-

ствовавшихъ на копѣ, и требовать присяги въ томъ, что они ничего не знаютъ о преступленіи и преступника не вѣдаютъ. Послѣ третьей сходки, на другой день, копа собиралась снова, и сходатаи, избранные исцомъ, приводились къ присягѣ; впрочемъ, истцу предоставлялось требовать присяги только отъ одного изъ нихъ, и если онъ отказывался, то, по приговору копы, долженъ былъ удовлетворить истца.

Сверхъ распроса сходатаевъ, средствомъ къ открытію преступника служили улики, называемыя въ актахъ копнаго суда знаками. Къ такимъ знакамъ преимущественно относились слѣды, оставленные преступникомъ на дорогѣ, по которой онъ уходилъ; совершивъ преступленіе; также трупъ убитаго и разрозненные его члены. Если уликой были слѣды, оставленные преступникомъ, то истецъ, собравъ на копу сходатаевъ всѣхъ селеній, составлявшихъ общину, и пригласивъ людей стороннихъ, гналъ слѣдъ. Копа, взявъ слѣдъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершено преступленіе, вела его до конца. Каждое селеніе, входившее въ составъ общины, обязано было отвести слѣдъ отъ своихъ земель. Если бы какое нибудь селеніе на копу не явилось, а между тѣмъ слѣдъ доведенъ былъ до земли, ему принадлежавшей, то копа, остановившись на слѣду, вызывала сходатаевъ, требуя, чтобъ они вышли, взяли слѣдъ отъ копы и отвели его отъ своей земли къ чужой границѣ, по стародавнему обычаю. Если никто не являлся на зовъ, то копа ночевала на слѣду и, на другой день, во второй и третій разъ вызывала жителей селенія. Если и послѣ третьяго зова никто не являлся, то копа, оставаясь на томъ же слѣду, присуждала все селеніе, неявившееся на слѣдъ, къ удовлетворенію истца за причиненный преступникомъ вредъ и за всѣ убытки. Жители этого селенія, удовлетворивъ истца, получали право отыскивать преступника.

Если въ округѣ общины находили трупъ неизвѣстнаго

убитаго человѣка, и если никто не являлся съ жалобою на убійство, то помѣщикъ или его управляющій, принявъ мѣры къ сохраненію трупа, созывалъ сходатаевъ околичныхъ селеній для распроса, который производился надъ трупомъ убитаго. Сначала распрашиваемы были крестьяне того селенія, на землях котораго найденъ былъ трупъ. Затѣмъ, помѣщикъ, или его урядникѣ три раза спрашивалъ сходатаевъ, не извѣстно ли кому нибудь изъ нихъ, кто былъ убитый, и кѣмъ совершено убійство? Если сходатаи объявляли, что не знаютъ ни убитаго, ни убійцы, то каждый изъ нихъ долженъ былъ присягнуть въ томъ, что онъ убитаго не знаетъ, преступника не вѣдаетъ, и что никто изъ его общины не совершилъ убійства. Затѣмъ копа погребала трупъ, составлялся актъ копнаго слѣдствія и вносился въ актовыя книги.

Если истецъ, производя обыскъ, отыскивалъ своего шкодника въ какомъ нибудь селеніи, то обращался къ сельской громадѣ, которая, выслушавъ жалобу истца и разсмотрѣвъ представленныя имъ доказательства, обязана была выдать преступника. Истецъ могъ помириться съ своимъ шкодникомъ, получивъ отъ него удовлетвореніе, по добровольному согласію, или могъ препроводить его на мѣсто преступленія и предать копному суду. Если преступникъ подлежалъ смертной казни за совершонное преступленіе, то истецъ долженъ былъ приглашать палача. Копа, выслушавъ жалобу истца и разсмотрѣвъ его доказательства, допрашивала обвиняемаго, а если не довольствовалась добровольнымъ показаніемъ, то подвергала его пыткѣ. По окончаніи слѣдствія, копа постановляла приговоръ и, если обвиняемый за свое преступленіе подлежалъ смертной казни, то онъ тотчасъ предавался въ руки палача.

Предъ совершеніемъ казни, каждый изъ присутствовавшихъ въ народномъ собраніи могъ требовать, чтобъ осужденный преступникъ былъ подвергнутъ пыткѣ, для удостовѣренія,

не совершилъ ли онъ еще какихъ преступленій; особенно предсмертная пытка считалась необходимою, если въ округѣ общины преступленія были часты. Пыткѣ подвергался преступникъ также и тогда, когда онъ оговаривалъ кого нибудь въ преступленіи; но оговоръ только тогда имѣлъ важность, когда осужденный подтверждалъ свои слова предъ самымъ совершеніемъ казни, стоя на ступеняхъ лѣстницы, приставленной къ висѣлицѣ (на послѣднемъ стопню у шибеницы на дробинѣ). Затѣмъ палачъ совершалъ казнь въ присутствіи народнаго собранія.

Приговоръ копнаго суда называется выналявокъ [1]), знайденье копное, усказанье или всказанье копное [2]). Въ позднѣйшихъ актахъ употребляется слово декретъ, декретъ копный [3]). Приговоръ постановлялся общимъ голосомъ всѣхъ сходатаевъ, составлявшихъ народное собраніе (копа сказала, или всказала, копа заборонила). Неизвѣстно, какъ поступала копа въ случаѣ разногласія, возникавшаго между сходатаями при рѣшеніи дѣлъ; такой случай не встрѣчается въ открытыхъ нами актахъ.

Въ юридическихъ обычаяхъ югозападной Россіи, какъ вообще въ древнихъ славянскихъ и германскихъ законодательствахъ, начало частнаго права было преобладающимъ не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и уголовныхъ. Лицо, котораго право было нарушено преступленіемъ, могло предать виновнаго всей строгости законовъ, или окончить дѣло добровольнымъ соглашеніемъ; въ послѣднемъ случаѣ преступникъ освобождался отъ всякаго наказанія. Особенно уважалось прощеніе, которое давалъ смертельно раненый своему убійцѣ; преступникъ осво-

---

[1]) Книга гродская луцкая 1583 года, листъ 274-й.

[2]) См. Прилож. I. [3]) Книга гродская луцкая 1595 года, листъ 70 на оборотѣ. Книга гродская владимірская 1622 года, листъ 480-й.

бождался отъ всякаго суда и не платилъ головщины родственникамъ убитаго. Даже и въ томъ случаѣ, когда преступникъ былъ приговоренъ и къ смертной казни, онъ могъ поеднаться, то есть, помириться съ истцомъ и освободиться отъ наказанія [1]). Если дѣло не оканчивалось добровольнымъ соглашеніемъ, то копа постановляла приговоръ на основаніи Статута Литовскаго [2]).

Постановивъ приговоръ, копа принимала мѣры къ его исполненію. Если преступникъ приговоренъ былъ къ смертной казни, то приговоръ немедленно исполнялся въ присутствіи копы, на мѣстѣ суда. Если копа присуждала къ денежному взысканію помѣщичьяго крестьянина и если онъ платить отказывался, то всѣ сходатаи отправлялись къ помѣщику и требовали, чтобъ онъ приказалъ своему крестьянину исполнить приговоръ копнаго суда [3]). Право собственности на бортное дерево въ общемъ лѣсу обозначалось на самомъ деревѣ клеймомъ владѣльца. Если кто жаловался объ уничтоженіи клейма и о незаконномъ завладѣніи бортнымъ деревомъ, то копа отправлялась въ лѣсъ и, постановивъ приговоръ, возобновляла клеймо истца, уничтоживъ клеймо незаконнаго владѣльца [4]). Во всѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикъ отказывался исполнить приговоръ копнаго суда, сходатаи приглашали вознаго, излагали ему дѣло и вмѣстѣ съ нимъ отправляли отъ себя посланцовъ въ урядъ гродскій, прося записать приговоръ въ актовыя книги.

Сельская община югозападной Россіи, съ ея юридическими

---

[1]) Такъ въ селѣ Подгайцахъ копа осудила на смертную казнь, за убіеніе тіуна, отъявленныхъ разбойниковъ—крестьянина Гушу и его сыновей, но осужденные поеднались и освобождены были отъ наказанія. Книга гродская луцкая 1583 года, листъ 274-й.

[2]) Книга гродская владимірская 1622 года, листы 480 и 638-й. Приложеніе VI.

[3]) См. Прилож. II.—[4]) См. Прилож. V.

обычаями и самостоятельнымъ составомъ копныхъ судовъ, имѣетъ признаки глубокой древности. О началѣ и происхожденіи этого установленія мы не находимъ никакихъ свѣдѣній ни въ лѣтописяхъ, ни въ письменныхъ законодательныхъ памятникахъ. Съ большею вѣроятностію можно предполагать, что сельскія общины возникли въ то время, когда славянскія племена, населявшія нынѣшнюю югозападную Россію, еще не были соединены государственнымъ союзомъ, подъ верховною властію государей. Это предположеніе мы основываемъ на слѣдующихъ доказательствахъ: древніе князья русскіе, какъ великіе, такъ и удѣльные, не могли быть основателями сельскихъ общинъ. Въ первый періодъ образованія русскаго государства, городскія общины существовали въ югозападной Россіи во всей ихъ силѣ, выражая свою власть посредствомъ народныхъ собраній, которыя назывались вѣчами. Демократическое начало, на которомъ основаны были эти народныя собранія, было совершенно противуположно политикѣ великихъ князей русскихъ, стремившихся къ самодержавію; поэтому древняя исторія Россіи представляетъ продолжительную и упорную борьбу верховной власти князей съ могущественными городскими общинами. Нельзя предполагать, чтобы князья русскіе, истребляя городскія общины огнемъ и мечемъ, въ то же время основывали сельскія общины; тѣмъ болѣе что города, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые возникали не по распоряженію правительства, но по естественнымъ экономическимъ законамъ, вслѣдствіе увеличенія народонаселенія и развитія промышленности, возникали изъ сельскихъ общинъ и почерпали изъ нихъ свои жизненныя силы.

Древнихъ польскихъ королей нельзя также считать основателями сельскихъ общинъ въ югозападной Россіи. Они, также какъ и русскіе князья, стремились къ самодержавію, и поэтому старались ослабить общинное начало у всѣхъ славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ польскаго королевства. Этой цѣли

короли польскіе достигали преимущественно распространеніемъ нѣмецкаго права въ земляхъ имъ подвластныхъ, и усиленіемъ власти помѣщиковъ надъ крестьянами. Нѣмецкое право, проникавшее въ Польшу со временъ Болеслава 1-го (992—1025), основывалось на избирательномъ началѣ; вмѣсто народнаго собранія или вѣча являлся войтъ съ лавниками и ратманами. Эти лица имѣли административную и судебную власть; народныя собранія подъ открытымъ небомъ замѣнялись засѣданіями въ магистратахъ и ратушахъ, народные юридическіе обычаи уступали мѣсто нѣмецкому праву, общины или совершенно изчезли или слабѣли, теряя свое древнее юридическое значеніе.

Въ Статутѣ Литовскомъ въ первый разъ находимъ ясныя и опредѣленныя свѣдѣнія о существованіи сельскихъ общинъ въ югозападной Россіи, объ ихъ древнемъ обычномъ правѣ и народныхъ собраніяхъ [1]). Во всѣхъ трехъ редакціяхъ Статута сельская община является не новымъ, но стародавнимъ установленіемъ; народное сельское собраніе, или копа, производитъ судъ и расправу по стародавнимъ обычаямъ.

Статутъ Литовскій 1529 года въ первый разъ предоставилъ народнымъ сельскимъ собраніямъ законную, обязательную силу. Копа собирается, производитъ слѣдствіе и судъ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) Въ случаѣ вреда, причиненнаго въ чужомъ лѣсу (разд. VIII, арт. 51); 2) Въ случаѣ присвоенія чужой борти (разд. VIII, арт. 6); 3) Копа производила также слѣдствіе и судъ о воровствѣ, если преступникъ былъ не извѣстенъ, и если подозрѣніе въ покражѣ падало на цѣлое селеніе. Впрочемъ, законодатель не считалъ нужнымъ вносить въ

---

[1]) Въ Русской Правдѣ находимъ также слѣды общины и народныхъ юридическихъ обычаевъ, хотя съ примѣсью нѣмецкаго права. Но объ этомъ законодательномъ памятникѣ мы не будемъ говорить до тѣхъ поръ, пока не откроемъ большаго количества и болѣе древнихъ актовъ копнаго права.

Статутъ полную систему обычнаго права, предполагая это право болѣе извѣстнымъ, чѣмъ писанные законы. Поэтому въ Статутѣ постановлено рѣшать дѣла по стародавнимъ обычаямъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, на которые нѣтъ опредѣленныхъ писанныхъ законовъ (разд. VI, арт. 1, 5, 25; разд. VIII, арт. 6). Такимъ образомъ, обычное или копное право, имѣвшее своимъ основаніемъ автономію общинъ, утверждено было верховной властію и получило силу закона, наравнѣ съ писанными законами.

Второй Статутъ Литовскій, изданный въ 1566 году, подтвердилъ статьи перваго Статута о копныхъ судахъ и, сверхъ того, заимствовалъ изъ копнаго права еще нѣсколько постановленій, не вошедшихъ въ первый Статутъ. Сюда относятся: слѣдствіе и судъ надъ трупомъ человѣка проѣзжаго или безплеменнаго, за котораго некому было получить головщину (разд. XI, арт. 31); слѣдствіе и судъ о потравѣ хлѣба скотомъ (разд. XIII, арт. 2); о преслѣдованіи и открытіи преступника по его слѣдамъ (разд. XIV, арт. 6).

Третій Статутъ Литовскій, изданный въ 1588-мъ году, принялъ въ свой составъ постановленія о копныхъ судахъ, помѣщенныя въ первыхъ двухъ Статутахъ [1]), подтвердилъ существованіе древнихъ сельскихъ общинъ въ юговападной Руси и распространилъ это установленіе на нѣкоторыя другія области, входившія въ составъ польскаго королевства. Говоря о преслѣдованіи преступниковъ, Статутъ постановляетъ, что на Руси и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ издавна бывали народныя собранія сельскихъ общинъ (копы), тамъ они должны существовать на старыхъ коповищахъ, по старому обычаю. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде копы не бывали, тамъ онѣ должны быть собираемы такимъ же порядкомъ. Подкоморіи, завѣдывавшіе разграниче-

[1]) Разд. XI, арт. 26; разд. XIII, арт. 2; разд. XIV, арт. 2, 9, 17 и 18.

ніемъ и размежеваніемъ земель, должны были въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде копъ не бывало, назначить сборныя мѣста, или коповища, приписавъ къ этимъ центральнымъ мѣстамъ всѣ околичныя селенія, находившіяся, со всѣхъ четырехъ сторонъ, на разстояніи одной мили [1].

Не смотря на постановленіе Статута Литовскаго, имѣвшее цѣлію распространить сельскія народныя собранія въ югозападной Руси и дать имъ законную силу, сельскія общины, въ XVI и XVII вѣкахъ, являются въ состояніи совершеннаго упадка и разрушенія. Находясь въ противурѣчіи съ новыми началами государственнаго устройства и особенно съ властію помѣщиковъ, не соотвѣтствуя тому состоянію, въ какое были поставлены, какъ увидимъ ниже, крестьяне въ это время,—сельскія общины югозападной Россіи, съ своими вѣчами и копнымъ правомъ, поражаютъ изслѣдователя, какъ развалины древняго, нѣкогда обширнаго и (можетъ быть) стройнаго зданія среди вновь построеннаго города. Власть вѣча и юридическіе обычаи, имъ созданные, въ древнія времена имѣли основаніемъ автономію общинъ. Но эта автономія должна была прекратиться съ принятіемъ верховною властію новыхъ началъ и съ развитіемъ неограниченной власти помѣщиковъ. Съ тѣхъ поръ общинное или копное право должно было оставаться неподвижнымъ; вся его сила и дѣйствительность принуждены были основываться только на вѣрномъ сохраненіи обычаевъ въ памяти мужей-сходатаевъ, на старинѣ и давности. Поэтому, когда сходатаи являлись въ урядъ и требовали исполненія постановленнаго ими приговора, то они ничѣмъ не могли доказать справедливость своего требованія, какъ только давностію своего копнаго права. Такъ общинная связь между селеніями, обязанность являться на копу и отвѣчать за совершенныя въ округѣ общины преступленія основывались только на томъ, что крестьяне этихъ се-

[1] Стат. Литов. 1588 года, разд. XIV, арт. 2.

деній были сходатаями издавна: „издавна о шкоды вшелякія схоживалися". Также точно и основныя положенія копнаго права, которыми руководствовались собранія общинъ въ производствѣ слѣдствія и суда, основывались на одной только давности: „издавна межи нами шкодника ничѣмъ инымъ, какъ только копою доходятъ"; или: „невыходъ всегда платитъ шкоду, по стародавнему обычаю"; „копа вела слѣдъ, водле стародавное звыклости" [1]). Основываясь на давности и остановившись неподвижно въ своемъ развитіи, копное право, въ XVI и XVII вѣкахъ, является несовременнымъ, несоотвѣтствующимъ новымъ условіямъ общественной жизни. Притомъ же въ это время существовали правительственныя мѣста по разнымъ отраслямъ управленія: урядамъ гродскимъ принадлежала мѣстная полиція, судъ надъ преступниками и рѣшеніе споровъ о движимой собственности; дѣла о поземельной собственности принадлежали уряду земскому; подкоморскіе суды завѣдывали межевыми дѣлами. Эти правительственныя мѣста, обнимая всѣ отрасли мѣстнаго управленія, руководствовались опредѣленными писанными законами; поэтому копные суды, съ своими древними обычаями, сохранявшимися въ памяти сходатаевъ, представляли странную аномалію въ общемъ составѣ управленія.

Сходатаи, составлявшіе народныя сельскія собранія, находясь въ состояніи жалкаго униженія и угнетаемые бѣдностію, теряли способность быть безпристрастными слѣдователями, разумными судьями и правовѣдами [2]). Отъ этого, при изслѣдованіи преступленій, они дѣйствуютъ робко, и рѣшенія ихъ не-

---

[1]) См. Прилож. III.

[2]) Въ актовыхъ луцкихъ книгахъ находится описаніе нѣкоторыхъ селеній, входившихъ въ составъ одной изъ изчисленныхъ нами выше общинъ, именно селеній: Топольнаго, Воли Рожищской, Пожарокъ, Теремнаго, Липлянъ и мѣстечка Рожища. Возный доно-

всегда согласны съ правомъ. Такъ на копѣ, производившей слѣдствіе, въ 1564 году, о выдраніи пчелъ изъ бортей, истцы, крестьяне Сенько и Демьянъ, объявили подозрѣніе въ покражѣ на повара господарскаго Степана. Обвиняемый давалъ отводъ, ссылаясь на мѣщанина Мельницкаго Зенька. По копному праву, слѣдовало прежде всего распросить Зенька; но истцы, не слушая приговора копы, подвергли обвиняемаго пыткѣ, били прутьемъ и жгли огнемъ. Сходатаи, вмѣсто того чтобъ удержать мучителей, разошлись, и допрашиваемый умеръ подъ пыткою [1]). Униженіе и бѣдность произвели нравственную порчу въ сельскомъ народонаселеніи; поселяне, вмѣсто того чтобы предотвращать преступленія, открывать и наказывать преступниковъ, сами разбойничали, поджигали и грабили имѣнія сосѣднихъ владѣльцевъ, упорно отказываясь являться на вѣче, для открытія и наказанія преступниковъ.

Судебная власть, которою пользовались крестьяне въ народныхъ собраніяхъ, находилась въ рѣзкомъ противурѣчіи съ неограниченною властію помѣщиковъ. Помѣщикъ и его управляющій имѣли безотвѣтное право казнить своихъ слугъ и крестьянъ смертію [2]). Эти же самые крестьяне, собранные на

силъ уряду, что всѣ эти селенія «зубожоные, дворы покажоные, погнилые, люди разогнанные, знищеные». Книга гродская луцкая 1591 года, листы 314—318.

[1]) См. Прилож. I.

[2]) Это право предоставлено было помѣщикамъ въ 1557 году (Voll. Legg. 607). Слѣдующая выписка изъ актовыхъ книгъ представляетъ образецъ помѣщичьяго суда и доказываетъ, что помѣщики и ихъ управляющіе дѣйствительно пользовались правомъ казнить смертію своихъ слугъ и крестьянъ. Въ 1593-мъ году, генеральный возный доносилъ уряду гродскому: «Былъ я въ мѣстечкѣ Степановскомъ, когда панъ Василій Золотолинскій судилъ слугу своего Миша, который убилъ Петра Творевскаго, слугу пана Богдана Омельяновича,

коцу, могли, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, требовать помѣщиковъ на свой судъ и подвергать ихъ взысканіямъ (Прилож. V). Сходатаи, находясь въ полной зависимости отъ своихъ помѣщиковъ и рѣшая дѣла въ ихъ присутствіи, не могли имѣть той свободы мыслей, которая необходима для безпристрастнаго изслѣдованія дѣла и для добросовѣстнаго суда. Иногда помѣщичій урядникъ, присутствуя на копѣ, вмѣшивался въ дѣло-

старосты Степанскаго. И когда тотъ Мишо, убійца, представленъ былъ на судъ, то панъ Золотолинскій спрашивалъ его: «признается ли онъ въ своемъ преступленіи?» и Мишо сказалъ: «я ничего никакой вражды съ Петромъ Творовскимъ не имѣлъ; только грѣхъ меня попуталъ, что я его убилъ». Панъ Золотолинскій, слыша такое добровольное признаніе слуги своего Миша, осудилъ его, какъ убійцу, на смертную казнь. Тотъ же часъ, предо мною вознымъ, осужденный отданъ былъ въ руки палача и, какъ убійца, подвергнутъ строгой казни: «былъ четвертованъ». (Книга гродская луцкая 1593 г., листъ 798). Въ 1573-мъ году, возный кременецкій, Григорій Гуляльницкій, доносилъ уряду кременецкому: «Былъ я у пана Ласка Секунскаго, вмѣстѣ съ слугою князя Николая Збаражскаго, Лавриномъ Козулею. И Лавринъ Козуля спрашивалъ пана Михаила Ласка: »для чего ты приказалъ безвинно повѣсить боярина господарскаго Евхима, который имѣлъ братьевъ и осѣдлость въ Жолобѣ? »И панъ Михаилъ Ласко отвѣчалъ:« кто безвинно велѣлъ умертвить боярина Евхима, тотъ за него хорошо заплатитъ; а велѣлъ я его повѣсить потому, что онъ былъ въ то время моимъ крестьяниномъ.» Потомъ спрашивалъ Лавринъ у пана Михаила Ласка: «по какой причинѣ ты приказалъ замучить на смерть боярина Семена Воронка, Протаса Лавриновича и Степана Сѣдельника, и для чего забралъ себѣ все ихъ имущество?» Панъ Ласко признавался, что Воронко умеръ у него въ тюрьмѣ, а о Лавриновичѣ и Степанѣ сказалъ: «они получили плату по заслугамъ, и я никому не обязанъ давать въ этомъ отчетъ, такъ какъ они были крестьяне моихъ селъ». Книга гродская луцкая 1573 года, листъ 166 на оборотѣ.

производство, перебивая рѣчи истца, прерывая распросъ сходатаевъ ругательствами, и самовольно уводилъ крестьянъ изъ собранія, не дождавшись судебнаго рѣшенія [1]). Производя слѣдствіе и судъ подъ вліяніемъ помѣщиковъ и ихъ урядниковъ, копа постановляла рѣшенія, не всегда согласныя съ правомъ. Такъ, напримѣръ, копа, собиравшаяся для изслѣдованія и рѣшенія дѣла о покражѣ яблокъ и хмѣля въ саду Евстафія Коровая, въ угоду этого помѣщика, рѣшила дѣло неправильно. Одинъ изъ сходатаевъ, Хведько Игнатовъ сынъ, объявилъ на копѣ, что онъ видѣлъ, какъ сыновья крестьянина Кузьмича везли хмѣль чрезъ село отъ саду пана Евстафія Коровая. Послѣ такого показанія нужно было, по копному праву, допросить сыновей крестьянина Кузьмича; но копа, производя судъ въ присутствіи помѣщика, рѣшила дѣло иначе, предоставивъ истцу право выбрать изъ присутствовавшихъ въ собраніи крестьянъ шесть мужей, которые должны были присягнуть, что они о покражѣ ничего не знаютъ и преступника не вѣдаютъ. Крестьяне, твердо зная свое копное право, присягать отказались, сказали: „Ужъ какъ ты себѣ хочешь, панъ Коровай, а мы присягать не пойдемъ и не хочемъ; такъ какъ Хведько Игнатовъ сынъ вызналъ, что сыны Кузьмичовы везли чрезъ село хмѣль отъ саду пана Евстафія Коровая ко двору своего помѣщика". Тогда панъ Коровай выбралъ одного изъ шести сходатаевъ, крестьянина Гераська Кузьмича, и требовалъ отъ него одного присяги. Герасько Кузьмичъ также присягать отказался. Тогда копа опредѣлила декретомъ своимъ, что Герасько Кузьмичъ, отказавшійся присягнуть по требованію пана Коровая, долженъ заплатить за весь вредъ, причиненный покражею въ саду пана Коровая. Такимъ приговоромъ нарушено было копное право въ существенныхъ его основаніяхъ. Такъ

---

[1]) См. Прилож. II.

какъ общинный союзъ оказывался безсильнымъ для предупрежденія преступленій и для водворенія безопасности, то помѣщики установляли между собою заруку: они заключали договоръ, по которому крестьяне одного селенія, причинившіе вредъ другому селенію, обязаны были, сверхъ удовлетворенія за убытки, платить денежный штрафъ, опредѣленный договоромъ [1]).

Вслѣдствіе жалкаго состоянія крестьянъ и ихъ безусловной зависимости отъ помѣщиковъ, народныя сельскія собранія теряли довѣріе; ихъ копное право выходило изъ употребленія, ихъ судебные приговоры оставались безсильными, возбуждая презрѣніе помѣщиковъ. Такъ однажды объявленъ былъ приговоръ копы помѣщицѣ Хребтовичевой въ Богуринѣ. На основаніи этого приговора, вся копа, въ полномъ составѣ, явилась къ помѣщицѣ и требовала, чтобъ она приказала урядннку своему заплатить за покражу вола. Пани Хребтовичева отвѣчала: „Я на голое слово мужицкое платить не приказываю“ [2]). Наконецъ, въ XVII вѣкѣ, нѣкоторые помѣщики вовсе запретили своимъ крестьянамъ ходить въ народныя сельскія собранія и принимать участіе въ общинныхъ судахъ. Въ 1602 году, собиралась копа во владимірскомъ повѣтѣ, около села Могильна. Крестьяне села Овадна, входившаго въ составъ общины, не явились на вѣче. Тогда сходатаи отправили отъ себя депутатовъ въ село Овадно и требовали, чтобъ крестьяне этого села явились на копу; крестьяне села Овадна сказали депутатамъ: „Мы рады были бы на копу идти, да паны наши приказали, чтобы мы ни на какую копу не ходили; поэтому, боясь своихъ пановъ, не пойдемъ“ [3]).

Изображенное нами состояніе сельскихъ общинъ югозападной Руси, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, доказываетъ, что

[1]) Книга гродская луцкая 1595 года, листъ 70 на оборотѣ.

[2]) См. Прилож. II.

[3]) Книга гродская владимірская 1601 года, листъ 131.

это установленіе уже отжило свой вѣкъ, что оно, какъ остатокъ древности, противурѣчило новымъ формамъ общественной жизни и должно было изчезнуть отъ расширенія власти правительственныхъ мѣстъ и лицъ, отъ нравственнаго и экономическаго упадка поселянъ, наконецъ, отъ постепеннаго возрастанія власти помѣщиковъ надъ крестьянами [1]).

---

[1]) Представленное мною изслѣдованіе не рѣшаетъ окончательно вопроса о сельскихъ общинахъ въ югозападной Россіи. Я разсмотрѣлъ около трехъ сотъ актовыхъ книгъ; но въ кіевскомъ центральномъ архивѣ находится такихъ книгъ 6715 и, сверхъ того, 377,307 отдѣльныхъ актовъ. Подобные же центральные архивы учреждены въ Вильнѣ и Витебскѣ. Въ виленскомъ центральномъ архивѣ находится 9370 актовыхъ книгъ; число актовыхъ книгъ въ витебскомъ архивѣ мнѣ не извѣстно. Но самыя древнія актовыя книги, съ 1384-го по 1784-й годъ, хранятся во Львовѣ, въ бернардинскомъ монастырѣ, въ числѣ трехъ тысячъ томовъ. При взглядѣ на эту массу почти нетронутыхъ письменныхъ памятниковъ, дѣлается понятнымъ, почему самые важные вопросы, касающіеся внутренней жизни древней Руси, остаются нерѣшенными, не смотря на добросовѣстныя усилія нашихъ ученыхъ: мы еще слишкомъ мало изслѣдовали и издали въ свѣтъ историческихъ матеріаловъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Жалоба королевскаго повара Васька Степановича о томъ, что Сенько Туровичъ и Демьянъ Федцевичъ, въ присутствіи копы, собранной на вѣчѣ въ дубравѣ, замучили пыткою отца его Степана. Показаніе урядоваго вижа. 1564-го апрѣля 18.

Року 1564, мѣсяца Априля 18 дня, у вълторокъ.

Пришодчи передъ мене Андрѣя Ивановича Русина, подстаростего Луцкаго, кухаръ Его Королевское милости, Васько Степановичъ Велицкій, съ пріятелями своими, жаловалъ плачливе а обтежливе на подданного ее милости, княгини Матфее-

---

I.

1564 года, Апрѣля 18-го дня, во вторникъ.

Явившись предо мною, Андреемъ Ивановичомъ Русиномъ, подстаростою Луцкимъ, поваръ Его Королевской милости, Васько Степановичъ Велицкій, съ пріятелями своими, съ плачемъ, горько жаловался на Сенька Турецковича, человѣка Подлѣсскаго, крестьянина ея милости, княгини Матвѣевой Четвертенской, княгини Авдотьи Феодоровны, урожденной Вакановской, и на помощника его Демьяна Федцевича, Корсынскаго крестьянина ихъ милостей, князей Василія и Марка Солтановичей Сокольскихъ, объявляя свою жалобу

вое Четвертенское, княгини Овдотьи Ѳедоровны Вагановского, найма на Сенка Турецковича, человѣка Подлѣсскаго. и на помочника его Демьяна Федцевича, подданнаго ихъ милости, князя Василія и князя Марка Солтановичовъ Сокольскихъ, Корсынскаго, оповѣдаючи тымъ обычаемъ: ижъ дей осени прошлое, року минулого шестьдесятъ третьяго, подраны пчелы ихъ зъ бортей на дуброве, о што дей теперешнихъ часовъ, у недѣлю прошлую, мѣсяца Априля шестагонадцать дня, тыи подданыи вышейменованные, Сенько и Демьянъ, збирали копу, хотечися виноватаго дойскати, на которой дей копе были люде Велицкіе, Селецкіе, Подлескіе, Арсоновскіе, Корсынскіе, Читогощскіе, Бреховскіе и Угольскіе. Тогды дей, тамъ въ дуброве, на вечю, Сенько а Демьянъ, маючи вазнь на отца моего Степана, безъ жадное вины, кромъ знайденя копного, одно своволне, пофативши отца моего силою моцъю, стали его пруть-

---

слѣдующими словами: «Прошлою осенью, въ истекшемъ тысяча пять сотъ шестьдесятъ третьемъ году, выдраны были изъ бортей въ дубравѣ пчелы, принадлежавшія поименованнымъ выше крестьянамъ, Сеньку и Демьяну. По этому случаю, недавно, въ прошлое воскресенье, апрѣля шеснадцатаго дня, Сенько и Демьянъ собирали копу, чтобъ доискаться виноватаго. На этой копѣ были люди Велицкіе, Селецкіе, Подлѣсскіе, Арсоновскіе, Корсынскіе, Читогощскіе, Бреховскіе, и Угольскіе. Въ означенный выше день, въ дубравѣ, на вѣчѣ, Сенько и Демьянъ, питая вражду къ отцу моему Степану, безъ всякой съ его стороны вины, не слушая копнаго приговора, а только по своеволію, насильно схвативъ отца моего, начали его бить прутьемъ, говоря; «если мы отъ него ничего не домучимся, то за муку дадимъ хорошую плату». Копа запрещала имъ это и пошла прочь. А они, безвинно, только по враждѣ и гнѣву своему, били его прутьемъ, мучили, жгли огнемъ, и тамъ же его на смерть замучили, не домучившись отъ него никакого признанія. Вслѣдствіе чего Васько Степановичъ Велицкій, для изслѣдованія дѣла

емъ бити, повѣдаючи: естли дей на немъ чего не домучимо, мы дей то горяздъ заплатимо: чего дей копа имъ забороняла и прочь пошла. А они дей его безвинней, одно зъ вазни а гнѣву своего, прутьемъ били, мордовали, огнемъ палили и тамъ же его на смерть замордовали, а ничего ся на немъ не домучили. Яко жъ, на обвоженье и на огледанье оного трупу небожчика Степана, отца своего, Васько Степановичъ Велицкій бралъ у меня вижомъ, за уряду замку Луцкого, боярина господарскаго Красносельскаго, Миколая Марковича, который вижъ, тамъ бывши, отголя пріѣхалъ, и ставши передо мною, въ замку Луцкомъ, до книгъ замковыхъ тыми словами сознал: Ижъ будучи мне въ Тристени подъ Велицкомъ, у кухаровъ господарскихъ, и маючи при себѣ сторону людей добрыхъ, огледалъ есми трупъ, тѣло небожчика Степана, кухара господарскаго, и видѣлъ есми, што все тѣло збито и окрутне огнемъ

и для осмотра трупа покойнаго Степана, отца своего, бралъ у меня вижомъ, изъ уряда замка Луцкаго, Николая Марковича Красносельскаго, боярина господарскаго, который, побывавъ на мѣстѣ преступленія, оттуда пріѣхалъ, и, явившись предо мною въ замкѣ Луцкомъ, донесъ, для записанія въ замковыя книги, слѣдующее: «Былъ я въ Тристени подъ Велицкомъ, у поваровъ господарскихъ, и, вмѣстѣ съ сторонними добрыми людьми, осматривалъ трупъ, тѣло покойнаго Степана, повара господарскаго, и видѣлъ, что все тѣло избито и пожжено огнемъ. А потомъ, отправившись въ Велицкъ, спрашивали мы людей Велицкихъ: Юшка Бортниковича, Яцка Кузьмича и сосѣдей ихъ, которые на томъ вѣчѣ были, спрашивали также и сельчанъ: «По какой причинѣ Сенько и Демьянъ избили, измучили и на смерть замучили Степана, повара господарскаго: по приказанію ли и приговору копы, или своевольно»? Люди Велицкіе, крестьяне пана Малинскаго и пана Ивана Яцковича Борзобогатаго, владыки Владимірскаго, а также и сельчане единогласно показали: «Копа не присуждала Сеньку и Демьяну повара господарскаго, Степана, ни

попалено. А потомъ, ѣхавши до Велицка, пытали есмо людей Велицкихъ: Юшка Бортниковича, Яцка Кузмича и суѣдовъ ихъ, которые на томъ вечю были, такъ тежъ и сельчанъ: для чего тотъ истый Сенько и Демьянъ оного Степана, кухара господарскаго, збили, змордовали и на смерть замучили: естли же за усказаньемъ, або зъ знайденья копного, чили пакъ свовольнѣ то вчинили? Тогди люде Велицкіе, подданные пана Малинскаго и пана Ивана Яцковича Борзобогатаго, владыки Володимірскаго, такъ тежъ и сельчане одностальными словы повѣдили: Ижъ копа оного Степана, кухара господарскаго, Сеньку и Демьяну на жадную муку не всказовала; бо дей онъ давалъ на то выводъ, ижъ у мельницы меду пресного пчолъ своихъ, отбежныхъ сее весны, выбравши, мѣщанину Мельницкому Занкови за шестнадцать грошей продалъ, якожъ дей и слатися до того мѣщанина Мельницкого хотѣлъ. А они дей, не посылаючи ся тамъ, ани припускаючися на выводъ его, одно свовольне, его безъ лица и кромъ права поймавши, стали бити и мучити, чего дей имъ и Подрежская копа за-

---

на какую муку, потому что Степанъ давалъ выводъ, утверждая, что онъ, выбравъ пресный медъ у мельницы, оставшійся отъ пчелъ, улетѣвшихъ нынѣшнею весною, продалъ этотъ медъ мѣщанину Мельницкому Занку, за шестнадцать грошей; причемъ, Степанъ хотѣлъ снестись съ тѣмъ мѣщаниномъ Мельницкимъ. Но Сенько и Демьянъ, не сносясь съ мѣщаниномъ Мельницкимъ, и отвергая оправдательный доводъ обвиняемаго, своевольно, безъ поличнаго и въ противность праву, поймали Степана, начали его бить и мучить, не смотря на то, что копа Подрежская имъ запрещала и ихъ къ тому не допускала». Засвидѣтельствовавъ это показаніе мною, вижомъ урядовымъ, и пріѣхавъ домой, Васько Степановичъ, сынъ покойнаго Степана, велѣлъ похоронить трупъ отца своего. Имѣя намѣреніе начать объ этомъ искъ, Васько Степановичъ просилъ, чтобы означенное выше показаніе было записано; поэтому я какъ жалобу истца, такъ

бороняла и не допусчала. Што Васько Степановичъ, сынъ небожчиковъ, мною, вижемъ врядовымъ, освѣтчивши, а оттоля до дому пріѣхавши, оный трупъ, тѣло отца своего, поховати далъ. И, хотечи Васько Степановичъ о то мовити, просилъ, абы было записано. А такъ я тую жалобу, оцовѣданье его, и вижово сознане въ книги замковые записати казалъ.

его показаніе и донесеніе вижа приказалъ записать въ замковыя книги.

(Книга гродская луцкая 1564 года, листъ 62 на оборотѣ).

II.

Копный судъ о покражѣ вола. 1570, генваря 12.

Року 1570, мѣсяца Генваря 12 дня.

Ставши очевисто въ замку Луцкомъ, передо мною Петромъ Хомякомъ, подстаростимъ Луцкимъ, возный повету Луцкого, Яско Опарипеcкій, оповедилъ и до книгъ гродскихъ тыми словы сознал: Ижъ дей, будучи мне зъ уряду приданымъ на справы ее милости пани Ивановои Хребтовича Богуринское, панеи Любце Дчусанце, и сыномъ ее милости, будучи мнѣ въ Богурине, поведила ее милость, пани Богурипская, ижъ дей

II.

1570 года, мѣсяца Генваря, 12 дня.

Явившись лично въ замкѣ Луцкомъ, предо мною Петромъ Хомякомъ, подстаростою Луцкимъ, возный повѣта Луцкаго Яско Опарипеcкій объявилъ для записанія въ книги гродскія и сознал нижеслѣдующее: «Былъ я отряженъ урядомъ, по дѣлу ея милости, паньи Ивановой Хребтовича Богуринской, паньи Любки Дчусанки, и сыновей ея милости. И когда я былъ въ Богуринѣ, то ея милость, пани Богуринская, объявила мнѣ: «Въ прошломъ тысяча пятьсотъ шестьдесятъ девятомъ году, въ великій постъ, украденъ волъ изъ хлѣва у боярина моего Богуринскаго, Томила Гарковича, который,

року прошлаго шестьдесятъ девятаго, у великій постъ, украдено у боярина моего Богуринского, Томила Гаркевича, вола зъ оборы, и онъ дей о того вола, водлугъ обычаю, собравши копу все село Богуринское: люди съ части пани Василевое Хребтовичовое, люди мои и люди съ части пани Петровое Хребтовичовое, опытъ чинилъ обычаемъ копнымъ. Врядникъ дей паней Петровое, Нестеръ, не выслухавши обыску того боярина моего Томилца и началъ говорити, перекаживаючи ему рѣчь, на першой копе, не заховаючися ведлугъ обычаю копъного, и прочь самъ пошолъ, и подданныхъ созвалъ съ копы. Копа дей, не чинечи коротько, сказала дей боярину моему еще копу збирати. Тотъ дей бояринъ мой собралъ и другую копу, село наше спольное, вси люди съ части пани Петровои и люди съ части пани Василевои, а къ тому и стороннихъ людей, то есть зъ Новоставецъ, зыменя пана Подскар-

---

слѣдуя обычаю, собиралъ на копу все село Богуринское: людей изъ участка паньи Васильевой Хребтовичевой, моихъ людей, также людей изъ участка паньи Петровой Хребтовичевой, и производилъ распросъ копнымъ обычаемъ. На первой копѣ урядникъ ея милости, паньи Петровой, Несторъ, не выслушавъ розыска, произведеннаго бояриномъ моимъ Томилцомъ, началъ говорить, перебивая его рѣчи, нарушая обычай копнаго права. Затѣмъ, не выслушавъ распроса, обругалъ моего боярина и пошелъ прочь, созвавъ и крестьянъ съ копы. Копа, не допуская поблажки, присудила моему боярину еще разъ собрать копу. Бояринъ мой собралъ и другую копу, на которой было все наше общее село, всѣ люди изъ участка паньи Петровой и люди изъ участка паньи Васильевой, а также сторонніе люди, а именно: изъ имѣнія его милости, пана подскарбія, Новоставецъ, крестьянинъ Осипъ Семеновичъ, изъ Прусъ—крестьянинъ князя Ярославовича, Томило Микитичъ, и Симоновскій урядникъ пана Михаила Вильгорскаго, Кондратъ. Эти люди, уже собравшись на вторую копу, долгое время дожидались урядника паньи Петровой,

бего, подданного его милости, Осипа Семеновича, а подданного князя Ярославовича, съ Прусъ, Томила Микитича, а врядника пана Михаила Вильгорского Симоновского Кондрата, которыи, вжо будучи на копе другой, ждали часъ немалый врядника панеи Петровои, ажъ по него посылали, абы на копу пришолъ. И кгды вжо онъ на копу пришолъ съ подданными панеи своеи, почалъ дей на первей, обачивши стороннихъ людей, пытати, чого бы на копу пришли, хто бы ихъ послалъ? И тые люди сторонніи поведили, ижъ дей за прозьбою боярина ее милости, паней Богуринское, отъ врядниковъ пановъ своихъ есмо тутъ послани. Врядникъ тежъ паней Петровой, Нестеръ почалъ говорити: „изнайду дей я виноватого, напрасно ся тутъ бавимо“. А кгды то вымовилъ, бояринъ дей мой Богуринскій, Томило почалъ тые слова его копою освѣдчати: „Што дей я вжо неповиненъ искати, нехай дей ищетъ,

---

и принуждены были послать за нимъ, чтобы на копу пришолъ. И когда онъ пришолъ на копу съ крестьянами своей паньи и увидѣлъ стороннихъ людей, то, прежде всего, началъ спрашивать, зачѣмъ они на копу пришли, и кто ихъ послалъ? И тѣ люди сторонніе сказали, что они посланы урядниками пановъ своихъ, по просьбѣ боярина ея милости, паньи Богуринской. Тогда урядникъ паньи Петровой, Несторъ, началъ говорить: «найду де я виноватаго; напрасно мы здѣсь тратимъ время». Какъ только онъ это сказалъ, тотчасъ бояринъ мой Богуринскій, Томило, началъ свидѣтельствовать эти слова копою, говоря: «Я уже больше не повиненъ искать виноватаго: пусть онъ ищетъ, когда такъ говоритъ». Копа, все это увидѣвши, начала спрашивать урядника пани Петровой, знаетъ ли онъ, кто вола укралъ? «Такъ какъ твоя милость обѣщалъ найти виноватаго, то долженъ объявить вора на этой же копѣ, и, согласно своему обѣщанію, сказать: находится ли онъ здѣсь на копѣ, или гдѣ индѣ? Потому что, если твоя милость не объявишь вора, какъ ты самъ обѣщалъ, то бояринъ паньи Богуринской уже не повиненъ

коли такъ говоритъ". И копа, то все обачивши, почали врядника паней Петровой пытати, если бы онъ ведалъ о томъ, хто того вола вкралъ, ижъ его обецалъ се знаидовати, абы того злодѣя на тои копе обявилъ, еслибы на той же копе былъ, або гдѣ инде, абы, водлугъ повести своеи, поведилъ; бо дей где его твоя милость не знаймишъ, якось самъ мовилъ, уже дей тотъ бояринъ ее милости панее Багуринское не повиненъ опыту большъ чинити. Але гдѣй дей твоя милость того злодея, водлугъ повести своее, не ознаймишъ, то дей твоя милость того вола ему заплатити мусишъ. Врядникъ дей паней Петровои, видечи то, почалъ се съ того иншими словы выламовати, ижъ того виноватаго яко самъ знайдовати, такъ тежъ и обявити не хотелъ. Копа, тому ся прислухавши, и отложила до третей копы, которая гды ся зобрала, бояринъ мой Богуринскій, не отступуючи ничого того, што на другой копе было,

---

будетъ производить распросъ, а твоя милость долженъ будешь заплатить за украденнаго вола». Видя это, урядникъ паньи Петровой началъ увертываться иными словами, и объявилъ, что онъ ни искать, ни объявлять вора не хочетъ. Копа, выслушавъ это, отложила дѣло до третьей копы. И когда собралась третья копа, то бояринъ мой Богуринскій, не отступая ни въ чемъ отъ производства дѣла, бывшаго на второй копѣ, просилъ копу присудить урядника паньи Петровой, Нестора, къ уплатѣ за украденнаго вола; такъ какъ этотъ урядникъ только по одному упорству, противясь требованію копы, не хотѣлъ ни объявить, ни отыскивать виноватаго. Копа, слыша это, приговорила взыскать съ урядника паньи Петровой, Нестора, за украденнаго вола, въ пользу моего боярина, назначивъ такую цѣну, какую, по законному удостовѣренію, давали за того вола покупщики, именно двѣ копы грошей Литовскихъ; срокъ платежа назначенъ по истеченіи четырехъ недѣль. По просьбѣ моей, копа и люди сторонніе сознали свой судъ предъ паньею Петровою. Я и сама отъ себя посылала, по этому дѣлу, къ паньи Петровой, прося,

просилъ копы, абы ему на томъ врянику паней Петровой, Нестору, водлугъ словъ его было сказано, съ чого ся врядникъ ее милости только упоромъ выламовалъ, не хотечи виноватого знайдовати, яко самъ мовилъ, ани обявити. Копа то слышачи, вказали того вола, на врянику паней Петровой, Нестору, боярину моему, за слушънымъ доводомъ, што за того вола давано, две копы грошей Литовскихъ, и рокъ заплате положили за чотыры недели. За прозьбою моею тая копа и люди сторонніи передъ панею Петровою судъ свой сознали. За што я сама, просечи, посылала до паней Петровой, абы того вола врянику своему боярину моему казала заплатити. Ее милость отказала: „ижъ дей я на голое слово мужицкое врянику своему за того вола платити не кажу." Гдежъ тая копа и сторона, передо мною возпымъ Луцкимъ, Яскомъ Опарипескимъ, то сознали: Яко копа была, што на ней будучи, межи тымъ урядникомъ паней Петровое и бояриномъ паней Богуринское точилося, и яко передъ пани Петровою копа и сторона вызнавали, и пани Петровая прошона отъ пани Богуринское, абы то на рокъ пани Петровая врянику своему

чтобы она приказала своему уряднику заплатить моему боярину за украденнаго вола. Ея милость, панья Петровая, отвѣчала: «Я де, на голое мужицкое слово, уряднику своему за того вола платить не приказываю». Тамъ же вышеозначенная копа и люди сторонніе сдѣлали предо мною, вознымъ Луцкимъ, Яскомъ Опарипескимъ, показаніе о томъ, какъ собиралась копа, что происходило на этой копѣ между урядникомъ паньи Петровой и бояриномъ паньи Богуринской, какъ предъ паньею Петровою копа и люди сторонніе объявляли свой приговоръ, и какъ пани Богуринская просила, чтобы пани Петровая приказала своему уряднику заплатить за украденнаго вола, въ назначенный срокъ, и что отвѣчала на это пани Петровая; все это мнѣ разсказали. И просила ея милость, пани Богуринская, вмѣстѣ съ сыновьями своими, чтобы это было записано.

казала то заплатити, и што пани Петровая отказала, то мнѣ повѣдили." И просила ее милость пани Богуринская, весполокъ зъ сынми своими, абы то было записано. А такъ я тое очевистое возного сознане до книгъ кгродскихъ записати казалъ.

Поэтому я вышеизложенное личное донесеніе вознаго приказалъ записать въ гродскія книги.

(Книга гродская луцкая 1570 года. листъ 19 на оборотѣ).

III.

Копный судъ о поджогѣ. Копа ведетъ слѣдъ. Рѣшеніе копнаго суда. 1583, Генваря 2.

Року 1583, мѣсяца Генваря 2 дня.

Ставши предо мною Фалелѣемъ Бережецкимъ, на тотъ часъ будучимъ на мѣстцу пана Станислава Петровскаго, подстаростего Луцкого, въ замку господарскомъ Луцкомъ. Шляхетный Матысъ Хорковскій жаловалъ и оповедалъ тыми словы: Што жъ дей суседове мое, близко сугранычники, зыменя Рожищъ люде, на слѣдъ шкодника моего выйти нехотели: а мне дей великіе кривды и шкоды немалые, отъ ихъ стороны, по-

---

III.

1583 года, мѣсяца Генваря. 2 дня.

Предо мною Фалелеемъ Бережецкимъ, исправляющимъ временно должность пана Станислава Петровскаго, подстаросты Луцкаго, явившись въ замкѣ господарскомъ Луцкомъ; Шляхетный Матысъ Хорковскій, жаловался, объявляя свою жалобу слѣдующими словами: «Сосѣди мои близкіе, пограничные люди изъ имѣнія Рожищъ, не хотѣли выйти на слѣдъ моего шкодника, а мнѣ, съ ихъ стороны, нанесены великія обиды и причиненъ вредъ немалый, а шкодника своего между ними вѣдать не могу, и не знаю, гдѣ онъ скрывается, а они открыть его и на слѣдъ выйти не хотятъ. И уже мнѣ не въ первый разъ, съ ихъ стороны, причиняется вредъ, не-

чинилися, а шкодника дей своего межи ними ведати не могу, хде ся переховываесть, а они дей его выявити и на слѣдъ выходити не хочутъ. Авже дей ми то не пооднокротъ зъ стороны ихъ, нетъ ведома отъ кого, шкода такая ми ся ставаетъ, штожъ маетность мою всю и именечко мое, село Кобче, которое есми милъ на выховане отъ его велможное милости, княжати Марка Сокольского, пана моего милостивого, тое ми палятъ и пустошать, не ведаю хто таковый. И тыми часы, недавно прошлыми, въ року тысеча пять сотъ осьмдесятъ второмъ, мѣсяца Ноября двадцатпятаго дня, зъ недѣли на понеделокъ, отголь же ночью, праве у первоспы, злодѣйскимъ обычаемъ подышедши, уже то пятый кротъ, и будуване тежъ пятое спалено, которого будованя жаднымъ обычаемъ уборонити ани маетности дей своее выратовати есми не могъ; гдыжъ, презъ того злого шкодника дей и презъ неднокротное палене его и пустошене

извѣстно кѣмъ: жгутъ и опустошаютъ все мое имущество и именьице мое, село Кобче, данное мнѣ для прокормленія его вельможною милостію, княземъ Маркомъ Сокольскимъ, паномъ моимъ милостивымъ; это имѣніе жгутъ и опустошаютъ, а виноватаго я не вѣдаю. И теперь, въ недавнее время, въ тысяча пятьсотъ восемьдесятъ второмъ году, мѣсяца Ноября двацать пятаго дня, съ недѣли на понедѣльникъ, ночью, ровно во время перваго сна, кто-то, подошедши воровскимъ обычаемъ, уже въ пятый разъ, сжегъ пятое строеніе. Этого строенія я никакимъ способомъ защитить и имѣнія своего спасти не могъ. Такою неоднократною поджогою и опустошеньемъ села, имущества моего, причинены мнѣ шкодникомъ моимъ великіе убытки, болѣе чѣмъ на четыреста копъ грошей Литовскихъ. Чтобъ отыскать шкодника, я, въ понедѣльникъ утромъ, собралъ людей добрыхъ, сосѣдей околичныхъ, смежныхъ сходатаевъ Рожищскихъ, изъ всѣхъ селъ, ниже поименованныхъ: изъ Любча, изъ Рудки, изъ Козина, изъ Става, изъ Соловина, изъ Дуща, изъ Навоза, изъ Соколя, изъ Смердина; сверхъ того людей стороннихъ:

села и маетности моее, великіе дей шкоды маю и поношу болшей, нижли на чотыриста копъ грошей Литовскихъ. За которымъ дей шкодникомъ своимъ, рано въ понедѣлокъ, зобравши дей есми людей добрыхъ, суседовъ околичныхъ, а сходатаіовъ Рожисцкихъ сугpаничныхъ, зо всихъ селъ тыхъ меновите поменеиыхъ: зъ Любча, зъ Рудки, съ Козина, зъ Ставу, зъ Соловина, зъ Дуща, зъ Навоза, зъ Сокодя, зъ Смердина; къ тому тежъ людей сторонънихъ: зъ Суска, зъ Володковщизны, зъ Носячевичь, зъ Лукова, зъ тою всею копою, слидъ погналъ, который следъ ни чій иншій, только шкодника дей моего. Отъ тоее пожежи копа, вземши зъ села моего Кобча следъ, одвела ажъ до границы на грунтъ ихъ Рожисцкій, неподалеко одного сельца и врочища ихъ Свинохъ, тамъ где чебени мешкають. Тамъ же дей копа вся, на томъ слѣду зостоновивъшися, и послала до того сельца ихъ, зовучи на слидъ, абы они шли. Они

изъ Суска, изъ Володковщизны, изъ Носячевичь, изъ Лукова. Со всею этою копою я погналъ слѣдъ, который былъ ни чей иной, какъ только моего шкодника. Копа, взявъ слѣдъ отъ пожарища, отвела его изъ моего села Кобча до границы земли Рожищской, недалеко отъ сельца и урочища Свинюхъ, гдѣ живутъ пастухи. Остановившись тамъ на слѣду, вся копа послала въ Рожищское сельцо Свинюхи и звала жителей, чтобъ шли на слѣдъ; но они выйти не хотѣли. Поэтому копа, не уклоняясь отъ строгости права, переночевавъ на слѣду, во вторникъ утромъ, снова посылала отъ себя добрыхъ сторонннхъ людей ко всѣмъ селамъ Рожищскимъ, какъ къ своимъ сходатаямъ: въ село Свинчаны, Топольное, въ село Старое Рожище, въ Волю Рожищскую и Пожарки, приглашая на копу, и требуя, чтобы жители изъ сельца Свинюхъ, гдѣ пастухи живутъ, также жители изъ всѣхъ селъ Рожищскихъ вышли на свою Рожищскую землю, взяли бы на границѣ этой земли, отъ всей копы, слѣдъ шкодника, и вывели бы этотъ слѣдъ изъ своей земли Рожищской до иной границы, по стародавнему

дей выйти не хотели. А такъ дей копа, не чинячи имъ въ томъ кородкости права, переночевавши дей на следу, рано волторокъ, послала съ копы знову до всихъ селъ Рожицъскихъ, яко до сходатаевъ своихъ, людей добрыхъ сторонъныхъ: до Свиньчанъ и до Топольного, такъ тежъ до села Старого Рожища и до Воли Рожищское, и Пожарковъ, звещаючи имъ на копу, и о томъ, абы Свинъчане, где чебени живутъ, съ того селца люде, такъ тежъ зо всихъ селъ Рожищкихъ, вышедши на грунтъ свой Рожищкій, отъ границы следъ шкодниковъ, отъ всее копы тое, взяли, а зъ грунту своего Рожищскаго, водле стародавнее свыклости, ажъ до иншое границы вывели. То пакъ дей тые вси села Рожищскіе, звышъпомененые звистку того слухати, ани на копу выйти и слиду того взяти выводити не хотели. Штожъ дей копа въ томъ имъ еще была фольгу учинила, послала съ копы человека добраго, до вряд-

---

обычаю. Но всѣ вышеозначеные села Рожищскія ни слушать позва, ни выйти на копу, ни взять и отвести слѣдъ не хотѣли. Копа оказала имъ снисхожденіе тѣмъ, что еще разъ посылала отъ себя добраго человѣка къ урнднику Рожищскому Степану Калениковичу' требуя, чтобы Рожищскіе крестьяне его милости, пана владыки Луцкаго, вышли на копу, созванную со стороны пана Сокольскаго: потому что шкода никому не мила; при томъ же, издавна между нами отыскиваютъ преступника ничѣмъ инымъ, какъ только копою. Поэтому Рожищане, будучи издавна нашими сходатаями, если бы на копу не вышли, всѣ или одно изъ ихъ селъ, то весь причиненный преступникомъ вредъ падетъ на нихъ. Но урядникъ Рожищскій не хотѣлъ ни самъ слушать, ни объявить объ этомъ крестьянамъ. Копа снова, въ третій разъ, требовала чрезъ своихъ посланцевъ, чтобъ на копу вышли; но они, догадываясь, вѣроятно, что между ними находится преступникъ, не уважили и этого позва, на копу выйти и отвѣта о себѣ дать не хотѣли. Копа, видя такое великое упорство ихъ, тотъ же часъ, стоя на томъ же слѣду, по-

ника Рожицкого, наймя до Степана Калениковича, ознаймуючи ему о томъ, абы подданые его милости, пана владыки Луцкого, Рожищскіе на тую копу, отъ стороны Сокольскіе зозваную, выйшли; бо дей шкода никому не мила, гды жъ дей здавна межи нами шкодника пичимъ, одно копою доходять; гдыжъ дей они, яко сходатае наши здавна будучи, где бы не вышли, хотя бы одно село не стало на копи, тогда дей и къ тому шкода тая приложена отъ копы будетъ. А такъ дей врядникъ тотъ самъ того слухати, такъ тежъ подданымъ ознаймити того не хотелъ. Гдыжъ имъ копа знову, чрезъ свое посланцы, третій разъ звестила, абы выйшли на копу; вони, подобъно дей чуючи межи собою шкодника моего, и на тотъ заказъ ничого не дбали, и на копу выйти, и о собе справы ниякое дати не хотели. Видечи то копа упоръ ихъ великій, тогды, на тымъ же слѣду стоячи, по возного собе до вряду послала; а съ тымъ

слала въ урядъ за вознымъ, и съ этимъ вознымъ и съ сторонними людьми, приговорила всѣ села Рожищскія, за ихъ невыходъ, къ уплатѣ всѣхъ убытковъ, причиненныхъ мнѣ преступникомъ.» Затѣмъ, болѣе десяти человѣкъ изъ копы, явившись въ урядѣ замка господарскаго Луцкаго, въ тотъ же день, вышеозначеннаго числа, объявили слѣдующими словами: «Мы, вмѣстѣ съ вознымъ и сторонними людьми, присланы въ урядъ Луцкій, отъ копы, отъ всей нашей великой громады, для вызнанья и объявленія суда своего копнаго, а именно: Лукьянъ, крестьянинъ пана Андрея Загоровскаго изъ Павоза, Сивулашъ, крестьянинъ князя Марка Сокольскаго изъ того же Навоза, Грицъ, крестьянинъ пана Щаснаго Харлинскаго, подкоморія Кіевскаго, изъ Смердина, изъ того же Смердина Иванъ, крестьянинъ князя Сокольскаго, изъ Дуща Моисей и Трутъ, а изъ Соколина Куцъ и Ивашко, крестьяне того же пана Сокольскаго, изъ Любча Несторъ, крестьянинъ князя Григорія Любецкаго, изъ Рудки Феня, а изъ Козина Данило, изъ Ставу Симонъ, изъ Соловина Бартошъ, крестьяне того же князя Любецкаго, изъ Любча Онисько и

вознымъ и зъ людьми сторонъными, тая копа въся шкоды мое на все села Рожищскіе за невыходъ ихъ вложила. А такъ съ тое копы человека окольконесять, постановившися на вряде въ замку господарскомъ Луцкомъ, тогожъ дня и даты вышей-описаное, повидили тыми словы: ижъ дей мы, отъ всее громады нашое великое, до вряду Луцкого, на вызнанье и на отказованье суду своего копнаго зъ вознымъ и стороною прислани есмо отъ копы, то есть меновите: Лукьяна зъ Навоза, пана Анъдрия Загоровского подданый; съ тогожъ Новоза Сивулаша, князя Марка Сокольского подданый; Грицъ зъ Смерьдина, пана Щасного, Харлинскаго, подъкоморого Кіевского, подданый; съ тогожъ Смердина Ивана князя Сокольского подданый; съ Дуща Моисея а Трута, а зъ Сокольна Куца а Ивашка, тогожъ князя Марка Сокольского подданые; зъ Любча Нестера, князя Григорья Любецкого подданый: зъ Рудки Феня,

---

Кондратъ изъ Рудки, Кунцъ изъ Става, Исаія изъ Соловика, крестьяне ея милости, паньи Николаевой Харлинской, изъ Любча Янъ Ляхъ, крестьянинъ князя Григорія Коширскаго; притомъ сторонніе люди: изъ Лукова Прокопъ и Мишко Ждановичъ, крестьяне пана Андрея Загоровскаго, изъ Суска Юско Романчичъ, изъ Носячевичъ Антонъ, крестьяне пана Щаснаго Харлинскаго, изъ Володковщизны Остапъ, крестьянинъ князя Василія Сокольскаго. Всѣ мы, посланцы, объявляемъ отъ всей копы, что вышепоименованныя села издавна сходились съ Рожищанами для изслѣдованія всякаго вреда, причиненнаго преступникомъ, на границѣ, или гдѣ бы ни былъ причиненъ вредъ; а теперь ни одинъ изъ нихъ, для изслѣдованія вреда, причиненнаго сосѣду нашему пану Хорковскому, ни выйти на слѣдъ шкодника, ни дать о себѣ надлежащаго свѣдѣнія не хотѣлъ. А такъ какъ, по нашему копному праву, выходъ всегда платитъ за вредъ, понесенный истцомъ; то поэтому вся копа, поступая по копному праву и стародавнему обычаю своему, присудила всѣ убытки истца взыскать съ селъ Рожищскихъ, за ихъ невыходъ. Вслѣдствіе

а съ Козина Данила, зъ Ставу Симона, зъ Соловина Бартоша, тогожъ князя Любецкого подданые: зъ Любча Ониска, Кондрата, зъ Рудки, Кунца зъ Ставу. Исая зъ Соловика, ее милости панее Миколаевое Харлинское подданые; зъ Любча Яна Ляха, князя Григоря Коширского подданный. При томъ стороныхъ людей: зъ Лукова Прокопа а Мишка Ждановича, пана Андрея Загоровского подданые: зъ Суска Юска Романъчича, зъ Носячевичъ Антона, пана Щасного Харълинъского подданые, зъ Володковщизны Остапа, князя Василя Сокольского подданые. Штожъ мы вызнаваемъ отъ всее копы, ижъ дей тыхъ селъ въсихъ звышъ помененыхъ здавна о шкоды въшелякие зъ Рожищаны, на границу, або где колвекъ шкода, тамъ схоживалися личити, а теперь до насъ на ликъ о шкоды сусѣда нашого, пана Харъковского, на слѣдъ шкодника его, ни одинъ зъ ныхъ выйти, такъ тежъ о собе справы слушное дати

чего, копа, въ присутсвіи вознаго и стороннихъ людей, подвергла взысканію всѣ села Рожищскія, за ихъ невыходъ, оцѣнивъ убытки согласно съ показаніемъ истца, который, по опредѣленію копы, долженъ былъ подтвердить свое показаніе присягою. Истецъ, панъ Матысъ Хорковскій, оцѣнилъ понесенные имъ убытки въ четыреста копъ грошей Литовскихъ, и тамъ же предъ нами, предъ всею копою, въ присутствіи вознаго и стороннихъ людей, самъ-третей, подтвердилъ свое показаніе присягою. А мы присудили ему взысканіе на всѣхъ селахъ Рожищскихъ, съ тѣмъ, чтобы эти села, удовлетворивъ пана Хорковскаго, искали себѣ виноватаго». Вслѣдъ затѣмъ, возный повѣта Луцкаго, Войтехъ Яблонскій, явившись лично предо мною, здѣсь же въ замкѣ господарскомъ Луцкомъ, объявилъ, для записанія въ книги гродскія Луцкія, слѣдующее: «Будучи отряженъ урядомъ на вышепомянутую копу, присутствовалъ я, вмѣстѣ съ двумя шляхтичами, панами Яномъ Несебенцкимъ и паномъ Матысомъ Выгоновскимъ, а также съ сторонними добрыми людьми, на копѣ, великой громадѣ, которая была собрана паномъ Матысомъ

не хотели. А иxъ дей, водле права нашого копного, невыходъ всегды плотитъ шкоды; штожъ копа вся, заховуючися водле права копного и звычаю стародавного своего, шкоду тую, ко всимъ селомъ Рожищскимъ, за невыходъ ихъ, приложила, и, маючи дей при собе возного и сторону, тую шкоду ко всимъ селомъ Рожищскимъ, за невыходъ ихъ, приложила, осумовавши, я подлугъ менованя шкодъного, на шкоды его доводъ ему всказала. Што менечи собе шкодный такъ, яко чотыриста копъ грошей Литовскихъ; а тумъ же, передъ нами копою всею, передъ вознымъ и стороною, панъ Матысъ Хоръковскій самотреть доводъ учинилъ, а мы тей ему шкоду его присудили на всѣхъ селахъ Рожищскихъ, абы они, заплативши тую шкоду пану Хорковскому, а собе винъного искали. Гдыжъ возный повету Луцкаго, Войтехъ Яблонскій, постановившися обличъне передо мною, тутъ же въ замку господарскомъ, Луцкомъ, тогожъ дня, тымижъ словы до книгъ гродскихъ Луцкихъ ку записованью созналъ. Штожъ дей я, будучи зъ уряду приданымъ до копы тоее и маючи дей я при собе двухъ шляхтичовъ: пана

Хорковскимъ, на слѣду шкодника его, у границы на землѣ Рожищской, въ тысяча пять сотъ восемдесятъ второмъ году, мѣсяца Ноября двадцать восьмаго дня. Тамъ же, въ это время, видѣлъ я слѣдъ и ступни человѣчія по дорогѣ къ сельцу Рожищскому, гдѣ живутъ пастухи. Громада, дойдя по этому слѣду до земли Рожищской, кликала и вызывала Рожищанъ; но ни одинъ человѣкъ съ ихъ стороны не отозвался, никто не вышелъ и не взялъ слѣда. Копа засвидѣтельствовала невыходъ ихъ мною вознымъ и сторонними людьми. Затѣмъ я осматривалъ вредъ, причинённый пану Хорковскому въ имѣніи его Кобчемъ, и видѣлъ пять домовъ, сожженныхъ со всѣми принадлежностями, и три тамошнія хаты. Копа, оцѣнивъ весь этотъ вредъ, при мнѣ возномъ и стороннихъ людяхъ, опредѣлила, чтобъ истецъ самъ-третей подтвердилъ оцѣнку понесенныхъ имъ убытковъ присягою. И панъ Хорковскій, оцѣнивая свои

Яна Цесебенцъкого, а пана Матыса Выгоновского, при томъ людей добрыхъ сторонънихъ звышьпомененыхъ, при которыхъ дей я будучи у громады великой, копе, которая была отъ пана Матыса Хоръковского зобрана, на слѣду шкодника его, у границы, на грунте Рожинцекомъ, року осемдесятъ второго, мѣсяца Ноября двадцать осмого дня. тамъ же на тотъ часъ видилъ есми слѣдъ и ступы человечие къ сельцу Рожинцскому, где чебани мешкають, идучи на который слѣдъ зъ Рожинцское стороны, гды громада кликала и пытала, а жаденъ человѣкъ зъ ихъ стороны къ нему выйти и его узяти не озвался. Што дей копа мною вознымъ и стороною освѣтчила невыходъ ихъ: а шкоду пана Хоръковского, тамъ же на тотъ часъ будучи вымененчку его Кобчи, видилъ есми домовъ пять зо всею оселею попаленыхъ, а три хатъ тутошнихъ. А такъ тую шкоду копа вся при томъ возномъ и стороне тамъ осумовала: при которой шкоди его, копа ему самотретему доводъ учинить вказала; што собе онъ шкоды четыриста копъ грошей Литовскихъ менячи быть. Панъ Хоръковскій на томъ доводъ самотреть учинилъ. Якожъ дей то, за доводомъ его слушнымъ, водле права и артикулу шостого въ разделе чотырнадцатомъ учиненымъ, копа вся приложила шкоду его ко всимъ селумъ Рожищскимъ, за невыходъ ихъ, и вказала тую суму пану Матысу Хоръковскому, за шкоды его на нихъ, абы дей они, тое заплативши, а собе винъного искали. А такъ тотъ судъ свой копный, копа

убытки въ четыреста копъ грошей, подтвердилъ это самъ-третей присягою. На основаніи этого законнаго доказательства, согласно артикулу шестому въ раздѣлѣ четырнадцатомъ Статута, вся копа опредѣлила взыскать за вредъ, причиненный преступникомъ, со всѣхъ селъ Рожищскихъ, за ихъ невыходъ, и вышеозначенную сумму присудила пану Матысу Хорковскому съ тѣмъ, чтобы Рожищане, уплативъ эту сумму, искали себѣ виноватаго». Такой судъ копный объ-

вся, черезъ возного повету Луцкого, Войтеха Яблонского, и сторону звышъпомененую, мнѣ уряду объвестила и половицу пересуду дала. Штожъ я, не отступуючи права посполитого и статуту Великого князства Литовскаго, сложилъ есми рокъ заплате пенежной, тымъ чотыремъ сотъ копамъ, подлугъ артикулу пятдесятъдевятого въ розделе четъверътомъ, на каждую сто копъ двенадцать недель. А такъ плачонъ быти маетъ, почонъши отъ сего дня, мѣсяца Генваря второго дня, втомъ року осемдесятъ третемъ. А такъ я тое оповеданье пана Хоръковъского и возного сознане, такъ тежъ объвещенье, черезъ сторону, суду ихъ копъного, которая притомъ была, и рокъ запълате, отъ уряду положоный, до книгъ гродъскихъ Луцъкихъ записати есми казалъ.

явила мнѣ уряду вся копа, чрезъ възнаго и поименованныхъ выше сторонннихъ людей, давъ половину пересуда. Вслѣдствіе чего, я, не отступая отъ права посполитаго, статута Великаго Княжества Литовскаго, назначивъ срокъ для уплаты четырехъ сотъ копъ, согласно артикулу пятьдесятъ девятому раздѣла четвертаго, то есть, на каждыя сто копъ двѣнадцать недѣль, считая срокъ съ нынѣшняго втораго числа мѣсяца Генваря, восемдесятъ третьяго года. Затѣмъ я вышеизложенное объявленіе пана Хорковскаго, донесеніе вознаго, также засвидѣтельствованіе стороннихъ людей о копномъ судѣ и срокъ для уплаты денежнаго взысканія, урядомъ назначенный, приказалъ записать въ гродскія Луцкія книги.

(Книга гродская луцкая 1583 года, листъ 76—79).

IV.

Слѣдствіе и распросъ громады о найденномъ въ городѣ Дубнѣ трупѣ неизвѣстнаго убитаго человѣка. Донесеніе вознаго. 1596 Августа 5.

Року тысяча пять сотъ девятьдесять шостого, мѣсяца Августа, пятого дня.

Пришедши на врядъ замку его королевское милости Луцкаго, передъ мене Александра Сѣмашка на Хупкове, Каштеляна Браславскаго, старосты Луцкаго, урожоный панъ Петръ Сметанковичъ Былчинскій, урядникъ Дубенскій княжати его милости, пана воеводы Кіевского, оповедалъ тыми словы: „ижъ дей въ року теперь идучомъ девять десять шостомъ, мѣсяца Іюля, двадцать втораго дня, въ понедѣлокъ рано, праве на свѣтанью, въ мѣстѣ Дубенскомъ, на улицы Швецкой, мещане Дубенскіе нашли тѣло чоловѣка забитого, незнаемого, которого

IV.

Тысяча пятьсотъ девяносто шестаго года, мѣсяца Августа, пятаго дня.

Явившись въ урядъ Луцкаго замка его королевской милости, предо мною Александромъ Сѣмашкомъ на Хупковѣ, кастеляномъ Браславскимъ и старостою Луцкимъ, благородный панъ Петръ Сметанковичъ Былчинскій, Дубенскій урядникъ князя, его милости, пана воеводы Кіевскаго, объявилъ слѣдующими словами: «Въ нынѣшнемъ девяносто шестомъ году, мѣсяца Іюля, двадцать втораго дня, въ понедѣльникъ утромъ, на самомъ разсвѣтѣ, мѣщане Дубенскіе нашли тѣло неизвѣстнаго убитаго человѣка, въ городѣ Дубнѣ, на Швецкой улицѣ, и неизвѣстно, былъ ли этотъ человѣкъ убитъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ и привезенъ въ Дубно, или кто нибудь убилъ его въ этомъ городѣ. Я, согласно съ правомъ посполитымъ, три раза собиралъ громаду, въ томъ же городѣ Дубнѣ, изъ мѣщанъ и предмѣщанъ Дубенскихъ, а также изъ селъ околичныхъ

не ведати, если, гдѣ индей хтось забивши, подвезъ, аболи тежъ хто тутъ въ мѣстѣ забилъ. На што дей я, заховуючися водъле права посполитого, мещанъ и предъмещанъ Дубенскихъ по три разы громаду, тамъ же въ мѣстѣ, чинилъ, на которыхъ всихъ трохъ громадахъ нихъто не позналъ, хто и откуль той человѣкъ былъ. И о томъ мужобойцы, не могучисе припытать, на търетей остатней гъромаде, всказалемъ дей имъ всимъ присягнуть; якожъ дей и присягнули на томъ мужобойцы, отъ кого се стало, межи собою не ведають, и не суть причинцами сами того мужобойства, а ни его знають, откуль и кто былъ." И кгды то на вряде панъ Былчинскій оповедалъ, токгды заразомъ тогожъ року, мѣсяца и дня звышьименованного, постановившися обличне передо мною, Янъ Валевскій, возный енералъ воеводства Волынскаго, созналъ тыми словы: „ижъ дей, будучи мне взятымъ на справу отъ пана Петра Сметан-

---

Дубенскихъ. На всѣхъ этихъ трехъ громадахъ никто не узналъ, кто былъ убитый, и откуда. И такъ какъ я не могъ допытаться, кто былъ убійца, то, на послѣдней, третьей громадѣ, приказалъ присягнуть всѣмъ вышеозначеннымъ людямъ, которые присягнули въ томъ, что они не знаютъ между собою убійцы, что они сами не были причиною убійства, и убитаго не знаютъ, кто онъ, и откуда«. И когда панъ Былчинскій объявилъ это въ урядѣ, то, тотъ же часъ, въ томъ же году, вышеозначеннаго мѣсяца и числа, явившись лично предо мною, Янъ Валевскій, генеральный возный воеводства Волынскаго, донесъ слѣдующее: »Былъ я приглашенъ на слѣдствіе, паномъ Петромъ Сметанковичемъ Былчинскимъ, урядникомъ Дубенскимъ, въ нынѣшнемъ девяносто шестомъ году, мѣсяца Іюля, двадцать втораго дня, а при мнѣ была шляхта, сторонніе люди. Прибывъ въ городъ Дубно, я видѣлъ человѣка убитаго на смерть, лежащаго на носилкахъ, посреди рынка Дубенскаго, противъ церкви Святаго Николы. Тутъ же были собраны на громаду мѣщане и предъмѣщане Дубенскіе и крестьяне изъ селъ околичныхъ Дубен-

села и маетности моее, великіе дей шкоды маю и поношу болшей, нижли на чотыриста копъ грошей Литовскихъ. За которымъ дей шкодникомъ своимъ, рано въ понедѣлокъ, зобравши дей есми людей добрыхъ, суседовъ околичныхъ, а сходатаіовъ Рожисцкихъ сугряничныхъ, зо всихъ селъ тыхъ меновите помененыхъ: зъ Любча, зъ Рудки, съ Козина, зъ Ставу, зъ Соловина, зъ Дуща, зъ Навоза, зъ Соколя, зъ Смердина: къ тому тежъ людей сторонънныхъ: зъ Суска, зъ Володковицизны, зъ Носячевичь, зъ Лукова, зъ тою всею копою, слидъ погналъ, который следъ ни чій иншій, только шкодника дей моего. Отъ тоее пожежи копа, вземши зъ села моего Кобча следъ, одвела ажъ до границы на грунтъ ихъ Рожисцкій, неподалеко одного сельца и врочища ихъ Свинохъ, тамъ где чебени мешкаютъ. Тамъ же дей копа вся, на томъ слѣду зостоновивъшися, и послала до того сельца ихъ, зовучи на слидъ, абы они шли. Они

изъ Суска, изъ Володковицизны, изъ Носячевичь, изъ Лукова. Со всею этою копою я погналъ слѣдъ, который былъ ни чей иной, какъ только моего шкодника. Копа, взявъ слѣдъ отъ пожарища, отвела его изъ моего села Кобча до границы земли Рожищской, недалеко отъ сельца и урочища Свинюхъ, гдѣ живутъ пастухи. Остановившись тамъ на слѣду, вся копа послала въ Рожищское сельцо Свинюхи и звала жителей, чтобъ шли на слѣдъ; но они выйти не хотѣли. Поэтому копа, не уклоняясь отъ строгости права, переночевавъ на слѣду, во вторникъ утромъ, снова посылала отъ себя добрыхъ сторонниxъ людей ко всѣмъ селамъ Рожищскимъ, какъ къ своимъ сходатаямъ: въ село Свинчаны, Топольное, въ село Старое Рожище, въ Волю Рожищскую и Пожарки, приглашая на копу, и требуя, чтобы жители изъ сельца Свинюхъ, гдѣ пастухи живутъ, также жители изъ всѣхъ селъ Рожищскихъ вышли на свою Рожищскую землю, взяли бы на границѣ этой земли, отъ всей копы, слѣдъ шкодника, и вывели бы этотъ слѣдъ изъ своей земли Рожищской до иной границы, по стародавнему

дей выйти не хотели. А такъ дей копа, не чинячи имъ въ томъ кородкости права, переночевавши дей на следу, рано вовторокъ, послала съ копы знову до всихъ селъ Рожицъскихъ, яко до сходатаевъ своихъ, людей добрыхъ сторонъныхъ: до Свиньчанъ и до Топольного, такъ тежъ до села Старого Рожища и до Воли Рожищское, и Пожарковъ, звещаючи имъ па копу, и о томъ, абы Свинъчане, где чебени живутъ, съ того селца люде, такъ тежъ зо всихъ селъ Рожищкихъ, вышедши на грунтъ свой Рожищкій, отъ границы следъ шкодниковъ, отъ всее копы тое, взяли, а зъ грунту своего Рожищскаго, водле стародавнее свыклости, ажъ до иншое границы вывели. То пакъ дей тые вси села Рожищскіе, звышъпомененые звистку того слухати, ани на копу выйти и слиду того взяти выводити не хотели. Штожъ дей копа въ томъ имъ еще была фольгу учинила, послала съ копы человека добраго, до вряд-

обычаю. Но всѣ вышеозначеные села Рожищскія ни слушать позва, ни выйти на копу, ни взять и отвести слѣдъ не хотѣли. Копа оказала имъ снисхожденіе тѣмъ, что еще разъ посылала отъ себя добраго человѣка къ уряднику Рожищскому Степану Калениковичу' требуя, чтобы Рожищскіе крестьяне его милости, пана владыки Луцкаго, вышли на копу, созванную со стороны пана Сокольскаго: потому что шкода никому не мила; при томъ же, издавна между нами отыскиваютъ преступника ничѣмъ инымъ, какъ только копою. Поэтому Рожищане, будучи издавна нашими сходатаями, если бы на копу не вышли, всѣ или одно изъ ихъ селъ, то весь причиненный преступникомъ вредъ падетъ на нихъ. Но урядникъ Рожищскій не хотѣлъ ни самъ слушать, ни объявить объ этомъ крестьянамъ. Копа снова, въ третій разъ, требовала чрезъ своихъ посланцевъ, чтобъ на копу вышли; но они, догадываясь, вѣроятно, что между ними находится преступникъ, не уважили и этого позва, на копу выйти и отвѣта о себѣ дать не хотѣли. Копа, видя такое великое упорство ихъ, тотъ же часъ, стоя па томъ же слѣду, по-

ника Рожицкого, наймя до Степана Калениковича, ознаймуючи ему о томъ, абы подданые его милости, пана владыки Луцкого, Рожищскіе на тую копу, отъ стороны Сокольскіе зозваную, выйшли; бо дей шкода никому не мила, гды жъ дей здавна межи нами шкодника ничимъ, одно копою доходятъ; гдыжъ дей они, яко сходатае наши здавна будучи, где бы не вышли, хотя бы одно село не стало на копи, тогда дей и къ тому шкода тая приложена отъ копы будетъ. А такъ дей врядникъ тотъ самъ того слухати, такъ тежъ подданымъ ознаймити того не хотелъ. Гдыжъ имъ копа знову, чрезъ свое посланцы, третій разъ звестила, абы выйшли на копу; вони, подобъно дей чуючи межи собою шкодника моего, и на тотъ заказъ ничого не дбали, и на копу выйти, и о собе справы нiякое дати не хотели. Видечи то копа упоръ ихъ великій, тогды, на тымъ же слѣду стоячи, по возного собе до вряду послала; а съ тымъ

слала въ урядъ за вознымъ, и съ этимъ вознымъ и съ сторонними людьми, приговорила всѣ села Рожищскія, за ихъ невыходъ, къ уплатѣ всѣхъ убытковъ, причиненныхъ мнѣ преступникомъ.» Затѣмъ, болѣе десяти человѣкъ изъ копы, явившись въ урядѣ замка господарскаго Луцкаго, въ тотъ же день, вышеозначеннаго числа, объявили слѣдующими словами: «Мы, вмѣстѣ съ возымъ и сторонними людьми, присланы въ урядъ Луцкій, отъ копы, отъ всей нашей великой громады, для вызнанья и объявленія суда своего копнаго, а именно: Лукьянъ, крестьянинъ пана Андрея Загоровскаго изъ Навоза, Сивулашъ, крестьянинъ князя Марка Сокольскаго изъ того же Навоза, Грицъ, крестьянинъ пана Щаснаго Харлинскаго, подкоморія Кіевскаго, изъ Смердина, изъ того же Смердина Иванъ, крестьянинъ князя Сокольскаго, изъ Дуща Моисей и Трутъ, а изъ Соколина Куцъ и Ивашко, крестьяне того же пана Сокольскаго, изъ Любча Несторъ, крестьянинъ князя Григорія Любецкаго, изъ Рудки Феня, а изъ Козина Данило, изъ Ставу Симонъ, изъ Соловина Бартошъ, крестьяне того же князя Любецкаго, изъ Любча Онисько и

вознымъ и зъ людьми сторонъпыми, тая копа въся шкоды мое на все села Рожищскіе за невыходъ ихъ вложила. А такъ съ тоее копы чоловека окольκодесять, постановивъшися на вряде въ замку господарскомъ Луцкомъ, тогожъ дня и даты вышей-описаное, повидили тыми словы: ижъ дей мы, отъ всее громады нашое великое, до вряду Луцкого, на вызнанье и на отказованье суду своего копнаго зъ вознымъ и стороною присланн есмо отъ копы, то есть меновите: Лукьяна зъ Навоза, пана Анъдрия Загоровского подданый: съ тогожъ Новоза Сивулаша, князя Марка Сокольского подданый; Грицъ зъ Смердина, пана Щасного, Харлинскаго, подъкоморого Кіевского, подданый; съ тогожъ Смердина Ивана князя Сокольского подданый; съ Дуща Моисея а Трута, а зъ Сокольна Куца а Ивашка, тогожъ князя Марка Сокольского подданые; зъ Любча Нестера, князя Григорья Любецкого подданый: зъ Рудки Феня,

---

Кондратъ изъ Рудки, Куицъ изъ Става, Исаія изъ Соловика, крестьяне ея милости, паньи Николаевой Харлинской, изъ Любча Янъ Ляхъ, крестьянинъ князя Григорія Коширскаго; притомъ сторонніе люди: изъ Лукова Прокопъ и Мишко Ждановичъ, крестьяне пана Андрея Загоровскаго, изъ Суска Юско Романчичъ, изъ Носячевичъ Антонъ, крестьяне пана Щаснаго Харлинскаго, изъ Володковщизны Остапъ, крестьянинъ князя Василія Сокольскаго. Всѣ мы, посланцы, объявляемъ отъ всей копы, что вышепоименованныя села издавна сходились съ Рожищанами для изслѣдованія всякаго вреда, причиненнаго преступникомъ, на границѣ, или гдѣ бы ни былъ причиненъ вредъ; а теперь ни одинъ изъ нихъ, для изслѣдованія вреда, причиненнаго сосѣду нашему пану Хорковскому, ни выйти на слѣдъ шкодника, ни дать о себѣ надлежащаго свѣдѣнія не хотѣлъ. А такъ какъ, по нашему копному праву, выходъ всегда платитъ за вредъ, понесенный истцомъ; то поэтому вся копа, поступая по копному праву и стародавнему обычаю своему, присудила всѣ убытки истца взыскать съ селъ Рожищскихъ, за ихъ невыходъ. Вслѣдствіе

а съ Козина Данила, зъ Ставу Симона, зъ Соловина Бартоша, тогожъ князя Любецкого подданые: зъ Любча Ониска, Кондрата, зъ Рудки, Кунца зъ Ставу, Исая зъ Соловика, ее милости панее Миколаевое Харлинское подданые; зъ Любча Япа Ляха, князя Григоря Коширского подданный. При томъ стороныхъ людей: зъ Лукова Прокопа а Мишка Ждановича, пана Андрея Загоровского подданые: зъ Суска Юска Романъчича, зъ Носячевичъ Антона, пана Щасного Харълинъского подданые, зъ Володковщизны Остапа, князя Василя Сокольского подданые. Штожъ мы вызнаваемъ отъ всее копы, ижъ дей тыхъ селъ въсихъ звышъ помененыхъ здавна о шкоды въшелякие зъ Рожищаны, на границу, або где колвекъ шкода, тамъ схоживалися личити, а теперь до насъ на ликъ о шкоды сусѣда нашого, пана Харъковского, на слѣдъ шкодника его, ни одинъ зъ ныхъ выйти, такъ тежъ о собе справы слушное дати

чего, копа, въ присутсвіи вознаго и стороннихъ людей, подвергла взысканію всѣ села Рожищскія, за ихъ невыходъ, оцѣнивъ убытки согласно съ показаніемъ истца, который, по опредѣленію копы, долженъ былъ подтвердить свое показаніе присягою. Истецъ, панъ Матысъ Хорковскій, оцѣнилъ понесенные имъ убытки въ четыреста копъ грошей Литовскихъ, и тамъ же предъ нами, предъ всею копою, въ присутствіи вознаго и стороннихъ людей, самъ-третей, подтвердилъ свое показаніе присягою. А мы присудили ему взысканіе на всѣхъ селахъ Рожищскихъ, съ тѣмъ, чтобы эти села, удовлетворивъ пана Хорковскаго, искали себѣ виноватаго». Вслѣдъ затѣмъ, возный повѣта Луцкаго, Войтехъ Яблонскій, явившись лично предо мною, здѣсь же въ замкѣ господарскомъ Луцкомъ, объявилъ, для записанія въ книги гродскія Луцкія, слѣдующее: «Будучи отряженъ урядомъ на вышепомянутую копу, присутствовалъ я, вмѣстѣ съ двумя шляхтичами, панами Яномъ Несебенцкимъ и паномъ Матысомъ Выгоновскимъ, а также съ сторонними добрыми людьми, на копѣ, великой громадѣ, которая была собрана паномъ Матысомъ

не хотели. А изъ дей, водле права нашого копного, невыходъ всегды платитъ шкоды; штожъ копа вся, заховуючися водле права копного и звычаю стародавного своего, шкоду тую, ко всимъ селомъ Рожищскимъ, за невыходъ ихъ, приложила, и, маючи дей при собе возного и сторону, тую шкоду ко всимъ селомъ Рожищскимъ, за невыходъ ихъ, приложила, осумовавши, я подлугъ менованя шкодъного, на шкоды его доводъ ему исказала. Што менечи собе шкодный такъ, яко чотыриста копъ грошей Литовскихъ; а тумъ же, передъ нами копою всею, передъ вознымъ и стороною, панъ Матысъ Хоръковскій самотреть доводъ учинилъ, а мы тей ему шкоду его присудили на всѣхъ селахъ Рожищскихъ, абы они, заплативши тую шкоду пану Хорковскому, а собе винъного искали. Гдыжъ возный повету Луцкаго, Войтехъ Яблонскій, постановившися обличъне передо мною, тутъ же въ замку господарскомъ, Луцкомъ, тогожъ дня, тымижъ словы до книгъ гродскихъ Луцкихъ ку записованью созналъ. Штожъ дей я, будучи зъ уряду приданымъ до копы тоее и маючи дей я при собе двухъ шляхтичовъ: пана

Хорковскимъ, на слѣду шкодника его, у границы на землѣ Рожищской, въ тысяча пять сотъ восемдесятъ второмъ году, мѣсяца Ноября двадцать восьмаго дня. Тамъ же, въ это время, видѣлъ я слѣдъ и ступни человѣчія по дорогѣ къ сельцу Рожищскому, гдѣ живутъ пастухи. Громада, дойдя по этому слѣду до земли Рожищской, кликала и вызывала Рожищанъ; но ни одинъ человѣкъ съ ихъ стороны не отозвался, никто не вышелъ и не взялъ слѣда. Копа засвидѣтельствовала невыходъ ихъ мною вознымъ и сторонними людьми. Затѣмъ я осматривалъ вредъ, причинённый пану Хорковскому въ имѣніи его Кобчемъ, и видѣлъ пять домовъ, сожженныхъ со всѣми принадлежностями, и три тамошнія хаты. Копа, оцѣнивъ весь этотъ вредъ, при мнѣ возномъ и стороннихъ людяхъ, опредѣлила, чтобъ истецъ самъ-третей подтвердилъ оцѣнку понесенныхъ имъ убытковъ присягою. И панъ Хорковскій, оцѣнивая свои

Яна Цесебенцького, а пана Матыса Выгоновского, при томъ людей добрыхъ сторонъныхъ звышьпомененыхъ, при которыхъ дей я будучи у громады великой, копе, которая была отъ пана Матыса Хоръковского зобрана, на слѣду шкодника его, у границы, на грунте Рожицскомъ, року осемдесятъ второго, мѣсяца Ноября двадцать осмого дня, тамъ же на тотъ часъ видилъ есми слѣдъ и ступы человечие къ сельцу Рожинскому, где чебани мешкають, идучи на который слѣдъ въ Рожицское стороны, гды громада кликала и пытала, а жаденъ человѣкъ зъ ихъ стороны къ нему выйти и его узяти не озвался. Што дей копа мною возньмъ и стороною освѣтчила невыходъ ихъ: а шкоду пана Хоръковского, тамъ же на тотъ часъ будучи вымененчку его Кобчи, видилъ есми домовъ пять зо всею оселею попаленыхъ, а три хатъ тутошнихъ. А такъ тую шкоду копа вся при томъ возномъ и стороне тамъ осумовала: при которой шкоди его, копа ему самотретему доводъ учинить всказала; што собе онъ шкоды четыриста копъ грошей Литовскихъ менячи быть. Панъ Хоръковскій на томъ доводъ самотреть учинилъ. Якожъ дей то, за доводомъ его слушнымъ, водле права и артикулу шостого въ разделе чотырнадцатомъ учиненымъ, копа вся приложила шкоду его ко всимъ селумъ Рожищскимъ, за невыходъ ихъ, и всказала тую суму пану Матысу Хоръковскому, за шкоды его на нихъ, абы дей они, тое заплативши, а собе винъного искали. А такъ тотъ судъ свой копный, копа

убытки въ четыреста копъ грошей, подтвердилъ это самъ-третей присягою. На основаніи этого законнаго доказательства, согласно артикулу шестому въ раздѣлѣ четырнадцатомъ Статута, вся копа опредѣлила взыскать за вредъ, причиненный преступникомъ, со всѣхъ селъ Рожищскихъ, за ихъ невыходъ, и вышеозначенную сумму присудила пану Матысу Хорковскому съ тѣмъ, чтобы Рожищане, уплативъ эту сумму, искали себѣ виноватаго». Такой судъ копный объ-

вся, черезъ возного повету Луцкого, Войтеха Яблонского, и сторону звышъпомененую, мнѣ уряду объвестила и половицу пересуду дала. Штожъ я, не отступуючи права посполитого и статуту Великого князства Литовскаго, сложилъ есми рокъ заплате пенежной, тымъ чотыремъ сотъ копамъ, подлугъ артикулу пятдесятъдевятого въ роздеде четъверътомъ, на каждую сто копъ двенадцать недель. А такъ плачонъ быти мастъ, почонъши отъ сего дня, мѣсяца Генваря второго дня, втомъ року осемдесятъ третемъ. А такъ я тое оповеданье пана Хоръковъского и возного сознане, такъ тежъ объвещенье, черезъ сторону, суду ихъ копъного, которая притомъ была, и рокъ запълате, отъ уряду положоный, до книгъ гродъскихъ Луцъкихъ записати есми казалъ.

явила мнѣ уряду вся копа, чрезъ вознаго и поименованныхъ выше стороннихъ людей, давъ половину пересуда. Вслѣдствіе чего, я, не отступая отъ права посполитаго, статута Великаго Княжества Литовскаго, назначивъ срокъ для уплаты четырехъ сотъ копъ, согласно артикулу пятьдесятъ девятому раздѣла четвертаго, то есть, на каждыя сто копъ двѣнадцать недѣль, считая срокъ съ нынѣшняго втораго числа мѣсяца Генваря, восемдесятъ третьяго года. Затѣмъ я вышеизложенное объявленіе пана Хорковскаго, донесеніе вознаго, также засвидѣтельствованіе стороннихъ людей о копномъ судѣ и срокъ для уплаты денежнаго взысканія, урядомъ назначенный, приказалъ записать въ гродскія Луцкія книги.

(Книга гродская луцкая 1583 года, листъ 76—79).

клеймо панее Абрамовое Пузовское, презъ бортника панее Василевое Верьбское положоное, знашли есмо, и оное тыми жъ возными освѣтчили и шляхтою менованою." Где, тутъ же, очевисто ставши передо мною на вряде, возные менованные: Наумъ Кузминьскій и Стефанъ Ковалевскій, тое право копное въ тые же слова, яко и сами судьи, сознали: ижъ тамъ, на томъ местцу, притомъ всемъ, были и по три кротъ до Вербое и Вохновичъ ездили и всихъ пановъ Вербскихъ, именъ звышменованыхъ, въ домехъ ихъ очевисте заставши, упоминали, абы они сами на копе становились и подданыхъ своихъ ставили; нижли они, за всѣми трома разы, не становилисе и подданыхъ своихъ не становили. Которое жъ то очевистое сознане судей копныхъ и возныхъ прережченыхъ, за принятемъ моимъ, есть до книгъ кгродскихъ записано.

суда были, при всемъ дѣлопроизводствѣ присутствовали, что три раза ѣздили въ Вербое и Вохновичи, каждый разъ заставали всѣхъ вышепоименованныхъ пановъ Вербскихъ въ домахъ ихъ и напоминали, чтобъ они сами явились на копѣ, и крестьянъ своихъ представили. Но они, послѣ всѣхъ трехъ напоминаній, на копу не явилась и крестьянъ своихъ не представили. Это личное показаніе судей копныхъ и вышепоименованныхъ возныхъ принято мною и записано въ гродскія книги.

Книга гродская владимірская 1608 года, листъ 286.

VI.

Судъ сельской громады о ворòвствѣ; пытка и смертная казнь. 1622, декабря 9.

Року тысяча шесть сотъ двадцать второго, месеца Декабря, девятого дня.

На вряде гродскомъ, въ замку его королевской милости Володимерскомъ, передо мною Станиславомъ Собанскимъ, бургграбимъ замку Володимерского, и книгами нинешними кгродскими старостинскими, становши очевисто, шляхетный Микола Закревскій, возный земскій, енералъ воеводства Волынскаго, для записаня до книгъ нинешнихъ кгродскихъ Володимерскихъ, явне, ясне и доброволне зозналъ и на письме реляцию свою подалъ, тыми словы писаную и такъ ся всобе маючую:

VI.

Тысяча шестьсотъ двадцать втораго года, мѣсяца Декабря, девятаго дня.

Въ урядѣ гродскомъ, въ замкѣ его королевской милости Владимірскомъ, предо мною Станиславомъ Собанскимъ, бургграфомъ замка Владимірскаго, и предъ книгами нынѣшними гродскими старостинскими, явившись лично, шляхетный Николай Закревскій, земскій генеральный возный воеводства Волынскаго, созналъ явно, ясно и добровольно, для вписанія въ нынѣшнія гродскія Владимірскія книги, и подалъ на письмѣ свою реляцію, написанную слѣдующими словами и заключающую въ себѣ нижеслѣдующее: »Дѣялося въ 1622-мъ году, Декабря 8-го дня, въ имѣніи его милости, пана Адама Киселя, Низкеничахъ, въ присутствіи благородныхъ ихъ милостей пановъ: Яна Сембля, Петра Калусовскаго, Стефана Вѣнтчика, также въ присутствіи духовной особы, Спасскаго священника, отца Іереміи изъ Тышкович, имѣнія его милости владыки Владимірскаго, также въ присутствіи крестьянъ изъ разныхъ селъ околичныхъ, а именно: при Самуилѣ Бартошевичѣ изъ громады Бутятицкой, при Федькѣ

Actum est anno 1622, mense decembri, 8 die, w maiętnośći Nizkieniczach iego mośći pana Adama Kysiela, przy bytnośći urodzonych ich mośćiów panów: Jana Sembla, Piotra Kałusowskiego, Stephana Więtczyka, tudzis duchowney osobe, oyca Eremei swieszczenika Spaskiego, z maiętnośći iego mośći, księdza władyki Włodzimierskiego, Tyszkowicz, y przy poddanych z roznych wsi okolicznych, to iest: Samoyle Bartoszowicza, z gromady Butiatickiei, y przy Fiedku Sięku z gromady Tyczkowickiey, Lewku Repiachu z gromady Wareskiey, maiętnośći iego mośći pana Sędziego Lwowskiego, y przy wielu ynnych. Tudziś, przy wszistkiey gromadzie Nizkienickiey, za instigowaniem poddanego Nizkienickiego Mikołaia Szczerbacza, postanowiony iest do sądu, według zwyczaiu i prawa pospolitego, więzieniem zwyczainym opatrany, nieiaki Waśko, syn Juriia Czerewka, tak iako się on być mianował, ze wsi Zawisznia, dobr, do starostwa Sokalskiego naliezących, s takowym przełożeniem skargi i obwinienia: iż ten pomieniony człek, przepomniawszy boiazni Bożey, nie-

---

Сенкѣ изъ громады Тышковицкой, Левкѣ Репяхѣ изъ громады Вареской, изъ имѣнія пана судьи Львовскаго, и при многихъ иныхъ. Въ это время, по доносу Низкеницкаго крестьянина Николая Щербача, поставленъ былъ на судъ, предъ всею громадою Низкеницкою, по обычаю и праву посполитому, подъ обычнымъ арестомъ, какой-то Васько, сынъ Юрія Черевка, какъ онъ самъ называлъ себя, изъ села Завишня, принадлежащаго къ староству Сокальскому. На него представлена была слѣдующая жалоба и обвиненіе: «Поименованный человѣкъ, забывъ страхъ Божій, не помня благодѣяній, которыми пользовался прежде, служивъ вышеозначенному истцу, разсчитавшись съ нимъ обыкновеннымъ способомъ и получивъ условленную плату, отправился ночью, четвертаго числа, изъ Низкеничь, а потомъ, подкравшись воровскимъ способомъ, взялъ и укралъ у истца, на подворьи, коня, шерстью темномышастаго, оцѣниваемаго истцомъ въ сорокъ злотыхъ, съ возомъ и хомутомъ, и съ украден-

pomniąc na dobrodzieystwo, którego zażywał pierwiey, służąc teraz instiguiącemu, rosprawiwzy się z nim zwycyaynym sposopem, płacą swoią ukontentowany, czwartego dnia, po odeśćiu z Nizkenicz, w nocy, sposobem złodzieyskym podszedszy, wzioł i ukradł u skarzącego się konia w szyrść ciemno myszatego, którego on sobie szacował złotych czterdzieście, z wozem y z chomątem, na podworzu, u tego to instiguiącego, y z onym koniem kradzionym uiechał. Który to złodzi, gdy był szukany wszędzie, przyscigniony iest w maiętnośći wielmożnego iego mośći pana Stanisława Żorawińskiego, Kastellana Bielzskiego, we wsi Holubiach. A potym, za requirowaniem tegoż instiguiącego, od starosty y gromady tameyszey wydany. Który, tam zaraz, do uczynku swego przyznawszy śię, o koniu, gdzie go zostawił y przychował, wyznał, to iest na Wolce za Sokaliem, wsi należącei do Sokala. Którego to konia ten pomienony insti-

---

нымъ конемъ уѣхалъ»». Воръ былъ отыскиваемъ вездѣ и застигнутъ въ селѣ Голубяхъ, имѣніи вельможнаго его милости пана Станислава Жоравинскаго, кастеляна Белзскаго. Потомъ, по требованію того же истца, воръ былъ выданъ старостою и громадою вышеозначеннаго села. Тамъ же воръ тотчасъ признался въ своемъ преступленіи, и объявилъ, гдѣ онъ оставилъ и припряталъ коня, именно за Сокалемъ, въ селѣ Волькѣ, принадлежащемъ къ Сокалю. Отыскавъ украденнаго коня, истецъ ставилъ вора на судъ вмѣстѣ съ поличнымъ. Представивъ означенную выше жалобу, сообразно съ законами, пригласивъ генеральнаго вознаго воеводства Волынскаго, шляхетнаго Николая Закревскаго, и палача Яска, изъ города Торчина, онъ требовалъ и просилъ, чтобы воръ былъ осужденъ по законамъ, по мѣрѣ его вины. Вслѣдствіе чего, вышепоименованные ихъ милости, также лица, присланныя отъ громадъ, вмѣстѣ съ Низкеницкою громадою, сообразуясь съ обычнымъ правомъ и съ писаннымъ статутомъ, спрашивали вора: признается ли онъ въ преступленіи и въ томъ, что у него найдено поличное? И этотъ

guiący odszukawszy, takową skargę przełożywszy, oraz złodzieia z licem do sądu stawił, postąpiwszy w tym sobie prawnie, sposobiwszy szlachetnego Mikołaia Zakrzewskiego, generała woiewodstwa Wołynskiego, y mistrza Jaska z miasta Torczyna, requirował y prosił, aby według zasług swoich y według prawa był osądzony. A przeto urodzeni ich mośći wysz pomienieni, tudzisz pomieneni wysłani z gromad, wespoł z gromadą Nizkienicką, przychiliwszy się do prawa y statutu pisanego, naprzod pytali: ieśli by się znał do takiego uczynku y lica tego? Który to obwiniony złodzi przyznał się do uczynku y lica tego. A potem dekret swoy ferowali, aby był, tak iako zasłużił, y prawo uczy, na garlę karany. I za takowym dekretem oddany iest do rąk wyszpomienionego mistrza na executią, zostawiwszy przy tym wolne instiguiącym, ktory z inszych wsi przypytowali się do złodzieia tego, probe, ieśliby który chciał, y ieśliby ten złodzi miał przyznać do iakiego uczynku. Niźli, iź źaden nie ynstigował, aby był pociągniony do proby wyznania kradzieży, dalszy podany niebył, za uczynek samey teie, kradzieży zwyszpomie-

---

обвиненный воръ признался въ преступленіи и въ томъ, что у него найдено поличное. Затѣмъ вышеозначенныя лица опредѣлили декретомъ своимъ, чтобы онъ, какъ заслужилъ, и какъ повелѣваетъ право, былъ казненъ смертію. На основаніи такого приговора, онъ отданъ былъ въ руки вышепоименованнаго палача на экзекуцію. При этомъ людямъ изъ другихъ селъ, желавшимъ допросить вора, предоставлено было вольное право требовать, чтобъ воръ подвергнутъ былъ пыткѣ, не признается ли онъ еще въ какомъ нибудь преступленіи. Но такъ какъ никто не требовалъ, чтобы воръ, для признанія въ воровствѣ, былъ подвергнутъ пыткѣ, то онъ и не былъ болѣе подвергаемъ пыткѣ; но за одну только означенную выше покражу получилъ отъ вышепоименованнаго палача награду, по своей заслугѣ и согласно съ писаннымъ правомъ: былъ казненъ смертію». Вышепоименованный возный, объявивъ, что все это дѣй-

nioney, przez mistrza zwyszpomienionego odniosł, według zasługi swey y prawa opisanego, zapłate y na garle karany iest«. Што все менованный возный, такъ власне правдиве быти зознавши, просилъ, абы тое его очевистое и добровольное зознанье принято и до книгъ записано было; которое есть принято и записано.

ствительно такъ происходило, просилъ, чтобы его личное и добровольное сознанье было принято и въ книги записано; и оно принято и записано.

Книга гродская владимірская 1622 года, листъ 911 на оборотѣ.

IV.

Свѣденія о началѣ уніи, извлеченныя изъ актовъ кіевскаго центральнаго архива.

Свѣденія о началѣ уніи, извлеченныя изъ актовъ кіевскаго центральнаго архива. *).

Свѣденія объ уніи, сохранившіяся въ актовыхъ книгахъ кіевскаго центральнаго архива, относятся ко второй половинѣ XVI в. Въ это время исторія православной церкви въ югозападной Россіи представляетъ два главныя направленія: съ одной стороны, усиліе польскаго правительства ослабить православіе и, распространяя католичество, вести народъ русскій къ соединенію съ римскимъ костеломъ; съ другой—стремленіе русскаго народа сохранить свою народную вѣру, противодѣйствуя католической пропагандѣ. Эти два направленія выразились въ распоряженіяхъ польскаго правительства, въ дѣйствіяхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, желавшихъ соединиться съ римскимъ костеломъ, въ угнетеніяхъ православнаго народа русскаго и въ окончательномъ принятіи и провозглашеніи уніи. Изъ актовъ, относящихся къ исторіи

*) Перепечатаны изъ »Русской Бесѣды« за 1858 г., № 3, и помѣщены также въ »Архивѣ югозападной Россіи, издаваемомъ временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше учрежденною при кіевскомъ военномъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Ч. I. Т. I. Кіевъ. 1859«, стр. XI—LXXXVII. Здѣсь это изслѣдованіе составляетъ объяснительную статью къ изданнымъ актамъ и носитъ заглавіе: »содержаніе актовъ перваго тома«.

православной церкви въ югозападной Россіи, можно видѣть цѣль уніи, средства, которыя употребляемы были для достиженія этой цѣли, наконецъ, вліяніе этого религіознаго переворота на государственный и гражданскій бытъ Польши и югозападной Россіи.

Цѣль уніи была часто политическая. Польское правительство полагало, во-первыхъ, что для внутренняго спокойствія въ государствѣ необходимо единство вѣроисповѣданія, особенно тамъ, гдѣ монархическая власть, по своему безсилію и ограниченности, не могла удерживать подданныхъ въ предѣлахъ закона и предупреждать борьбу религіозныхъ партій. Король Сигизмундъ III, приглашая своихъ подданныхъ къ принятію уніи, говоритъ: „наше величайшее желаніе состоитъ въ томъ, чтобы мы могли пребывать съ своими подданными въ единой вселенской церкви, подъ однимъ истиннымъ пастыремъ, чтобы славить Бога едиными усты и единымъ сердцемъ, чтобы, пребывая въ такомъ соединеніи, по долгу христіанства, водворять въ народахъ одной и нераздѣльной Рѣчи-Посполитой согласіе, единство и любовь—эти верховныя и общія блага, и чтобы тѣмъ сохранить и укрѣпить цѣлость государственнаго союза"[1]).

Внутреннее спокойствіе, единство и согласіе подданныхъ, основанныя на единовѣріи, должны были имѣть слѣдствіемъ увеличеніе политической силы государства. Эта мысль выражается слѣдующими словами Сигизмунда III, который, обращаясь къ своимъ православнымъ подданнымъ, говоритъ: „ясно для всѣхъ, что отъ единства и согласія даже малыя вещи возрастаютъ и дѣлаются великими, а отъ несогласія и величайшія вещи гибнутъ и упадаютъ. Эту истину подтверждаютъ примѣры, представляемые исторіею. Въ древнія времена, когда церковь восточная пребывала въ соединеніи съ западною, государства достигали великой славы и непреодолимаго могу-

[1]) Манифестъ 1595 сентября 24 (книга земская владимірская съ 1595 по 1596 г., листъ 104 на оборотѣ).

щества. Поэтому великіе императоры, короли и могущественные монархи всегда, съ великою ревностію, старались приводить въ соединеніе эти церкви, неоднократно одна отъ другой отдѣлявшіяся. Слѣдуя этимъ примѣрамъ, и мы всею душою желаемъ быть въ единовѣріи съ нашими подданными, которыхъ всемогущій Богъ поручилъ намъ во власть и управленіе" [1]). Увеличеніе политической силы польскаго королевства особенно было необходимо для того, чтобы противодѣйствовать возраставшему могуществу Турецкой имперіи, угрожавшей не только Польшѣ, но и всей христіанской Европѣ. Въ этомъ отношеніи, унія, какъ средство къ укрѣпленію польскаго королевства, имѣла важность для папскаго двора и для всѣхъ христіанскихъ государствъ Европы, считавшихъ Польшу оплотомъ противъ возраставшаго магометанизма. Польское правительство смотрѣло на раздѣленіе церквей, какъ на главную причину турецкаго могущества и всѣхъ бѣдствій, претерпѣваемыхъ христіанскими народами отъ магометанъ; это ясно видно изъ слѣдующихъ словъ въ манифестѣ Сигизмунда III: „по отторженіи церкви греческой отъ римскаго костела, весь гнѣвъ Божій излился на людей, христіанство терпитъ безчисленныя бѣдствія, государства подвергаются неоплаканной гибели, великія и славныя королевства впадаютъ въ нищету, знаменитые люди богатыхъ и славныхъ странъ терпятъ неволю во власти невѣрныхъ. Особенно въ настоящее время, жестокости и притѣсненія болѣе и болѣе возрастаютъ отъ несогласія между христіанами и отъ могущества непріятеля, который всѣми силами старается попрать хвалу Божію" [2]). Сверхъ того, польское правительство считало необходимымъ соединеніе церквей для того, чтобы окончательно разорвать моральную связь,

---

[1]) Манифестъ Сигизмунда III, 1596 мая 29 (кн. грод. луцкая съ 1595 по 1597, листъ 129 на оборотѣ).

[2]) Тотъ же королевскій манифестъ.

соединявшую югозападную Русь съ московскимъ государствомъ [1]).

Православные епископы, согласившіеся на унію, имѣли въ виду свою особую цѣль. Они надѣялись, что, подъ властію одного верховнаго пастыря, церковная іерархія будетъ находиться въ лучшемъ устройствѣ, что церковь и духовенство, претерпѣвавшее жестокія преслѣдованія, будутъ пользоваться покровительствомъ и защитою высшаго римско-католическаго духовенства. Эту цѣль ясно выражаютъ епископы Ипатій Потѣй и Кириллъ Терлецкій въ письмѣ своемъ, писанномъ изъ Рима къ епископу львовскому Гедеону Болобану: „лучше,—говорятъ они,—находиться подъ однимъ наивысшимъ пастыремъ, нежели подъ пятью или шестью, пребывать въ мирѣ и любви съ духовными римскими, отъ которыхъ милость и оборона святымъ церквамъ и лучшій порядокъ, дастъ Богъ, будетъ" [2]).

Мы увидимъ, что всѣ эти планы имѣли слѣдствія, совершенно противныя намѣреніямъ папскаго двора и польскаго правительства.

Двѣ главныя причины содѣйствовали къ распространенію уніи въ югозападной Россіи: разстройство православной іерархіи и недостатокъ основательнаго народнаго образованія.

Въ эпоху, предшествовавшую уніи, короли польскіе имѣли неограниченное право раздавать епископіи и монастыри, по своему произволу; въ этомъ отношеніи они назывались „верховными подателями столицъ духовныхъ и всѣхъ хлѣбовъ духовныхъ". Въ епископы и настоятели монастырей избираемы были, большею частію, лица свѣтскія изъ дворянскихъ фами-

---

[1]) См. Rychcyckiego, Piotr Skarga i iego wiek. Kraków, 1850. T. I, p. 282; T. II, p. 17.

[2]) См. письмо епископовъ Кирилла Терлецкаго и Ипатія Потѣя изъ Рима къ львовскому епископу Гедеону Болобану, 1595 декабря 29 (кн. грод. владимірская 1596 г., листъ 106).

лій, не приготовленныя къ исполненію высокихъ іерархическихъ обязанностей. Ихъ привлекали богатыя церковныя имѣнія, пожалованныя епископіямъ и монастырямъ древними князьями русскими, великими князьями литовскими и другими лицами, для благоустройства церквей, для учрежденія школъ и богадѣленъ. Благочестивые фундаторы не предвидѣли, что ихъ благія намѣренія будутъ имѣть слѣдствіемъ великое зло для православной церкви. Еще при жизни престарѣлыхъ епископовъ, шляхтичи знатныхъ фамилій, желавшіе захватить въ свою власть церковныя имѣнія, отправлялись къ королю, упрашивали сенаторовъ, платили деньги и получали право вступить въ управленіе епархіею по смерти престарѣлаго епископа. До посвященія въ епископскій санъ они назывались нареченными епископами [1]). Также точно и богатые монастыри, по волѣ короля и по ходатайству сенаторовъ, раздавались въ управленіе свѣтскимъ лицамъ шляхетскаго сословія [2]). Шляхтичь, полу-

---

[1]) Представимъ нѣсколько примѣровъ, извлеченныхъ изъ актовыхъ книгъ. Въ 1563 г. шляхтичь Иванъ Яцковичъ Борзобогатый-Красенскій былъ нареченнымъ владыкою владимірскимъ и брестскимъ (кн. гр. луц. 1563, листъ 30 на об.). Въ 1569 году Андрей Ивановичъ Русинъ-Берестейскій, бывшій въ 1566 году подстаростою луцкимъ, именовался нареченнымъ владыкою пинскимъ и туровскимъ. Въ 1569 году онъ хлопоталъ на люблинскомъ сеймѣ о полученія епископіи луцкой, на что издержалъ 400 копъ грошей. Но старанія его не имѣли успѣха, и онъ умеръ въ 1579 г. въ санѣ нареченнаго епископа. Съ 1561 по 1567 годъ упоминается въ актахъ Марко Жоравницкій, нареченный владыка луцкій и острожскій; во все это время онъ управлялъ епархіею луцкою, оставаясь въ свѣтскомъ званіи.

[2]) Въ 1571 году Михаилъ Игнатовичъ Дчуса, землянинъ королевскій кременецкаго повѣта, получилъ жалованную королевскую грамоту на игуменство дерманскаго монастыря и управлялъ этимъ

чившій отъ короля жалованную грамоту на епископію, могъ передать свое право другому лицу, получивъ за то достаточное вознагражденіе [1]). Иногда право на епископію король предоставлялъ двумъ лицамъ, въ одно и то же время. Въ такомъ случаѣ споръ между епископами не ограничивался письменными жалобами и просьбами, но иногда обращался въ открытую войну. Они набирали толпу вооруженныхъ людей и насильно овладѣвали епископскою резиденціею и церковными имѣніями, употребляя при этомъ пушки, гаковницы и другое огнестрѣльное оружіе [2]). Нареченные епископы по нѣскольку лѣтъ управляли епархіями, оставаясь въ свѣтскомъ званіи; но и посвятившись въ епископскій санъ, продолжали вести безпорядочную, буйную жизнь, которою отличалась въ то время большая часть польской шляхты. Имѣя въ услуженіи отряды

монастыремъ, не посвятившись въ духовный санъ. Его изгналъ изъ монастыря князь Константинъ Острожскій въ 1575 году. Черничцкимъ монастыремъ Св. Спаса долгое время управлялъ, на основаніи жалованной королевской грамоты, вельможный панъ Дорогостайскій, стольникъ великаго княжества литовскаго. Этотъ монастырь былъ отобранъ у Дорогостайскаго тѣмъ же княземъ Константиномъ Острожскимъ, въ 1574 году (кн. гр. луцкая 1574, лис. 219 на об.).

[1]) Это видно изъ записи, данной Станиславомъ Жолковскимъ, сурогаторомъ белзскимъ, то есть, намѣстникомъ старосты белзскаго, епископу владимірскому Мелетію Хребтовичу, въ 1580 году апрѣля 24. Въ этой записи Жолковскій объявляетъ, что, получивъ отъ короля Стефана жалованныя грамоты и листы на епископію владимірскую и брестскую, онъ уступилъ свое право отцу Мелетію Хребтовичу, который за эту уступку ему, Жолковскому, досыть учинилъ (кн. грод. влад. 1580, листъ 167 на об.).

[2]) Смотри ниже споръ между нареченнымъ епископомъ Иваномъ Борзобогатымъ-Красенскимъ и епископомъ владимірскимъ Өеодосіемъ Лазовскимъ.

гайдуковъ и другихъ ратныхъ людей, они позволяли себѣ самоуправство и лично участвовали въ разбояхъ, грабежахъ и наѣздахъ, нарушая законы и пренебрегая королевскими повелѣніями. Такіе епископы не могутъ служить укоромъ для православной церкви, потому что не она воспитывала ихъ, и не она возводила ихъ въ высокій санъ іерарховъ.

Какъ только умиралъ епископъ, тотчасъ королевскіе сановники брали въ свое завѣдываніе церковное имущество, грабили церковную казну, забирали или уничтожали жалованныя грамоты и фундушовые листы, даже выскабливали фундушовыя записи, которыя, по тогдашнему обычаю, вписывались въ напрестольныя евангелія. Новый епископъ всегда находилъ свою епископію ограбленною и въ разстроенномъ состояніи. Короли польскіе, по жалобамъ православнаго духовенства, старались прекратить разграбленіе церковныхъ имѣній, и для этого издавали повелѣнія, чтобы церковное имущество, по смерти епископовъ и другихъ духовныхъ властей, поступало въ распоряженіе соборнаго духовенства; но власть короля была безсильна, и его повелѣнія рѣдко были исполняемы.

Впрочемъ между высшимъ западнорусскимъ дворянствомъ мы находимъ людей, которые, не смотря на всѣ усилія католической пропаганды, остались вѣрными православію, строили церкви и монастыри, учреждали при нихъ школы и богадѣльни, и надѣляли ихъ богатыми имѣніями. Князь Ѳедоръ Андреевичъ Сангушко, староста владимірскій, построилъ, въ своемъ имѣніи Мильцахъ, монастырь съ церковью во имя св. Николая. На содержаніе монастыря онъ назначилъ нѣсколько крестьянскихъ дворовъ и мельницъ, также пять селеній, съ крестьянами и со всѣми ихъ повинностями, записавъ свою дарственную запись въ напрестольное евангеліе [1]). Его наслѣдники: князь

[1]) См. фундушовую запись князя Ѳедора Андреевича Сангушка мелецкому монастырю, 1542 мая 23 (современ. копія въ заславскомъ архивѣ кн. Романа Сангушка).

Александръ Пронскій, кастелянъ троцкій, его жена Өедора Романовна, урожденная княжна Сангушковна, князь Янушъ Заславскій, воевода подляскій, и жена его Александра Романовна, урожденная княжна Сангушковна, раздѣляя наслѣдственное имѣніе, подтвердили фундушовую запись своего предка, объявивъ имѣнія монастыря мелецкаго нераздѣльными и неприкосновенными, удержавъ за собою только право избирать архимандрита или игумена и обязавшись защищать монастырь отъ всякихъ обидъ [1]). Василій Загоровскій, кастелянъ брацлавскій, завѣщалъ устроить во Владимірѣ, при своей фамильной ильинской церкви, богадѣльню, а въ селѣ Суходолахъ церковь, съ богадѣльнею для нищихъ и недужныхъ, назначивъ изъ своихъ имѣній доходы на содержаніе духовенства; при ильинской церкви устроилъ школу, въ которой дьякъ обязанъ былъ обучать дѣтей и заниматься перепискою церковныхъ книгъ [2]). Князь Богушъ Өедоровичъ Корецкій, воевода земли волынской, устроилъ въ своихъ имѣніяхъ три монастыря: корецкій, меренинскій и городискій, для прославленія имени Божія и для поминовенія прародителей [3]). Монастырь пересопницкій, со всѣми его имѣніями, пожалованъ былъ королемъ Александромъ фамиліи князей Чорторыйскихъ [4]). Впослѣдствіи времени, князь Юрій Чорторыйскій отдалъ церковное имѣніе Пересопницу въ залогъ, и поэтому доходы, назначенные на

[1]) Инвентарь монастыря мелецкаго 1593 апрѣля 3, въ томъ же архивѣ.

[2]) Духовное завѣщаніе Василія Загоровскаго, кастеляна брацлавскаго, 1577 іюля 2 (кн. грод. владимірская 1579 г., листъ 287 на об.).

[3]) Завѣщаніе князя Богуша Өедоровича Корецкаго, 1576 іюля 21 (кн. грод. луцкая 1576, листъ 367).

[4]) Жалованная грамота Сигизмунда I старостѣ луцкому, князю Өедору Михайловичу Чорторыйскому, на пересопницкій монастырь, 1526 февраля 18 (оригиналъ въ архивѣ князей Чорторыйскихъ въ г. Клевани).

содержаніе монастыря, прекратились; не стало ни игумена, ни братіи, для отправленія богослуженія. Сестра Юрія Чорторыйскаго, Елена Горностаева, выкупивъ пересопницкое имѣніе, возстановила монастырь, назначивъ на его содержаніе село Пересопницу со всѣми доходами. Она дала монастырю уставъ, по законоположенію Василія Великаго и по правиламъ святыхъ богоносныхъ отцовъ церкви, устроила при монастырѣ богадѣльню для убогихъ и недужныхъ, и школу для обученія дѣтей. Князь Юрій Чорторыйскій далъ обѣтъ, за себя и за потомковъ своихъ, быть покровителемъ и защитникомъ возобновленнаго пересопницкаго монастыря [1]).

Важнѣйшія епископіи въ югозападной Россіи, по обширности и по богатству церковныхъ имѣній, были епископіи владимірская и луцкая. Епископіи владимірской принадлежали: великая каменная церковь Успенія Пресвятой Богородицы, въ городѣ Владимірѣ, съ укрѣпленнымъ епископскимъ замкомъ и съ нѣсколькими дворами, мѣстечко Квасовъ, шестнадцать селеній въ повѣтахъ луцкомъ и владимірскомъ, и волость купечовская, заключавшая въ себѣ мѣстечко Озераны, одиннадцать селеній и рыбныхъ ловель. Сверхъ того, епископіи принадлежалъ островъ Волославъ на рѣкѣ Лугѣ, на которомъ находился монастырь св. Онуфрія [2]). Еще важнѣе, по своему богатству и значенію, была епископія луцкая и острожская. Ей принадлежали соборная церковь св. Іоанна Богослова въ замкѣ

---

[1]) Запись князя Юрія Чорторыйскаго Еленѣ Горностаевой на имѣніе Пересопницу, 1595 декабря 5 (кн. грод. луцкая съ 1595 по 1597 г., листъ 201). Фундушовый листъ Елены Горностаевой пересопницкому монастырю, 1596 мая 10 (кн. грод. луцкая съ 1595 по 1597 г., листъ 185).

[2]) См. опись церквей и имѣній епископіи владимірской, составленную при передачѣ этой епископіи Ипатію Потѣю, 1593 апрѣля 11 (кн. грод. владимірская 1593 г., листъ 250 на оборотѣ).

луцкомъ, построенная великимъ княземъ Любартомъ; въ этой церкви находилась гробница Любарта и гробы другихъ князей русскихъ и литовскихъ. Епископіи луцкой принадлежали также соборная церковь въ Острогѣ и церковь св. Владиміра въ городѣ Владимірѣ. Древніе князья русскіе, великіе князья литовскіе и другія лица надѣлили эту епископію богатыми имѣніями: ей принадлежали четыре мѣстечка и тридцать четыре селенія въ повѣтахъ луцкомъ и владимірскомъ. Изъ нихъ мѣстечко Хорлупъ, пожалованное великимъ княземъ Свидригайломъ, и мѣстечко Жабче были защищены укрѣпленными замками, съ пушками, гаковницами и другимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ [1]).

Въ эпоху, предшествовавшую уніи, обѣ епископіи находились во власти недостойныхъ пастырей. Въ 1565 году, по смерти епископа Іосифа, явилось два соперника, желавшіе завладѣть епископіею владимірскою и брестскою: шляхтичь Иванъ Борзобогатый-Красенскій и епископъ хелмскій Өеодосій Лазовскій. Первый изъ нихъ, получивъ королевскую грамоту на епископство и принявъ санъ нареченнаго владыки владимірскаго и брестскаго, завладѣлъ епископскимъ замкомъ, поручивъ его въ оборону сыну своему Василію Красенскому, секретарю королевскому. Но король Сигизмундъ Августъ въ то же самое время далъ свою жалованную грамоту на епископство владимірское Өеодосію Лазовскому, епископу хелмскому и белзскому. Епископъ Өеодосій, отправляясь въ свою новую епархію и предвидя упорное сопротивленіе со стороны соперника своего, Ивана Борзобогатаго-Красенскаго, собралъ значительное конное и пѣшее войско съ пушками и другимъ оружіемъ, намѣреваясь вооруженною рукою отнять у своего сопер-

[1]) Донесеніе коморника королевскаго о вводѣ епископа Кирилла Терлецкаго въ епископію луцкую и острожскую, 1585 ноября 25 (кн. грод. луц. 1591 г., листъ 314). Такое же донесеніе 1586 марта 11 (кн. грод. владимірская 1586 г., листъ 104).

ника столицу владимірской епископіи. Въ 1565 году сентября 12, владыка хелмскій, въѣхавъ въ городъ Владиміръ съ отрядомъ, состоявшимъ изъ двухъ сотъ конныхъ и трехъ сотъ пѣшихъ вооруженныхъ людей, требовалъ, чтобы Василій Красенскій добровольно уступилъ ему столицу епископіи владимірской. Получивъ отказъ, Ѳеодосій рѣшился взять епископскій замокъ штурмомъ. Увеличивъ свой отрядъ до двухъ съ половиною тысячъ вооруженныхъ людей и расположивъ пушки на городскихъ зданіяхъ, онъ открылъ пальбу по епископскому замку и соборной церкви, шесть разъ посылалъ свое войско на штурмъ и, наконецъ, не видя успѣха, велѣлъ подложить огонь подъ стѣны епископскаго замка, чтобъ выгнать оттуда своего противника; при этомъ убито было немало людей, многія зданія и самая соборная церковь были повреждены выстрѣлами. Василій Красенскій цѣлый день выдерживалъ осаду, но принужденъ былъ бѣжать изъ замка, оставивъ свое и церковное имущество во власти побѣдителя [1]). Король, по жалобѣ Ивана Борзобогатаго-Красенскаго, потребовалъ епископа Ѳеодосія на судъ и для этого послалъ къ нему своего дворянина Ивана Богуфала. Посланецъ королевскій, взявъ съ собою нѣсколько слугъ Ивана Красенскаго, явился къ епископу Ѳеодосію въ соборную церковь владимірскую и предъявилъ ему мандатъ королевскій. Ѳеодосій объявилъ, что на судъ короля не поѣдетъ, бросился съ посохомъ на слугъ Ивана Красенскаго, велѣлъ своимъ людямъ бить ихъ и топтать ногами въ соборной церкви, наконецъ выгналъ ихъ изъ замка, сказавъ: „если бы здѣсь былъ самъ Борзобогатый, то я велѣлъ бы изрубить его въ куски и бросить псамъ.“ А посланцу королевскому

---

[1]) Донесеніе вижа урядоваго о томъ, какъ епископъ Ѳеодосій взялъ штурмомъ епископскій замокъ и соборную церковь въ г. Владимірѣ (кн. грод. луцкая 1565 г., листъ 299).

сказалъ: „берегись, чтобъ и тебѣ чего-нибудь дивнаго не приключилось“ [1]).

Вступивъ въ управленіе епархіею, епископъ Ѳеодосій служилъ позоромъ для православнаго духовенства и соблазномъ для своей паствы. Съ толпою вооруженныхъ слугъ, онъ лично дѣлалъ наѣзды на имѣнія сосѣднихъ владѣльцевъ, производя разбои и грабежи на большой дорогѣ [2]). Доживъ до старости, онъ совершенно предался во власть зятя своего, Михаила Дубницкаго, войта владимірскаго. Дубницкій расточалъ церковную казну, разорялъ церковныя имѣнія, расхищалъ жалованныя грамоты и выскабливалъ фундушовыя записи изъ напрестольнаго евангелія. Соборное духовенство рѣшилось объявить объ этомъ въ урядѣ, желая начать дѣло судебнымъ порядкомъ; но Ѳеодосій запретилъ имъ вести искъ о церковныхъ имѣніяхъ, причемъ нѣкоторыхъ священниковъ избилъ своимъ посохомъ [3]). Дѣла, подлежавшія суду духовному, онъ рѣшалъ пристрастно, нарушая гражданскіе законы и каноническія правила [4]).

---

[1]) Смотри объ этомъ донесеніе дворянина королевскаго 1565 октября 14 (кн. грод. луцкая 1565, листъ 331 на оборотѣ).

[2]) Въ 1569 году апрѣля 26 Петръ Лысаковскій и Ѳедоръ и Семенъ Ставецкіе жаловались, что епископъ Ѳедосій, съ толпою слугъ своихъ, напалъ на нихъ, на большой дорогѣ, разбойнымъ, рейтарскимъ обычаемъ, ограбилъ ихъ и собственною рукою ранилъ Лысаковскаго (жалоба Петра Лысаковскаго и Ѳедора Ставецкаго на епископа владимірскаго о разбоѣ и грабежѣ 1569 апр. 26; кн. грод. владимірская 1569, лис. 75). Въ 1573 году іюня 10 Гулевичи жаловались, что епископъ Ѳеодосій лично сдѣлалъ наѣздъ на ихъ имѣніе, съ толпою вооруженныхъ людей (кн. грод. луц. 1573, лис. 323 на об.).

[3]) Жалоба соборнаго духовенства владимірскаго о расхищеніи церковныхъ имѣній 1589 апрѣля 30 (кн. грод. владимір. 1589 г., лис. 208).

[4]) Образецъ такого суда представляетъ дѣло о недѣйствительности втораго брака, заключеннаго при живой женѣ, 1573 ноября 9 (кн. грод. владимірская 1583 г., листъ 339 на оборотѣ).

Доживъ до глубокой старости, епископъ Θеодосій просилъ короля Стефана Баторія, чтобы ему дозволено было передать управленіе владимірскою епархіею архимандриту кіевопечерскаго монастыря Мелетію Хребтовичу-Богуринскому. Король листомъ своимъ 1579 декабря 23, признавая Мелетія Хребтовича человѣкомъ добродѣтельнымъ, ревностнымъ, благочестивымъ и искуснымъ въ дѣлахъ духовныхъ, повелѣлъ передать ему управленіе епископіею владимірскою, оставивъ его, вмѣстѣ съ тѣмъ, и архимандритомъ кіевопечерскаго монастыря [1]. Но корыстолюбивый старикъ, отказавшись отъ управленія епархіею, не хотѣлъ разстаться съ церковными имѣніями. Мелетій Хребтовичъ, принимая отъ него епископію владимірскую, долженъ былъ дать запись, что всѣ церковныя имѣнія этой епископіи онъ отдалъ епископу Θеодосію въ пожизненную аренду и что за всѣ годы получилъ отъ него сполна арендную плату [2]. На основаніи этой записи, Θеодосій до самой смерти пользовался доходами съ церковныхъ имѣній. Въ мятежной жизни этого

---

[1]) Мелетій Хребтовичъ происходилъ отъ древней благородной фамиліи, которой родиною было имѣніе Богуринъ. При Сигизмундѣ Августѣ, онъ строилъ замки, водворялъ города и служилъ королю на войнѣ съ немалымъ отрядомъ. Онъ былъ избранъ въ санъ архимандрита кіевопечерскаго манастыря монашествующею братіею и утвержденъ въ этомъ санѣ королемъ Генрихомъ. Стефанъ Баторій, по просьбѣ монаховъ кіевопечерскаго монастыря и по ходатайству сенаторовъ и пословъ кіевской земли на торунскомъ сеймѣ, далъ Мелетію подтвердительную грамоту 1576 ноября 10. (См. жалованную грамоту короля Стефана Мелетію Хребтовичу-Богуринскому въ кн. грод. луцкой 1576 г., листъ 505 на оборотѣ). Жалованная грамота короля Стефана Мелетію Хребтовичу на епископію владимірскую и брестскую 1579 декабря 23 (кн. грод. владимір. 1580, лис. 160).

[2]) Запись Мелетія Хребтовича объ отдачѣ имѣній епископіи владимірской епископу Θеодосію 1580 апрѣля 25 (кн. грод. владимірская 1580 года, листъ 167).

епископа мы нашли одно только доброе дѣло. Незадолго до своей смерти, Өеодосій съ согласія соборнаго духовенства и по совѣту князя Константина Острожскаго, выдѣлилъ изъ церковныхъ имѣній мѣстечко Озераны и одиннадцать селеній, назначивъ доходы съ этихъ имѣній на благоустройство соборной церкви владимірской, на учрежденіе при ней богадѣльни и школы для обученія дѣтей. Часть доходовъ назначена была на содержаніе двухъ проповѣдниковъ, для поученія народа и проповѣданія слова Божія; для преподаванія наукъ въ школѣ положено имѣть двухъ бакаляровъ, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ учить греческому, а другой славянскому языкамъ [1]. Епископъ Өеодосій умеръ въ 1588 году, и епархія владимірская перешла въ полную власть и управленіе Мелетія Хребтовича-Богуринскаго.

Шляхтичь Иванъ Борзобогатый-Красенскій, лишенный епископомъ Өеодосіемъ епархіи владимірской и брестской, получилъ отъ короля епископію луцкую и острожскую, по смерти Марка Жоравницкаго, который съ 1561 по 1567 годъ управлялъ епархіею луцкою, не посвящаясь въ духовный санъ. Принявъ названіе нареченнаго епископа луцкаго и острожскаго, Иванъ Красенскій, подражая своему предшественнику, долго отказывался отъ посвященія, не смотря на неоднократное напоминаніе митрополита кіевскаго Іоны. Въ 1570 году, митрополитъ послалъ Красенскому неблагословенную грамоту, упрекая его въ непослушаніи церкви и высшей духовной власти, также въ незаконномъ пользованіи церковными имѣніями; вмѣстѣ съ тѣмъ, митрополитъ своимъ окружнымъ посланіемъ объявилъ объ этомъ всѣмъ обывателямъ земли волынской и ду-

---

[1]) Листъ епископа владимірскаго Өеодосія и всего соборнаго духовенства владимірскаго, 1588 іюля 25 (кн. гродская владимірская 1588 года, листъ 489).

ховенству луцкой и острожской епархіи [1]). Наконецъ, вслѣдствіе такихъ понудительныхъ мѣръ, Иванъ Борзоботатый-Красенскій въ 1571 году отправился къ митрополиту и былъ посвященъ въ санъ епископа, подъ именемъ Іоны.

Вступивъ въ управленіе епархіею луцкою и острожскою, епископъ Іона Красенскій, съ своими дѣтьми и родственниками, распоряжался церковными имѣніями, какъ своею собственностію. Церковное имѣніе Жабче съ укрѣпленнымъ замкомъ епископъ отдалъ въ приданое за своею дочерью зятю своему Александру Жоравницкому, старостѣ луцкому. Сыновья его присвоили себѣ пушки и другое принадлежавшее этому замку оружіе; они ограбили и опустошили церковь въ селѣ Рожищахъ; въ монастырѣ дубищскомъ ограбили церковь, разогнали монаховъ, разломали ихъ келіи и дерево употребили на золу, а изъ желѣзнаго монастырскаго клепала велѣли наковать топоровъ. Замокъ Хорлупъ, пожалованный епископіи луцкой великимъ княземъ Свидригайломъ, былъ также ограбленъ. Сынъ Іоны Красенскаго, Василій, секретарь королевскій, присвоилъ себѣ принадлежавшія этому замку пушки, гаковницы и другое оружіе, и развезъ по своимъ имѣніямъ. Самое мѣстечко Хорлупъ съ селеніями, къ нему принадлежавшими, епископъ Іона промѣнялъ князьямъ Радзивиламъ на имѣніе Фалимичи, получивъ отъ нихъ полторы тысячи злотыхъ придачи въ свою пользу, между тѣмъ какъ Фалимичи не стоили и въ половину хорлупскаго имѣнія [2]). Не довольствуясь богатыми доходами съ церковныхъ имѣній, епископъ Іона произвольно налагалъ подати на священниковъ луцкихъ, и если священники не могли удо-

---

[1]) См. объявленіе объ этомъ посланца митрополита кіевскаго Іоны, 1570 октября 21 (кн. гродская луцкая 1570, листъ 553).

[2]) См. донесеніе коморника королевскаго 1585 декабря 16 (кн. гродская владимірская 1589, листъ 306 на оборотѣ).

влетворить его требованіямъ, то запрещалъ имъ богослуженіе, запечатывая церкви. Такъ въ 1583 году, по приказанію епископа, запечатано было семь церквей въ городѣ Луцкѣ [1].

Получивъ въ свою власть богатый жидичинскій монастырь, Іона Красенскій расточалъ монастырскую казну, разорялъ имѣнія и отчуждалъ ихъ мѣною и другими способами. Король Стефанъ Баторій приказалъ князю Константину Острожскому отобрать жидичинскій монастырь отъ Іоны Красенскаго и отдать въ управленіе Θеофану Греку, епископу меглинскому [2]; но Іона съ сыномъ своимъ Василіемъ не давали покою епископу Θеофану, наносили ему обиды и оскорбленія и наконецъ, съ отрядомъ вооруженныхъ людей, завладѣли монастыремъ и снова поселились въ немъ. Князь Александръ Пронскій, по приказанію короля, послалъ отрядъ вооруженныхъ людей, чтобъ изгнать изъ монастыря Іону Красенскаго со всѣмъ его семействомъ; но епископъ съ своими слугами отразилъ нападеніе, встрѣтивъ отрядъ Пронскаго ружейными выстрѣлами. Тогда князь Пронскій увеличилъ отрядъ до трехъ сотъ конныхъ и пѣшихъ людей, съ пушками и другимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, напалъ на епископа Іону, изгналъ его изъ монастыря, велѣлъ выкопать кости его невѣстки и сына и выбросить за монастырскія стѣны. Чтобъ предотвратить новое покушеніе со стороны Красенскихъ, Пронскій окопалъ монастырь рвомъ, укрѣпилъ его и оставилъ въ немъ отрядъ вооруженныхъ людей для обороны [3]. Король Стефанъ Баторій объ-

---

[1] См. донесеніе вознаго объ осмотрѣ церквей луцкихъ, запечатанныхъ по приказанію епископа луцкаго Іоны Красенскаго, 1583 апрѣля 25 (кн. грод. луцкая 1583 года, листъ 499).

[2] Жалованная грамота короля Стефана епископу меглинскому Θеофану Греку на жидичинскій монастырь, 1580 мая 28 (кн. грод. луцкая 1580 года, листъ 215 на оборотѣ).

[3] См. жалобу епископа луцкаго Іоны Красенскаго на князя

явилъ Іону Красенскаго, сына его и внука баннитами, за окровавленіе жидичинскаго монастыря, за насильственное изгнаніе епископа Өеофана Грека и за раны, нанесенныя его слугамъ и пріятелямъ [1]). Наконецъ, въ 1585 году, этотъ буйный шляхтичъ, дерзнувшій надѣть на себя одежду православнаго святителя, умеръ баннитомъ, то есть, человѣкомъ, осужденнымъ на изгнаніе изъ отечества и лишеннымъ защиты законовъ.

Епископы, подобные Өеодосію Лазовскому и Іонѣ Борзобогатому-Красенскому, не могли пользоваться довѣріемъ и уваженіемъ своей паствы, не могли быть опорою для православія въ смутное время и не могли противодѣйствовать распространенію католичества.

По смерти Іоны Красенскаго, королевскою грамотою 1585 мая 9, переведенъ былъ на епископію луцкую и острожскую Кириллъ Терлецкій, епископъ пинскій и туровскій. Этимъ епископомъ начинается рядъ іерарховъ, измѣнившихъ своей вѣрѣ, подчинившихъ себя папской власти и раздѣлившихъ православный западнорусскій народъ на двѣ враждебныя партіи. По приказанію короля Стефана Баторія, прибылъ въ Луцкъ коморникъ королевскій Николай Рокицкій и ввелъ Кирилла Терлецкаго во владѣніе епископіею луцкою и острожскою, предоставивъ въ его власть церкви и монастыри, со всѣмъ епархіальнымъ духовенствомъ, съ церковными людьми и имѣніями [2]).

Александра Пронскаго, 1583 августа 31 (книга грод. луцкая 1583 года, листъ 269). Жалоба того же епископа на князя Пронскаго, 1584 іюня 6 (кн. грод. владимірская 1584 года, листъ 304).

[1]) Листъ короля Стефана 1585 февраля 15 (книга гродская владимірская 1585 года, листъ 81).

[2]) Донесеніе коморника королевскаго о вводѣ епископа луцкаго и острожскаго Кирилла Терлецкаго въ епископію луцкую, 1585 ноября 25 (книга грод. луцкая 1591 года, листъ 314).

Кириллъ Семеновичъ Терлецкій, епископъ луцкій и острожскій, происходилъ изъ знатной западнорусской дворянской фамиліи, которой принадлежали родовыя имѣнія: Тарло, Любоховъ, Свиная и Росохи въ перемышльскомъ повѣтѣ. Вступивъ въ управленіе епископіею луцкою, Терлецкій жилъ по обычаю тогдашнихъ магнатовъ: имѣлъ собственныя пушки и другое оружіе въ замкѣ луцкомъ, держалъ при себѣ отрядъ гайдуковъ и многочисленную толпу слугъ, между которыми находился молодой князь Флоріанъ Гедройтъ, потомокъ знаменитаго нѣкогда литовскаго рода. Военный отрядъ епископа всегда былъ наготовѣ, для отраженія непріятелей въ тогдашнее смутное время, за что, какъ онъ говоритъ, обыватели воеводства волынскаго были ему благодарны [1]).

Кириллъ Терлецкій нашелъ свою новую епископію въ самомъ жалкомъ состояніи. Мы видѣли, какъ предшественникъ его, Іона Красенскій, съ своими сыновьями и родственниками, распоряжался церковнымъ имѣніемъ. По смерти этого епископа, невѣстка его съ своими сыновьями, завладѣвъ ризницею соборной церкви луцкой, присвоила себѣ церковное серебро и епископскія облаченія, забрала жалованныя грамоты и фундушовыя записи князей русскихъ, великихъ князей литовскихъ и королей польскихъ, присвоила себѣ крестъ золотой, великій, стоившій тысячу золотыхъ, вынула изъ образа Божіей Матери большой драгоцѣнный камень, стоившій шесть сотъ талеровъ, и отослала въ Данцигъ на продажу; она похитила также самыя драгоцѣнныя церковныя книги, между которыми особенно упоминается какое-то большое евангеліе, называемое екатерининскимъ [2]). Королевскій коморникъ, совершивъ вводъ Кирил-

[1]) См. донесеніе возныхъ о судѣ старосты луцкаго Александра Семашка надъ епископомъ Кирилломъ Терлецкимъ, 1591 іюня 9 (кн. грод. владимірская 1591, листъ 109 на об.).

[2]) См. Донесеніе коморника о соборной церкви луцкой, со-

ла Терлецкаго въ епископію луцкую, засвидѣтельствовалъ въ урядѣ, что онъ нашелъ церковныя имѣнія совершенно опустошенными: крестьянскіе домы погнили, люди разогнаны, а оставшіеся въ селеніяхъ находятся въ крайней нищетѣ [1]).

Кириллъ Терлецкій, вступивъ въ управленіе епархіею луцкою, принялъ рѣшительныя мѣры для ея благоустройства и для возвращенія церковныхъ имѣній, отчужденныхъ епископомъ Іоною Красенскимъ. Церковное мѣстечко Жабче, съ селеніями Колодезями и Губинымъ, находилось во владѣніи Марка Жоравницкаго, старостича луцкаго. Кириллъ Терлецкій, собравъ своихъ слугъ, бояръ, гайдуковъ, Татаръ, Венгерцевъ, Сербовъ, Волоховъ и крестьянъ, болѣе тысячи человѣкъ, съ пушками, гаковницами и другимъ оружіемъ, поручилъ этотъ отрядъ брату своему Ярошу Терлецкому, который, напавъ на имѣніе Жабче, осадилъ замокъ, взялъ его штурмомъ, изгналъ незаконныхъ владѣльцевъ и завладѣлъ замкомъ и мѣстечкомъ, со всѣми принадлежавшими къ нему имѣніями [2]). Жоравницкіе два раза подавали жалобу въ урядъ гродскій луцкій и записывали ее въ актовыя книги, но король Стефанъ Баторій принялъ епископа подъ свою защиту, оправдалъ его и самыя жалобы, записанныя на него въ актовыхъ книгахъ, велѣлъ уничтожить.

Затѣмъ, Кириллъ Терлецкій потребовалъ строгаго отчета отъ соборнаго духовенства луцкаго, обвиняя соборныхъ свя-

---

ставленное при передачѣ этой церкви епископу Кириллу Терлецкому, 1585 декабря 16 (кн. грод. владимірская 1585 г., лис. 306 на об.).

[1]) См. вводный листъ коморника королевскаго съ описаніемъ имѣній епископіи луцкой, 1586 марта 11 (кн. грод. владимірская 1586 года, листъ 104).

[2]) Жалоба Яна Жоравницкаго, войскаго луцкаго, на епископа Кирилла Терлецкаго, 1586 октября 27 (книга грод. луцкая 1586 года, листъ 1093). Такая же жалоба Марка Жоравницкаго, старостича луцкаго, 1586 ноября 8 (кн. грод. луцкая 1586 г., лис. 1129 на об.).

щенниковъ въ томъ, что они, вмѣстѣ съ бывшимъ епископомъ Іоною Красенскимъ, раздавали церковныя имѣнія свѣтскимъ лицамъ, отдавали въ аренду, мѣняли и закладывали, во вредъ церкви божіей. Соборное духовенство, позванное въ судъ земскій и къ митрополиту кіевскому, объявило, что покойный епископъ Іона никогда не совѣщался съ ними, заключая сдѣлки о церковныхъ имѣніяхъ, что они въ составленіи актовъ никакого участія не принимали и ни къ какимъ записямъ рукъ и печатей своихъ не прикладывали [1]).

Въ одномъ изъ придѣловъ соборной церкви луцкой нельзя было совершать богослуженія, такъ какъ въ немъ сложено было, по приказанію короля Стефана Баторія, сукно, для раздачи козакамъ. Кириллъ Терлецкій лично явился въ каптуровый судъ воеводства волынскаго и требовалъ, чтобы соборная церковь была очищена [2]).

Наконецъ, желая обезпечить на будущее время неприкосновенность церковныхъ имѣній и права, предоставленныя православному духовенству, Кириллъ Терлецкій старался о томъ, чтобы жалованная Сигизмундомъ III-мъ грамота, 23 апрѣля 1589 года, была внесена въ актовыя книги, для всеобщаго свѣденія. Этою грамотою король, по просьбѣ митрополита кіевскаго Онисифора и всего православнаго духовенства, запретилъ свѣтскимъ сановникамъ вмѣшиваться въ управленіе церковными дѣлами, повелѣвъ, чтобы духовенство православное пользовалось правами наравнѣ съ духовенствомъ католическимъ, и чтобы, по смерти митрополитовъ и епископовъ, цер-

---

[1]) См. объявленіе священниковъ луцкаго собора о несправедливомъ обвиненіи ихъ Кирилломъ Терлецкимъ въ растратѣ церковныхъ имѣній, 1586 мая 13 (кн. грод. луцкая 1586 года, листъ 467 на оборотѣ).

[2]) См. объявленіе епископа Кирилла Терлецкаго въ судѣ каптуровомъ, 1587 мая 27 (кн. грод. луцкая 1587 г., листъ 1129 на об.).

ковныя имѣнія переходили во власть и управленіе соборнаго духовенства, до назначенія новаго іерарха. Кириллъ Терлецкій лично явился въ уряды луцкіе, гродскій и земскій, также въ урядъ гродскій владимірскій, и настоялъ на томъ, чтобы означенная выше королевская грамота внесена была въ гродскія и земскія книги [1]). Кириллъ Терлецкій обратился также къ князю Константину Оскрожскому съ просьбою о защитѣ православнаго духовенства отъ притѣсненій со стороны свѣтскихъ сановниковъ. Князь Острожскій, уваживъ просьбу Кирилла Терлецкаго, писалъ къ своимъ старостамъ, въ окружномъ листѣ 1590 года, іюня 15: „Мы желаемъ непремѣнно, и это желаніе наше должно быть исполняемо веегда и во вѣки, чтобы съ этого времени никто изъ васъ не вступался въ чинъ іерейскій, чтобы не судили и не рядили духовныхъ особъ и не имѣли къ нимъ никакого дѣла. Протопопы, пресвитеры, архимандриты и игумены, дьяконы, калугеры, слуги церковные, просвирницы, слѣпые, хромые, недугующіе и вся нищая братія, также всѣ дѣла о расторженіи браковъ подлежатъ епископамъ, а не вамъ свѣтскимъ. Поэтому всѣ означенныя выше лица и духовныя дѣла мы поручили и отдали во власть и завѣдываніе епископу луцкому и острожскому, отцу Кириллу Терлецкому“ [2]).

При взглядѣ на такую дѣятельность Кирилла Терлецкаго для пользы церкви, и на уваженіе, которое оказывалъ ему знаменитый защитникъ православія, князь Константинъ Острожскій, можно усомниться въ обвиненіяхъ, которыми заклеймили этого епископа историки, называя его убійцею и дѣла-

---

[1]) См. актъ о внесеніи епископомъ Кирилломъ Терлецкимъ въ земскія луцкія книги жалованной православному духовенству грамоты, 1589 апрѣля 23 (кн. земская луцкая 1590 года, листъ 334 на оборотѣ).

[2]) Листъ князя Константина Острожскаго къ подвластнымъ ему старостамъ 1590 іюня 16.

тел лтйфваемъимнооьшеы, разсказывая, что онъ давалъ у себя пристанище ворамъ, и что страхъ подвергнуться наказанію за эти преступленія заставилъ его отступить отъ православной вѣры и сдѣлался зачинщикомъ религіознаго переворота [1]).

---

[1]) Такъ пишутъ Бантышъ-Каменскій въ исторіи объ уніи и митрополитъ Евгеній въ описаніи кіевософійскаго собора; то же самое, вслѣдъ за ними, повторяютъ и другіе историки. Замѣтимъ, что до 1594 года, то есть до того времени, когда Кириллъ Терлецкій публично объявилъ себя уніатомъ и сдѣлался слѣпымъ орудіемъ іезуитовъ, мы не нашли въ актовыхъ книгахъ ни жалобъ, ни доносовъ, которые уличали бы этого епископа въ уголовныхъ преступленіяхъ. При томъ разгарѣ страстей, которымъ сопровождалось введеніе уніи, защитники православія почли бы долгомъ уличить своего врага въ преступныхъ дѣйствіяхъ, чтобъ лишить партію уніатовъ одного изъ самыхъ дѣятельныхъ ея членовъ. Въ актовыхъ книгахъ мы нашли слѣдующія жалобы на Кирилла Терлецкаго: въ 1588 году, октября 22, шляхтичъ Вижовскій жаловался, что Кириллъ Терлецкій посадилъ въ тюрьму затя его, отца Савву, священника фалимицкаго, съ женою и дѣтьми, и приказалъ забрать его имѣніе (кн. грод. владимірская 1588 года, листъ 803 на об.); но въ 1590 году, отецъ Савва подалъ въ урядъ ревокаціонную запись, въ которой объявилъ, что онъ, будучи епископскимъ урядникомъ въ церковномъ имѣніи Фалимичахъ, причинилъ отцу владыкѣ не малый вредъ и выпустилъ изъ-подъ ареста убійцу Ивана Малышка, который умертвилъ слугу епископскаго Морочка; что за эти проступки Кириллъ Терлецкій посадилъ его, отца Савву, въ заключеніе, но потомъ простилъ; что затѣмъ всѣ жалобы, поданныя по этому дѣлу на епископа, не должны имѣть никакой силы (кн грод. владимірская 1590 года, листъ 215 на об.). Въ 1594 году, февраля 2, шляхтичъ Циминскій жаловался, что Кириллъ Терлецкій напалъ на него, будучи въ пьяномъ видѣ, ограбилъ его и изнасиловалъ его служанку, дѣвицу Палажку; но епископъ, явившись лично въ урядъ, опровергъ доказательства истца и объявленъ былъ

Патріархъ константинопольскій Іеремія, посѣтившій юго-западную Россію въ 1589 году, на возвратномъ пути изъ Москвы въ Грецію, получивъ отъ Сигизмунда III дозволеніе заняться устройствомъ православной іерархіи въ Литвѣ и Польшѣ, обратилъ вниманіе на дѣятельность Кирилла Терлецкаго, возвелъ его грамотою 1589 года, августа 6, въ санъ экзарха, предоставивъ ему обширную власть надъ православнымъ духовенствомъ. Въ этой грамотѣ патріархъ называетъ Кирилла Терлецкаго мужемъ разумнымъ, духовнымъ и искуснымъ, благословляетъ его „соборнѣ, яко намѣстника своего, съ духовенствомъ во всемъ совѣтовати, и чинъ церковный благолѣпно и всякими благими нравами украшати, а небрегущихъ студныхъ и безчинныхъ строителей упоминати и подкрѣпляти, и властію нашею запрещати, и изъ достоинства церковнаго и изъ чиновъ ихъ низлагати, ни въ чемъ не супротиву стояще церковному преданію и святыхъ отецъ правиламъ, невозбранно [1]).“

Патріархъ Іеремія, занявшись устройствомъ западнорусской іерархіи, постановилъ на брестскомъ соборѣ 1589 года, чтобы высшее православное духовенство съѣзжалось на помѣстные соборы для разсужденія о духовныхъ дѣлахъ и цер-

---

невиннымъ (дѣло объ изнасилованіи и грабежѣ въ книгѣ гродской владимірской 1594 года, листъ 147, 148, 185, 247, 250 и 253). Въ 1594 году іюля 28, шляхтянка Богданова Смыковская жаловалась, что Кириллъ Терлецкій, самъ особою своею, напалъ на ея земли, съ отрядомъ пріятелей, слугъ, бояръ и другихъ людей, конныхъ и пѣшихъ, съ гаковницами, полгаками, ручницами и другими оружіемъ, что онъ разоралъ межи, употребивъ для этого сто плуговъ, и завладѣлъ землями села Смыкова. О послѣдствіяхъ этой жалобы нѣтъ никакихъ свѣденій въ актовыхъ книгахъ.

[1]) Грамота константинопольскаго патріарха Іереміи, подтвержденная грамотою Сигизмунда III, 1595 февраля 5 (кн. грод. луцкая съ 1595 по 1597, листъ 73 на об.).

ковномъ благоустройствѣ. Вслѣдствіе этого постановленія митрополитъ кіевскій, Михаилъ Рагоза, созвалъ соборъ въ Брестѣ, въ іюнѣ 1590 года. На этомъ соборѣ присутствовали Михаилъ архіепископъ, митрополитъ кіевскій, галицкій и всея Руси; Мелетій Хребтовичъ Литаворовичъ Богуринскій, прототроній, епископъ владимірскій и брестскій, архимандритъ кіевопечерскаго монастыря; Кириллъ Терлецкій, экзархъ, епископъ луцкій и острожскій; Леонтій Пелчицкій, епископъ пинскій и туровскій; Діонисій Сбируйскій, епископъ холмскій и белзскій; Гедеонъ Болобанъ, епископъ львовскій, галицкій и Каменца Подольскаго [1]). Соборъ занимался разборомъ и рѣшеніемъ частныхъ споровъ и тяжбъ между духовными лицами и разсуждалъ о средствахъ къ благосостоянію православной церкви. Митрополитъ и епископы, присутствовавшіе на соборѣ, постановили донести королю о притѣсненіяхъ и обидахъ, претерпѣваемыхъ духовенствомъ и народомъ православнаго исповѣданія отъ сановниковъ римскокатолическихъ, въ городахъ и селеніяхъ, и особенно упомянуть о томъ, что православному русскому народу не дозволяютъ праздновать праздники по стародавнему греческому закону и запрещаютъ работать въ праздники католическіе. Соборъ опредѣлилъ отъ имени всего духовенства просить короля и духовныхъ сенаторовъ римскокатолическаго исповѣданія, чтобы права и привиллегіи православной церкви были сохраняемы неприкосновенно. Для представленія жалобъ и просьбъ королю и сенаторамъ, соборъ избралъ Кирилла Терлецкаго и отправилъ его къ королю,

---

[1]) Эти имена перечисляются въ соборномъ постановленіи 1590 іюня 28, внесенномъ въ гродскія владимірскія книги. Постановленіе заключаетъ въ себѣ рѣшеніе тяжбы между епископомъ львовскимъ Гедеономъ Болобаномъ и епископомъ Меглинскимъ, Θеофаномъ Грекомъ (кн. грод. владимірская 1590 года, листъ 6 на об.).

ввѣривъ ему четыре бланкета съ печатями и подписями соборовавшихъ іерарховъ [1]).

Но польское правительство, руководимое политическими видами іезуитовъ, неблагопріятно смотрѣло на распоряженія брестскаго собора, имѣвшія цѣлію водворить порядокъ въ православной церкви, прекратить религіозныя преслѣдованія и дать новую силу древнимъ правиламъ и привиллегіямъ русскаго народа. Какъ бы въ отвѣтъ на просьбы и жалобы брестскаго собора, начались жестокія, неслыханныя въ югозападной Россіи преслѣдованія. И прежде русскій народъ, особенно духовенство, терпѣли притѣсненія; но эти случаи встрѣчались рѣдко, и притомъ виновниками ихъ были частныя лица, безъ всякаго участія со стороны королевскихъ сановниковъ [2]). Мы даже

---

[1]) Протестъ епископа львовскаго Гедеона Болобана противъ епископа Кирилла Терлецкаго, 1595 іюля 1 (книга гродская владимірская 1595 года, листъ 491).

[2]) Вотъ нѣкоторые, сюда относящіеся случаи, записанные въ актовыхъ книгахъ. Въ 1566 году, апрѣля 1, урядникъ епископа луцкаго Марка Жоравницкаго, панъ Немецкій, пріѣхавъ въ монастырь красносельскій Св. Спаса и увидѣвъ нареченнаго игумена этого монастыря, Богдана Шашка, вышедшаго къ нему на встрѣчу изъ церкви, сказалъ ему: »зачѣмъ ты, нецнотливый песъ, служишь вечерню, когда владыка не благословилъ тебя служить ни вечерни, ни обѣдни?« Затѣмъ панъ Немецкій ударилъ игумена въ лицо, жестоко избилъ его и, вынувъ саблю, хотѣлъ убить, но игуменъ скрылся въ церкви (кн. грод. луцкая 1566, лис. 79 на об.). Въ 1574 году, іюля 2, панъ Станиславъ Граевскій велѣлъ своему кучеру и слугамъ поймать луцкаго покровскаго священника, ѣхавшаго спокойно по улицѣ, въ городѣ Луцкѣ. Когда слуги привели отца Григорія, то панъ Граевскій, схвативъ его за волосы, началъ ножницами стричь ему плѣшь. Священникъ хотѣлъ вырваться изъ его рукъ, но былъ избитъ, причемъ Граевскій, грозя ему кортикомъ, говорилъ: »я тебѣ, попе, и шею утну« (кн. грод. луц. 1574, листъ 177). Въ 1583

видимъ изъ актовъ, что католики, живщіе въ югозападной Россіи, отличались большою вѣротерпимостью: они приглашали православныхъ священниковъ совершать церковные обряды, приносили къ нимъ своихъ дѣтей для крещенія, принимали отъ нихъ святое причастіе, приглашали ихъ совершать обрядъ вѣн-

---

году, марта 2, игуменъ пречистенскаго луцкаго монастыря, отецъ Матвѣй жаловался, что, въ его отсутствіи, арендаторъ, луцкій жидъ Шая, съ помощниками своими вошелъ силою въ монастырь, пробрался въ келію и кладовую игумена и забралъ всю его убогую маетность (кн. грод. луц. 1583, листъ 269 на об.). Въ 1590 году епископъ владимірскій, архимандритъ кіевопечерской лавры, Мелетій Хребтовичъ Богуринскій совершалъ крестный ходъ въ городѣ Владимірѣ, со всѣмъ соборомъ и духовенствомъ владимірскимъ. Когда процессія дошла до церкви Св. Николая, на жидовской улицѣ, то два жида бакурчика (то есть молодые жидки) начали бросать камнями въ епископа и прочее духовенство. Находившійся въ то время во Владимірѣ и участвовавшій въ процессіи Өеофанъ Грекъ, епископъ меглинскій, со всѣмъ духовенствомъ и прихожанами соборной церкви владимірской, подалъ отъ имени епископа Мелетія и отъ себя жалобу въ урядъ гродскій владимірскій. Призванные на судъ жиды не признались въ проступкѣ и требовали, чтобъ имъ дозволено было доказать свою невинность присягою. Судъ согласился на ихъ требованіе, и жиды были оправданы, присягнувъ въ своей жидовской божницѣ, что они на владыку и на духовенство камнями и ничѣмъ инымъ не бросали (кн. гродская владимірская 1590 года, листъ 236). Изъ актовъ не видно, чтобы народъ русскій православнаго исповѣданія мстилъ, за униженіе своей вѣры, католическому духовенству. Въ актовыхъ книгахъ мы нашли одну только жалобу ксензовъ главнаго костела луцкаго на мѣщанъ луцкихъ, которые, въ 1584 году, собравшись у дверей главнаго костела луцкаго, ругали ксензовъ безчестными словами, похваляясь ловить ихъ, убивать и дѣлать всякія неприятности (кн. грод. луцкая 1584 года, листъ 7 на оборотѣ).

чанія и погребать умершихъ. По жалобѣ католическаго духовенства, король Стефанъ Баторій, указомъ 1579 декабря 15, вмѣнилъ въ обязанность епископамъ луцкому и владимірскому прекратить всякое вмѣшательство православнаго духовенства въ церковныя дѣла католиковъ, подъ штрафомъ въ 10,000 копъ грошей литовскихъ [1]). Послѣ брестскаго собора, бывшаго въ 1590 году, преслѣдованія принимаютъ характеръ неслыханной жестокости и глубокаго презрѣнія къ святынѣ.

Въ 1590 году, декабря 29, ротмистры королевскіе Яковъ Потоцкій и Андріянъ Добрынецкій, съ отрядомъ конныхъ и пѣшихъ вооруженныхъ людей, напали на имѣніе князя Острожскаго, село Крупое. Прежде всего они бросились въ церковь, выбили церковныя двери, разграбили церковную утварь, посвященную службѣ божіей, ограбили олтарь и, выбросивъ изъ чаши тѣло христово на землю, топтали его ногами. Разграбивъ церковь и наругавшись надъ святыней, ротмистры королевскіе напали на жителей, ограбили ихъ и все награбленное имущество отправили въ Луцкъ, подъ защиту тамошняго старосты Александра Семашка [2]).

Имѣнія епископіи луцкой подверглись также нападеніямъ королевскихъ сановниковъ. Дворянинъ и секретарь королевскій Мартынъ Броневскій напалъ, съ вооруженною толпою, на церковное имѣніе Фалимичи, вторгнулся въ укрѣпленный замокъ, избилъ управлявшаго Фалимичами Прокопа Терлец-

---

[1]) Листъ короля Стефана къ епископамъ луцкому и владимірскому, чтобы православное духовенство не совершало обрядовъ надъ католиками, 1579 г. декабря 15 (кн. грод. луцкая 1582 г., листъ 75 на оборотѣ).

[2]) Жалоба князя Острожскаго о нападеніи на имѣніе его Крупое ротмистровъ королевскихъ Потоцкаго и Добрынецкаго, 1590 декабря 29 (кн. грод. луцкая 1590 года, листъ 1081).

каго и завладѣлъ церковнымъ и епископскимъ имуществомъ [1]).

Староста луцкій, кастелянъ брацлавскій, Александръ Семашко, потомокъ древняго русскаго православнаго рода, принявшій католическую вѣру, началъ преслѣдовать епископа Кирилла Терлецкаго, со всею ревностію ренегата.

Соборная церковь луцкая Св. Іоанна Богослова и принадлежавшій къ ней домъ епископскій находились въ верхнемъ замкѣ луцкомъ. Александръ Семашко поставилъ, при входѣ въ замокъ, своего привратника съ отрядомъ гайдуковъ, приказавъ имъ брать мыто за входъ въ церковь съ духовенства и народа, по грошу и по два гроша съ человѣка [2]).

Въ 1591 году, апрѣля 20, въ страстную субботу, епископъ Кириллъ Терлецкій прибылъ въ Луцкъ въ свою епископскую столицу, для отправленія богослуженія. Епископъ былъ впущенъ въ замокъ только съ однимъ слугою, безъ священниковъ и другаго духовенства; поэтому въ страстную субботу и въ свѣтлое воскресенье не было въ соборной церкви богослуженія. Епископъ два дня сидѣлъ въ заключеніи, не пилъ и не ѣлъ. Въ субботу Александръ Семашко, по окончаніи засѣданія въ судѣ, а также въ день свѣтлаго воскресенья, будучи навеселѣ, проводилъ время въ притворахъ соборной церкви, гдѣ для своего удовольствія, заводилъ танцы и иныя игры, приказавъ гайдукамъ своимъ стрѣлять въ куполъ и крестъ соборной церкви. Гайдуки, стрѣляя изъ ружей, отбили отъ креста двѣ цѣпи, повредили куполъ и на стѣнѣ церковной образъ Св. Іоанна Богослова, во имя котораго былъ созданъ соборъ луцкій.

---

[1]) Жалоба епископа Кирилла Терлецкаго и всего соборнаго духовенства луцкаго на секретаря королевскаго Броневскаго, 1590 октября 4 (книга грод. владимірская 1590 года, листъ 596).

[2]) Жалоба епископа Кирилла Терлецкаго на Александра Семашка, 1591 апрѣля 15 (кн. грод. владимірская 1591 года, листъ 375 на оборотѣ).

По просьбѣ Кирилла Терлецкаго, явились въ замокъ луцкій возные, для изслѣдованія дѣла. Возный Иванъ Покощевскій представилъ въ урядъ гродскій донесеніе слѣдующаго содержанія:

Въ 1591 году, апрѣля 20 и 21, я былъ въ Луцкѣ, по дѣлу его милости, отца Кирилла Терлецкаго, епископа луцкаго и острожскаго, у калитки верхняго замка. Здѣсь я видѣлъ, что слуги епископа Кирилла Терлецкаго, а также съѣстные припасы и другія вещи, принадлежавшія епископу, не были пропущены въ замокъ и въ дворъ епископскій, и всѣ люди, которые называли себя епископскими, были вытолканы изъ замка, между тѣмъ какъ всѣ другія лица: князья, паны, слуги, простой народъ и даже невѣрные жиды, свободно входили въ замокъ. Духовенство, то есть священники, дьяконы и пономари съ ключами не были допущены въ замокъ, для богослуженія; поэтому въ страстную субботу нельзя было служить ни заутрени, ни вечерни, также и въ свѣтлое воскресенье ни заутрени, ни обѣдни не было. Когда священники и прочее духовенство спрашивали привратника и гайдуковъ, почему ихъ не пускаютъ въ церковь и въ дворъ епископскій, то привратникъ и гайдуки отвѣчали, что они дѣлаютъ это, исполняя волю старосты Александра Семашка, который приказалъ имъ, подъ смертною казнію, не пускать въ замокъ не только духовенства, но и самого епископа. „Вчера, говорили гайдуки, за то, что мы пустили владыку въ замокъ, панъ староста жестоко избилъ двухъ гайдуковъ, изъ которыхъ одинъ едва ли останется въ живыхъ“. Въ то же время, священники и все духовенство, также слуги епископскіе пошли было въ замокъ, но, въ моихъ глазахъ, они не были пущены, а которые осмѣлились войти, тѣ были избиты и вытолканы. Въ продолженіе двухъ дней, то есть въ субботу и въ воскресенье, все духовенство города Луцка и слуги епископскіе стояли у воротъ

замка, но ни одинъ изъ нихъ не былъ пущенъ, ни въ церковь для отправленія богослуженія, ни къ епископу. Въ воскресенье, ея милость, пани кастелянша брацлавская, шла къ вечерни въ костелъ и, сжалившись надъ толпою, стоявшею у воротъ замка, велѣла пустить двухъ священниковъ вмѣстѣ съ вознымъ. Когда вошелъ я—говоритъ возный—въ дворъ епископскій, то нашелъ отца епископа весьма печальнымъ, а при немъ былъ одинъ только мальчикъ. И объявилъ владыка мнѣ, возному, что онъ два дня хлѣба не ѣлъ, въ субботу и въ воскресенье, такъ какъ ни духовенство, ни слуги не были допущены къ нему, что онъ иззябъ отъ холода и отощалъ отъ жажды. Еще съ большею горестію объявилъ мнѣ епископъ, что панъ староста, держа его въ заключеніи, моря голодомъ и потѣшаясь надъ нимъ, громко приказалъ стрѣльцамъ и гайдукамъ своимъ стрѣлять изъ своей комнаты въ золоченый крестъ на церкви божіей. Когда его убѣждали не портить креста, то онъ приказалъ бить и стрѣлять въ куполъ и стѣны церковныя. И гайдуки били и стрѣляли въ церковь божію. И я видѣлъ—продолжаетъ возный—подъ самымъ куполомъ весьма много свѣжихъ знаковъ отъ ружейныхъ выстрѣловъ, отъ креста отбиты двѣ цѣпи, и образъ Св. Іоанна Богослова, нарисованный на церковной стѣнѣ, поврежденъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ ружейными выстрѣлами. Епископъ объявилъ, что панъ староста, желая препятствовать всѣми способами богослуженію, постоянно сторожитъ у обѣихъ дверей церковныхъ: въ однѣхъ сидитъ самъ съ своими слугами, а другія двери загораживаетъ рекфалами, дудами и другими музыкальными инструментами. И я видѣлъ въ одномъ притворѣ три стула его милости, пана старосты, обитые черною кожею, и нѣсколько скамей, а другія двери церковныя заставлены многими столами, на которыхъ лежали музыкальные инструменты [1])“.

---

[1]) Жалоба епископа Кирилла Терлецкаго на старосту луц-

Съ этихъ поръ староста Александръ Семашко не давалъ покоя епископу Кириллу Терлецкому: то онъ не пропускалъ въ замокъ строительныхъ матеріаловъ, приготовленныхъ епископомъ для починки соборной церкви, въ которой стѣны и куполъ угрожали разрушеніемъ [1]); то требовалъ епископа на судъ и присуждалъ къ денежному штрафу подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы онъ, какъ нарушитель общественнаго спокойствія, входилъ въ замокъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, во время судебныхъ засѣданій [2]). Староста даже вмѣшивался въ духовную юрисдикцію епископа, принималъ жалобы отъ священниковъ, подвергнутыхъ Кирилломъ Терлецкимъ наказанію за порочную жизнь, и бралъ ихъ подъ свою защиту; требуя епископа къ себѣ на судъ, онъ обходился съ нимъ грубо, называлъ его адвоката презрѣннымъ псомъ Русиномъ и публично въ судѣ уличалъ его въ развратной жизни [3]). Если епископъ

каго Александра Семашка; осмотръ и донесеніе вознаго, 1591 апрѣля 24 (кн. грод. владимірская 1591 года, листъ 377).

[1]) Жалоба епископа Кирилла Терлецкаго на Александра Семашка, 1591 мая 31 (кн. грод. владимірская 1591 г., лис. 459 на об.).

[2]) Свидѣтельство возныхъ о несправедливомъ судѣ Алексанра Семашка надъ епископомъ Кирилломъ Терлецкимъ, 1591 іюня 9 (книга гродская владимірская 1591 года, листъ 509 на оборотѣ).

[3]) Это случилось по поводу жалобы, поданной на Кирилла Терлецкаго священникомъ Лавровскимъ, котораго Семашко принялъ подъ свою защиту. Когда Кириллъ Терлецкій отстаивая свое право юрисдикціи надъ подвластными ему священниками, уличалъ Лавровскаго въ порочной жизни, то староста замѣтилъ, что онъ знаетъ немало грѣховъ и за самимъ епископомъ; при этомъ онъ шепнулъ адвокату священника Лавровскаго: »скажи, что къ владыкѣ приводили развратную женщину (бѣлую голову вшетечницу), и что объ этомъ извѣстно священнику Лавровскому«. Староста велѣлъ это обвиненіе, имъ самимъ подсказанное, записать въ актовыя книги

Кириллъ Терлецкій, принадлежавшій къ богатой и знатной фамиліи, имѣвшій связи съ сильными магнатами, пользовавшійся, въ это время, покровительствомъ князя Константина Острожскаго, подвергался такому униженію, то что сказать о страданіяхъ низшаго православнаго духовенства [1])?

Чтобъ прекратить нападки Александра Семашка, Терлецкій подалъ жалобу въ люблинскій трибунальскій судъ, доказывая, что онъ имѣетъ право жить въ замкѣ Луцкомъ, въ епископскомъ домѣ, и свободно отправлять въ соборной церкви богослуженіе, потому что всѣ его предшественники, епископы луцкіе и острожскіе, съ давнихъ вѣковъ, при той церкви жили и при ней жизнь скончали, спокойно отправляя богослуженіе; тѣмъ болѣе, что въ этой соборной церкви и тѣла христіанскихъ государей, великихъ князей русскихъ, лежатъ, и гробы ихъ находятся. Сверхъ того, Терлецкій просилъ судъ

(донесеніе возныхъ объ обидахъ, нанесенныхъ епископу Кириллу Терлецкому Александромъ Семашкомъ, въ присутствіи суда, 1591 іюня 12; кн. грод. владимірская 1591 года, листъ 533).

[1]) Вотъ одинъ случай, доказывающій, какимъ оскорбленіямъ подвергалось низшее духовенство. Въ 1594 году іюля 22, священникъ Суходольскій, отецъ Наумъ, явившись въ урядъ гродскій владимірскій, горько и слезно жаловался на пановъ Оранскихъ. Оранскіе, съ толпою вооруженныхъ слугъ, сдѣлали наѣздъ на земли Суходольскія, принадлежавшія князю Юрію Чорторыйскому. Въ это время священникъ отецъ Наумъ, осмотрѣвъ свою пашню, возвращался съ поля домой. Оранскіе удержали его, прося прочитать отходную молитву надъ какимъ-то подстрѣленнымъ и умиравшимъ человѣкомъ. Когда отецъ Наумъ исполнилъ просьбу, то они схватили его, били, мучили, привели въ свое имѣніе Ораны и, посадивъ въ тюрьму, надѣли на него цѣпь и приковали къ трупу того самаго человѣка, надъ которымъ онъ читалъ отходную молитву (кн. грод. владимірская 1594 года, листъ 560).

взыскать съ Семашка 10,000 злотыхъ въ вознагражденіе за убытки и оскорбленія. Трибуналъ люблинскій опредѣлилъ, что Кириллъ Терлецкій долженъ пользоваться епископскою властію и уваженіемъ, и что онъ имѣетъ право жить въ епископскомъ домѣ, въ замкѣ луцкомъ, отправляя богослуженіе въ соборной церкви, по стародавнему обычаю. Что же касается до вознагражденія за убытки и оскорбленія, то трибуналъ люблинскій рѣшилъ отослать дѣло въ гродскій владимірскій судъ, для изслѣдованія, предписавъ тяжущимся сторонамъ явиться въ этотъ судъ, въ ближайшій судебный срокъ. Хотя судъ гродскій владимірскій рѣшилъ дѣло въ пользу епископа, но адвокаты Семашка, объявивъ свое неудовольствіе, снова перенесли дѣло въ трибунальскій судъ, апелляціоннымъ порядкомъ [1]).

Трудно предположить, чтобы неистовства королевскаго старосты Александра Семашка, главнаго мѣстнаго начальника, могли совершаться ненаказанно, безъ вѣдома и согласія польскаго правительства. Король и управлявшіе имъ іезуиты хорошо понимали характеръ Терлецкаго. Они знали, что епископъ, воспитанный въ роскоши и любившій земныя блага, не имѣлъ тѣхъ твердыхъ убѣжденій, которыя даютъ человѣку въ несчастіи неодолимую силу. Чтобъ сдѣлать Кирилла Терлецкаго покорнымъ орудіемъ католичества, для этого нужно было предоставить ему на выборъ: или оставаться вѣрнымъ своей религіи и подвергаться вѣчнымъ преслѣдованіямъ, или сдѣлаться уніатомъ и наслаждаться спокойствіемъ, богатствомъ и почестями. Польское правительство не ошиблось въ своихъ разсчетахъ: въ 1592 году Кириллъ Терлецкій заключилъ съ Семашкомъ мировую сдѣлку. Противники явились лично въ гродскій владимірскій судъ и объявили, что, при посредствѣ пріятелей,

---

[1]) Судебное преніе по жалобѣ епископа Кирилла Терлецкаго на Александра Семашка, 1592 мая 12 (кн. гродская владимірская 1592 года, листъ 344 на оборотѣ).

они прекращают и уничтожают всѣ возникшія между ними тяжбы. Епископъ и духовенство соборной церкви луцкой отреклись, на вѣчныя времена, отъ обвиненія въ обидахъ и оскорбленіяхъ, причиненныхъ Семашкомъ духовенству и церкви: съ своей стороны, староста освободилъ епископа и соборное духовенство луцкое отъ всѣхъ обвиненій и судебныхъ исковъ. Оставленъ въ своей силѣ только трибунальскій декретъ, на основаніи котораго Кириллу Терлецкому предоставлено право пользоваться епископскою властію и уваженіемъ, также отправлять богослуженіе въ соборѣ луцкомъ, по стародавнему обычаю [1]).

Съ этихъ поръ преслѣдованія прекращаются; по епископъ Терлецкій дѣлается ревностнымъ поборникомъ уніи и покорнымъ орудіемъ іезуитской политики.

Но не одинъ Кириллъ Терлецкій терпѣлъ притѣсненія отъ старосты луцкаго, Александра Семашка. Въ 1591 году мая 18, Семашко прислалъ въ монастырское село Жидичинъ, во время ярмарки, отрядъ вооруженныхъ людей, для собиранія въ свою пользу мыта, принадлежавшаго жидичинскому монастырю. На другой день пріѣхалъ въ Жидичинъ, по приказанію Семашка, подстароста луцкій съ вооруженнымъ отрядомъ слугъ и гайдуковъ, ворвался насильно въ жидичинскій монастырь и, поселившись въ немъ, разослалъ своихъ слугъ и гайдуковъ собирать мыто и всѣ прочіе доходы, издавна принадлежавшіе монастырю жидичинскому [2]).

Подражая главному мѣстному начальнику, старостѣ луцкому, и пользуясь ненаказанностію, другіе королевскіе санов-

---

[1]) Мировая сдѣлка епископа Кирилла Терлецкаго съ Александромъ Семашкомъ, 1592 іюня 22 (книга гродская владимірская 1592 года, листъ 500).

[2]) Жалоба архимандрита жидичинскаго монастыря на Александра Семашка, 1591 мая 29 (книга гродская луцкая 1591 года, листъ 452 на оборотѣ).

ники также притѣсняли епископа Кирилла Терлецкаго и дѣлали нападенія на монастыри. По окончаніи перваго брестскаго собора, бывшаго въ 1590 году, Кириллъ Терлецкій отправился въ Сендоміръ, чтобы отдать королю отчетъ о соборныхъ совѣщаніяхъ и представить ему просьбы православнаго духовенства. Пользуясь отсутствіемъ епископа, войскій луцкій Жданъ Боровицкій распустилъ слухъ о его смерти, завладѣлъ въ городѣ Острогѣ дворомъ епископскимъ, допытывался у слугъ владыки, гдѣ хранятся деньги, и грозилъ жечь ихъ желѣзными шинами. По возвращеніи въ Острогъ, епископъ нашелъ, что двери въ его кладовыхъ были разломаны, печати оторваны, замки у сундуковъ отбиты, деньги, оружіе, серебряные сосуды и богатыя одежды похищены, пять боченковъ мальвазіи и бочка рейнскаго вина оказались пустыми [1]).

Крыштофъ Лодзинскій, державца, или администраторъ дорогобужскій, притѣснялъ дорогобужскій монастырь, нападая на архимандрита и крестьянъ монастырскихъ. Этотъ монастырь, имѣвшій фундаторомъ своимъ князя Константина Острожскаго, пользовался особенными преимуществами. Онъ получалъ въ свою пользу торговое, пошлину, которая собиралась съ купцовъ, пріѣзжавшихъ въ Дорогобужъ на ярмарку; монастырю принадлежало также мыто, которое собиралось на греблѣ Ильинскаго пруда, и капщизна отъ варенья монастырскаго пива. Всѣ эти доходы Лодзинскій отнялъ у монастыря и присвоилъ себѣ. Въ 1593 году іюня 9, онъ наслалъ на монастырь толпу вооруженныхъ людей, которые ворвались въ келію архимандрита Ѳеофана и чуть не убили его, стрѣляя изъ ружей. Архимандритъ едва спасъ свою жизнь бѣгствомъ. Вооруженныя толпы слугъ Лодзинскаго нападали на монастырскія имѣ-

[1]) Жалоба Кирилла Терлецкаго на Броневскаго, 1590 октября 4 (книга гродская владимірская 1590 года, листъ 596).

нія, били монастырскихъ крестьянъ и грабили ихъ имущество [1]).

Въ 1593 году 13 генваря, умеръ Мелетій Хребтовичъ Богуринскій, епископъ владимірскій и брестскій, архимандритъ кіевопечерской лавры, одинъ изъ немногихъ іерарховъ, оставшихся, до самой смерти, вѣрными православію [2]). Въ послѣднее время своей жизни Мелетій проживалъ въ мѣстечкѣ кіевопечерской лавры Городкѣ, гдѣ онъ и скончался. Тотчасъ, по смерти епископа, Кириллъ Терлецкій поспѣшилъ въ Городокъ и занялся разборомъ бумагъ, принадлежавшихъ покойнику; нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ онъ изорвалъ или сжегъ, а другія увезъ съ собою. Монастырское и церковное имущество, оставшееся по смерти епископа, было расхищено родственниками и другими приближенными лицами.

По смерти Мелетія Хребтовича остались не занятыми двѣ важныя іерархическія должности: архимандрія кіевопечерской лавры и епископство владимірское. Архимандритомъ кіевопечерской лавры избранъ былъ Никифоръ Туръ. Для передачи монастыря новому архимандриту, былъ присланъ отъ короля коморникъ королевскій Сосницкій, который, составивъ опись всего движимаго и недвижимаго монастырскаго имущества, ввелъ Никифора Тура во владѣніе монастыремъ и всѣми принадлежавшими ему имѣніями [3]).

---

[1]) Жалоба архимандрита дорогобужскаго Θеофана на пана Лодзинскаго, 1593 іюня 19 (кн. грод. луцкая 1593, листъ 641).

[2]) Въ описаніи кіевопечерской лавры митрополита Евгенія смерть Мелетія Богуринскаго показана въ 1590 году.

[3]) Въ описи, составленной коморникомъ королевскимъ, изчислены обширныя имѣнія кіевопечерской лавры. Ей принадлежали: городъ Васильковъ съ замкомъ, мѣстечко Радомысль съ замкомъ, пятьдесятъ девять селеній въ повѣтахъ кіевскомъ, овручскомъ, луцкомъ, пинскомъ, новоградволынскомъ, мозырскомъ и оршан-

Епископомъ владимірскимъ и брестскимъ, по смерти Мелетія Хребтовича, назначенъ былъ, королевскимъ повелѣніемъ 1593 года, Адамъ Потѣй, кастелянъ брестскій, наименованный при посвященіи Ипатіемъ, усердный приверженецъ уніи, человѣкъ съ обширною ученостію, но гордый и властолюбивый [1]). Королевскимъ приказомъ 1593 года марта 4, повелѣно было князю Константину Острожскому, старостѣ владимірскому, передать всѣ имѣнія епископіи владимірской и брестской Адаму Потѣю въ награду за его вѣрныя услуги королю и рѣчи посполитой [2]).

Партія уніатовъ, пріобрѣвъ новаго члена въ лицѣ Ипатія Потѣя, начала дѣйствовать рѣшительнѣе, отдѣляться отъ строгихъ блюстителей православія и открыто объявлять принятыя

скомъ, рыбныя ловли на рѣкѣ Днѣпрѣ, рудокопный заводъ надъ рѣкою Мыкою, дани медовыя и другіе доходы съ пяти селеній на Полѣсьѣ, дань медовая съ королевскихъ селъ бобруйской волости, приносившая 300 пудовъ меду ежегодно и нѣкоторые другіе доходы. См. опись имѣній кіевопечерской лавры, 1593 апрѣля 24. Рукопись доставлена въ кіевскую коммиссію для разбора древнихъ актовъ изъ архива бывшихъ уніатскихъ митрополитовъ.

[1]) Слѣдующій случай, записанный, по жалобѣ Загоровской, въ книгѣ гродской владимірской, даетъ понятіе о характерѣ епископа Ипатія: »отецъ владыка владимірскій Ипатій, самъ особою своею, съ немалою толпою вооруженныхъ людей, вошелъ въ алтарь ильинской церкви, ободралъ собственными руками престолъ, сбросивъ съ него всѣ священныя вещи, схватилъ неподвижный антиминсъ, на которомъ совершалась служба божія, изодралъ его и уничтожилъ«. Жалоба Загоровской подтверждена слѣдствіемъ возныхъ. См. жалобу Загоровской, кастелянши брацлавской, 1596 августа 10 (книга грод. владимірская 1596 года, листъ 274 на оборотѣ).

[2]) Листъ Сигизмунда III къ князю Константину Острожскому, 1593 марта 4 (кн. грод. владимірская 1593, листъ 235 на об.).

ею намѣренія. Чтобъ понять дальнѣйшій ходъ дѣла, мы представимъ какъ основныя положенія, которыми оправдывали свой образъ дѣйствій поборники уніи, такъ и тѣ причины, по которымъ православные считали долгомъ противодѣйствовать этому религіозному перевороту.

Приверженцы уніи принимали за основаніе своихъ убѣжденій и дѣйствій постановленія флорентинскаго собора, бывшаго въ первой половинѣ пятнадцатаго вѣка. Они утверждали, что на этомъ соборѣ, съ согласія восточныхъ патріарховъ и греческаго императора, восточная церковь навсегда соединилась съ римскимъ костеломъ и признала верховную власть римскаго папы, что здѣсь, вслѣдствіе соборныхъ совѣщаній, соглашены были догматы, раздѣлявшіе оба вѣроисповѣданія, и что восточной церкви оставлены неприкосновенно ея церемоніи и обряды, по древнему обычаю. На этомъ основаніи король Сигизмундъ III увѣрялъ своихъ подданныхъ, что задуманное имъ соединеніе церквей не есть нововведеніе, но только возстановленіе и приведеніе въ дѣйствительность постановленій флорентинскаго собора. Оправдывая такимъ образомъ свои дѣйствія, король представлялъ себя не реформаторомъ, измѣняющимъ сомовольно вѣру своихъ подданныхъ, но возобновителемъ и покровителемъ древнихъ соборныхъ постановленій [1]). Приверженцы уніи полагали; что для соединенія церквей, уже принятаго на флорентинскомъ соборѣ, не нужно никакихъ новыхъ постановленій и никакихъ преній о догматахъ, раздѣлявшихъ оба вѣроисповѣданія.

Защитники православія держались противнаго мнѣнія. Они утверждали, что постановленіе флорентинскаго собора не можетъ служить основаніемъ для соединенія церквей, такъ какъ это постановленіе было вынуждено политическими обстоятель-

[1]) Манифестъ Сигизмунда III о соединеніи церквей, 1595 сентября 24 (кн. грод. владимірская съ 1595 по 1596 годъ, листъ 104 на оборотѣ).

ствами и насиліемъ, не было принято ни въ Греціи, ни въ Россіи, и имѣло слѣдствіемъ однѣ только религіозныя смуты [1]). Поэтому для соединенія церквей они считали необходимымъ созвать новый соборъ, и притомъ не частный или помѣстный, составленный изъ духовенства одной только югозападной Россіи, но вселенскій соборъ всей восточной церкви, потому что церковь югозападной Россіи есть только членъ, или нераздѣльная часть восточной церкви и, какъ часть, безъ своего цѣлаго, никакихъ измѣненій въ церковныхъ догматахъ дѣлать не можетъ. Такой вселенскій соборъ не можетъ быть созванъ безъ согласія и участія восточныхъ патріарховъ, которымъ русская православная церковь отдавала послушаніе болѣе шести сотъ лѣтъ, по древнему обычаю, установленному святыми вселенскими соборами и правилами апостольскими.

Для неразрывнаго соединенія церквей, по мнѣнію защитниковъ православія, прежде всего нужно было созвать вселенскій соборъ и согласить различіе въ догматахъ обоихъ вѣроисповѣданій, а такихъ догматовъ, говорили они, находится не мало, потому что восточная церковь имѣетъ много постановленій, несходныхъ съ ученіемъ и уставами римскаго папы. Такъ, самое ученіе римскаго костела о главенствѣ папы не согласно съ ученіемъ восточной церкви. „Римскій костелъ, говорили королю депутаты, отправленные брестскимъ соборомъ, полагаетъ въ основаніе соединенія церквей послушаніе его милости, отцу папѣ, какъ единому, общему для всего свѣта пастырю, а мы никого не признаемъ верховнымъ общимъ для всѣхъ пастыремъ, кромѣ Господа нашего Іисуса Христа, котораго Св. Петръ называетъ пастыремъ надъ всѣми пастырями“.

---

[1]) По этому поводу издано было сочиненіе подъ заглавіемъ: »Исторія о листрійскомъ, то есть о разбойническомъ, ферарскомъ або флоренскомъ синодѣ, вкоротцѣ правдиве списанная«. Напечатано въ Острогѣ, 1598 года.

Наконецъ, защитники православія отличались въ своихъ мнѣніяхъ отъ уніатовъ еще тѣмъ, что для соединенія церквей считали недостаточнымъ согласіе одного только духовенства, но требовали согласія свѣтскихъ лицъ, какъ высшаго сословія, такъ и посполитаго народа, чтобъ не дѣлать насилія людямъ въ ихъ вѣрѣ и совѣсти.

На такихъ условіяхъ защитники православія соглашались приступить къ уніи и объ этомъ открыто объявляли на сеймѣ, на брестскомъ соборѣ, въ своихъ протестахъ и посланіяхъ къ королю [1]).

Изъ приверженцевъ уніи первый Кириллъ Терлецкій началъ публично обнаруживать мысль о соединеніи православной церкви съ римскимъ костеломъ. Въ 1594 году мая 21, онъ явился въ урядъ луцкій, вмѣстѣ съ соборнымъ духовенствомъ, и представилъ, для внесенія въ актовыя книги, арендный листъ, данный Станиславу Кандыбѣ, на церковное имѣніе Водиради, заложенное, на сорокъ лѣтъ, въ двухъ тысячахъ злотыхъ, польскихъ. Въ началѣ этого аренднаго листа епископъ торжественно объявилъ, что восточная православная церковь соединилась съ западною, признавъ надъ собою главенство папы, что для утвержденія этого соединенія и для

[1]) Эти мнѣнія защитниковъ православія изложены въ слѣдующихъ актахъ: протестъ Гедеона Болобана, епископа львовскаго, противъ Кирилла Терлецкаго, 1595 іюля 1 (книга грод. владимірская 1595 года, листъ 491); протестъ князя Константина Острожскаго противъ епископовъ, принявшихъ унію, 1596 мая 5 (кн. грод. владимірская 1596 года, листъ 489 на оборотѣ); синодальный универсалъ брестскаго собора 1596 ноября 2, тамъ же; инструкція, данная брестскимъ православнымъ соборомъ депутатамъ, отправленнымъ къ королю, 1596 октября 9 (книга гродская луцкая 1629 года, листъ 614).

изъявленія покорности папѣ, онъ, вмѣстѣ съ епископомъ Ипатіемъ Потѣемъ, отправляется въ Римъ по приказанію короля, и что для издержекъ на это путешествіе отдано въ залогъ церковное имѣніе Водиради: „по волѣ и промышленію Бога, въ троицѣ славимаго, и по усердному старанію и побужденію короля, его милости, пана нашего милостиваго Сигизмунда III, и ихъ милостей пановъ сенаторовъ духовныхъ и свѣтскихъ, совершилось давно желанное соединеніе и возстановилась братская любовь между двумя церквами, восточною и западною, съ признаніемъ святѣйшаго папы римскаго верховнымъ пастыремъ и намѣстникомъ апостольскимъ" [1]). Изъ этого можно заключать, что принятіе уніи рѣшено было не вслѣдствіе соборныхъ совѣщаній, но путемъ административнымъ, то есть, по волѣ короля и сенаторовъ („за пильнымъ стараніемъ и поводомъ его королевское милости, пана нашого милостивого Жикгимонта третего, и пановъ радъ ихъ милостей духовныхъ и свецкихъ"); соборы созываемы были преимущественно для того, чтобы придать дѣлу благовидную форму.

Въ слѣдъ за тѣмъ, желая показать основаніе, на которомъ польское правительство и приверженцы уніи предполагали утвердить соединеніе церквей, Кириллъ Терлецкій публиковалъ грамоту короля Владислава IV о соединеніи церквей на флорентинскомъ соборѣ. Явившись лично въ урядъ гродскій, онъ предъявилъ, для записанія въ актовыя книги, выпись изъ львовскихъ гродскихъ книгъ, въ которой заключалась грамота короля Александра 1504 года марта 15, данная хелмскому епископу. Этою грамотою подтверждалась грамота короля Владислава IV 1443 года марта 22, данная православ-

---

[1]) Арендный листъ епископа Кирилла Терлецкаго Станиславу Кандыбѣ, 1594 мая 21 (книга гродская владимірская 1594 года, листъ 506).

ному духовенству. Владиславъ IV-й, объявивъ своимъ подданнымъ о соединеніи восточной церкви съ западною на флорентинскомъ соборѣ, предоставилъ православнымъ церквамъ и духовенству всѣ права и преимущества, которыми пользовались церкви и духовенство римскокатолическаго исповѣданія; имъ обезпечено владѣніе церковными имуществами и запрещено свѣтскимъ сановникамъ вмѣшиваться въ духовные суды [1]).

На основаніи вышеозначенныхъ актовъ, мы должны отвергнуть общепринятое мнѣніе, что постановленіе о принятіи уніи въ первый разъ состоялось на брестскомъ соборѣ, бывшемъ въ 1594 году декабря 2, и что здѣсь же постановлено было отправить двухъ епископовъ въ Римъ, для изъявленія покорности папѣ [2]). Мы видѣли, что уже прежде этого време-

---

[1]) Выписка изъ книгъ гродскихъ львовскихъ, 1594 августа 29 (кн. грод. луцкая съ 1591 по 1594 годъ, листъ 776 на об.).

[2]) Такъ говоритъ митрополитъ Евгеній въ Описаніи кіевософійскаго собора, а въ слѣдъ за нимъ и другіе историки, основываясь на анналахъ Баронія (Annales ecclesiastici, Venetiis, MDCCX. T. VII p. 626). Бароній говоритъ, что западнорусскіе епископы, на соборѣ, бывшемъ въ 1594 году декабря 2 (sacris comitiis habitis), сдѣлали постановленіе о соединеніи съ римскимъ костеломъ, и затѣмъ представляетъ въ латинскомъ переводѣ грамоту, подписанную кіевскимъ митрополитомъ и шестью православными епископами. Но эта грамота, сохранившаяся въ оригиналѣ на западнорусскомъ языкѣ и напечатанная въ актахъ археографической коммиссіи (Акты Ю. З. Р. Томъ IV, стр. 77), не имѣетъ признаковъ соборнаго постановленія. Въ каждомъ соборномъ постановленіи означалось, что оно именно дано на соборѣ, съ показаніемъ мѣста, гдѣ соборъ имѣлъ свои совѣщанія (см. соборныя грамоты, напечатанныя въ Ак. Ю. Р. Т. IV: соборная грамота 1590 іюля 20, 1594 іюля 24, 1596 генваря 27, и всѣ грамоты брестскаго собора, бывшаго въ октябрѣ 1596 года). Но въ вышеозначенномъ постановленіи 1594 декабря 2 не сказано, что оно дано на соборѣ, и не означено мѣсто, гдѣ

ни, именно 21 мая 1594 года, Кириллъ Терлецкій публично объявилъ въ урядѣ, что церковь восточная соединилась съ западною, по волѣ короля и сенаторовъ, и это объявленіе записалъ, для всеобщаго свѣдѣнія, въ актовыя книги. Изъ актовъ видно, что брестскій соборъ 1594 года былъ не декабря 2, какъ полагаетъ большая часть историковъ, а 24 іюня, и притомъ не былъ признаваемъ законнымъ ни польскимъ правительствомъ, ни православнымъ духовенствомъ, потому что, въ это время, король Сигизмундъ III-й находился въ Швеціи, а сеймовою конституціею 1593 года запрещены были, въ отсутствіе короля, всякіе съѣзды, сеймы или соборы. На этомъ основаніи, примасъ королевства, архіепископъ гнѣзненскій, напомнилъ листомъ своимъ митрополиту Михаилу Рагозѣ, что соз-

---

происходили соборныя совѣщанія; самый актъ называется не соборною грамотою, а взаимнымъ обязательствомъ митрополита и шести епископовъ (звязкомъ зобопольнымъ, письмомъ, даннымъ не цѣлымъ соборомъ, а межи собою). О мѣстѣ и времени собора, на которомъ принята была унія, и рѣшено было отправить пословъ къ папѣ, находимъ у историковъ большое разногласіе. Митрополитъ Евгеній и большая часть историковъ, какъ мы замѣтили выше, полагаютъ, что этотъ соборъ былъ въ Брестѣ, 1594 года декабря 2; Конисскій и Островскій также полагаютъ, что соборъ былъ въ Брестѣ, но не въ 1594, а въ 1595 году; Бантышъ-Каменскій говоритъ, что соборъ былъ въ 1595 году, но не въ Брестѣ, а въ Кіевѣ; Вишневскій, въ своей исторіи польской литературы, также полагаетъ, что соборъ былъ въ Кіевѣ, но не въ 1595, а въ 1594 году; наконецъ Зубрицкій утверждаетъ, что въ декабрѣ 1594 года не было никакого собора, но что въ этомъ году былъ соборъ въ Брестѣ въ іюнѣ и началѣ іюля. См. О началѣ уніи, въ Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей, 1847 № 3. Замѣтимъ, что въ офиціальныхъ актахъ никакихъ слѣдовъ собора 1594 декабря 2 мы не находимъ.

ванный имъ соборъ никакой законной силы имѣть не можетъ. Поэтому митрополитъ принужденъ былъ, на этомъ соборѣ, ограничиться одними только судебными дѣлами [1]). Притомъ на этомъ соборѣ, кромѣ епархіальнаго епископа Ипатія, не было ни одного изъ православныхъ епископовъ.

Противъ брестскаго собора, бывшаго въ 1594 году, и его постановленій сильно возставали епископъ львовскій Гедеонъ Болобанъ и Кириллъ Терлецкій. Гедеонъ Болобанъ подалъ въ гродскій луцкій урядъ протестъ, доказывая, что этотъ соборъ созванъ былъ митрополитомъ противузаконно, и что всѣ рѣшенія, на немъ постановленныя, не могутъ имѣть никакой силы. Чтобы придать своему протесту большую важность, Гедеонъ Болобанъ пригласилъ къ себѣ, въ жидичинскій монастырь, Кирилла Терлецкаго, и здѣсь спрашивалъ его, въ присутствіи генеральнаго вознаго: „слышалъ ли ты, отче владыко, о соборѣ, бывшемъ въ Брестѣ 24 іюня 1594 года, и былъ ли ты на этомъ соборѣ? я, будучи также епископомъ, ничего объ этомъ не вѣдалъ, а между тѣмъ говорятъ, будто въ Брестѣ былъ какой-то соборъ, и будто на немъ и ваша милость, отче владыко луцкій, присутствовалъ.“ Кириллъ Терлецкій отвѣчалъ на это: „Былъ я въ Брестѣ, но вовсе не для собора, а по своимъ собственнымъ дѣламъ и по дѣламъ своего брата Ярошa Терлецкаго. Узнавъ тамъ отъ людей, что имѣетъ быть какой-то соборъ, я ходилъ къ отцу владыкѣ владимірскому, желая узнать, что это за соборъ, или съѣздъ, и почему мнѣ, епископу, не дано объ этомъ никакого извѣстія? У епископа владимірскаго я засталъ нѣсколько простыхъ поповъ, говорившихъ о предстоявшемъ соборѣ, но, зная навѣрное, что сеймовою конституціею запрещено имѣть какіе бы то ни было съѣзды, сеймы

---

[1]) Актъ этого собора помѣщенъ въ изданіи археографической коммиссіи. А. З. Р. Т. IV. 68.

или соборы, въ отсутствіи короля, я объявилъ имъ объ этомъ и указалъ самую конституцію для прочтенія. Въ это самое время, въ моемъ присутствіи, принесенъ былъ упоминальный листъ архіепископа гнѣзненскаго, который, какъ примасъ королевства, предлагалъ митрополиту отложить на другое время всякіе съѣзды и соборы, такъ какъ короля нѣтъ въ государствѣ, а въ его отсутствіи всякіе съѣзды опасны и подозрительны. Что же касается до меня, то я, будучи въ это время въ Брестѣ, не видѣлъ тамъ ни одного владыки, исключая мѣстнаго епископа владимірскаго; не было тамъ ни собора, ни синода, также не было никакихъ судовъ. А если бы появились какіе нибудь листы или судебныя рѣшенія, постановленныя на этомъ соборѣ, то я напередъ объявляю, что къ этимъ соборнымъ листамъ ни своей руки, ни своей печати не прикладывалъ" [1]).

Такое объявленіе о недѣйствительности собора епископы Гедеонъ Болобанъ и Кириллъ Терлецкій поручили генеральному возному записать въ гродскія луцкія книги [2]).

Признавая соборъ брестскій незаконнымъ, епископы: львовскій Гедеонъ Болобанъ, луцкій Кириллъ Терлецкій, премысльскій Михаилъ и хелмскій Діонисій, недовольные распоряженіями митрополита, собрались въ городѣ Сокалѣ 27 іюня 1594 года, для разсужденія о своихъ духовныхъ дѣлахъ. Здѣсь они разсуждали о средствахъ для прекращенія обидъ и несправедливыхъ поступковъ митрополита Михаила Рагозы, въ отношеніи къ нѣкоторымъ епископамъ и другимъ духовнымъ лицамъ. Особенно считалъ себя обиженнымъ епископъ Гедеонъ Болобанъ, котораго митрополитъ торжественно съ амвона провоз-

---

[1]) Дѣйствительно на соборной грамотѣ 1594 іюня 24 подписи Кирилла Терлецкаго нѣтъ. А. З. Р. Т. IV. 69.

[2]) Объявленіе генеральнаго living возназо о недѣйствительности брестскаго собора, бывшаго въ 1594 іюня 24, 1594 декабря 19 (кн. грод. луцкая 1594 года, листъ 1370).

сласилъ лишеннымъ епископскаго сана, за непослушаніе и по жалобамъ львовскаго братства. Чтобы склонить митрополита къ примиренію, епископы, съ общаго согласія, написали къ нему посланіе, прося у него благословенія, и поручили Кириллу Терлецкому представить это посланіе митрополиту. Сверхъ того, на этомъ съѣздѣ, положено было представить королю и сенаторамъ жалобы о многихъ притѣсненіяхъ и обидахъ, претерпѣваемыхъ православною церковію. Кириллу Терлецкому поручено было отправиться къ королю и сенаторамъ, представить жалобы на притѣсненія и просить защиты. Съ этою цѣлію, епископы, бывшіе на сокальскомъ съѣздѣ, вручили Кириллу Терлецкому четыре бланковыхъ листа, съ своими печатями и подписями.

Но Кириллъ Терлецкій не оправдалъ довѣрія епископовъ. Имѣя въ своихъ рукахъ бланковые листы, выданные ему на сокальскомъ съѣздѣ, а также на первомъ брестскомъ соборѣ, бывшемъ въ 1590 году, Кириллъ Терлецкій рѣшился написать на нихъ посланія къ королю и высшему католическому духовенству, совершенно противныя мыслямъ и желаніямъ своихъ довѣрителей. Даже на одномъ изъ нихъ онъ написалъ постановленіе о соединеніи церквей, противное религіи, правамъ и привиллегіямъ православнаго народа русскаго. Такъ какъ на этихъ бланкетахъ находилась подпись и печать Гедеона Болобана, то онъ явился, 1-го іюля 1595 года, въ урядъ гродскій владимірскій, для того, чтобы обнаружить преступныя дѣйствія Терлецкаго и торжественно протестовать противъ принятія уніи. Въ это время въ урядѣ владимірскомъ находились нѣкоторые изъ знатныхъ обывателей земли волынской: князь Константинъ Острожскій, Демьянъ Гулевичъ, депутатъ воеводства волынскаго въ трибуналѣ люблинскомъ, Бутовичъ, хорунжій кіевскій, князь Дмитрій Курцевичъ Булыга, подстароста бѣлоцерковскій и нѣкоторые другіе. Въ присутствіи этихъ лицъ, Гедеонъ Болобанъ говорилъ слѣдующую рѣчь:

„Въ тысяча пятьсотъ девяностомъ году, іюня двадцать четвертаго, мы созваны были отцомъ митрополитомъ кіевскимъ въ Брестѣ, на главный соборъ, для разсужденія о дѣлахъ нашихъ духовныхъ и о церковномъ благоустройствѣ. На этомъ соборѣ нѣкоторыя значительныя лица напоминали объ оскорбленіяхъ и постоянныхъ обидахъ, претерпѣваемыхъ нами, въ противность правамъ и вольностямъ нашимъ; причемъ присутствовали также епископы: луцкій Кириллъ, пинскій Леонтій и хелмскій Діонисій. Всѣ мы, соблюдая порядокъ, установленный церковными правилами, опредѣлили донести королю, его милости, о тѣхъ оскорбленіяхъ и обидахъ, которыя терпимъ мы сами и народъ православный отъ высшаго католическаго духовенства, въ городахъ и селеніяхъ, особенно о томъ, что намъ запрещаютъ праздновать праздники по древнему нашему обычаю и не дозволяютъ работать въ праздники католическіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы постановили просить его королевскую милость, отъ имени всего духовенства, чтобъ намъ дозволено было безмятежно пользоваться правами и вольностями нашими. Объ этомъ же мы рѣшились обратиться къ духовнымъ лицамъ, сенаторамъ католической вѣры, прося защиты въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ. Для представленія жалобъ и просьбъ своихъ мы избрали отца Кирилла Терлецкаго, владыку луцкаго и острожскаго, вручивъ ему четыре бланковыхъ листа съ своими печатями и подписями, и послали его къ королю, пану нашему милостивому. Потомъ, въ тысяча пятьсотъ девяносто четвертомъ году, іюня двадцать седмаго дня, мы, епископы, собрались на съѣздъ въ Сокалѣ: отецъ Кириллъ, епископъ луцкій, Михаилъ, епископъ премысльскій, и Діонисій, епископъ хелмскій. Здѣсь мы разсуждали о дѣлахъ нашихъ духовныхъ и особенно о тѣхъ обидахъ, которыя терпимъ мы, епископы, отъ его милости отца Михаила, митрополита кіевскаго, галицкаго и всея Руси, по жалобамъ нѣкоторыхъ людей. Съ общаго согласія, мы, избравъ

того же самаго отца епископа луцкаго, отправили его съ своимъ посланіемъ къ отцу митрополиту, прося у него благословенія. И когда отецъ епископъ луцкій принялъ на себя исполненіе нашего порученія, то мы опять дали ему и повѣрили четыре бланковыхъ листа, съ своими печатями и подписями. Эти бланковые листы мы вручили отцу епископу луцкому не для иной цѣли, какъ только для того, чтобы написать на нихъ къ королю, а также къ духовнымъ и свѣтскимъ сенаторамъ жалобы о многихъ несправедливостяхъ и обидахъ, претерпѣваемыхъ нашею православною вѣрою и святыми церквами отъ разныхъ лицъ и сословій. Но теперь дошла до меня вѣсть, что отецъ владыка луцкій написалъ на тѣхъ листахъ что-то иное, что онъ представлялъ какія-то иныя предложенія королю и духовнымъ лицамъ католической вѣры, и что онъ наконецъ написалъ, какъ я слышу, какое-то постановленіе, противное нашей религіи, правамъ и вольностямъ нашимъ, чего я никогда не поручалъ ему, и на такое постановленіе не давалъ ему бланковыхъ листовъ. Противъ всего такого постановленія, написаннаго отцомъ владыкою луцкимъ или другими лицами, я протестую, потому что оно составлено въ противность правиламъ и обычаямъ нашей православной вѣры, нашимъ правамъ и вольностямъ, безъ вѣдома и дозволенія патріарховъ, нашихъ духовныхъ начальниковъ, безъ совѣщаній духовнаго собора, а также безъ воли свѣтскихъ сословій, какъ знатныхъ старожитныхъ фамилій, так и простыхъ людей православной религіи, безъ согласія которыхъ мы ничего дѣлать и рѣшать не можемъ". Это объявленіе, со словъ Гедеона Болобана, было записано въ актовыя книги [1]).

Оскорбленный этимъ протестомъ Кириллъ Терлецкій не-

---

[1]) Протестъ Гедеона Болобана противъ Кирилла Терлецкаго, 1595 іюля 1 (кн. грод. владимірская 1595 года, листъ 491).

медленно подалъ жалобу королю, обвиняя Гедеона Болобана въ клеветѣ, которая не только помрачала добрую славу епископа, но касалась особы самаго короля. Гедеонъ Болобанъ былъ потребованъ къ королю на судъ [1]), но о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла мы не нашли въ актовыхъ книгахъ никакихъ свѣденій.

Въ концѣ іюля 1595 года епископы Кириллъ Терлецкій и Ипатій Потѣй готовились отправиться въ Римъ, чтобъ изъявить папѣ покорность отъ имени всего православнаго духовенства и народа. Деньги, полученныя Терлецкимъ въ 1594 году, за отданное въ аренду имѣніе Водиради, оказались недостаточными для покрытія путевыхъ издержекъ. Поэтому король позволилъ Кириллу Терлецкому отдать въ аренду всѣ имѣнія епископіи луцкой на двадцать лѣтъ [2]); сверхъ того король повелѣлъ, чтобы всѣ судебныя дѣла, касавшіяся Кирилла Терлецкаго и Ипатія Потѣя, были пріостановлены до ихъ возвращенія изъ Рима. Это повелѣніе объявлено было всѣмъ королевскимъ урядникамъ, земскимъ, гродскимъ и подкоморскимъ, всѣмъ судамъ и урядамъ, во всѣхъ воеводствахъ и повѣтахъ земель волынской, русской и подольской [3]).

Тотчасъ по отъѣздѣ епископовъ въ Римъ, Сигизмунъ III издалъ манифестъ о соединеніи церкви восточной съ западною (1595 сентября 24). Стараясь успокоить народъ, король говоритъ въ этомъ манифестѣ, что для него величайшимъ будетъ утѣшеніемъ, если онъ со всѣми вѣрными и любезными поддан-

---

[1]) Донесеніе вознаго о предъявленіи Гедеону Болобану позовнаго листа, 1595 сентября 1 (кн. грод. луцкая 1595 г., лис. 186).

[2]) Листъ Сигизмундъ III, 1595 іюля 28 (кн. грод. луцкая съ 1595 по 1597 годъ, листъ 130 на оборотѣ).

[3]) Листъ Сигизмунда III къ королевскимъ урядникамъ, 1595 іюля 28 (кн. грод. луцкая съ 1595 по 1597 г., лис. 128 на об.).

ными своими будетъ пребывать въ одной вселенской церкви, подъ властію одного пастыря, прославляя Бога едиными устами и единымъ сердцемъ; что онъ приглашаетъ подданныхъ къ этому соединенію, какъ отецъ дѣтей своихъ, для собственнаго ихъ счастія. Объявляя, что пастыри православной церкви, съ великимъ множествомъ свѣтскихъ людей, имъ ввѣренныхъ, возсоединились съ римскимъ костеломъ, король выражаетъ свою радость и изъявляетъ желаніе, чтобы католики также тѣшились и благодарили Бога за возсоединеніе братій своихъ, и чтобы всѣ, отвергавшіе до сихъ поръ унію, послѣдовали за своими пастырями и тѣмъ сдѣлали радость короля совершенною. Въ заключеніе король увѣрялъ своихъ подданныхъ, что епископы, отправленные въ Римъ послами, будутъ просить папу оставить всѣ древніе обряды православной церкви неприкосновенными, и что святѣйшій отецъ, безъ сомнѣнія, согласится на ихъ просьбу [1]).

Епископы Кириллъ Терлецкій и Ипатій, повидавшись съ королемъ въ Краковѣ и получивъ отъ него инструкцію, отправились въ путь и, послѣ семинедѣльнаго путешествія, прибыли въ Римъ 15 ноября. На третій день они приняты были папою въ частной аудіенціи и вручили ему письма отъ короля и нѣкоторыхъ сенаторовъ. Свое пребываніе въ Римѣ епископы описали въ письмѣ къ Гедеону Болобану: „Папа, писали они, принялъ насъ, какъ ласковый отецъ дѣтокъ своихъ, съ несказанною любовію и милостію. Мы живемъ недалеко отъ замка его святости, во дворцѣ, искусно украшенномъ обоями и снабженномъ всѣмъ нужнымъ. Съѣстные припасы отпускаются намъ, по милости папы, въ изобиліи. Мы жили шесть недѣль въ Римѣ, но его святость все еще не хотѣлъ дать намъ торжественной

---

[1]) Манифестъ Сигизмунда III о соединеніи церквей, 1595 сентября 24 (книга земская владимірская съ 1595 по 1596 годъ, листъ 104 на оборотѣ).

аудіенціи, говоря:„ отдохните хорошо послѣ дороги". Наконецъ, вслѣдствіе нашихъ настоятельныхъ просьбъ, намъ назначена была аудіенція 23 декабря, въ большой залѣ, называемой константиновою, въ которой папа принимаетъ наивысшихъ духовныхъ особъ. Здѣсь его святость изволилъ засѣдать во всемъ своемъ святительскомъ маестатѣ, а при немъ весь сенатъ, кардиналы, арцибискупы и бискупы. Особо сидѣли послы французскаго короля и другихъ государей; по обѣимъ сторонамъ залы сидѣли высшіе сановники, сенаторы и великое множество пановъ духовныхъ, князей римскихъ и шляхты. Когда мы введены были въ это собраніе, то, поцѣловавъ ноги его святости, отдали листы отъ вашихъ милостей. Эти листы прочиталъ довольно внятно ксензъ Евстафій Воловичъ, но никто не понималъ порусски, исключая нашихъ пановъ Поляковъ и пановъ литовскихъ, которыхъ здѣсь не мало. Мы имѣли наготовѣ переводъ на латинскомъ языкѣ, и какъ только панъ Воловичъ прочиталъ грамоту но-русски, тотчасъ она была прочитана по-латыни. А по прочтеніи, его святость, чрезъ одного подкоморія своего, говорилъ къ намъ рѣчь весьма чудную, изъявляя благодарность за возсоединеніе наше и за пріѣздъ и обѣщая намъ сохранить всѣ наши церковные обряды неприкосновенными и утвердить ихъ на вѣки. Тамъ же мы, сами отъ себя, также отъ имени отца митрополита и всѣхъ вашихъ милостей, прочитали обѣщаніе: я, епископъ владимірскій, читалъ по-латыни, а я, епископъ луцкій, по-русски. Затѣмъ мы совершили присягу на святомъ евангеліи, отъ лица всѣхъ вашихъ милостей и сами отъ себя, и подписали ее своими руками. Его святость приказалъ намъ подойти къ себѣ поближе, хотя мы и то близко къ нему стояли, и, наклонившись къ намъ истинно по-отечески, сказалъ нѣсколько словъ, между которыми были слѣдующія: „не хочу, говоритъ, я господствовать надъ вами, но хочу немощи и слабости ваши на себѣ носить" и прочее. На другой день, то есть

двадцать четвертаго декабря, наканунѣ рождества христова, его святость самъ служилъ вечерню въ новомъ костелѣ св. Петра, съ великимъ множествомъ духовенства: кардиналовъ, арцибискуповъ и бискуповъ, которыхъ было весьма много. Здѣсь и мы, по благословенію его святости, были во всемъ облаченіи нашемъ. За такое соединеніе наше и за то, что намъ сохранено все вполнѣ: какъ служба Божія, такъ и всѣ церемоніи и обряды, да будетъ честь и хвала Господу Богу нашему [1]".

Это письмо адресовано было на имя епископа львовскаго Гедеона Болобана отъ 29 декабря 1595 года, но доставлено было уже въ 1596 году марта 3, брату львовскаго епископа Григорію Болобану, священникомъ Михаиломъ, который при Кириллѣ Терлецкомъ исполнялъ должность проповѣдника. Когда Григорій Болобанъ распечаталъ письмо и поднесъ къ свѣчѣ, чтобъ прочитать подпись, то вдругъ обдало его какимъ-то порохомъ, отъ котораго онъ мгновенно впалъ въ обморокъ и потомъ страдалъ тяжкою болѣзнію. Его спасъ отъ наглой смерти, какими-то лекарствами, братъ его Гедеонъ Болобанъ, который бывалъ прежде въ чужихъ краяхъ и зналъ, что тамъ подобные порошки посылаются въ письмахъ и даются иными способами. Ему помогъ также своими лекарствами князь Константинъ Острожскій, который, отправляясь въ Варшаву на сеймъ, заѣхалъ въ жидичинскій монастырь на богомольѣ и нашелъ тамъ Григорія Болобана въ тяжкой болѣзни [2]).

Въ 1596 году апрѣля 23, сдѣлано было новое покушеніе на жизнь Григорія Болобана. Въ то время, когда онъ си-

---

[1]) Письмо епископовъ Кирилла Терлецкаго и Ипатія Потѣя изъ Рима къ Гедеону Болобану, 1595 декабря 29 (кн. грод. владимірская 1596 года, листъ 106).

[2]) Жалоба Гедеона Болобана о полученіи письма съ отравительнымъ порошкомъ, 1596 марта 17 (книга гродская владимірская 1596 года, листъ 106).

дѣлъ съ гостями въ своей свѣтлицѣ, въ монастырѣ жидичинскомъ, неожиданно явились слуги Кирилла Терлецкаго, ѣздившіе въ Римъ вмѣстѣ съ своимъ епископомъ: портной Василій Коростель и пѣвчій Павелъ. Закричавъ громкимъ голосомъ: „вашей милости наша служба", слуги Терлецкаго подошли къ Григорію Болобану, чтобъ привѣтствовать его пожатіемъ рукъ. Григорій Болобанъ, подозрѣвая злой умыслъ, сказалъ имъ: „вы были въ Италіи и поэтому знаете италіанскіе обычаи: такъ поцѣлуйте жъ прежде свои руки, а потомъ уже я буду здороваться съ вами". Слуги Терлецкаго, махнувъ руками мимо своихъ устъ, поздоровались съ Болобаномъ взаимнымъ пожатіемъ рукъ. Попросивъ сѣсть, Болобанъ попотчивалъ ихъ медомъ и, выпивъ самъ, утеръ губы рукою. „Тотчасъ, говоритъ Болобанъ въ своей жалобѣ, я обомлѣлъ и почувствовалъ слабость великую; ядъ и отрава изъ руки вошли въ уста и распространились во мнѣ; я измѣнялся въ лицѣ, сталъ блѣденъ, и по тѣлу явились желтыя пятна". Пораженные изумленіемъ гости вынесли Григорія Болобана полумертвымъ изъ свѣтлицы; слуги Кирилла Терлецкаго бѣжали. На другой день, апрѣля 24, генеральный возный осматривалъ больнаго и донесъ уряду луцкому, что онъ нашелъ Григорія Болобана чуть живымъ, что видѣлъ на его тѣлѣ желтыя пятна величиною въ талеръ. Возный освидѣтельствовалъ также слюну больнаго и нашелъ, что она была густа и тянулась непрерывною нитью, длиннѣе человѣческаго роста [1]).

Трудно рѣшить, кто былъ настоящимъ виновникомъ этихъ преступныхъ покушеній. Григорій Болобанъ обвинялъ епископа луцкаго Кирилла Терлецкаго и подалъ на него двѣ жалобы въ урядъ гродскій владимірскій, предоставивъ себѣ вести дѣло формальнымъ порядкомъ, по своемъ выздоровленіи. Въ 1599

[1]) Жалоба Григорія Болобана на слугъ Кирилла Терлецкаго объ отравленіи. Осмотръ и донесеніе вознаго 1596 апрѣля 26 (кн. грод. владимірская 1596 года, листъ 177).

году Кириллъ Терлецкій былъ потребованъ на судъ въ урядъ гродскій луцкій, по просьбѣ Болобана, который жаловался, что ему подослана была Кирилломъ Терлецкимъ отрава, въ письмѣ и въ рукахъ слугъ, приготовленная волошскимъ, то есть италіанскимъ обычаемъ, что онъ отъ этой отравы чуть не умеръ, долго болѣлъ и до сихъ поръ поправиться не можетъ. Истецъ явился лично въ урядъ луцкій и представилъ свидѣтелей; но судъ, по предложенію адвоката, присланнаго Терлецкимъ, отказался приступить къ разспросу свидѣтелей, подъ тѣмъ предлогомъ, что истецъ и отвѣтчикъ, будучи лицами духовными, подлежать духовному, а не свѣтскому суду. Недовольный такимъ рѣшеніемъ Болобанъ подалъ апелляцію въ главный люблинскій трибуналъ. Дальнѣйшій ходъ этого дѣла намъ неизвѣстенъ [1]).

Не станемъ обвинять Кирилла Терлецкаго въ недоказанномъ преступленіи; не можемъ однакожъ не замѣтить, что смерть Гедеона и Григорія Болобановъ могла бы имѣть для уніатовъ, и особенно для Кирилла Терлецкаго, выгодныя послѣдствія. Съ тѣхъ поръ, какъ митрополитъ Михаилъ Рагоза объявилъ себя отступникомъ отъ вѣры, епископъ Гедеонъ Болобанъ, какъ старшій изъ іерарховъ, сдѣлался главою православнаго духовенства и неумолимымъ противникомъ уніи. Мы видѣли, что онъ торжественно обличалъ Кирилла Терлецкаго въ подложномъ составленіи актовъ и объявилъ намѣреніе непоколебимо стоять за православную вѣру. Смерть его избавила бы уніатовъ отъ самаго сильнаго противника. Гедеонъ Болобанъ, управляя епископіею львовскою, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и архимандритомъ жидичинскаго монастыря, находившагося въ

---

[1]) Судебное преніе по дѣлу о двукратномъ отравленіи Болобана 1599 апрѣля 1 (кн. грод. луцкая 1599 года, листъ 422).—Протестъ Болобана противъ рѣшенія суда гродскаго луцкаго по вышеозначенному дѣлу (книга грод. луцкая 1599 года, листъ 266).

епархіи луцкой, въ предмѣстьи города Луцка. Управленіе этимъ монастыремъ онъ поручилъ, съ разрѣшенія короля, брату своему Григорію Болобану, который, постоянно живя въ монастырѣ, имѣлъ возможность наблюдать за всѣми дѣйствіями луцкаго епископа и тѣмъ навлекалъ на себя его непримиримую вражду. Сверхъ того Кириллъ Терлецкій имѣлъ надежду, по смерти Григорія Болобана, получить въ свою власть монастырь жидичинскій съ его богатыми имѣніями [1]).

По возвращеніи Кирилла Терлецкаго и Ипатія Потѣя изъ Рима, католическое духовенство служило въ костелахъ молебны, благодаря Бога за то, что епископы возвратились изъ Рима въ добромъ здоровьи съ утѣшительными новостями, счастливо исполнивъ возложенное на нихъ порученіе. Но въ народѣ русскомъ вѣсть о совершившемся соединеніи церквей произвела всеобщій ропотъ и негодованіе. Народъ обвинялъ епископовъ въ томъ, что они самовольно, безъ согласія духовенства и простаго народа, также безъ дозволенія греческихъ патріарховъ, подчинили себя самихъ и весь русскій народъ чужой власти, признавъ старшинство римскаго папы. На соединеніе право-

---

[1]) Замѣтимъ, что въ XVI вѣкѣ искусство отравленія извѣстно было въ Польшѣ въ самомъ утонченномъ видѣ. Врачъ курфюрста бранденбургскаго Турнейзеръ, посылая какое-то противуядіе, въ видѣ бальзама, писалъ, въ 1578 году, къ королю Стефану Баторію: »Въ настоящее время людская злость достигла до такой степени, что нужно быть осторожнымъ не только въ пищѣ и питьѣ, но и въ одеждѣ, въ умываньи и въ прикосновеніи къ какимъ бы то ни было вещамъ: потому что гибельное средство можетъ таиться въ разной домашней утвари, въ столахъ и скамьяхъ. Отъ одного прикосновенія къ нимъ человѣкъ можетъ лишиться жизни. Иногда дѣйствіе отравы открывается по истеченіи пятнадцати и даже тридцати дней; ядъ, чрезъ мускулы, нервы и жилы, проникаетъ до сердца«. Panowanie Henryka Walezyusza i Stefana Batorego. Kraków, 1849.

славной церкви съ католическою смотрѣли какъ на расколъ, производившій важныя перемѣны въ древней православной церкви, противныя религіознымъ догматамъ, правамъ и привиллегіямъ русскаго народа.

Наступало время генеральнаго сейма, который, по призыву короля, долженъ былъ собраться въ началѣ 1596 года. Православное дворянство, собиравшееся, для предварительныхъ совѣщаній, на провинціальныхъ сеймахъ, постановило отправить депутатовъ, поручивъ имъ представить королю просьбы на генеральномъ сеймѣ. Депутаты отправлены были отъ дворянства земли краковской и отъ воеводствъ: кіевскаго, волынскаго, полоцкаго, новогродскаго, троцкаго, брацлавскаго, минскаго и витебскаго. Во главѣ этихъ лицъ, рѣшившихся подать на сеймѣ голосъ въ пользу своихъ единовѣрцевъ, находились князь Константинъ Острожскій и князь Юрій Друцкій-Горскій, посолъ воеводства кіевскаго [1]).

Просьбы всѣхъ воеводствъ заключали въ себѣ двѣ главныя статьи. Депутаты должны были просить короля: 1, чтобы

---

[1]) Изложеніе событій, совершившихся по возвращеніи епископовъ изъ Рима, и описаніе брестскаго собора, бывшаго въ 1596 году, мы заимствовали изъ слѣдующихъ актовъ: Протестъ князя Константина Острожскаго противъ епископовъ, подчинившихъ православную церковь папской власти, 1596 мая 5; такой же протестъ князя Друцкаго-Горскаго, 1596 мая 6; Синодальный универсалъ православнаго брестскаго собора, 1596 октября 9; Протестъ православнаго брестскаго собора противъ уніи и обязательство противудѣйствовать ея распространенію, 1596 октября 9. Всѣ эти акты выписаны изъ книгъ главнаго трибунала новогродскаго и внесены въ книгу гродскую владимірскую 1596 года, листъ 489 на об. Сюда относится также инструкція, данная православнымъ брестскимъ соборомъ депутатамъ, отправленнымъ къ королю, 1596 октября 9 (книга грод. луцкая 1629 года, листъ 614).

епископы; отступившіе отъ православной вѣры, были лишены духовнаго сана; 2, чтобы постановлены были епископами лица православнаго исповѣданія, согласно съ варшавскою конфедераціею 1573 генваря 28, и съ жалованными грамотами прежнихъ королей, подтвержденными присягою самого короля Сигизмунда III. Такую же просьбу представлялъ королю, лично отъ себя, и князь Константинъ Острожскій. Но король, твердо рѣшившійся поддерживать унію, не обратилъ вниманія ни на представленія депутатовъ, ни на просьбы князя Острожскаго.

Между тѣмъ наступилъ послѣдній день, назначенный для окончанія сейма. Тогда депутаты и князь Острожскій, отчаявшись получить отвѣтъ короля на представленныя ими просьбы, торжественно объявили королю, сенату и всему сейму, что они и весь народъ русскій не будутъ признавать Кирилла Терлецкаго и Ипатія Потѣя своими епископами, не будутъ признавать ихъ власти въ своихъ имѣніяхъ и не будутъ подчиняться ихъ духовной юрисдикціи. Сверхъ того, депутаты написали протестъ, въ которомъ изложены были обиды и притѣсненія, претерпѣваемыя православнымъ народомъ русскимъ, и, въ послѣдній день сейма, поручили прочитать этотъ актъ на сеймѣ, въ присутствіи короля, Мартыну Буховецкому, писарю воеводства познанскаго, но сеймъ читать протестъ не позволилъ. Буховецкій, заглушенный неистовыми криками, принужденъ былъ удалиться, протестовавъ противъ такого насилія.

Князю Острожскому и депутатамъ не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ только обратиться къ цѣлому народу и представить ему просьбы, отвергнутыя королемъ и сеймомъ. Съ этою цѣлію, князь Острожскій записалъ въ актовыя книги варшавскаго сейма протестъ, изложивъ преступныя дѣйствія епископовъ Кирилла Терлецкаго и Ипатія Потѣя, и объявивъ твердую рѣшимость противодѣйствовать ихъ намѣреніямъ. Въ такомъ же смыслѣ депутаты православнаго дворянства подали два протеста для

внесенія въ книги гродскія радзіевскія: одинъ протестъ они подали лично отъ себя, за общею подписью, а другой поручили вписать въ актовыя книги князю Юрію Друцкому—Горскому, послу воеводства кіевскаго. Изъ актовыхъ книгъ извлечены были засвидѣтельствованныя копіи протестовъ и разосланы по воеводствамъ.

Тогда король приступилъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ: онъ торжественно объявилъ себя защитникомъ епископовъ, отступившихъ отъ православія, выразилъ непреклонное намѣреніе привести въ унію всѣхъ своихъ православныхъ подданныхъ, и, для исполненія этого намѣренія, повелѣлъ митрополиту Михаилу Рагозѣ собрать немедленно соборъ въ Брестѣ.

Князь Константинъ Острожскій и православное дворянство, какъ мы видѣли выше, просили короля на варшавскомъ сеймѣ, чтобы епископы Кириллъ Терлецкій и Ипатій Потѣй были лишены духовнаго сана. Въ отвѣтъ на это, король, желая показать, что подобныя просьбы онъ считаетъ неуважительными, что уніатскіе епископы всегда могутъ ожидать отъ него защиты и покровительства, далъ Кириллу Терлецкому подтвердительную жалованную грамоту на епископію луцкую и острожскую [1]). Въ этой грамотѣ король ручается, за себя и за своихъ преемниковъ, что Кириллъ Терлецкій будетъ епископомъ луцкимъ и острожскимъ въ теченіе всей своей жизни, пока угодно будетъ Богу сохранять его на землѣ; сверхъ того, король утвердилъ за Кирилломъ Терлецкимъ всѣ имѣнія епископіи луцкой и обѣщалъ защищать его противъ всѣхъ недоброжелателей, которые осмѣлились бы лишить его епископскаго сана или отнять у него церковныя имѣнія.

---

[1]) Подтвердительная грамота Сигизмунда III епископу Кириллу Терлецкому на епископію луцкую и острожскую, 1596 мая 21. Современная копія, доставленная коммиссіи изъ корецкаго архива.

Въ слѣдъ за тѣмъ, 1596 г. мая 29, король издалъ манифестъ [1]), которымъ онъ увѣдомлялъ своихъ православныхъ подданныхъ о совершившемся соединеніи церквей, старался оправдать задуманный имъ религіозный переворотъ доказательствами историческими и политическими, и опровергалъ тѣ причины, по которымъ русскій народъ считалъ недѣйствительнымъ соединеніе церквей, постановленное въ Римѣ. Народъ русскій считалъ это соединеніе недѣйствительнымъ во—первыхъ потому, что оно совершилось по предложенію двухъ епископовъ, дѣйствовавшихъ самовольно, безъ согласія духовенства, дворянства и простаго народа, а также безъ дозволенія греческихъ патріарховъ. Стараясь опровергнуть такое мнѣніе, король, въ означенномъ выше манифестѣ, снимаетъ вину съ преступныхъ епископовъ и всю отвѣтственность принимаетъ на себя: „господствуя счастливо, говоритъ король, въ государствахъ нашихъ и размышляя о ихъ благоустройствѣ, мы, между прочимъ, возымѣли желаніе, чтобы подданные наши греческой вѣры приведены были въ первоначальное и древнее единство съ вселенскимъ католическимъ римскимъ костеломъ, подъ послушаніе одного верховнаго пастыря". Вслѣдствіе такого объявленія, противившіеся уніи дѣлались противниками верховной королевской власти. Вторая причина, по которой народъ русскій отвергалъ унію, состояла въ томъ, что онъ видѣлъ въ ней расколъ, вводившій въ православную церковь перемѣны, противныя ея древнимъ догматамъ. Въ отвѣтъ на это король, въ своемъ манифестѣ, старается успокоить народъ, увѣряя, что епископы, возвратившіеся изъ Рима, не привезли оттуда никакихъ нововведеній: „епископы, говоритъ король, не привезли изъ Рима ничего новаго и спасенію вашему противнаго, никакихъ перемѣнъ въ вашихъ древнихъ церковныхъ обрядахъ,

[1]) Манифестъ Сигизмунда III о назначеніи собора въ Брестѣ, 1596 г. мая 29 (кн. грод. луцкая съ 1595 по 1597 годъ, лис. 250).

но всѣ догматы и обряды вашей православной церкви сохранены неприкосновенно, согласно съ постановленіями святыхъ апостольскихъ соборовъ и съ древнимъ ученіемъ святыхъ отцовъ греческихъ, которыхъ имена вы славите, и которымъ посвященные дни вы празднуете“.

Тѣмъ же самымъ манифестомъ король повелѣлъ митрополиту кіевскому Михаилу Рагозѣ собрать соборъ въ Брестѣ, назначить срокъ и оповѣстить объ этомъ православныхъ пригласительными листами. На этомъ соборѣ епископы Кириллъ Терлецкій и Ипатій Потѣй должны были подробно изложить результатъ своей поѣздки въ Римъ и объявить о совершившемся соединеніи церквей. Пріѣздъ на соборъ дозволенъ былъ всѣмъ подданнымъ православнаго исповѣданія; но каждый долженъ былъ пріѣзжать какъ можно скромнѣе, не приводя съ собою непотребной толпы (зграи непотребное). Присутствовать на соборѣ дозволялось только католикамъ и православнымъ. Соборъ долженъ былъ ограничиться вопросомъ о соединеніи церквей, не примѣшивая къ нему ничего посторонняго. Прибывшимъ на соборъ вмѣнялось въ обязанность во всемъ оказывать должное уваженіе къ верховной власти короля, не нарушать общественнаго спокойствія и вести дѣла въ согласіи и любви, съ благословеніемъ божіимъ, на радость королю и всей рѣчи посполитой. Въ заключеніе король изъявлялъ твердую надежду, что его вѣрные подданные, обдумавъ дѣло основательно, не найдутъ для себя ничего полезнѣе, выгоднѣе и утѣшительнѣе, какъ святое соединеніе церквей, которое водворяетъ и помножаетъ между народами взаимную любовь и миръ, охраняетъ цѣлость государственнаго союза и доставляетъ иныя, какъ земныя, такъ и небесныя утѣхи.

Вслѣдствіе оповѣстительныхъ листовъ, разосланныхъ митрополитомъ Михаиломъ Рагозою, прибыло въ Брестъ множество духовныхъ и свѣтскихъ особъ. Изъ духовныхъ особъ яви-

лись: епископъ львовскій Гедеонъ Болобанъ, епископъ премысльскій и самборскій Михаилъ Копыстенскій, экзархъ митрополіи кіевской Несторъ Козминичъ. Прибыли также архимандриты нѣкоторыхъ монастырей: архимандритъ кіевопечерской лавры Никифоръ Туръ, архимандритъ супрасльскаго монастыря Иларіонъ Масальскій, архимандритъ пинскаго монастыря Елисей, игуменъ монастыря св. Спаса въ Дубнѣ Василискъ, изъ выдубитскаго монастыря старецъ Никонъ. Сверхъ того съѣхалось на соборъ множество протоіереевъ и священниковъ изъ отдаленныхъ городовъ и мѣстечекъ югозападной Россіи. Во главѣ православнаго духовенства находился протосингелъ патріарха константинопольскаго, грекъ Никифоръ, получившій власть занимать на соборѣ мѣсто патріарха.

Изъ свѣтскихъ сановниковъ явились на соборъ: князь Константинъ Острожскій, кастелянъ новогродскій князь Александръ Полубенскій, чашникъ волынскій Өедоръ Урсулъ, судья земскій луцкій Чапличъ, городничій луцкій Иванъ Волынецъ Чернчицкій, судья гродскій владимірскій Демьянъ Павловичъ, стольникъ земли волынской Андрей Боговитинъ, хорунжій земли кіевской Яцко Бутовичъ, войскій луцкій Жданъ Боровицкій и многіе другіе. Сверхъ того прибыли депутаты, присланные дворянствомъ нѣкоторыхъ воеводствъ и повѣтовъ, послы отъ городовъ и отъ виленскаго церковнаго братства. Отъ великаго княжества литовскаго прибылъ депутатомъ Шиманъ Цивинскій, отъ воеводства русскаго—Григорій Болобанъ, отъ воеводства брестскаго—Василій Адамовичъ Старовольскій, отъ повѣта пинскаго—Денисъ Слободскій. Мѣщане виленскіе прислали депутатами ратмана и городоваго писаря, Луцкъ и Львовъ прислали по два депутата, виленское церковное братство прислало четырехъ депутатовъ [1]).

---

[1]) Здѣсь перечислены имена только тѣхъ лицъ, которыя подписались подъ актами православнаго брестскаго собора.

Партія приверженцевъ уніи также была многочисленна. Здѣсь были: митрополитъ кіевскій Михаилъ Рагоза, епископы: владимірскій, луцкій, полоцкій, хелмскій и пинскій. Сверхъ того, какъ сказано въ королевскомъ манифестѣ 1596 г. декабря 15, съ епископами были многіе архимандриты, игумены, протопопы, попы, чернецы, дьяконы и многія другія духовныя и свѣтскія лица, которыхъ имена остались неизвѣстными. Къ нимъ присоединились, въ званіи королевскихъ комиссаровъ: Суликовскій, арцыбискупъ львовскій, Мацѣіовскій, бискупъ луцкій, Гомолинскій, бискупъ хелмскій, Христофоръ Радзивилъ, воевода троцкій, канцлеръ Левъ Сапѣга, Дмитрій Халецкій, казначей литовскій, и іезуитъ Петръ Скарга.

Православное дворянство разныхъ воеводствъ, отправляя депутатовъ на брестскій соборъ, дало имъ инструкціи, совершенно противныя мыслямъ и намѣреніямъ короля. Такихъ инструкцій было нѣсколько десятковъ, и всѣ онѣ сходны были въ трехъ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Епископы, самовольно свергшіе съ себя власть патріарховъ и подчинившіеся чужой папской власти, должны быть лишены духовнаго сана; 2) Брестскій соборъ, созванный митрополитомъ кіевскимъ, есть соборъ помѣстный, не получившій всеобщей гласности, созванный безъ дозволенія патріарховъ и всей восточной церкви. Поэтому онъ не имѣетъ власти постановить рѣшеніе о соединеніи православной церкви съ римскимъ костеломъ; тѣмъ болѣе что для твердости такого соединенія необходимо, прежде всего, согласить различіе въ догматахъ обоихъ вѣроисповѣданій. Еще менѣе можетъ быть установлено и утверждено соединеніе церквей на основаніи, положенномъ двумя епископами, желавшими, отступленіемъ отъ вѣры, загладить свои проступки и умножить свои доходы. Древнее христіанское вѣроисповѣданіе, полученное издревле русскимъ народомъ отъ восточной греческой церкви, утвержденное законами, привиллегіями, конфедераціями и при-

сягами королевскими, должно быть сохраняемо и укрѣпляемо во всей цѣлости, безъ отмѣны древняго старшинства патріарховъ и безъ нарушенія церковныхъ обрядовъ. 3) Не принимать новаго календаря, явно противнаго церковнымъ канонамъ, но стараться о сохраненіи стараго календаря, согласно съ указами короля Стефана и другими объ этомъ предметѣ постановленіями.—Нельзя было ожидать, чтобъ брестскій соборъ мирно окончилъ совѣщанія и постановилъ согласное и единодушное рѣшеніе.

Православное духовенство и дворянство поспѣшили прибыть въ Брестъ раньше срока, назначеннаго для открытія собора, и тотчасъ вступили въ сношеніе съ митрополитомъ Михаиломъ Рагозою. Они отправили отъ себя пословъ къ митрополиту, чтобъ привѣтствовать его и условиться о мѣстѣ, времени, порядкѣ засѣданій и о другихъ предметахъ, касавшихся собора. Митрополитъ принялъ пословъ, но на нѣкоторые вопросы не далъ никакого отвѣта, а на другіе далъ отвѣты, ничего не выражавшіе, и отпустилъ пословъ съ явнымъ неудовольствіемъ.

Наступило шестое октября, день, назначенный для открытія собора. Православное духовенство и дворянство собрались въ одномъ частномъ домѣ, который, по своей обширности, казался имъ наиболѣе удобнымъ для засѣданій, и здѣсь до самаго вечера ожидали распоряженій митрополита. Но митрополитъ не являлся и не давалъ о себѣ никакого извѣстія. Тогда соборъ отправилъ депутатовъ къ львовскому арцыбискупу, который прибылъ въ Брестъ, по приказанію короля, чтобъ содѣйствовать успѣшному окончанію дѣла. Депутаты объявили арцыбискупу, что соборъ готовъ приступить къ совѣщаніямъ, и жаловались, что митрополитъ, къ общему удивленію, не дѣлаетъ никакихъ распоряженій для открытія собора, между тѣмъ какъ ему извѣстно, что на всѣхъ съѣздахъ засѣданія открываются въ первый день, назначенный универсаломъ. Отъ арцыбискупа львовскаго депутаты отправились къ митрополиту, но нигдѣ не

могли найти его, ни въ его квартирѣ, ни въ церкви, ни въ другихъ мѣстахъ. Желая однакожъ, чтобы требованіе собора дошло до свѣденія митрополита, и чтобъ онъ не отговаривался невѣденіемъ, депутаты объявили объ этомъ епископу пинскому Іонѣ Гоголю, поручивъ ему отыскать митрополита и объясниться съ нимъ.

Отправивъ депутатовъ къ арцыбискупу львовскому и митрополиту, соборъ немедленно приступилъ къ устройству засѣданій. По образцу сеймовъ, члены собранія раздѣлены были на два отдѣленія, или кола: на коло духовное и коло свѣтское. Начальникомъ кола духовнаго избранъ экзархъ кіевской митрополіи Несторъ Козминичъ, маршаломъ кола свѣтскаго— Демьянъ Гулевичъ. При этомъ постановлены были нѣкоторыя правила о порядкѣ засѣданій для того, чтобы соборныя совѣщанія могли продолжаться стройно, благочестиво и спокойно. Какъ только соборъ получилъ окончательное устройство, тотчасъ депутаты, присланные дворянствомъ изъ воеводствъ, объявили, что они желаютъ изложить собору инструкціи, данныя дворянствомъ; но соборъ отложилъ слушаніе инструкцій до слѣдующаго дня.

На другой день, 7 октября, соборъ снова ожидалъ вѣсти отъ митрополита, но ничего дождаться не могъ. Тогда члены православнаго собора убѣдились, что митрополитъ Михаилъ Рагоза только притворялся вѣрнымъ пастыремъ и защитникомъ православной церкви, злоупотребляя довѣріемъ своей паствы; что онъ уже давно втайнѣ сдѣлался отступникомъ и что теперь только рѣшился сбросить съ себя маску, объявивъ публично свое отреченіе отъ вѣры, и что, дѣйствуя такимъ образомъ, онъ постоянно имѣлъ въ виду заманить весь православный народъ въ ту же самую сѣть, въ которую самъ попалъ. Соборъ рѣшилъ въ третій разъ отправить депутатовъ къ митрополиту, чтобъ напомнить ему пренебреженіе его къ собору, его укло-

ненie отъ совѣщанiй, и укорить его въ самовольномъ признанiи папской власти, безъ согласiя православнаго народа русскаго. Депутаты должны были объявить митрополиту, отъ лица всего собора: „Мы желаемъ согласiя и соединенiя церквей и поэтому не уклоняемся отъ религiозныхъ совѣщанiй съ католиками; но видя, что митрополитъ съ нѣкоторыми епископами явно присталъ къ католикамъ и соединился съ ними, мы полагаемъ, что для него не нужны уже никакiя совѣщанiя о соединенiи церквей. Отдѣлившись отъ насъ, онъ не можетъ быть представителемъ нашихъ религiозныхъ интересовъ. Поэтому мы не можемъ позволить митрополиту съ его заподозрѣнными сообщниками участвовать въ соборныхъ совѣщанiяхъ, а тѣмъ болѣе постановлять окончательное рѣшенiе о соединенiи церквей; не можемъ также подчиняться его юрисдикцiи, которой онъ самъ лишилъ себя, признавъ чуждую намъ папскую власть". Въ заключенiе, послы должны были увѣщевать митрополита, чтобъ онъ съ своими сообщниками воздержался отъ жалкихъ поступковъ, чтобъ заблаговременнымъ покаянiемъ въ прежнихъ грѣхахъ оправдалъ себя предъ святою церковiю и тѣмъ избавилъ бы соборъ отъ необходимости принимать противъ него дальнѣйшiя мѣры.

Депутаты приняты были митрополитомъ съ яростiю („фурiею") и презрѣнiемъ, и возвратились на соборъ съ вѣстiю, что отвѣта на соборное посланiе не будетъ. Соборъ, выслушавъ донесенiе пословъ съ крайнимъ сожалѣнiемъ, приступилъ къ слушанiю депутатскихъ инструкцiй. Въ это время послы королевскiе увѣдомили соборъ, что они желаютъ исполнить возложенное на нихъ королемъ порученiе, и требовали, чтобъ соборъ прислалъ къ нимъ депутатовъ, для выслушанiя королевскаго повелѣнiя. Когда депутаты явились къ королевскимъ посламъ, то имъ было объявлено, что король желаетъ соединенiя православной церкви съ римскимъ костеломъ. Соборъ, получивъ объ

этомъ донесеніе, отправилъ королевскимъ посламъ слѣдующій отвѣтъ:

„Мы принимаемъ съ большою признательностію и благодарностію отеческое попеченіе короля, его милости, о водвореніи ненарушимаго согласія между его подданными, и готовы приступить къ соединенію съ римскимъ костеломъ, какъ по христіанской обязанности, такъ и по желанію исполнить волю его королевской милости. Но мы видимъ изъ исторіи, что святое соединеніе церквей уже нѣсколько разъ было установляемо и столько же разъ было расторгаемо, и именно потому, что не было примиряемо различіе въ догматахъ обоихъ вѣроисповѣданій. Поэтому мы, не желая воздвигать непрочнаго зданія, желаемъ, чтобы къ соединенію церквей приступлено было съ возможною осторожностью, чтобы для достиженія этой цѣли избраны были удобнѣйшіе пути и надежныя средства, такъ чтобы унія, созданная на прочномъ основаніи, могла существовать долго и, дай Боже, вѣчно. Но зная, какіе люди, въ настоящее время, подали поводъ къ переговорамъ о соединеніи церквей, зная, что это дѣлается безъ согласія всей восточной церкви и особенно патріарховъ, что переговоры поручены были епископамъ большею частію подозрительнымъ, и что на нынѣшнемъ соборѣ не могутъ быть примирены разности въ догматахъ обоихъ вѣроисповѣданій, мы не видимъ основанія, на которомъ бы можно было утвердить неразрывное соединеніе церквей, и поэтому такое соединеніе рѣшительно отвергаемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, опасаясь, чтобы несогласіе наше на унію не было объяснено королевскими послами въ дурную сторону и не навлекло на насъ королевскаго гнѣва, мы объявляемъ, что охотно приступимъ къ соединенію съ римскимъ костеломъ, когда согласится на это вся восточная церковь и особенно патріархи, когда для этого избраны будутъ законные пути и приняты приличныя мѣры, когда соглашены будутъ въ самомъ основаніи

всѣ разности въ церковныхъ догматахъ и обрядахъ обоихъ вѣроисповѣданій, и когда, такимъ образомъ, положена будетъ дорога къ прочному и неразрывному соединенію церквей [1]".

Давъ такой отвѣтъ, соборъ продолжалъ свои совѣщанія. Единогласно приняты были слѣдующія соборныя постановленія:

1) Митрополитъ и епископы, отступившіе отъ православія, хотя получили церковныя имѣнія отъ короля, однакожъ санъ духовный, старшинство и власть духовная даны имъ не свѣтскою властію, но духовными лицами. На этомъ основаніи высшее духовенство, присутствовавшее на брестскомъ соборѣ, считаетъ себя въ правѣ, не безъ сердечной жалости, лишить заблуждшихъ, клятвопреступныхъ пастырей духовнаго сана, юрисдикціи и всей духовной власти, постановивъ вмѣстѣ съ тѣмъ отобрать у нихъ и церковныя имѣнія, чтобъ предупредить дальнѣйшій упадокъ святой православной церкви.

2) Вмѣнено въ обязанность свѣтскимъ лицамъ, присутствовавшимъ на соборѣ, отправить къ королю депутатовъ и униженно просить, чтобы его королевская милость, обративъ вниманіе на законность соборнаго постановленія о клятвопреступныхъ пастыряхъ, на права, привиллегіи и конфедераціи, подтвержденныя собственною его королевскою присягою, не дѣлалъ насилія народу русскому въ исповѣданіи вѣры и въ отправленіи церковныхъ обрядовъ, но отлучилъ бы преступныхъ пастырей отъ хлѣба духовнаго, уже не принадлежащаго имъ,

---

[1]) Этотъ отвѣтъ посламъ королевскимъ Скарга, въ описаніи брестскаго собора, передаетъ въ слѣдующемъ видѣ: »соединеніе греческой церкви съ римскимъ костеломъ есть дѣло великое и глубокое, а у насъ головы мелкія, и потому мы ни во что входить не желаемъ. Пытались достигнуть этого соединенія великіе короли, но не могли привести дѣла къ концу; поэтому и мы этого дѣла рѣшать не будемъ«. Rychcickiego, Piotr Scarga i iego wiek. T. II, p. 139.

й на мѣсто ихъ избралъ бы другихъ епископовъ и митрополита, исповѣдующихъ истинную православную вѣру.

3) Соборъ постановилъ разослать листы на всѣ ближайшіе повѣтовые сеймы, прося православное дворянство ходатайствовать на варшавскомъ генеральномъ сеймѣ объ исполненіи рѣшеній, постановленныхъ соборомъ. Если бы сеймъ не обратилъ вниманія на ихъ ходатайство, то положено было обратиться съ просьбами къ королю.

Въ заключеніе всѣ, присутствовавшіе на соборѣ, единогласно дали обѣтъ, за себя и за потомковъ своихъ, не подчиняться митрополиту и епископамъ, отступившимъ отъ православія, не оказывать имъ ни въ чемъ послушанія и не признавать ихъ власти ни въ коронныхъ городахъ, ни въ своихъ имѣніяхъ. Они поклялись своею вѣрою, совѣстію и честію пребывать твердо въ святой христіанской вѣрѣ, принятой ими въ святомъ крещеніи, признавать только истинныхъ, православныхъ пастырей, и особенно патріарховъ, не отступать безъ ихъ дозволенія отъ стараго календаря, усердно оберегать покой между людьми разныхъ вѣроисповѣданій, противодѣйствуя всякимъ насиліямъ и нововведеніямъ, нарушающимъ незыблемость вѣры и спокойное отправленіе церковныхъ обрядовъ по древнему обычаю. Такой обѣтъ соборъ торжественно объявлялъ Богу и всему свѣту, и особенно братіи своей, православнымъ обывателямъ королевства польскаго и великаго княжества литовскаго.

Окончивъ совѣщанія, соборъ немедленно приступилъ къ исполненію своихъ постановленій: разослалъ листы повѣтовымъ сеймамъ, публиковалъ декретъ о низложеніи принявшихъ унію митрополита и епископовъ и отправилъ къ королю депутатовъ, давъ имъ подробную инструкцію. Наконецъ соборъ, въ особомъ универсалѣ, публиковалъ описаніе своихъ дѣйствій, на память потомкамъ и для предупрежденія превратныхъ толкованій [1]).

---

[1]) Этотъ универсалъ представленъ былъ для внесенія въ грод-

Въ то самое время, когда православный соборъ брестскій совѣщался о средствахъ въ защитѣ своей вѣры, митрополитъ Михаилъ Рагоза, въ продолженіе трехъ дней, имѣлъ засѣданія съ своими сообщниками, въ церкви св. Николая. Въ засѣданіи 9-го октября торжественно принято было согласіе на унію, постановлено опредѣленіе о лишеніи духовнаго сана и проклятіи епископовъ и ихъ сообщниковъ, участвовавшихъ въ православномъ брестскомъ соборѣ и отвергшихъ соединеніе съ римскимъ костеломъ [1]).

Брестскій соборъ, законченный проклятіями, имѣлъ гибельныя послѣдствія, совершенно противныя тѣмъ цѣлямъ, къ которымъ стремились поборники уніи. Мы видѣли, что польское правительство, распространяя унію, имѣло въ виду водворить единовѣріе и тѣмъ укрѣпить государственный организмъ, ослабленный внутреннимъ неустройствомъ. Но послѣдствія не оправдали ожиданій польскаго правительства. Этотъ религіозный переворотъ, раздѣливъ народъ на два враждебные стана, поселилъ въ немъ нескончаемый раздоръ и тѣмъ еще болѣе содѣйствовалъ къ ослабленію государства. Чтобъ распростанять католичество и приготовить народъ къ принятію уніи, польское правитель-

---

скія брестскія книги, но такъ какъ староста брестскій Халецкій принять его не хотѣлъ, то онъ былъ вписанъ въ книги трибунала новогродскаго, а выпись изъ этихъ книгъ внесена въ гродскія книги владимірскія.

[1]) Въ актовыхъ книгахъ мы не нашли никакихъ подробностей о совѣщаніяхъ уніатовъ на брестскомъ соборѣ. Въ книгѣ гродской луцкой 1595—1597 годовъ записаны только два постановленія этого собора: листъ митрополита Михаила Рагозы и уніатскихъ епископовъ, подвергающій епископа Гедеона Болобана проклятію, 1596 октября 9, и такой же листъ, лишающій духовнаго сана всѣхъ духовныхъ, не согласившихся на унію, 1596 октября 10 (кн. грод. луц., лис. 91 и 93). Оба акты напечатаны въ А. З. Р. Т. IV, стр. 146 и 148.

ство предоставило іезуитамъ воспитаніе западнорусскаго дворянства. Эти искусные педагоги направляли всѣ свои усилія къ тому, чтобы ослабить въ своихъ воспитанникахъ народные элементы и тѣмъ сдѣлать ихъ способнѣе къ принятію новыхъ началъ, выработанныхъ католическимъ западомъ. Молодые дворяне, воспитанные іезуитами, легкомысленно отрекались отъ своей вѣры, забывали родной языкъ и смотрѣли съ неуваженіемъ на все, что только имѣло на себѣ печать русской народности. Отъ этого разорвана была внутренняя моральная связь между аристократіею и народомъ, осталась одна внѣшняя юридическая связь, основанная на законѣ, подчинявшемъ простой народъ неограниченной власти аристократовъ; и когда народное возстаніе, возбужденное Богданомъ Хмельницкимъ, разорвало и эту послѣднюю связь, то ни одинъ вопль жалости не раздался въ народѣ въ защиту аристократіи, отрекшейся отъ своей вѣры и презрѣвшей свою народность.

Папа и другіе христіанскіе государи, считавшіе Польшу оплотомъ противъ возраставшаго магометанства, полагалъ, что унія, увеличивъ политическую силу польскаго королевства, дастъ ему возможность противодѣйствовать могуществу турецкой имперіи; но не прошло и ста лѣтъ со введенія уніи, какъ султанъ турецкій Магометъ IV, съ своимъ побѣдоноснымъ войскомъ, прошелъ Украину до самаго Львова и принудилъ Польшу къ позорному миру.

Наконецъ, польскіе политики, видя возраставшее могущество московскаго государства и религіозное сочувствіе къ нему югозападной Руси, полагали, что унія уничтожитъ эту моральную связь между двумя единоплеменными и единовѣрными народами; но религіозный переворотъ, совершившійся насильственно, путемъ административнымъ, преслѣдованіе православной вѣры и презрѣніе, оказываемое русской народности, обновивъ религіозное чувство и любовь ко всему родному, по-

буждали югозападную Русь разорвать противоестественную, насильственную связь съ Польшею, и искать спасенія въ возсоединеніи въ одно государство съ единовѣрною восточною Русью. Окончательный результатъ изображеннаго нами религіознаго движенія состоялъ въ томъ, что унія, какъ зло, созданное недальновидною мудростію человѣческою, исчезла; осталось дѣло божіе: возсоединенная Россія съ своимъ необъятно великимъ будущимъ.

V.

Содержаніе постановленій дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ въ югозападной Россіи.

Содержаніе постановленій дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ въ югозападной Россіи *).

Въ настоящемъ изданіи заключаются акты, со времени присоединенія югозападной Россіи къ Польшѣ на люблинскомъ сеймѣ въ 1596 году по 1654 годъ, въ которомъ Украина, вслѣдствіе народнаго возстанія, возбужденнаго Богданомъ Хмельницкимъ, отдѣлилась отъ Польши и присоединилась къ восточной Россіи [1]).

Большая часть этихъ актовъ заключаетъ въ себѣ постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ югозападной Россіи; къ нимъ прибавлены историческіе матеріалы, пополняющіе и поясняющіе сеймовыя постановленія. Провинціальные

---

*) Составляетъ объяснительную статью ко 2-й части I тома »Архива югозападной Россіи, издав. временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше учрежденною при кіевскомъ военномъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Кіевъ. 1861«.

[1]) Помѣщенные въ настоящемъ изданіи историческіе матеріалы извлечены нами изъ хранящихся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ актовыхъ книгъ луцкихъ, владимірскихъ и кіевскихъ; къ этимъ матеріаламъ присоединено нѣсколько актовъ, извлеченныхъ нами изъ книгъ трибунала люблинскаго и метрики коронной, хранящихся въ Варшавѣ, въ главномъ архивѣ царства польскаго.

сеймы установлены были въ югозападной Россіи жалованною грамотою короля Сигизмунда Августа, въ 1565 году. За нѣсколько недѣль предъ генеральнымъ сеймомъ, король приглашалъ дворянъ собираться въ главныхъ городахъ каждаго воеводства, для совѣщаній о нуждахъ рѣчи посполитой. По окончаніи совѣщаній, дворяне, постановивъ рѣшеніе, избирали изъ среды своей пословъ и, вручивъ имъ инструкціи, отправляли на генеральный сеймъ [1]).

Въ этихъ сеймовыхъ постановленіяхъ находимъ предположенія западнорусскаго дворянства по части законодательной, судебной и исполнительной, мѣры къ охраненію русской народности, изображеніе того состоянія, въ какомъ находилась югозападная Россія, наконецъ просьбы о награжденіи лицъ, оказавшихъ важныя услуги государству. При изложеніи содержанія издаваемыхъ нами актовъ, мы заставимъ говорить западнорусское дворянство, воздерживаясь отъ собственныхъ нашихъ воззрѣній. Пусть сами дворяне скажутъ намъ, къ какому народу они причисляли себя, какъ они смотрѣли на устройство и состояніе рѣчи посполитой, и чего они желали для общественнаго благосостоянія. Но прежде нежели мы приступимъ къ изложенію содержанія актовъ, считаемъ нужнымъ изложить тѣ основанія, на которыхъ Литва и югозападная Россія соединились съ Польшею въ одну рѣчь посполитую.

Въ 1386 году, великое княжество литовское, заключавшее въ своемъ составѣ югозападную Россію, соединилось съ Польшею, подъ властію одного государя, великаго князя литовскаго Ягеллы. Это соединеніе имѣло чисто федеративный характеръ. Цѣль союза состояла въ томъ, чтобы соединенными силами отражать внѣшнихъ непріятелей и содѣйствовать политическому

---

[1]) Акты, относящіеся до исторіи западной Россіи. Т. III, стр. 138.

могуществу обоихъ государствъ [1]). На основаніи такого федеративнаго союза, каждое изъ соединенныхъ государствъ должно было сохранять главныя условія политической независимости, именно, отдѣльную территорію и особые органы законодательной, судебной и административной власти.

Территорія Литвы и югозападной Россіи строго отдѣлялась отъ территоріи польскаго королевства; объ этомъ заботилось литовско-русское дворянство и неоднократно подавало свои просьбы королю. Дворяне жаловались, что паны Поляки, переходя границы, отдѣляющія Польшу отъ великаго княжества литовскаго, наносятъ пограничнымъ владѣльцамъ нестерпимыя обиды, производятъ разбои, убиваютъ людей и отнимаютъ земли. Для предъотвращенія кровопролитія, литовскорусское дворянство просило короля, чтобы границы между Польшею и великимъ княжествомъ литовскимъ приведены были въ несомнѣнную извѣстность. Объ этомъ оно подавало просьбы на виленскомъ сеймѣ, въ 1547, 1551 и 1554 годахъ. Такія же просьбы особо подавало дворянство волынское въ 1551 и 1554 годахъ, жалуясь на разбои, убійства и грабежи, претерпѣваемые пограничными владѣльцами отъ пановъ Поляковъ. Вслѣдствіе этихъ просьбъ, король отправлялъ посланцовъ, какъ со стороны Литвы и югозападной Россіи, такъ и со стороны Польши, чтобы постановить между этими государствами точныя и вѣчныя границы [2]).

---

[1]) »Contra insultus quorumdam hominum assistere, regem et coronam, regnum et regnicolas Poloniæ et eorum necessitates perpetuo adjuvare, quod et ipsi (i. e. regnicolæ Poloniæ) nobis pari modo tenebuntur facere vice versa«. Privilegium prælatorum Lithvaniae 1401. Voll. Legg. T. I, p. 60. »Pro defensione fortiori, subsistentia dominiorum eorundem firmiori, unionem et connexionem ad effectum deducere conabantur«. Ibid. p. 288.

[2]) Zbiór praw Litewskich. Poznań. 1841, стр. 428, 469, 474, 490 и 501. Также Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, изданные археографическою коммиссіею. Т. III, стр. 10, 42, 46.

Польша, отдѣленная отъ Литвы и югозападной Россіи вѣчными границами, была для литовско-русскаго народа страною чужеземною [1]); Поляки считались людьми заграничными, чужеземцами (liudi zahraniczpyje, czużozemcy) [2]).

Поляки, наравнѣ съ другими чужеземцами, не могли занимать въ Литвѣ и югозападной Россіи никакихъ государственныхъ должностей и не имѣли права владѣть поземельною собственностію.

Желая устранить всякое участіе Поляковъ во внутреннемъ управленіи Литвы и югозападной Россіи, литовско-русское дворянство неоднократно обращалось съ просьбами къ королю о томъ, чтобы Поляки, какъ чужеземцы, не были допускаемы ни къ какимъ государственнымъ должностямъ, въ предѣлахъ Литвы и югозападной Россіи [3]). Такія просьбы подавало литовскорусское дворянство королю въ 1544 году, на брестскомъ сеймѣ,

---

[1]) Это подтверждается слѣдующею статью Статута литовскаго 1529 года: »Też ustawujem, kotoruju by dewku otec abo matka dali do czużoie zemli z welikoho kniażestwa Litowskoho, do Polski, abo do Mazowsz, abo do kotoroie kolwe zemli« etc. Разд. IV, ар. 1X.

[2]) Въ отвѣтахъ короля на просьбы литовскорусскаго дворянства, на брестскомъ сеймѣ, въ 1544 году, сказано: »Zatym szto jeste prosili, aby Poliakom czużozemcom wradow i ynych dostojnostej u welikom kniażstwe nedawano« и проч. Zbiór praw Litewskich, стр. 405.

[3]) Литовскорусское дворянство основывало свою просьбу на слѣдующей статьѣ Статута литовскаго 1529 года: Też szlubujem i obecujem, iż w zemlach naszich toho welikoho kniażstwa, zeml, i horodow, i mest, i kotorych kolwe dedictw, i derżania, i też kotorych kolwe wradow naszich, abo czestej i dostoinosti, obczomu, ale tolko prirożonym a tubylcom tych zeml naszich welikoho kniażstwa, ne budem dawati, i potomki naszi ne budut dawati w derżanie i w pożiwanie. Разд. III, арт. 3. Также Zbiór praw Litewskich, стр. 405.

и въ 1547 году, на сеймѣ виленскомъ. Польскіе чиновники, сопровождавшіе короля во время поѣздки его въ Литву и югозападную Россію, должны были останавливаться на границѣ, а если въѣзжали съ королемъ въ предѣлы великаго княжества литовскаго, то считались чужеземными гостями и не имѣли права вмѣшиваться въ общественныя дѣла. При королѣ оставались только придворные чины, необходимые для его личныхъ услугъ [1]).

Чужеземцы не имѣли права пріобрѣтать поземельную собственность въ Литвѣ и югозападной Россіи [2]); это ограниченіе распространялось и на Поляковъ. На виленскомъ сеймѣ, въ 1554 году, дворянство волынское жаловалось королю, что нѣкоторые паны Поляки, женившись на дворянкахъ въ землѣ волынской и живя въ имѣніяхъ своихъ женъ, обижаютъ мѣстныхъ дворянъ, дѣлая имъ великія непріятности. Желая не только лишить Поляковъ права пріобрѣтать поземельную собственность на Волыни, но и устранить ихъ отъ владѣнія и пользованія имѣніями, дворянство волынское просило короля, чтобы дозволено было ближайшимъ родственникамъ выкупать имѣнія дворянокъ, вышедшихъ замужъ за Поляковъ. Король приказалъ руководствоваться въ этомъ случаѣ законами о чужеземцахъ, постановленными для всего великаго княжества литовскаго [3]).

---

[1]) Zbiór praw Lit. стр. 433. »Także szto jeste mowili jeho krolewskoj miłosti, iż był tot obyczaj zawżdy iz starodawna, za szczastnoho panowania predkow jeho miłosti, iż khdykolwek ich krolewskaia miłost s koruny polskoje jeżdczali do welikoho kniaźstwa litowskoho, tohdy na hranicy wsi wradniki dwornyje korunnyje ostawali; a jestli kotoryj do kniaźstwa litowskoho jechał, tohdy bywał jakobi hostem, a żadnoje mocy i władnosti w sprawowaniu wradu swojeho nemeł, ani sia w to wstupował.« Также стр. 405. Акты западной Россіи. Т III, стр. 13.

[2]) Zbiór praw Lit. стр. 481. Акты западной Россіи. Т. III, стр. 53.

[3]) Zbiór praw Litew. стр. 505. Акты западной Россіи. Т. IV, стр. 66.

Право пріобрѣтать поземельную собственность въ Литвѣ и югозападной Россіи предоставлено было Полякамъ только въ 1564 году, на варшавскомъ сеймѣ [1]).

Изъ приведенныхъ нами узаконеній слѣдуетъ, что Литва вмѣстѣ съ югозападною Россіею, заключивъ федеративный союзъ съ Польшею, сохраняла свою политическую независимость, имѣла свою отдѣльную территорію и особую внутреннюю администрацію, считая Польшу чужеземною страною, а ея жителей чужеземцами. Западнорусскіе дворяне, строго отличая Русь отъ Польши, называли себя народомъ русскимъ, безъ различія вѣроисповѣданій [2]). Этимъ же именемъ и польское правительство называло какъ дворянъ, такъ и весь народъ, населявшій югозападную Россію. Поэтому грамоты, данныя польскимъ правительствомъ для охраненія православной религіи, какъ въ Литвѣ, такъ и въ югозападной Россіи, назывались дипломами русскому народу [3]).

Характеръ федеративнаго союза Литвы съ Польшею былъ измѣненъ въ 1569 году, на люблинскомъ сеймѣ. Въ этомъ году, югозападная Россія, заключавшая въ себѣ волынское и брацлавское воеводства, а также княжество кіевское отдѣлены были отъ Литвы и включены въ составъ польскаго королевства, въ формѣ провинцій, какъ части къ своему цѣлому, какъ членъ къ своему тѣлу и главѣ [4]).

Такое соединеніе должно было имѣть послѣдствія, гибельныя для обоихъ народовъ. Двѣ почти равносильныя, но, по своимъ основнымъ началамъ, совершенно противуположныя на-

---

[1]) Voll. Legg. T. 1, p. 649, art. 23.

[2]) N. XVII, стр. 203. Такія ссылки относятся ко 2 ч. I т. »Архива югозапад. Россіи«, къ которой настоящая статья служитъ объясненіемъ.

[3]) N. XX, стр. 223 и XXXII, стр. 370.

[4]) Jako własny a prawdziwy członek ku własnemu ciału a głowie. Voll. Legg. T. II, pag. 753, art. 2.

родности, отличавшіяся образомъ правленія, языкомъ и религіею, должны были находиться въ непрерывномъ столкновеніи и парализировать развитіе государства. Съ этихъ поръ ни Польша, ни югозападная Россія не знали покоя. Между тѣмъ какъ другія государства, подъ защитою ценрализирующей монархической власти, осаживались на своихъ территоріяхъ, обособляли свою народность и укрѣплялись въ силахъ, для того чтобы перейти къ новымъ, болѣе совершеннымъ формамъ государственной жизни, Польша и югозападная Россія истощали свои свѣжія силы во внутренней борьбѣ противуположныхъ народностей и въ распряхъ аристократіи, неспособной къ самоуправленію.

Литовскорусское дворянство предвидѣло эти невыгодныя послѣдствія, и поэтому старалось противудѣйствовать политическимъ видамъ польскаго правительства. Еще въ 1526 году, дворяне просили короля Сигизмунда I, чтобы онъ короновалъ своего сына на великое княжество литовское для того только, чтобы, возведя это государство на степень королевства, сдѣлать окончательное сліяніе его съ Польшею невозможнымъ. „Когда великое княжество литовское, писали дворяне королю, будетъ имѣть свою корону, то тогда нельзя будетъ присоединить его къ коронѣ польской; потому что одна корона въ составъ другой короны войти не можетъ. Тогда панамъ Полякамъ нельзя будетъ желать, чтобы это государство было унижено и присоединено къ нимъ, но будетъ равное братство и пріязнь заодно, противъ каждаго непріятеля [1])".

Присоединеніе югозападной Россіи къ Польшѣ, постановленное на люблинскомъ сеймѣ, было задумано королемъ Сигизмундомъ Августомъ и поддержано незначительною партіею западнорусскихъ магнатовъ, желавшихъ сравниться въ правахъ и почестяхъ съ польскими аристократами. Хотя король въ сво-

---

[1]) Ак. зап. Рос. Т. II, стр. 175.

ихъ грамотахъ утверждалъ, что соединеніе совершилось по искреннему желанію и добровольному соизволенію всѣхъ сословій земли волынской и княжества кіевскаго [1]); однакожъ это увѣреніе опровергается позднѣйшими королевскими распоряженіями. По окончаніи люблинскаго сейма, король принужденъ былъ прибѣгнуть къ угрозѣ, для того чтобы принудить западнорусскихъ дворянъ дать согласіе на присоединеніе къ Польшѣ и подтвердить это согласіе присягою. Съ этою цѣлію разосланъ былъ королевскій универсалъ, которымъ предписана была форма присяги, съ прибавленіемъ слѣдующихъ словъ: „А кто бы совершить эту присягу воспротивился, у того, какъ у сопротивляющагося власти нашей и государственнымъ законамъ, имѣніе конфисковать будемъ“. Королевскимъ старостамъ повелѣно было доставить королю присяжные списки съ поименованіемъ лицъ, присягавшихъ и не явившихся къ присягѣ, для того чтобы король могъ подвергнуть непослушныхъ законному наказанію [2]). Впрочемъ, изъ присяжныхъ листовъ, подписанныхъ обывателями повѣтовъ луцкаго и владимірскаго, видно, что, не смотря на королевскую угрозу, весьма многія лица, и притомъ представители знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій, не явились къ присягѣ. Изъ духовныхъ лицъ православнаго исповѣданія находимъ въ присяжномъ листѣ только подпись Іоны, архимандрита жидичинскаго, да подпись извѣстнаго своимъ буйствомъ епископа луцкаго Іоны Красенскаго [3]). Изъ лицъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій присягалъ и подписался одинъ только армянскій попъ Вартикъ [4]).

---

[1]) »Z woli uprzeymey y za dobrowolnym pozwoleniem wszystkich stanów«. Voll. Legg. II, 754.

[2]) N. I, стр. 1.

[3]) Архивъ югозападной Россіи. Томъ I, стр. 2, 162, 191.

[4]) N. I, стр. 4. См. также: Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ

Изъ сеймовыхъ постановленій, нами издаваемыхъ, можно видѣть всѣ невыгоды, которымъ подверглась югозападная Россія, по присоединеніи ея къ Польшѣ. Въ этихъ постановленіяхъ мы находимъ безпрерывныя жалобы западнорусскаго дворянства на своеволіе магнатовъ, захватывавшихъ въ свои руки власть законодательную, на несправедливую раздачу старостствъ и высшихъ государственныхъ должностей, на противузаконныя дѣйствія власти судебной и исполнительной, на грабежи и неистовства жолнеровъ и на преслѣдованія православной религіи.

Законодательная власть, по основнымъ законамъ, принадлежала генеральному сейму, состоявшему изъ короля, сенаторовъ и земскихъ пословъ, которые избираемы были дворянствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ усиливалась власть аристократіи, уменьшалось значеніе остальныхъ представителей законодательной власти: короля и посольской избы. Такимъ образомъ нарушено было равновѣсіе политическихъ силъ, необходимое для правильнаго государственнаго устройства. Дворянство волынское, въ 1645 году, поручило посламъ своимъ обратить вниманіе генеральнаго варшавскаго сейма на этотъ недостатокъ въ государственномъ устройствѣ. „Зѣница нашихъ вольностей, говорили дворяне, есть посольская изба; но въ настоящее время осталась одна только тѣнь этого установленія. Въ дѣйствительности, шляхетское сословіе исключено изъ сейма, безполезно гибнутъ благороднѣйшія желанія республики, инструкціи, даваемыя дворянствомъ посламъ на варшавскій сеймъ, и проэкты законовъ, предлагаемыхъ въ посольской избѣ“. Въ этомъ отношеніи, неустройство польской республики, по мнѣнію дворянъ волынскихъ, было такъ велико, что законы польскіе служили посмѣ-

---

и на Волыни. Т. I, стр. 19. Изъ лицъ, показанныхъ не явившимися къ присягѣ, нужно исключить нѣкоторыхъ дворянъ, бывшихъ на люблинскомъ сеймѣ и тамъ присягавшихъ.

ищемъ для иностранныхъ народовъ (pośmiewiskiem u postronnych narodów) [1].

Эти недостатки государственнаго устройства особенно обнаруживались во время междуцарствія. По смерти короля, представителемъ верховной власти являлся примасъ королевства, архіепископъ гнѣзненскій; но власть примаса, большею частію старика, удрученнаго лѣтами, была только тѣнью монархической власти, и притомъ слабою и отдаленною. Государство, во время междуцарствія, распадалось на нѣсколько аристократическихъ республикъ, слабо связанныхъ между собою. Всѣ королевскія судебныя мѣста прекращали свои дѣйствія; верховная власть государя, въ отношеніи къ суду и мѣрамъ внутренней безопасности, переходила къ дворянамъ. Дворянство каждаго воеводства избирало изъ среды своей депутатовъ, для управленія краемъ, установляло порядокъ судопроизводства и опредѣляло наказанія за нарушеніе законовъ. Депутаты рѣшали дѣла окончательно. Для строгаго исполненія приговоровъ, дворяне обязывались на непослушнаго депутатскому суду возстать, всѣ вмѣстѣ и каждый особо, идти войной, какъ противъ врага отечества, опустошить его имѣнія и лишить его жизни и чести [2]. Не смотря на эти строгія мѣры, междуцарствіе было для народа временемъ опасностей, раздоровъ и внутреннихъ безпорядковъ, производимыхъ буйными, мятежными людьми [3]. Сосѣдніе народы, пользуясь внутренними безпорядками и слабостію исполнительной власти, принимали угрожающее положеніе. Польскіе аристократы придумывали, для своей пользы, постановленія, ограничившія монархическую власть и доводившія ее до совершеннаго безсилія. Вновь избранный король, согласившись на эти

---

[1]) N. XXV, стр. 292 и 293.

[2]) N. II, стр. 30.

[3]) N. II, стр. 19.

постановленія и подтвердивъ ихъ присягою, часто принималъ на себя неисполнимыя обязанности и дѣлался клятвопреступникомъ. Тогда возникалъ народный ропотъ, подданные считали себя въ правѣ не повиноваться государю, составлялись мятежные союзы и конфедераціи, разрушавшіе частное и государственное благосостояніе. По смерти короля Сигизмунда III, дворянство волынское отправило пословъ своихъ на генеральный сеймъ, съ горькими упреками покойному государю и его сенаторамъ: „Святой памяти король, говорили дворяне, обѣщалъ намъ, подъ присягою, построить на свой счетъ пять замковъ, для защиты края отъ татарскихъ набѣговъ, и не исполнилъ своего обѣщанія; отъ этого наши украинскія воеводства подвергаются великимъ бѣдствіямъ. Король обязался не только не уменьшать, но, напротивъ, расширять предѣлы королевства; между тѣмъ, княжество прусское отдалъ князю бранденбургскому, на ленномъ правѣ, къ великому вреду государства. Король обязался построить флотъ; отъ неисполненія этого обязательства, княжество прусское было завоевано непріятелемъ. Земля лифляндская, завоеванная неоцѣненною кровію народа польскаго и литовскаго, утрачена и завоевана непріятелемъ, къ великому вреду государства. Король обѣщалъ присоединить къ коронѣ польской Эстонію, но не исполнилъ этого обѣщанія. Всѣ военные снаряды, какъ-то: пушки, пули, порохъ и другіе король обязанъ былъ доставлять на свой счетъ, на каждую войну; между тѣмъ, всѣ эти снаряды принуждена была поставлять рѣчь посполитая, на счетъ тяжкихъ податей и сборовъ. Сеймы были назначаемы трехнедѣльные, двухнедѣльные и чрезвычайные; на этихъ сеймахъ были вымышляемы новые поборы, которыми было обременено дворянство. Государственный доходъ, назначенный на содержаніе кварціаннаго войска, для защиты Украины, тратился на другіе предметы. Упоминки татарамъ, назначенные рѣчью посполитою, отдаваемы не были. Дурная

монета причинила великій вредъ государству; объ этомъ разсуждаемо было на многихъ сеймахъ, но безъ всякаго успѣха“ [1]).

Предметомъ жалобъ со стороны дворянства была также неправильная раздача староствъ, переходившихъ въ руки немногихъ аристократовъ, отъ чего ихъ могущество безмѣрно увеличивалось. Нѣкоторые изъ нихъ, захвативъ въ свои руки болѣе 10 староствъ, продавали ихъ, уступали своимъ приверженцамъ, между тѣмъ какъ люди, оказавшіе важныя услуги государству, лишены были всякой надежды получить награду [2]).

Устройство главнаго трибунала люблинскаго, какъ высшей судебной инстанціи, западнорусское дворянство полагало основать на началѣ самоуправленія, утверждая, что народъ только тогда можетъ назваться свободнымъ, когда онъ самъ себѣ даетъ законы и самъ себя судитъ [3]). Поэтому трибуналъ люблинскій

---

[1]) N. XVI, стр. 191.

[2]) N. XXVI, стр. 323. Фамилія Казановскихъ имѣла 15 староствъ, Зборовскихъ—12, Мышковскихъ—16, Яну Замойскому принадлежало 10 староствъ, Вишневецкому—10, Станиславу Потоцкому—10, Лукашу Опалинскому—15 и т. д. Siarczyńskiego, Obraz wieku panowania Zygmunta III. Poznań. 1843. T. I, str. 262. Управленіе староствъ было весьма тяжко для народа. Въ 1638 году, Владиславъ IV требовалъ на судъ наслѣдниковъ Адама Калиновскаго, старосты брацлавскаго, по жалобѣ жителей города Брацлава. Въ этой жалобѣ сказано, что Калиновскій, отмѣнивъ самовольно права, Брацлаву предоставленныя, принуждалъ жителей къ ежедневнымъ холопскимъ работамъ, обременялъ ихъ произвольными податями и сборами, и довелъ до такой крайности, что они принуждены были уходить изъ города, бросивъ свои домы и свое хозяйство. Вслѣдствіе такого управленія, изъ двухъ тысячь жилыхъ домовъ осталось въ Брацлавѣ только сто съ небольшимъ. Книги главнаго трибунала люблинскаго воеводства брацлавскаго, въ главномъ варшавскомъ архивѣ, 1638 года, № 18, справа 311.

[3]) № XXV, стран. 393.

состоялъ изъ лицъ, опредѣляемыхъ на одинъ годъ, по выбору дворянства. Но начало самоуправленія, при тогдашнемъ состояніи общества, имѣло невыгодныя послѣдствія. Дворяне жаловались, что трибуналъ, не имѣя законодательной власти, отмѣняетъ своими приговорами законы, несправедливо лишаетъ дворянъ шляхетскаго достоинства и подвергаетъ ихъ безчестію и изгнанію изъ отечества [1]. Вотъ какъ изображало дворянство волынское недостатки трибунала люблинскаго, высшей судебной инстанціи: „Трибуналъ запутываетъ дѣла, производя судъ не по предписаніямъ закона, но по произволу; назначаетъ наказанія по собственному усмотрѣнію, а не по мѣрѣ преступленій, полагаетъ приговоры не на основаніи судебнаго изслѣдованія, но по ненависти къ лицамъ или къ ихъ религіи, постановляя по однимъ и тѣмъ же дѣламъ различныя рѣшенія. Наконецъ трибуналъ подавляетъ всякое благородное и свободное мнѣніе. Народъ, который позволяетъ отнимать у себя по произволу жизнь и имущество и подавлять совѣсть, не есть вольный, но рабскій народъ. Избираемые нами короли, государи наши, предоставляютъ намъ право отказываться отъ повиновенія, если бы они, въ своемъ управленіи, вздумали нарушать вольности и права наши, а чтобы судьи, избираемые нами на одинъ годъ, могли угнѣтать насъ,—не дай того Боже [2]“!

При крайней слабости исполнительной власти, приговоры трибунала часто оставались безъ всякаго исполненія. Люди сильные, совершавшіе уголовныя преступленія, пренебрегали трибуналомъ и не являлись, по его требованію, на судъ. Трибуналъ приговаривалъ ихъ къ банниціи, то есть лишалъ ихъ чести и осуждалъ на изгнаніе изъ отечества; но осужденные, если принадлежали къ могущественной аристократіи, или вовсе

---

[1]) № XXVI, стран. 321 и 322.

[2]) № XXV, стран. 293 и 294.

не обращали вниманія на судебные приговоры, или получали изъ королевской канцеляріи охранительныя грамоты и, такимъ образомъ, избѣгали наказанія. Государство наполнялось людьми, лишенными чести и осужденными на изгнаніе изъ отечества. Эти лица не только не боялись правосудія, но безнаказанно совершали новыя преступленія, нападая вооруженною рукою на мелкихъ дворянъ и отнимая у нихъ имѣнія [1]). Недовольные судопроизводствомъ въ трибуналѣ люблинскомъ дворяне волынскіе изъявляли желаніе освободиться отъ власти этой высшей судебной инстанціи и учредить для себя особый трибуналъ въ Луцкѣ [2]).

Неустройство судебной власти и слабость власти исполнительной подвергали западнорусскихъ дворянъ обидамъ отъ ксендзовъ, козаковъ и особенно жолнеровъ. Жалуясь на ксендзовъ, дворянство волынское говорило: „Ихъ милости ксендзы сильно обременяютъ дворянское сословіе такими десятинами, на которыя нѣтъ никакихъ законныхъ и несомнѣнныхъ записей. Ксендзъ доказываетъ свое право или какимъ нибудь реестрикомъ, или аттестаціею другаго ксендза, но безъ всякаго законнаго основанія; а судъ, въ обиду дворянскому сословію, требуетъ только, чтобы ксендзъ истецъ подтвердилъ свой искъ присягою [3])".

На козачество смотрѣли дворяне, какъ на причину внутреннихъ смятеній и главный поводъ къ войнамъ Польши съ султаномъ турецкимъ. Такъ какъ первые удары непріятеля падали на южнорусскія воеводства, составлявшія охранительную стѣну рѣчи посполитой, то поэтому западнорусское дворянство изыскивало средства, чтобы удерживать козаковъ въ повинове-

---

[1]) № XXVI, стран. 330 и 331.
[2]) № XXV, стран. 295.
[3]) № XIII, стран. 141.

ніи. Въ 1618 году, дворянство воеводства кіевскаго поручало посламъ своимъ просить на варшавскомъ сеймѣ, чтобы козачество, какъ разбойничья шайка (łotrowstwo kozackie), или совершенно было уничтожено, или по крайней мѣрѣ приведено въ прежній порядокъ, чтобы оно не ссорило Польши съ султаномъ турецкимъ [1]). Объ этомъ же ходатайствовало на сеймѣ дворянство волынское въ 1622 году, говоря, что для спокойствія цѣлаго государства и для прочнаго мира съ султаномъ турецкимъ, необходимо принять мѣры къ удержанію козаковъ въ порядкѣ и повиновеніи [2]). По усмиреніи козацкаго возстанія, бывшаго въ 1637 году, дворяне волынскіе просили на варшавскомъ сеймѣ, чтобы на будущее время начальникомъ запорожскаго войска былъ назначаемъ польскій шляхтичъ, чтобы украинскіе старосты постоянно находились въ укрѣпленныхъ замкахъ, для предупрежденія козацкихъ бунтовъ, и чтобы крѣпость Кодакъ снабжена была сильнымъ военнымъ отрядомъ, для препятствованія козакамъ выходить на море и чрезъ то нарушать мирные трактаты Польши съ султаномъ турецкимъ [3]).

Великимъ бѣдствіемъ для края было войско, вознаграждавшее себя грабежами, за неисправное полученіе жалованья. Опустошеніе, имъ производимое, ни чѣмъ не было хуже непріятельскаго. Жолнеры предавались распутному своеволію, разоряя крестьянъ и помѣщиковъ постоями и контрибуціями. Выведенные изъ терпѣнія дворяне волынскіе поручили, въ 1645 году, посламъ своимъ спросить на главномъ варшавскомъ сеймѣ: „Долго ли отчизна наша, къ удивленію всѣхъ народовъ, будетъ имѣть въ неустройствѣ войска свои, и долго ли мы этими войсками сами себя воевать будемъ [4])“? Бѣдствія, причиняемыя жолне-

---

[1]) № XII, стран. 118.

[2]) № XIII, стран. 136.

[3]) № XXI, стран. 230, № XXII, стр. 277.

[4]) № XXV, стр. 399 и 300.

рами, еще болѣе увеличивались частыми набѣгами Татаръ, истреблявшихъ города и селенія и уводившихъ въ плѣнъ огромное количество народа. Всѣ эти бѣдствія преимущественно обрушивались на пограничныя воеводства югозападной Россіи, служившія оборонительною стѣною для всей рѣчи посполитой. Въ 1522 году, дворянство волынское поручило посламъ своимъ представить варшавскому сейму жалкое состояніе края. Дворяне говорили:

„За грѣхи наши, мы покараны отъ Господа Бога различными казнями и бѣдствіями. Мы доведены до нищеты то частыми контрибуціями, то непрерывными войнами, то переходами войскъ чрезъ наши края, то толпами своевольныхъ людей, ежегодно появляющихся. Мы разорены нынѣшнею конфедераціею, измѣненіемъ монеты и ея недостаткомъ, дороговизною и неурожаемъ. Нѣсколько лѣтъ съ ряду мы подвергались нападеніямъ невѣрныхъ, производившихъ опустошенія огнемъ и мечемъ, такъ что намъ осталось только смотрѣть съ горестью на пепелища имѣній, какъ своихъ собственныхъ, такъ и братій нашихъ. Мы истощились, платя за выкупъ изъ плѣна сыновей, женъ и дѣтей, братьевъ и родственниковъ своихъ. Мы до того стѣснены въ своихъ дворянскихъ имѣніяхъ, что и крестьяне наши едва дышутъ отъ крайней бѣдности и нужды, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ умираютъ съ голоду“ [1]).

Вотъ плоды, которыми наслаждалась югозападная Россія, по присоединеніи ея къ Польшѣ на люблинскомъ сеймѣ!

Вступая въ союзъ съ Польшею, западнорусское дворянство старалось оградить свою народность отъ чужеземнаго вліянія и сохранить ее неприкосновенною. Главныя основы западнорусской народности были: русскій языкъ и православная вѣра [2]).

---

[1]) № XIII, стран. 138.

[2]) Третьимъ элементомъ западнорусской народности было древнее русское право, но изслѣдованіе этого предмета будетъ напечатано въ одномъ изъ дальнѣйшихъ изданій коммиссіи.

Однимъ изъ главныхъ условій присоединенія югозападной Руси къ Польшѣ было сохраненіе русскаго языка во всѣхъ оффиціальныхъ актахъ, какъ въ судахъ гродскихъ и земскихъ, такъ и въ королевской канцеляріи. Въ грамотѣ о присоединеніи земли волынской къ Польшѣ постановлено: „Акты по всѣмъ судебнымъ дѣламъ, въ судахъ нашихъ гродскихъ и земскихъ, какъ-то: позвы, записи въ книги и другіе акты, и всѣ дѣла, также декреты наши, выдаваемые изъ канцеляріи нашей коронной, и листы, посылаемые по всѣмъ дѣламъ, какъ нашимъ королевскимъ, такъ и земскимъ короннымъ, должны быть писаны не инымъ письмомъ, какъ только русскимъ, на вѣчныя времена“ [1]). Это же самое постановленіе повторено и въ актѣ о присоединеніи къ Польшѣ княжества кіевскаго [2]).

Вскорѣ по присоединеніи югозападной Россіи къ Польшѣ, учреждены были два высшія государственныя установленія: метрика русская и главный трибуналъ люблинскій. Метрика русская учреждена была при королевской канцеляріи, для вписыванія административныхъ и судебныхъ актовъ, исходившихъ отъ короля и генеральнаго варшавскаго сейма, для воеводствъ: кіевскаго, волынскаго, брацлавскаго, и, въ послѣдствіи, черниговскаго. Всѣ дѣла вписывались въ книги этой метрики на русскомъ языкѣ. Въ 1632 году, на варшавскомъ съѣздѣ, постановлено было, по требованію западнорусскаго дворянства,

---

[1]) Voll. Legg. T. II, pag. 757. »To też za prożbą wszech wołynskiey ziemie przerzeczonych stanow, zostawuiemy: iż we wszelakich sprawach ich sądowych, iako pozwy, wpisowanie do ksiąg, acta, y wszelakie potrzeby, tak u sądow naszych grodskich y ziemskich, iako y z kancellaryi naszey koronney dekreta nasze y we wszystkich potrzebach naszych krolewskich y ziemskich koronnych do nich listy, nie jakim innym, jedno Ruskim pismem pisane y odprawowane bydź mają, czasy wiecznemi«.

[2]) Voll. Legg. II, p. 764.

чтобы всѣ акты, касающіеся воеводствъ кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго, были писаны въ королевскихъ канцеляріяхъ и выдаваемы изъ нихъ на русскомъ языкѣ, и что акты, написанные на другомъ языкѣ, не должны имѣть никакой силы. Для этой цѣли положено имѣть при канцеляріи коронной особаго чиновника изъ западнорусскихъ дворянъ, который обязанъ былъ завѣдывать всѣмъ, что касалось русскаго письма [1]).

На провинціальномъ сеймѣ 1638 года, дворянство волынское поручило посламъ своимъ, отправленнымъ на варшавскій сеймъ, ходатайствовать о томъ, чтобы при метрикѣ русской состоялъ особый чиновникъ, избираемый дворянствомъ кіевскаго, волынскаго, брацлавскаго и черниговскаго воеводствъ. Онъ обязанъ былъ завѣдывать метрикой, писать на русскомъ языкѣ и отправлять по принадлежности акты, касавшіеся четырехъ означенныхъ выше воеводствъ [2]).

Въ главномъ трибуналѣ люблинскомъ, составлявшемъ высшую судебную инстанцію, ведены были особыя актовыя книги для воеводствъ волынскаго, брацлавскаго, кіевскаго и черни-

---

[1]) Статьи, постановленныя на варшавской конвокаціи въ 1632 году, вписаны въ акты гродскіе варшавскіе (Obligationum) № 8, подъ заглавіемъ: Oblata punctorum exorbitantiarum. Статья 27 заключаетъ въ себѣ слѣдующее: »Pisanie Ruskich praw. Jako dawne prawo mieć chciało y iako dotąd w zwyczaiu było, wszystkie przywilegie, listy, mandaty y insze wszystkie sprawy Kijowskiego, Wołynskiego y Bracławskiego woiewodstw Ruskim ięzykiem w Cancellariach J. K. M. pisane y wydawane być maią, sub nullitate wszystkiey sprawy, ktorą by kto inakszym charakterem z cancellariei wyniosł; g woli czemu ma być zawżdy przy cancellarij coronney pisarz urodzenia szlacheckiego, osiadły y przysięgły, ktory by tego Ruskiego pisania wewszystkim doglądał«. Akta obligationum grodu Warszawskiego 1631—1632, pag. 2449, въ главномъ архивѣ царства польскаго.

[2]) № XXI, стр. 238. Акты метрики русской хранятся въ Петербургѣ, при третьемъ департаментѣ правительствующаго сената.

говскаго. Всѣ дѣла постановлено было записывать въ эти книги русскимъ языкомъ; на этомъ же языкѣ писались и выдавались тяжущимся судебныя рѣшенія [1]).

Въ Статутѣ Литовскомъ постановлено, что всѣ листы, выписи и позвы, въ судахъ гродскихъ и земскихъ, должны быть писаны русскимъ языкомъ [2]).

Западнорусское дворянство не только старалось о томъ, чтобы языкъ русскій употребляемъ былъ въ дѣлахъ судебныхъ и административныхъ, но заботилось и объ его чистотѣ. Конституціею варшавскаго сейма предложено было воеводствамъ волынскому и брацлавскому заняться исправленіемъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ югозападной Россіи; при этомъ было постановлено, чтобы законы писаны были русскимъ языкомъ и письмомъ, безъ примѣси словъ латинскихъ [3]).

Слѣдующіе случаи доказываютъ, съ какою заботливостію западнорусское дворянство старалось о томъ, чтобы означенныя выше постановленія объ употребленіи исключительно одного только русскаго языка, въ судебныхъ и административныхъ

---

[1]) Трибуналъ для воеводствъ волынскаго и брацлавскаго учрежденъ былъ въ 1580 г.—Въ уставѣ трибунала сказано: Pisarze Ziemscy onych woiewodstw maią xięgi osobne mieć, a wszystkie sprawy do tych xiąg pismem Ruskim zapisywać. Dekreta y sprawy wszelakie, także pismem Ruskim wydawać. Voll. Legg. T. II, pag. 1237. Воеводство кіевское подчинено было трибуналу люблинскому въ 1590 году, на томъ же самомъ основаніи, какъ и воеводства волынское и брацлавское. Voll. Legg. T. II, p. 1340.

[2]) Ст. Лит. 1566 года. »А писарь земскій маетъ поруску литерами и словы рускими вси листы и позвы писати, а не иншимъ языкомъ и словы«. Разд. IV, арт. 1. То же повторено и въ статутѣ 1588 года, въ разд. IV, ар. 1.

[3]) Voll. Legg. T. II, pag. 1340. »Statuta, według ich prawa, Ruskim ięzikiem y pismem maią bydź pisane, nie mięszaiąc słow Lacinskich«.

дѣлахъ, были исполняемы во всей ихъ силѣ. Въ 1576 году, король Стефанъ Баторій потребовалъ къ себѣ нѣкоторыхъ брацлавскихъ дворянъ позовными листами, писанными польскимъ языкомъ. Дворянство брацлавское не позволило своей братіи исполнить королевское приказаніе, замѣтивъ королю, что листы, присылаемые къ нимъ изъ королевской канцеляріи, должны быть писаны на русскомъ языкѣ: „Наияснѣйшій милостивый король! писало дворянство брацлавское, нарушаются наши вольности и права тѣмъ, что изъ канцеляріи вашей королевской милости посылаются къ намъ листы, писанные польскимъ письмомъ. Поэтому мы просимъ вашу королевскую милость покорными просьбами, на будущее время, сохранять въ цѣлости привилегіи и свободы наши, приказавъ, чтобы къ намъ, изъ канцеляріи вашей королевской милости, присылаемы были листы на русскомъ языкѣ“ [1]).

Въ 1605 году, кіевскій гродскій судъ судилъ дѣло о бѣгломъ крестьянинѣ. Отвѣтчикъ былъ оправданъ потому только, что уполномочіе, данное истцомъ адвокату, было написано попольски. Въ судебномъ приговорѣ сказано: „Судъ гродскій кіевскій, видя, что уполномочіе, предъявленное адвокатомъ со стороны истца, написано попольски, а наши законы, по которымъ судится земля кіевская, повелѣваютъ, чтобы всѣ дѣла не инымъ были писаны письмомъ, какъ только русскимъ, призналъ уполномочіе незаконнымъ и отвѣтчика отъ позва вольнымъ учинилъ“. Истецъ подавалъ апелляцію въ люблинскій трибуналъ, но не явился на судъ; поэтому трибуналъ утвердилъ рѣшеніе, постановленное кіевскимъ гродскимъ судомъ [2]).

---

[1]) Акты западной Россіи. Т. III, стр. 187.

[2]) Книга главнаго трибунала люблинскаго воеводства кіевскаго 1607 г. № 6, справа 120, въ главномъ архивѣ царства польскаго.

Языкъ русскій былъ употребляемъ, въ Литвѣ и югозападной Россіи, не въ однихъ судебныхъ и административныхъ дѣлахъ; онъ былъ во всеобщемъ употребленіи между частными лицами, духовенство писало на немъ свои проповѣди и другія сочиненія, этому языку обучалось юношество въ училищахъ, на немъ писались завѣщанія. Самые знатные и образованные изъ западнорусскихъ патріотовъ завѣщавали дѣтямъ своимъ учиться русской грамотѣ, не забывать своего русскаго письма и русской рѣчи, не оставлять добрыхъ русскихъ обычаевъ, пребывая вѣрными своей православной вѣрѣ до самой смерти [1]).

Изложивъ свѣдѣнія объ употребленіи русскаго языка въ Литвѣ и югозападной Россіи, извлеченныя нами изъ оффиціальныхъ актовъ, не лишнимъ считаемъ прибавить мнѣніе объ этомъ предметѣ одного изъ ученыхъ и безпристрастныхъ польскихъ писателей, Сярчинскаго: „Въ древнія времена, Литва, во всѣхъ письменныхъ памятникахъ, не употребляла другаго языка, какъ только русскій. На этомъ языкѣ писаны были лѣтописи, уставы и жалованныя грамоты князей, письма княжескаго двора, поученія духовенства. Западная Русь, вышедшая изъ состоянія дикости гораздо прежде Литвы, передала ея обитателямъ свои обычаи, вѣру, законы и языкъ. Множество Руси, спасая жизнь и имущество отъ дикихъ Татаръ, уходили въ Литву и тамъ поселялись. Стрыйковскій, который имѣлъ объ этомъ предметѣ вѣрныя свѣдѣнія, и которому нельзя не вѣрить, утверждаетъ, что еще въ продолженіе всего XVI вѣка Литва, въ церквахъ, судахъ и школахъ, не знала другаго языка; кромѣ русскаго. Сопиковъ утверждаетъ, что Русь въ Польшѣ и Литвѣ, до самаго конца XVII вѣка, всѣ свои духовныя книги писала на русскомъ языкѣ. Этотъ языкъ Сопиковъ называетъ бѣлорусскимъ. Соглашаясь съ мнѣніемъ Сопикова, Линде называетъ

---

[1]) См. завѣщаніе Василія Загоровскаго, кастеляна брацлавскаго, въ Арх. югозападной Россіи. Т. I, стр. 67.

языкъ, на которомъ написанъ былъ Статутъ Литовскій, также бѣлорусскимъ. Но для чего употреблять это особое названіе? Я нисколько не отвергаю, что языкъ русскій, которымъ говорила и писала польская и литовская Русь, былъ отличенъ отъ великорусскаго и церковнославянскаго; но недостаточно ли называть этотъ языкъ просто русскимъ? Небольшія отличія въ говорѣ, встрѣчающіяся у русскихъ въ червоной, бѣлой, черной, малой и великой Руси, не уничтожаютъ характера языка; этотъ языкъ, какъ говоритъ Шлёцеръ, вездѣ русскій. Языкъ польскій, которымъ говорятъ въ великой Польшѣ, въ малой Польшѣ, въ Мазовіи и Пруссіи, имѣемъ отличія; не смотря на то, на письмѣ, не дѣлается отличія между языками великопольскимъ, малопольскимъ, мазовецкимъ и т. д.“ [1]).

---

[1]) См. Obraz wieku panowania Zygmunta III prz. X. Franciszka Siarczyńskiego. Poznań. 1843. T. I, стр. 198. Вопросъ о западнорусскомъ языкѣ и его отношеніи къ великорусскому мы предоставляемъ филологамъ. Замѣтимъ только, что въ оффиціальныхъ актахъ до XVI вѣка западнорусскій языкъ почти во всемъ сходенъ съ современнымъ ему языкомъ восточной Россіи. Съ XVI вѣка, западнорусскій языкъ начинаетъ заимствовать изъ польскаго языка слова и грамматическія формы; не смотря на то, онъ всегда сохранялъ болѣе сходства съ великорусскимъ, нежели съ польскимъ языкомъ. До конца XVI столѣтія, законъ объ исключительномъ употребленіи русскаго языка въ оффиціальныхъ актахъ соблюдался во всей строгости. Къ концу этого столѣтія начинаютъ встрѣчаться въ актовыхъ книгахъ правительственныя распоряженія и частныя записи на польскомъ и латинскомъ языкахъ. Необходимость входить въ частыя сношенія съ Польшею, а также недостатокъ народнаго образованія, заставлявшій дворянъ отдавать дѣтей въ іезуитскія школы, имѣли слѣдствіемъ быстрое распространеніе польскаго языка въ западнорусскомъ дворянствѣ, такъ что во второй половинѣ XVII вѣка этотъ языкъ получаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ русскимъ,

Мы видѣли, какъ дорожило западнорусское дворянство своимъ роднымъ языкомъ, и какія усилія оно употребляло для его сохраненія, но еще съ большею ревностію оно заботилось о сохраненіи своей народной православной религіи. Православную религію западнорусское дворянство старалось поддерживать и охранять отъ вліянія иностранныхъ исповѣданій учрежденіемъ церковныхъ братствъ, монастырей и учебныхъ заведеній. Уцѣлѣвшіе до настоящаго времени церкви и монастыри, разсѣянные на всемъ пространствѣ югозападной Россіи, гробницы князей и дворянъ съ русскими надгробными надписями, наполненные княжескими и дворянскими фамиліями древніе поминальные синодики, хранящіеся въ православныхъ церквахъ и монастыряхъ, свидѣтельствуютъ, что западнорусское дворянство, причисляя себя къ русскому народу, пребывало до гроба вѣрнымъ своей православной религіи. Иногда дворяне заключали между собою договоръ, обязываясь защищать и поддерживать учрежденныя ими религіозныя установленія соединенными силами. Такъ въ 1601 году, сорокъ четыре представителя важнѣйшихъ дворянскихъ фамилій на Волыни заключили между собою обязательство о защитѣ церковнаго люблинскаго братства, назначивъ ему на содержаніе земли. Подъ этимъ обязательствомъ находимъ подписи: князя Константина Острожскаго, князя Сангушка Коширскаго, князя Яхима Корецкаго, князя Юрія Друцкаго-Горскаго, Василія Семашка, Лаврина Древинскаго, князя Курцевича-Булыги, князя Юрія Чарторыйскаго, Фридриха Тишкевича, князя Григорія Четвертинскаго, князя Друцкаго-Лубецкаго, Мартина Бутовича и многихъ другихъ [1]).

Но вліяніе означенныхъ выше причинъ ограничивалось преимущественно дворянскимъ сословіемъ; напротивъ того, простой народъ, составлявшій главную массу населенія, всегда сохранялъ свой родной русскій языкъ неприкосновеннымъ.

[1]) N. IV, стр. 35.

Предметомъ особенной заботливости для западнорусскаго дворянства была кіевопечерская лавра. Дворяне поручали посламъ своимъ ходатайствоват, на варшавскомъ сеймѣ, чтобы кіевопечерская лавра, домъ божій, какъ они ее называли, была защищаема отъ притѣсненій и пользовалась древними правами своими, такъ какъ лица знатныхъ фамилій посѣщаютъ въ этомъ монастырѣ гробы своихъ предковъ, а простой народъ стекается для поклоненія святымъ угодникамъ [1]). Съ древнихъ временъ, дворянство исходатайствовало себѣ право избирать архимандрита кіевопечерской лавры. Тотчасъ по смерти архимандрита, соборное духовенство оповѣщало князей и дворянъ православной вѣры, прося ихъ прибыть въ Кіевъ для выбора архимандрита изъ лицъ дворянскаго сословія, знающихъ догматы православной религіи и изучившихъ богословскія науки. Избирательный листъ, съ подписями избирателей, посылался королю на утвержденіе [2]).

Король Сигизмундъ III и окружавшіе его іезуиты весьма хорошо понимали всю важность кіевопечерской лавры, имѣвшей религіозное вліяніе не только на западную, но и на восточную Россію. Поэтому, какъ только нѣкоторые изъ православныхъ іерарховъ изъявили согласіе на унію, тотчасъ явилась мысль предоставить этотъ монастырь въ распоряженіе столицы апостольской. Іезуиты понимали, что, захвативъ въ свои руки эту всероссійскую святыню, они сдѣлали бы изъ нея средоточіе обширной католической пропаганды, которая могла бы распространять свое вліяніе на весь народъ русскій. Въ этихъ видахъ, Сигизмундъ III, еще до принятія уніи на брестскомъ соборѣ, испросилъ у папы Климента VIII особую буллу, кото-

---

[1]) N. XII, стр. 123.

[2]) Образецъ такого избирательнаго листа напечатанъ подъ N. XXVII, стр. 336.

рою кіевопечерская лавра, со всѣми ея имѣніями и доходами, предоставлена была во власть митрополитовъ кіевскихъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они пребывали въ соединеніи съ римскимъ костеломъ [1]). Такое распоряженіе возбудило сильный ропотъ и негодованіе въ югозападной Россіи. Дворянство отправило пословъ на варшавскій сеймъ и требовало, чтобы папская булла была отмѣнена, такъ какъ право назначать архимандрита кіевопечерской лавры не принадлежитъ ни королю, ни папѣ, а только православнымъ дворянскимъ фамиліямъ. Негодованіе народа и дворянъ было такъ сильно, что угрожало опасностію государству и заставило короля просить папу объ отмѣнѣ буллы и о возвращеніи кіевопечерской лавры въ прежнее положеніе. Папа, для успокоенія государства (pro regni tranquillitate), согласился на просьбу короля, и двумя бреве, данными на имя короля и папскаго нунція, разрѣшилъ освободить кіевопечерскую лавру отъ власти уніатскихъ митрополитовъ и возвратить дворянству право избирать архимандрита [2]). Такимъ энергическимъ усиліемъ западнорусскаго дворянства кіевопечерская лавра сохранена была въ своей первобытной святости и спасена отъ разрушенія, которому подверглась большая часть православныхъ церквей и монастырей, поступившихъ во власть уніатскаго духовенства.

Удерживая за собою право избирать митрополита, нѣкоторыхъ епископовъ и архимандритовъ важнѣйшихъ монастырей, западнорусское дворянство считало обязанностію заботиться о приготовленіи изъ среды своей лицъ, способныхъ для поступленія въ духовное званіе. Для этой цѣли, дворянство волынское, въ 1607 и 1608 годахъ, ходатайствовало на варшавскомъ

---

[1]) Эта булла папы Климента VIII, 1595 марта 4, вписана въ книгу гродскую житомирскую 1760 года, листъ 1009 на оборотѣ.

[2]) N. V, стр. 40. N. VI, стр. 44.

сеймѣ, чтобы митрополиту, епископамъ и архимандриту кіево-печерской лавры вмѣнено было въ обязанность учредить, на счетъ монастырскихъ и епископскихъ доходовъ, семинаріи, въ которыхъ бы постоянно воспитывались дворянскія дѣти, для приготовленія къ духовному званію [1]). Но наиболѣе выразилась непоколебимая приверженность западнорусскаго дворянства къ православной вѣрѣ въ борьбѣ противъ уніи.

По мнѣнію западнорусскихъ іерарховъ, для измѣненія религіозныхъ догматовъ, не достаточно было постановленіе одного только духовенства, но необходимо было согласіе свѣтскихъ лицъ, какъ дворянскаго сословія, такъ и посполитаго народа, чтобы не было насилія людямъ въ ихъ вѣрѣ и совѣсти [2]). Это начало, отличавшее западнорусскую православную церковь отъ католической, давало возможность дворянству участвовать, вмѣстѣ съ духовенствомъ, въ совѣщаніяхъ соборовъ и въ постановленіи соборныхъ опредѣленій. Поэтому, когда созванъ былъ, въ 1596 году, брестскій соборъ, для совѣщанія объ уніи, то на этомъ соборѣ явилось многочисленное собраніе дворянъ и свѣтскихъ сановниковъ, изъ Литвы и югозападной Россіи. Всѣ эти лица, вмѣстѣ съ православнымъ духовенствомъ, участвовали въ соборныхъ совѣщаніяхъ, протестовали противо уніи, требовали низложенія іерарховъ, отступившихъ отъ православія, и съ своимъ протестомъ отправили пословъ къ королю [3]). Но когда дворяне увидѣли, что постановленія собора были отвергнуты польскимъ правительствомъ, что малочисленная православная іерархія оказалась безсильною для защиты своей вѣры, что имѣнія, пожертвованныя ихъ предками на содержаніе церквей, монастырей, братствъ и училищъ, были отобраны въ пользу

---

[1]) N. VIII, стр. 75. N. X, стр. 92.

[2]) Архивъ югозападной Россіи. Т. I, ст. LII.

[3]) Тамъ же, стр. 509.

уніатовъ: тогда они рѣшились принять народную русскую вѣру подъ свою непосредственную защиту и сдѣлали ее предметомъ совѣщаній на своихъ провинціальныхъ сеймахъ.

Не вдаваясь въ богословскія прѣнія, дворяне защищали свою религію на основаніи законовъ, обезпечивавшихъ свободу вѣроисповѣданія. Они говорили, что православная религія издавна имѣла права свои, подтвержденныя многими королями польскими и великими князьями литовскими, что эти права никогда не были нарушаемы до времени короля Сигизмунда III, и что религія православная начала подвергаться преслѣдованію только съ тѣхъ поръ, когда митрополитъ и нѣкоторые изъ епископовъ, измѣнивъ своей вѣрѣ, признали надъ собою власть римскаго папы [1]. Защищая начало вѣротерпимости, православное дворянство заботилось не только о правахъ своей церкви, но требовало, чтобы всѣ христіанскія вѣроисповѣданія могли спокойно отправлять свое богослуженіе, на основаніи давнихъ правъ и привилегій, утвержденныхъ присягами короля Сигизмунда III и его предшественниковъ [2].

Со времени брестскаго собора, на которомъ принята была унія въ 1596 году, не проходило ни одного почти сейма, на которомъ бы не раздавался голосъ западнорусскаго дворянства въ защиту православной вѣры.

Въ 1606 году, король Сигизмундъ III находился въ затруднительномъ положеніи. Недовольная его управленіемъ шляхта, составивъ многочисленное войско, подняла мятежъ, упрекая короля въ замыслѣ на присвоеніе неограниченной власти, въ нарушеніи государственныхъ законовъ, въ недостаткѣ правосудія и въ разстройствѣ финансовъ. Государству угрожала междуусобная война. Этимъ случаемъ рѣшилось воспользоваться западнорусское дворянство для того, чтобы возстановить древнія

[1]) N. VIII, стр. 69.

[2]) N. XII, стр. 120.

права религіи православной, нарушенныя введеніемъ уніи. Дворяне волынскіе, соединившись съ дворянами воеводства кіевскаго, на съѣздѣ подъ Сендомиромъ, постановили просить короля, чтобы унія была уничтожена, чтобы митрополитъ и епископы, принявшіе унію, были лишены должностей и всѣхъ іерархическихъ правъ, имъ предоставленныхъ, чтобы, на будущее время, всѣ іерархическія должности и церковныя имѣнія были раздаваемы только лицамъ православнаго исповѣданія и притомъ по свободному выбору дворянства [1]).

Угрожаемый мятежными конфедератами король, желая привлечь на свою сторону западнорусское дворянство, обѣщалъ, что, на будущее время, православный русскій народъ не будетъ подвергаться преслѣдованію за свою вѣру, что ему будетъ предоставлена свобода богослуженія по древнимъ обрядамъ, что лица православнаго исповѣданія будутъ имѣть право отправлять городскую службу и заниматься ремеслами. Всѣ тяжбы, возникшія изъ религіозныхъ споровъ, были признаны недѣйствительными, и духовныя лица, присужденныя къ наказаніямъ по дѣламъ вѣры, объявлены свободными. Но митрополитъ и епископы, согласившіеся на унію, не были лишены духовнаго сана, сохранили свои іерархическія должности и продолжали владѣть церковными имѣніями [2]).

Видя упорство короля и желая прекратить гибельные для государства раздоры, дворяне волынскіе, на провинціальномъ сеймѣ 1607 года, согласились сдѣлать уступку въ пользу уніатскаго духовенства. Они объявили, что уніатскіе епископы могутъ сохранять свой духовный санъ и пользоваться іерархическими почестями, но должны отказаться отъ всякой власти надъ православнымъ духовенствомъ. Имъ должна быть назначена

---

[1]) N. VIII, стр. 69.
[2]) N. VII, стр. 55.

на содержаніе третья часть церковныхъ имѣній, въ которыхъ они могли бы жить и исполнять церковные обряды до самой смерти, а по смерти ихъ, церковныя имѣнія должны возвратиться къ православнымъ епископамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дворяне просили, чтобы, съ этого времени, король назначалъ имъ только православныхъ епископовъ, которые бы состояли подъ властію патріарха константинопольскаго, и чтобы это правило утверждено было особою сеймовою конституціею [1]).

Вслѣдствіе этой просьбы, въ конституцію варшавскаго сейма 1607 года, внесена была особая статья о православной вѣрѣ. Король обѣщалъ не иначе раздавать іерархическія должности и церковныя имѣнія, какъ только на основаніи записей и жалованныхъ королевскихъ грамотъ, и притомъ лицамъ дворянскаго сословія народа русскаго, исповѣдующимъ истинную православную религію. Король обязался не нарушать правъ народа русскаго въ отношеніи къ религіи и не запрещать ему свободнаго отправленія церковныхъ обрядовъ, по древнимъ обычаямъ. Сверхъ того постановлено, что церковныя православныя братства должны сохранять свои права и привилегіи [2]).

Этимъ постановленіемъ не удовольствовалось западнорусское дворянство. На провинціальномъ сеймѣ 1608 года постановлено было просить короля, чтобы епископіи раздаваемы были только лицамъ, посвященнымъ въ епископскій санъ восточными патріархами. Если бы такой епископъ, принявъ унію, подчинился власти римскаго костела, то онъ долженъ оставить епископію, и на его мѣсто долженъ быть поставленъ другой епископъ, исповѣдующій истинную православную вѣру и признающій надъ собою власть восточныхъ патріарховъ. Эта просьба предложена была послами западнорусскаго дворянства, на варшав-

---

[1]) N. VIII, стр. 72 и 73.
[2]) Voll. Legg. II, p. 1608.

скомъ сеймѣ въ 1609 году [1]); но король отложилъ дѣло до слѣдующаго сейма, приказавъ, чтобы между православнымъ и уніатскимъ духовенствомъ не было никакихъ раздоровъ, чтобы тѣ и другіе оставались спокойно на своихъ мѣстахъ, угрожая за нарушеніе мира штрафомъ въ десять тысячъ копъ грошей [2]).

Всѣ обѣщанія короля и постановленія варшавскаго сейма оставались мертвою буквою. Западнорусское дворянство продолжало жаловаться на преслѣдованія, которымъ подвергался народъ русскій въ отправленіи церковныхъ обрядовъ, на поруганіе православныхъ церквей, на принужденіе священниковъ къ принятію уніи. Почти на каждый варшавскій сеймъ дворяне посылали просьбы о защитѣ православной вѣры, ссылаясь на конституцію и привилегіи, подтвержденныя королевскими присягами, и на грамоту о присоединеніи югозападной Россіи къ Польшѣ [3]); но всѣ ихъ просьбы и жалобы оставались безъ всякихъ послѣдствій. Король и варшавскій сеймъ или вовсе не обращали вниманія на просьбы дворянъ, или откладывали рѣшеніе дѣла до слѣдующихъ сеймовъ, или провозглашали свободу православной вѣры, но не принимали никакихъ мѣръ къ ея защитѣ [4]). Такъ продолжалось до смерти короля Сигизмунда III.

Смерть Сигизмунда III, основывавшаго свою внутреннюю и внѣшнюю политику на фанатизмѣ и религіозной нетерпимости, оживила надежды западнорусскаго народа. Дворянство считало долгомъ воспользоваться этимъ случаемъ и начало новую борьбу за свои права и свою народность. Въ 1632 году іюня 3, болѣе двухъсотъ дворянъ волынскихъ явилось на про-

---

[1]) N. X, стр. 90 и 91.

[2]) Voll. Legg. II, pag. 1666.

[3]) N. XI, стр. 105. N. XII, стр. 119 и 120. N. XIII, стр. 134. N. XIV, стр. 153 и 154.

[4]) Voll. Legg. II, p. 326, 379, 450, 547, 669.

винціальный сеймъ въ Луцкѣ, и главнымъ предметомъ ихъ совѣщаній была православная вѣра. Дворяне обвиняли покойнаго короля въ томъ, что народъ русскій, съ 1596 года, безуспѣшно жаловался о нарушеніи правъ, подтвержденныхъ конфедераціями и грамотами королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ. На основаніи этихъ постановленій, король обязанъ былъ раздавать іерархическія должности туземкому православному дворянству; между тѣмъ, митрополія кіевская, епископіи и архимандріи раздаваемы были лицамъ постороннимъ и притомъ уніатамъ. Православное дворянство не было допускаемо къ государственнымъ должностямъ, мѣщане, несоглашавшіеся принять унію, были отставляемы отъ городскихъ должностей, лишены были права вступать въ цехи и заниматься ремеслами. Православныя церкви насильственно отдаваемы были уніатамъ, запрещалось строить новыя православныя церкви, и невинные люди, за свою вѣру, томились въ темницахъ. Избранные дворянствомъ послы должны были изложить эти жалобы на генеральномъ варшавскомъ съѣздѣ, предшествовавшемъ избранію новаго короля, и требовать, чтобы свобода вѣры, для всѣхъ и вездѣ, была постановлена и обезпечена ясными законами, и чтобы вновь избираемый король подтвердилъ это постановленіе присягою. Посламъ вмѣнено было въ обязанность не приступать ни къ какимъ сеймовымъ совѣщаніямъ, пока православная вѣра не будетъ совершенно успокоена, и пока не будутъ возстановлены ея древнія права и привилегіи [1]).

Такъ какъ просьбы и жалобы пословъ, отправленныхъ дворянствомъ на генеральный варшавскій съѣздъ, не имѣли успѣха, то дворяне волынскіе снова собирались на провинціальный сеймъ. Здѣсь они, торжественно объявляя себя народомъ русскимъ, постановили отправиться, лично и всѣмъ вмѣстѣ, на

---

[1]) N. XVI, стр. 188.

варшавскій сеймъ, назначенный для избранія новаго короля, стоять крѣпко за свои права и особенно стараться о свободѣ вѣры и о возстановленіи правъ, предоставленныхъ православной религіи. Дворяне дали обѣтъ не поступать къ избранію новаго короля до тѣхъ поръ, пока ихъ требованія не будутъ исполнены [1]).

Дворяне волынскіе сдержали свое обѣщаніе. На избирательный варшавскій сеймъ, бывшій въ сентябрѣ 1632 года, явилось сто сорокъ дворянъ волынскихъ, къ нимъ присоединилось двадцать пять дворянъ воеводства кіевскаго и двадцать воеводства брацлавскаго. Фамиліи этихъ дворянъ, явившихся на варшавскій сеймъ для защиты правъ западнорусскаго народа, мы считали долгомъ напечатать въ настоящемъ изданіи, чтобы сохранить ихъ для исторіи [2]).

Усилія западнорусскаго дворянства на избирательномъ варшавскомъ сеймѣ обращены были преимущественно на защиту двухъ главныхъ основъ русской народности: русскаго языка и православной религіи.

Мы уже видѣли, что на генеральномъ варшавскомъ съѣздѣ, 1632 года іюня 22, постановлено было, по требованію западнорусскаго дворянства, чтобы всѣ акты, касавшіеся воеводствъ кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго, писаны были въ королевскихъ канцеляріяхъ и выдаваемы были на русскомъ языкѣ, и чтобы акты, писанные на другомъ языкѣ, не имѣли никакой силы.

Для возстановленія правъ религіи православной, дворяне, не смотря на фанатическое сопротивленіе католическаго и уніатскаго духовенства, исходатайствовали постановленіе, которымъ данъ былъ рѣшительный перевѣсъ православной церкви надъ уніатскою. Этимъ постановленіемъ предоставлено было русскому

---

[1]) N. XVII, стр. 202, 203.

[2]) N. XIX, стр. 215.

православному народу свободное отправленіе богослуженія и всѣхъ церковныхъ обрядовъ, право строить новыя церкви и обновлять старыя, учреждать церковныя братства, богадѣльни, семинаріи, школы и типографіи; мѣщане православнаго исповѣданія допущены были къ городскимъ должностямъ, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ рѣчи посполитой. Власть высшаго уніатскаго духовенства была весьма ограничена и заключена въ тѣсные предѣлы. Уніатскому митрополиту оставлена была власть надъ одними только уніатами, и назначенъ для жительства выдубитскій монастырь; всѣ прочія имѣнія митрополіи кіевской постановлено было передать православному митрополиту, который долженъ быть избираемъ западнорусскимъ дворянствомъ и получать посвященіе отъ патріарха константинопольскаго. Дворянству предоставлено было также право избирать православныхъ епископовъ на епархіи: львовскую, луцкую, премысльскую и мстиславскую, а также архимандритовъ кіевопечерской лавры и уневскаго монастыря. Кіевопечерская лавра со всѣми ея принадлежностями, михайловскій и всѣ прочіе монастыри и церкви, какъ находившіеся въ Кіевѣ, такъ и приписанныя къ этому городу, возвращены были православнымъ. Для прекращенія споровъ, постановлено избрать коммисcаровъ, которые должны были распредѣлить монастыри и церкви, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, между православными и уніатами, сообразно съ количествомъ народонаселенія. Каждому предоставлено было право переходить изъ уніи въ православіе и наоборотъ. Затѣмъ, какъ уніаты, такъ и православные обязаны были прекратить всякіе раздоры и жить между собою въ покоѣ, любви и согласіи [1]). Эти примирительныя статьи подтверждены были особою грамотою короля Владислава IV, которая названа дипломомъ, даннымъ русскому народу [2]).

---

[1]) N. XVIII, стр. 208.

[2]) N. XX, стр. 223.

Но примирительныя статьи короля Владислава IV и дипломъ, данный русскому народу, не успокоили религіозныхъ раздоровъ и не прекратили преслѣдованій, которымъ подвергалась православная вѣра. Народъ польскій, какъ и всѣ другіе славянскіе народы, никогда не обнаруживалъ, въ своемъ національномъ характерѣ, религіозной нетерпимости. Разсмотрѣвъ нѣсколько сотъ актовыхъ книгъ волынскихъ, кіевскихъ и брацлавскихъ, также акты трибунала люблинскаго и метрики коронной, мы не нашли ни одного случая, который бы доказывалъ фанатическую ненависть польскаго народа къ другимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ. Мы даже видимъ изъ актовъ, что католики, жившіе въ югозападной Россіи, не дѣлая строгаго различія между католическою и православною религіею, приглашали священниковъ крестить дѣтей и принимали отъ нихъ святое причастіе; православные священники совершали надъ католиками обряды вѣнчанія и погребенія [1]). Большинство польскаго дворянства на сеймахъ подавало голосъ въ пользу вѣротерпимости и охотно соглашалось на всѣ мѣры, которыя предлагаемы были для примиренія враждовавшихъ религіозныхъ партій, что особенно замѣтно было во время междуцарствій, когда дворяне получали право дѣйствовать по внушенію собственной своей совѣсти [2]). Но въ государственномъ составѣ древней Польши существовала чуждая народнымъ интересамъ, иноземная власть, старавшаяся наложить оковы на разумъ и совѣсть польскаго и западнорусскаго народа; эта власть заключалась въ римской пропагандѣ. Религіозный фанатизмъ, занесенный въ Польшу римскою пропагандою, поселялъ раздоръ между единоплеменными народами; онъ, какъ погребальный факелъ, бросалъ свой зловѣщій свѣтъ на всю исторію рѣчи

---

[1]) Архивъ югозападной Россіи. Ч. I, Т. I, стр. XXXVIII.
[2]) Krzyżanowsky, Dawna Polska. 1857, cz. I, LXLI.

посполитой и велъ это государство къ политической смерти. Какъ только король и сеймъ, для предотвращенія междуусобной религіозной войны, постановили означенныя выше примирительныя статьи и подтвердили ихъ дипломомъ, даннымъ русскому народу, тотчасъ раздались протесты высшаго католическаго и уніатскаго духовенства. Примасъ королевства и, въ слѣдъ за нимъ, клерикальная партія объявили, что всѣ постановленія короля и сейма, въ пользу православной религіи, не могутъ имѣть никакой законной силы, пока не будутъ утверждены столицею апостольскою. Въ слѣдъ за тѣмъ отправлено было, со стороны католическаго и уніатскаго духовенства, посольство къ папѣ Урбану VIII, съ жалобами на распоряженія польскаго правительства, нарушившаго права римскаго костела, въ пользу еретиковъ и отступниковъ. Напрасно Владиславъ IV старался убѣдить столицу апостольскую, что возстановленіе религіозныхъ правъ русскаго народа основано на непреложной справедливости, что неминуемо возникнетъ междуусобная война, и что самая унія подвергнется опасности, если папа не утвердитъ статей, постановленныхъ сеймомъ, для примиренія религіозныхъ раздоровъ. Урбанъ VIII передалъ дѣло на разсмотрѣніе конгрегаціи, учрежденной для распространенія католичества. Конгрегація отвергла всѣ сеймовыя постановленія въ пользу православной религіи и дипломъ, данный русскому народу, объявивъ ихъ противными божескимъ и человѣческимъ законамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было папскому нунцію Гонорату издать, отъ имени столицы апостольской, манифестъ противъ всякихъ правъ, какія бы ни были предоставлены православной религіи [1]).

Такое рѣшеніе столицы апостольской было причиною но-

---

[1]) Ostrowskiego, Dzieje y prawa kościoła Polskiego. Warszawa. 1793. T. III, str. 484. Łukaszewicza, Dzieje kościołów wyznania Helweckiego w Litwie, T. I, str. 201.

выхъ религіозныхъ смутъ и несчастій для западнорусскаго народа. Дворянство принуждено было попрежнему посылать на варшавскій сеймъ горькія жалобы. Оно жаловалось, что права, предоставленныя православному русскому народу, при восшествіи на престолъ Владислава IV, не только не приводятся въ исполненіе, но подвергаются явному нарушенію, что церковь православная претерпѣваетъ жестокія обиды, особенно отъ уніатовъ, что уніатскій епископъ хелмскій Меѳодій Терлецкій, завладѣвъ православными церквами, позамыкалъ ихъ и позапечатывалъ, что онъ мучитъ православныхъ священниковъ въ тюрьмѣ, что люди умираютъ безъ исповѣди и св. причастія, а дѣти безъ крещенія, и что умершіе погребаются въ полѣ, безъ церковныхъ обрядовъ [1]). На провинціальномъ сеймѣ 1645 года, дворянство волынское поручило своимъ посламъ говорить на варшавскомъ сеймѣ: „Религія православная, издревле принятая нашими предками, признанная основными законами государства, подтвержденная привилегіями, условіями, постановленными при избраніи королей, и священною присягою нынѣшняго короля, пана нашего милостиваго, такимъ подвергается насиліямъ въ христіанскомъ католическомъ государствѣ, въ вольной и свободной республикѣ, какихъ не претерпѣваютъ и христіане Греки, въ неволѣ у невѣрныхъ. Церкви, монастыри и соборы у насъ отобраны, запрещено свободное отправленіе церковныхъ обрядовъ, бѣдные христіане умираютъ безъ св. причастія и не смѣютъ публично погребать умершихъ. Въ Люблинѣ, въ Сокалѣ, Бѣльскѣ и другихъ городахъ, православные христіане принуждены тайно погребать умершихъ въ подвалахъ и домахъ своихъ. Можетъ ли быть еще большее рабство?“ Дворяне обязали пословъ своихъ вѣрою, честію и совѣстію не соглашаться ни на какое сеймовое постановленіе, пока народъ русскій не будетъ

---

[1]) N. XXI, стр. 234. N. XXII, стр. 254. N. XXIII, стр. 270.

избавленъ отъ такого тяжкаго угнѣтенія [1]). Такія жалобы безуспѣшно продолжались до 1648 года, когда западнорусскій народъ, выведенный изъ терпѣнія, возсталъ поголовно, подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго. Вопросы, которыхъ не могло рѣшить дворянство посредствомъ сеймовыхъ совѣщаній и постановленій, принужденъ былъ рѣшить народъ, съ оружіемъ въ рукахъ. Вслѣдствіе побѣдъ, одержанныхъ надъ войсками рѣчи посполитой, народъ русскій, по заключеніи зборовскаго трактата, получилъ въ 1650 году, отъ короля Яна Казимира, новый дипломъ, подтверждавшій для православной религіи всѣ тѣ права, которыхъ добивалось западнорусское дворянство со времени принятія уніи на брестскомъ соборѣ [2]).

Народное возстаніе, возбужденное Богданомъ Хмельницкимъ, поставило западнорусскихъ дворянъ въ самое затруднительное положеніе. Въ инструкціяхъ посламъ, отправленнымъ на варшавскій сеймъ, дворяне воеводствъ кіевскаго, черниговскаго и волынскаго изображаютъ свое состояніе мрачными красками. Они жалуются, что, потерявъ свое здоровье и имущество для спасенія отечества, принуждены скитаться по чужимъ дворамъ, что они съ своими имѣніями отданы на жертву распутному своеволію жолнеровъ и волонтеровъ, служащихъ рѣчи посполитой, что, возвратившись въ свои имѣнія, опустошенныя огнемъ и мечемъ, они нашли однѣ только развалины и трупы непогребенныхъ братій своихъ. Отъ Буга и до Днѣстра осталась одна степь, дикія поля и опустошенные города и селенія, а все спасенное отъ непріятеля истребляется войсками рѣчи посполитой. Напрасно они умоляли короля и республику о помощи и состраданіи, припоминая условія о взаимной защитѣ,

---

[1]) N. XXV, стр. 287. Эта же жалоба повторена и на сеймикѣ 1646 года. N. XXVI, стр. 319.

[2]) N. XXXII, стр. 370.

постановленныя на люблинскомъ сеймѣ, когда югозападная Россія присоединялась къ Польшѣ. „Пусть вспомнитъ, говорили дворяне, отчизна, мать наша, какъ мы заслоняли ее своею грудью, какъ защищали военною стражею, хоругвями и полками, какъ мы удѣляли хлѣбъ многимъ изъ братій нашихъ, а теперь скитаемся съ своими семействами и не можемъ выпросить ни куска хлѣба, ни бѣднаго пристанища. Убогіе братья наши, прокармливаясь милостынею, ожидаютъ и не могутъ дождаться утѣшенія. Ни оружіе, ни мирные переговоры не возвращаютъ намъ нашей собственности, и напрасно надѣемся мы на помощь и состраданіе, какъ повелѣваетъ Богъ и его святая правда." Крестьяне терпѣли еще большія бѣдствія. Ихъ вопли, по выраженію дворянъ, проникали въ иебеса, отъ переходовъ войска, которое уже высосало изъ нихъ и самую кровь. Селенія были опустошены огнемъ, рабочій скотъ истребленъ, крестьяне отстали отъ земледѣлія, и число ихъ до того уменьшилось, что помѣщики принуждены были сами обработывать земли, на свой счетъ и собственными трудами своими [1]).

Напрасно западнорусскіе дворяне, въ постигшемъ ихъ несчастіи, ожидали помощи отъ польскаго правительства. Поляки смотрѣли на русскихъ подозрительно, предполагая въ нихъ сочувствіе къ народному возстанію и готовность къ измѣнѣ [2]).

---

[1]) N. XXXIV, стр. 394.

[2]) Эта недовѣрчивость доказывается перепиской военныхъ и гражданскихъ польскихъ сановниковъ, напечатанною въ I томѣ Памятниковъ, изданныхъ кіевскою коммиссіею. Такъ въ письмѣ отъ пана Чернаго къ канцлеру коронному сказано: »У Вишневецкаго находится 8000 войска, но онъ ему не довѣряетъ, потому что оно—Русь«. От. II, стр. 26. Въ письмѣ синдика львовскаго: »Мы опасаемся тайныхъ замысловъ отъ людей православной вѣры. Несомнѣнно, что лица православной религіи съ радостію ожидаютъ непріятеля«. От. II, стр. 57. Подчашій коронный писалъ къ коронному канцлеру;

Поэтому многіе западнорусскіе дворяне, для сохраненія своей жизни и имущества, принуждены были или пристать къ козакамъ, или сдѣлаться Поляками, отрекшись отъ своей народности и принявъ католическую вѣру; потому что католическая вѣра служила тогда знаменемъ польской національности. Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ народная война принимала болѣе широкіе размѣры и угрожала большими бѣдствіями, содержаніе сеймовыхъ дворянскихъ постановленій совершенно измѣняется. Въ этихъ постановленіяхъ дворяне уже не разсуждаютъ ни о русской народности, ни о православной религіи; напротивъ того, они являются ревностными защитниками католической вѣры.

По заключеніи зборовскаго трактата, дворяне воеводствъ кіевскаго, черниговскаго и волынскаго, на провинціальныхъ сеймахъ, бывшихъ въ 1651 году, поручили посламъ своимъ жаловаться на неистовства козаковъ надъ ксендзами и костелами и ходатайствовать о томъ, чтобы костелы, разрушенные и опустошенные козаками, были возстановлены и возвращены прежнимъ владѣльцамъ [1]), чтобы приняты были мѣры для защиты костеловъ и ксендзовъ отъ козацкаго своеволія [2]), чтобы коммиссары, назначенные для заключенія бѣлоцерковскаго трактата съ козаками, старались обезпечить неприкосновенность костеловъ и свободу католической вѣры [3]). Дворяне волынскіе просили, правда, и о возвращеніи церквей, отнятыхъ у православнаго духовенства, но уже не изъ усердія къ древней на-

———

»Трудно найти шпіона между Русскими, потому что всѣ они измѣнники«. От. II, стр. 438. Даже воевода Кисѣль, которому поручаемы были переговоры съ козаками, возбуждалъ къ себѣ недовѣріе. Поляки называли его таинственнымъ (tajemny Kissiel) и подозрѣвали, что онъ обманываетъ рѣчь посполитую. От. II, стр. 266 и 291.

[1]) N. XXXV, стр. 419.

[2]) N XXXVI, стр. 429.

[3]) N. XXXIV, стр. 397.

родной религіи, а только для того, чтобы предотвратить новые бунты и возстанія въ народѣ [1]).

Такая внезапная перемѣна въ духѣ сеймовыхъ постановленій заставляетъ предполагать, что полонизированіе западнорусскаго дворянства, подготовленное іезуитскимъ воспитаніемъ, начало быстро усиливаться; причемъ дворяне, переходившіе въ католическую вѣру, уже начали считать себя Поляками, и такое заблужденіе, укоренившееся въ общественномъ мнѣніи, продолжается до настоящаго времени, такъ что потомки древнихъ русскихъ дворянъ и даже владѣтельныхъ князей русскихъ считаются Поляками, если только исповѣдываютъ католическую вѣру. Эти природные русскіе дворяне, отрекшіеся отъ своей народности и скрывшіе свое отступничество подъ чужеземнымъ названіемъ, разорвали внутреннюю, моральную связь съ западнорусскимъ народомъ и съ тѣхъ поръ перестали быть истинными его представителями.

Изъ вышеизложеннаго изслѣдованія можно вывести слѣдующія заключенія:

Литва и югозападная Россія соединены были первоначально съ Польшею федеративнымъ союзомъ. Каждое изъ соединенныхъ государствъ, состоя подъ властію одного государя, сохраняло отдѣльную территорію и имѣло особые органы законодательной, судебной и административной власти.

Въ этомъ федеративномъ союзѣ, Польша, въ отношеніи къ Литвѣ и югозападной Россіи, считалась страною чужеземною, Поляки—людьми заграничными, чужеземцами. Поляки, наравнѣ съ другими иностранцами, не могли занимать, въ Литвѣ и югозападной Россіи, государственныхъ должностей и не имѣли права владѣть поземельною собственностію.

Западнорусскіе дворяне, строго отличая Русь отъ Польши, называли себя народомъ русскимъ, безъ различія вѣроисповѣ-

[1]) N. XXXIV, стр. 398.

даній. Этимъ же именемъ польское правительство называло какъ дворянъ, такъ и весь народъ, населявшій югозападную Россію.

Федеративный союзъ Литвы и югозанадной Россіи съ Польшею былъ измѣненъ въ 1569 году, постановленіемъ люблинскаго сейма. Этимъ постановленіемъ, югозападная Россія присоединена была къ Польшѣ въ видѣ провинціи; но это присоединеніе не можетъ быть названо добровольнымъ, такъ какъ оно вынуждено было угрозою конфискаціи дворянскихъ имѣній.

Присоединеніе югозападной Россіи къ Польшѣ имѣло гибельныя послѣдствія для обоихъ государствъ: двѣ почти равносильныя, но совершенно противуположныя народности должны были постоянно приходить въ столкновеніе и вести гибельную борьбу, которая препятствовала правильному развитію государства.

Главныя основы западнорусской народности были: русскій языкъ и православная религія. Западнорусское дворянство дорожило своимъ роднымъ русскимъ языкомъ и старалось о томъ, чтобы употребленіе этого языка въ оффиціальныхъ актахъ было утверждено законами; за право религіи православной дворянство вело продолжительную и упорную борьбу съ римскокатолическою пропагандой.

Причины, содѣйствовавшія полонизированію западнорусскаго дворянства, не коснулись цѣлой народной массы. Народъ, населяющій югозападную Россію, рѣзко отдѣлявшійся отъ дворянскаго сословія частнымъ и общественнымъ бытомъ, всегда былъ и остается въ настоящее время народомъ русскимъ, свято сохраняя главныя основы своей народности: русскій языкъ и православную вѣру.

VI.

Отвѣтъ кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ на обвиненія нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ по поводу выхода въ свѣтъ II-й части Архива югозападной Россіи.

Отвѣтъ кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ на обвиненія нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ по поводу выхода въ свѣтъ II-й части Архива югозападной Россіи.

Кіевская коммиссія для разбора древнихъ актовъ, приступая къ изданію собранныхъ ею историческихъ матеріаловъ, неоднократно приглашала публику содѣйствовать ея трудамъ доставленіемъ актовъ, а также указаніемъ и открытіемъ историческихъ матеріаловъ въ кіевскомъ центральномъ архивѣ. Къ сожалѣнію, вмѣсто содѣйствія, коммиссія, по выходѣ въ свѣтъ второй части Архива югозападной Россіи, встрѣтила въ нѣкоторыхъ газетахъ и журналахъ клеветы, не имѣющія никакого основанія, и обвиненія ея членовъ въ недобросовѣстности. Не смотря на то, мы считаемъ долгомъ благодарить нашихъ критиковъ, такъ какъ ихъ обвиненія подали намъ поводъ объяснить съ большею точностію цѣль и направленіе коммиссіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ опровергнуть ложныя мнѣнія, изложенныя въ статьяхъ нашихъ обвинителей.

Въ 1860 году, коммиссія, заботясь о возможной полнотѣ и разносторонности своихъ изданій, исходатайствовала своему главному редактору г. Иванишеву разрѣшеніе отправиться въ

Варшаву, для извлеченія историческихъ матеріаловъ изъ главнаго архива царства польскаго. По этому поводу, г. Совинскій напечаталъ въ Виленскомъ Вѣстникѣ слѣдующее извѣстіе: „сюда (т. е. въ Кіевъ) возвратился изъ ученой поѣздки въ царство польское профессоръ Иванишевъ, членъ кіевской археографической коммиссіи. Онъ хвалится огромнымъ пріобрѣтеніемъ документовъ, относящихся къ исторіи рѣчи посполитой. Наибогатѣйшій рудникъ онъ нашелъ въ Піотрковѣ. Г-нъ Иванишевъ есть любитель судебныхъ скандаловъ. Въ своихъ поискахъ онъ особенное обращаетъ вниманіе на тѣ жалобы и манифестаціи, которыя подавались противъ давняго польскаго правительства; книгъ декретовыхъ избѣгаетъ, какъ огня“ [1]).

Во всемъ этомъ извѣстіи г. Совинскаго нѣтъ ни одного слова правды. Г. Иванишевъ не только не открывалъ никакого рудника въ Піотрковѣ, но даже никогда не былъ въ этомъ городѣ. Г. Иванишевъ никогда не хвалился огромнымъ пріобрѣтеніемъ документовъ; извѣстіе о его открытіяхъ только недавно было напечатано въ отчетѣ университета Св. Владиміра за 1860-61 учебный годъ. Въ этомъ отчетѣ сказано, что г. Иванишевъ, во время трехмѣсячной командировки въ Варшаву, разсмотрѣлъ 220 книгъ метрики коронной и трибунала люблинскаго и извлекъ изъ нихъ матеріалы для исторіи церкви въ югозападной Россіи, для исторіи мѣстной администраціи, акты о козакахъ, жалованныя грамоты Кіеву, Чернигову, Владиміру-Волынскому и войтамъ кіевскимъ, также ревизіи нѣкоторыхъ городовъ и старостъ. Изъ этихъ актовъ уже напечатаны во II-й части Архива, издаваемаго коммиссіею: договоръ дворянъ волынскихъ о защитѣ люблинскаго православнаго братства, два бреве папы Климента VIII, статьи, постановленныя на избирательномъ сеймѣ 1632 г. для успокоенія православной религіи,

---

[1]) Виленскій Вѣстникъ 1860 г., № 75, стр. 795.

списокъ западнорусскихъ дворянъ, присутствовавшихъ на этомъ сеймѣ; прочiе акты будутъ напечатаны въ дальнѣйшихъ изданiяхъ коммиссiи. Неужели всѣ означенные акты, открытые г. Иванишевымъ, можно назвать юридическими скандалами?

Что касается до книгъ декретовыхъ, отъ которыхъ г. Иванишевъ, по выраженiю г. Совинскаго, бѣжитъ, какъ отъ огня, то подъ этимъ названiемъ разумѣются тѣ актовыя книги, въ которыя вносились судебныя дѣла и состоявшiяся по этимъ дѣламъ судебныя рѣшенiя, или декреты. Такими судебными дѣлами и декретами наполненъ почти весь второй томъ изданнаго г. Иванишевымъ въ 1849 году сборника подъ заглавiемъ: Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Нѣсколько такихъ же судебныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ декретами помѣщено въ I-й части Архива югозападной Россiи. Если г. Совинскому извѣстны декретовыя книги, которыхъ боится коммиссiя или ея главный редакторъ, то благороднѣе было бы съ его стороны публиковать объ этомъ съ большею опредѣленностiю, обозначивъ, что̀ онъ разумѣетъ подъ декретовыми книгами, и гдѣ эти книги находятся. Коммиссiя почла бы долгомъ воспользоваться указанiемъ г. Совинскаго; а до тѣхъ поръ мы имѣемъ право считать его объявленiе умышленною клеветою.

По выходѣ въ свѣтъ II-й части Архива югозападной Россiи, достойнымъ продолжателемъ ложныхъ обвиненiй, вымышленныхъ на редактора коммиссiи г. Совинскимъ, явился г. Падалица (Зенонъ Фишъ, какъ объявлено въ Варшавской Библiотекѣ 1861 г. № 9, стр. 716).

Г. Падалица, въ Виленскомъ Вѣстникѣ 1861 года № 30, обвиняетъ коммиссiю въ томъ, что ея трудами управляетъ духъ пристрастiя, изображающiй историческую жизнь Польши только съ невыгодной стороны, что коммиссiя питаетъ къ Полякамъ незаслуженное недоброжелательство и даетъ публикѣ выборки изъ актовъ, удовлетворяющiе не столько требованiямъ исторiи,

сколько личнымъ предубѣжденіямъ членовъ коммиссіи. Такія обвиненія въ намѣренномъ искаженіи истины и въ недоброжелательствѣ, направленныя противъ ученаго общества, заключающаго въ своемъ составѣ профессоровъ univeртитета и другихъ лицъ, извѣстныхъ своими учеными трудами, могли родиться только въ человѣкѣ, не знающемъ польской исторіи и ослѣпленномъ ложнымъ патріотизмомъ.

Коммиссія предвидѣла, что, издавая акты, изображающіе политическую и религіозную борьбу двухъ національностей, она можетъ обнаружить такіе факты, которые покажутся странными и даже невѣроятными людямъ, состарѣвшимся въ ложныхъ историческихъ преданіяхъ о золотомъ вѣкѣ древней Польши и о томъ блаженствѣ, какимъ наслаждались народы, входившіе въ составъ рѣчи посполитой. Поэтому, для устраненія упрека въ пристрастіи и односторонности, коммиссія, приступая къ изданію Архива югозападной Россіи, приглашала всѣхъ, кому понятна важность отечественной исторіи, сообщать ей историческіе матеріалы [1]). Эта же просьба повторена была при изданіи второй части Архива. Коммиссія приглашала всѣхъ и каждаго свѣрять изданные ею акты съ подлинниками, хранящимися въ центральномъ архивѣ, и обязывалась вносить въ свои изданія всѣ древніе акты, на которые ей укажутъ, или которые будутъ ей доставлены, не обращая вниманія ни на какіе національные интересы [2]).

На это приглашеніе коммиссіи не отозвался ни одинъ изъ ея порицателей. На какомъ же основаніи г. Падалица и его сподвижники обвиняютъ коммиссію въ томъ, будто она выбираетъ и печатаетъ только акты, невыгодные для Поляковъ и соотвѣтствующіе личнымъ предубѣжденіямъ ея членовъ, и что члены коммиссіи питаютъ къ Полякамъ незаслуженное недобро-

---

[1]) Архивъ югозападной Россіи, Т. I, стр. IX.

[2]) Тамъ же Ч. II, Т. I., стр. XI.

желательство? Г. Падалица ссылается на общее убѣжденіе ученыхъ, которые имѣли случай ближе познакомиться съ историческими сокровищами, хранящимися въ стѣнахъ университета. Если бы г. Падалица дѣйствительно интересовался открытіемъ исторической истины, то, вмѣсто недоказанныхъ обвиненій, просилъ бы своихъ ученыхъ пріятелей указать на тѣ акты центральнаго архива, которые не напечатаны коммиссіею по пристрастію и ненависти къ Польшѣ; этимъ онъ уличилъ бы коммиссію въ недобросовѣстности и оказалъ бы услугу отечественной исторіи; а до тѣхъ поръ, пока г. Падалица будетъ основывать свое обвиненіе на однихъ слухахъ, мы имѣемъ право его самого и его ученыхъ друзей считать клеветниками.

Г. Падалица говоритъ, что, для обнаруженія пристрастія и односторонности коммиссіи, дворянство возымѣло мысль опредѣлить въ центральный архивъ одного изъ своихъ членовъ, который бы издавалъ акты независимо отъ коммиссіи. Мы можемъ увѣрить г. Падалицу, что эту мысль возымѣли первоначально не дворяне, а нѣкоторые изъ членовъ коммиссіи.

Въ 1859 г., предсѣдатель коммиссіи Юзефовичъ предложилъ нѣкоторымъ изъ дворянъ кіевской, подольской и волынской губерній ассигновать сумму на жалованье редактору, который избирался бы дворянствомъ изъ извѣстныхъ ему польскихъ ученыхъ, съ тѣмъ чтобы онъ занимался разборомъ актовъ въ центральномъ архивѣ и изданіемъ ихъ въ свѣтъ. Это предложеніе было одобрено дворянами и доведено предсѣдателемъ коммиссіи до свѣдѣнія главнаго мѣстнаго начальника, который изъявилъ на то полное свое согласіе. Въ прошедшемъ 1860 г., главный редакторъ коммиссіи г. Иванишевъ, по просьбѣ кіевскаго уѣзднаго предводителя дворянства Бутовича, составилъ, по этому же предмету записку для представленія дворянскому собранію. Въ этой запискѣ предположено, чтобы дворяне кіевской, подольской и волынской губерній, сверхъ редактора,

избирали четырехъ окончившихъ курсъ въ университетѣ студентовъ, которые бы, занимаясь въ центральномъ архивѣ подъ руководствомъ редактора, участвовали въ изданіяхъ коммиссіи и вмѣстѣ съ тѣмъ пріучались къ разработкѣ отечественной исторіи на основаніи подлинныхъ документовъ. Дворянство кіевской губерніи опредѣлило ассигновать для этого 1500 руб. ежегодно; но дѣло остановилось только потому, что дворяне подольской и волынской губерній до сихъ поръ не постановили по этому предмету никакого рѣшенія. Въ справедливости нашихъ словъ мы ссылаемся на г. Бутовича и извѣстнаго польскаго литератора Михаила Грабовскаго, которые принимали въ этомъ дѣлѣ живое участіе.

Съ редакторомъ коммиссіи г. Падалица сражается не равнымъ оружіемъ. Редакторъ коммиссіи основываетъ свои выводы на открытыхъ имъ постановленіяхъ дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ, на актахъ метрики коронной и трибунала люблинскаго, на актахъ метрики литовской, на сеймовыхъ конституціяхъ и на сочиненіяхъ нѣкоторыхъ польскихъ писателей. Г. Падалица отвѣчаетъ на все это бранью, обвиняетъ редактора въ односторонности и пристрастіи, не считая нужнымъ подтверждать своихъ словъ никакими доказательствами. Въ какой степени полезна для науки и прилична подобнаго рода критика, мы предоставляемъ судить читателямъ.

Всѣ эти обвиненія происходятъ главнымъ образомъ отъ того, что г. Падалица не понялъ значенія статей, помѣщаемыхъ предъ каждымъ томомъ актовъ, издаваемыхъ коммиссіею. Цѣль и объемъ этихъ статей объяснены въ предисловіи къ I-му тому первой части Архива югозападной Россіи. Тамъ сказано, что въ началѣ каждаго тома коммиссія предполагаетъ помѣщать изложеніе тѣхъ свѣдѣній, которыя заключаются въ издаваемыхъ актахъ, и которыми обогащается отечественная исторія [1]). Изъ

[1]) Архивъ югозападной Россіи, Ч. I, Т. I, стр. IX.

этого видно, что статья редактора коммиссіи, на которую нападаетъ г. Падалица, имѣетъ цѣлію изобразить предметы только въ томъ видѣ и объемѣ, въ какомъ они представляются въ актахъ, и поэтому эта статья не можетъ считаться законченнымъ историческимъ очеркомъ, а только матеріаломъ, требующимъ дальнѣйшей обработки и пополненія. Если съ этой точки смотрѣть на статьи редактора коммиссіи, помѣщаемыя въ началѣ каждаго тома актовъ, то упреки въ односторонности будутъ совершенно несправедливы.

Чтобъ доказать односторонность и пристрастіе коммиссіи, г. Падалица прибѣгаетъ къ средствамъ, недозволеннымъ ни въ какой литературѣ, приписывая редактору коммиссіи мысли, противныя здравому смыслу. Такъ г. Падалица утверждаетъ, будто, по мнѣнію редактора коммиссіи, люблинской уніи никто не хотѣлъ, и что она никому не была нужна [1]). Стоитъ только прочесть слѣдующія слова редактора коммиссіи, чтобъ удостовѣриться, съ какою недобросовѣстностью г. Падалица искажаетъ мысли автора: „присоединеніе югозападной Россіи къ Польшѣ, говоритъ редакторъ коммиссіи, постановленное на люблинскомъ сеймѣ, было задумано королемъ Сигизмундомъ Августомъ и поддержано незначительною партіею западно-русскихъ магнатовъ, желавшихъ сравниться въ правахъ и почестяхъ съ польскими аристократами“ [2]). Предоставляемъ каждому судить, въ какой степени эта мысль похожа на ту, которую г. Падалица приписываетъ редактору коммиссіи.

Мы не понимаемъ, отъ чьего имени говоритъ г-нъ Падалица, упрекая коммиссію въ пристрастіи и недоброжелательствѣ. „Труды коммиссіи, говоритъ онъ, изображаютъ только съ дурной стороны н а ш е прошедшее“ [3]). Акты, напечатанные

---

[1]) Виленскій Вѣстникъ 1861 г., № 30, стр. 286.

[2]) Ар. ю. з. Р. Ч. II, Т. I, стр. XXIII.

[3]) Виленскій Вѣстн. 1861 г., № 30, стр. 286.

коммиссіею въ Архивѣ югозападной Россіи, изображаютъ съ дурной стороны: жалкое состояніе западно-русской православной іерархіи [1]), грубость и жестокіе поступки западно-русскихъ дворянъ [2]), разбойническій духъ козачества [3]), дѣйствія римской пропаганды и происки іезуитовъ, самовластіе польскихъ аристократовъ и религіозный фанатизмъ короля Сигизмунда III. Не знаемъ, къ какому изъ этихъ сословій причисляетъ себя г. Падалица. Но если подъ словомъ наше прошедшее онъ разумѣетъ прошедшую судьбу польскаго народа и принимаетъ на себя роль его защитника отъ нападеній коммиссіи, то онъ жестоко ошибается, и трудъ его совершенно напрасенъ; потому что въ историческихъ матеріалахъ, напечатанныхъ коммиссіею въ Архивѣ югозападной Россіи, онъ не найдетъ ни одной строчки, оскорбительной для польскаго народа.

Негодованіе, съ какимъ смотрятъ нѣкоторые изъ отсталыхъ польскихъ патріотовъ на труды коммиссіи, происходитъ преимущественно отъ того, что они поверхностно знаютъ польскую исторію. Настоящіе польскіе ученые, изучавшіе исторію своего отечества во всей глубинѣ и обширности, по несомнѣннымъ письменнымъ памятникамъ, во многомъ сходны въ результатахъ своихъ изслѣдованій съ выводами, вытекающими непосредственно изъ актовъ, издаваемыхъ коммиссіею. Для примѣра возмемъ исторію Морачевскаго [4]), родовитаго Поляка и пламеннаго польскаго патріота, жертвовавшаго для своего отечества жизнію и имуществомъ. Въ краткомъ жизнеописаніи этого ученаго сказано, что онъ долго готовился къ своему труду, пріобрѣталъ для своей библіотеки самыя рѣдкія сочиненія,

---

[1]) Ар. ю. з. Р. Ч. I, Т. I, стр. 7—15, 29, 152, 159 и друг.
[2]) Тамъ же, стр. 163, 189, 257, 286, 311 и др.
[3]) Тамъ же, Ч. II, Т. I, стр. 118, 136, 230 и 277.
[4]) Dzieje rzeczy pospolitéj Polskiéj. Poznań. 1855.

прилежно изучалъ писателей, современныхъ каждой эпохѣ, какъ польскихъ, такъ и иностранныхъ, усердно работалъ надъ правомъ польскимъ и, для исторіи обычаевъ и просвѣщенія въ Польшѣ, много заимствовалъ матеріаловъ изъ польскихъ конституцій и литовскихъ статутовъ [1]. Польская исторія, написанная Морачевскимъ, заслужила восторженныя похвалы Лелевеля, который находитъ въ этомъ сочиненіи вѣрное изображеніе исторіи Польши, проникнутое безпристрастіемъ и чистою любовію къ отечеству [2]. Возмемъ нѣкоторыя мнѣнія этого ученаго, касающіяся польской исторіи, и сравнимъ съ ними свѣдѣнія, заключающіяся въ изданіяхъ коммиссіи.

Редакторъ коммиссіи, основываясь частію на открытыхъ имъ матеріалахъ, частію на актахъ, извлеченныхъ ученымъ Дзялынскимъ изъ метрики литовской [3], и на сеймовыхъ конституціяхъ, вывелъ заключеніе, что, въ 1386 году, соединеніе Литвы и югозападной Россіи съ Польшею имѣло чисто федеративный характеръ, вслѣдствіе котораго каждое изъ соединенныхъ государствъ, находясь подъ властію одного государя, должно было сохранять главныя условія политической самостоятельности [4]. Морачевскій идетъ гораздо далѣе: онъ утверждаетъ, что соединеніе Литвы съ Польшею было только кажущееся, а не дѣйствительное, и что оно вѣрнѣе можетъ быть названо договоромъ о вѣчномъ мирѣ, заключеннымъ противъ могущественнаго нѣмецкаго ордена [5].

Изъ актовъ, изданныхъ коммиссіею, видны всѣ невыгоды избирательнаго образа правленія, ярко выступавшія особенно

---

[1]) Moraczewski, Dzieje Rz. Pols. T. IX, стр. XXII.
[2]) Тамъ же T. IX, стр. XXX.
[3]) Zbior praw Litewskich. Poznań. 1841.
[4]) Архивъ югозападной Россіи, Ч. II, Т. I, стр. XVIII.
[5]) Moraczewski, Dz. R. P. Pols. T. II, 181.

во время междуцарствія [1]). Морачевскій говорить объ этомъ предметѣ: „при выборѣ короля, только малое число честныхъ пановъ руководствовалось любовію къ отечеству и внутреннимъ убѣжденіемъ; большинствомъ управлялъ матеріальный интересъ, опутываемый дипломатическими тонкостями, и давалъ избранію то или другое направленіе. Низшая шляхта трубила въ трубу своихъ милостивыхъ пановъ, рубилась и убивала изъ пулгаковъ; потому что панъ, одержавшій побѣду при избраніи короля и содѣйствовавшій къ возведенію его на престолъ, возвышалъ не только себя, но и своихъ придворныхъ, доставляя имъ въ управленіе и пользованіе государственныя имѣнія [2]). По смерти короля, затворялись храмы правосудія, и даже не было никого, кто бы по закону могъ захватить преступника на мѣстѣ преступленія. Поэтому злые люди, пользуясь этимъ временемъ, принимались за грабежи, поджоги и разбои: словомъ, одна безправная сила властвовала. Междуцарствіе было мрачнымъ событіемъ для всѣхъ честныхъ людей и для цѣлаго общества“ [3]).

Изъ актовъ, изданныхъ коммиссіею видно, что въ XVII вѣкѣ посольская изба, выражавшая голосъ провинціальнаго дворянства, потеряла всякое значеніе, и что на желанія республики, выраженныя въ инструкціяхъ дворянства, не было обращаемо надлежащаго вниманія [4]). Этотъ самый недостатокъ замѣчаетъ и Морачевскій, изображая законодательную власть сейма: „сеймъ, бывшій въ 1638 году, оказался весьма бурнымъ. Роптали на то, что шляхта напрасно совѣщается въ своей избѣ, потому что сенатъ постановляетъ, отдѣльно отъ посольской избы, все, что ему угодно. Онъ издаетъ законы, но не публикуетъ

---

[1]) Ар. ю. з. Р., Ч. II, Т. I, стр. XXVI и XXVII.

[2]) Moraczewski, Dz. Rz. Pol. T. VI, p. 147.

[3]) Тамъ же Т. II, стр. 221.

[4]) Архивъ югозападной Россіи, Ч. II, Т. I, стр. XXV.

ихъ установленнымъ порядкомъ и обращаетъ ни во что самыя лучшія постановленія избы посольской. Изъ этого выходитъ, что рѣчь посполитая даже и не знаетъ, подъ какими законами живетъ она“ [1]).

Въ статьѣ редактора коммиссіи, изображающей содержаніе сеймовыхъ постановленій, сказано: „великимъ бѣдствіемъ для края было войско, вознаграждавшее себя грабежами, за неисправное полученіе жалованья. Опустошеніе, ими причиняемое, ничѣмъ не было хуже непріятельскаго. Жолнеры предавались распутному своеволію, разоряя крестьянъ и помѣщиковъ постоями и контрибуціями. Выведенныя изъ терпѣнія дворяне волынскіе поручали въ 1649 году посламъ своимъ спросить на варшавскомъ сеймѣ: „долго ли отчизна наша, къ удивленію всѣхъ народовъ, будетъ имѣть въ неустройствѣ войска свои, и долго ли мы этими войсками сами себя воевать будемъ“ [2]).

Объ этомъ же самомъ предметѣ читаемъ у Морачевскаго: „въ 1634 году, весело, говоритъ Альбертъ Радзивилъ, возвращалось войско наше въ отечество, но невесело отчизна принимала его; потому что жолнеры на походѣ, хуже непріятеля, опустошали дворянскія, церковныя и королевскія земли. Они вымогали деньги, брали непомѣрные провіанты, нагружая возы свои, и доходили до такой жестокости, что бѣдныхъ крестьянъ, по недостатку коней, запрягали въ возы, погоняя ихъ кіями и канчуками. Можно было подумать, что идетъ татарская орда, а не христіанское войско; да и дикіе Татары имѣютъ болѣе любви и сострадавія къ ближнему, чѣмъ иногда наши. Особенно Литвѣ дали себя знать Поляки“ [3]).

Изданные коммиссіею акты изображаютъ въ жалкомъ видѣ

---

[1]) Moraczewski, Dz. Rz. Pols. T. VII, стр. 352.

[2]) Архивъ югозапад. Россіи, Ч. II, T. I, стр. XXXII.

[3]) Moraczewski, Dz. Rz. P. Pols., T. VII, стр. 310.

состоянiе югозападной Россiи, по присоединенiи этого края къ Польшѣ. Морачевскiй, описывая войны Хмельницкаго, касается этого предмета слѣдующими словами: „казалось наступила для Поляковъ пора дать отвѣтъ за смертельный въ политическомъ отношенiи грѣхъ, состоявшiй въ томъ, что они, со времени восшествiя на престолъ Сигизмунда III, упустили изъ виду понятiе о справедливости. Смѣшавъ политику съ теологiей, проникшись латинскимъ фанатизмомъ, они попирали религiю и права равносильной Руси, которая, только братствомъ, а не превосходствомъ силы, соединилась съ рѣчью посполитою,—Руси, которая сильно увеличила могущество Польши и считала свое вѣроисповѣданiе такъ же святымъ, какъ Поляки римско-католическое“ [1]).

Вотъ какъ пишетъ о давней Польшѣ настоящiй Полякъ, ревностный патрiотъ и истинный ученый. Теперь мы спросимъ нашихъ обвинителей: чѣмъ эта картина, нарисованная г. Морачевскимъ, свѣтлѣе той, какую представляютъ намъ издаваемые коммиссiею акты, и не въ правѣ ли мы повторить, что все негодованiе отсталыхъ польскихъ патрiотовъ имѣетъ своимъ источникомъ незнанiе отечественной исторiи?

Къ нашему удивленiю, разсмотрѣнная нами статья г. Падалицы, наполненная грубыми ошибками и ложными, ни на чемъ не основанными обвиненiями, была перепечатана въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, газетѣ академической, съ замѣчанiемъ, что нѣкоторыя мысли, въ этой статьѣ изложенныя, не лишены основанiя [2]).

Въ помощь г. Падалицѣ, явилась въ апрѣльской книжкѣ Современника критика на изданный коммиссiею I-й томъ второй части Архива югозападной Россiи. Безыменный критикъ,

---

[1]) Тамъ же стр. 127.

[2]) С. Петербургскiя Вѣдомости 1861 г., № 170.

разбирая это изданіе, заподозрилъ коммиссію въ какихъ-то, какъ онъ выражается, заднихъ цѣляхъ. Это подозрѣніе г. критика опровергается тѣмъ, что означенное выше изданіе, заключающее въ себѣ постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ, было предположено уже въ 1859 году и вошло въ планъ, начертанный коммиссіею для Архива югозападной Россіи и объявленный для всеобщаго свѣдѣнія [1]). Коммиссія, предпринимая изданіе означенныхъ выше матеріаловъ, имѣла не какую-нибудь заднюю, а ту же самую цѣль, какъ и при изданіи другихъ историческихъ матеріаловъ, именно разъясненіе исторіи югозападной Россіи на основаніи несомнѣнныхъ источниковъ.

Предсѣдатель коммиссіи г. Юзефовичъ, въ своемъ объясненіи, приложенномъ къ означенному выше изданію, изъявилъ готовность содѣйствовать каждому, кто пожелалъ бы повѣрять изданія коммиссіи съ оригиналами, хранящимися въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, обязываясь печатать каждый, открытый изслѣдователемъ актъ, свидѣтельствующій въ пользу польскаго начала въ югозападной Россіи [2]). Этимъ словамъ критикъ далъ совершенно ложное толкованіе. Онъ полагаетъ, будто, безъ дозволенія предсѣдателя коммиссіи, нельзя никому дѣлать справки въ центральномъ архивѣ, и разсуждаетъ о неудобствѣ обращаться къ предсѣдателю коммиссіи, прибавляя, что не всякій рѣшится высказывать недовѣрчивость къ коммиссіи, состоящей при высшемъ мѣстномъ начальникѣ. Считаемъ долгомъ увѣрить читателей, что всѣ эти разсужденія не имѣютъ никакого основанія.

Центральный архивъ есть установленіе совершенно отдѣльное отъ кіевской коммиссіи для разбора актовъ и находится въ завѣдываніи правленія университета Св. Владиміра. Для членовъ коммиссіи открытъ входъ въ архивъ на томъ же самомъ

---

[1]) Архивъ югозападной Россіи, Ч. I, Т. I, стр. VIII.

[2]) Тамъ же Ч. II, Т. I, стр. XI.

основаніи, какъ и для всѣхъ другихъ лицъ. Желающіе пользоваться актовыми книгами прямо обращаются къ начальнику архива и могутъ дѣлать повѣрки и выписки, не обращаясь къ предсѣдателю коммиссіи и нисколько не опасаясь высшаго мѣстнаго начальства. Чтобъ облегчить повѣрку изданныхъ коммиссіею актовъ съ оригиналами, критикъ Современника совѣтуетъ размѣстить всѣ изданныя уже коммиссіею дѣла въ рукописяхъ, съ которыхъ они напечатаны, въ шкафахъ за нумерами, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они помѣщены въ изданіи и предоставить каждому приходить и повѣрять. Такой совѣтъ можетъ давать только тотъ, кто не имѣетъ никакого понятія объ устройствѣ архивовъ.

Каждый архивъ слѣдуеть опредѣленному порядку въ размѣщеніи книгъ и рукописей. Какое же право имѣетъ коммиссія требовать, чтобы для нея былъ нарушаемъ установленный въ архивѣ порядокъ? Притомъ распредѣленіе рукописей сообразно съ изданіями коммиссіи было бы совершенно излишнимъ, потому что подъ каждымъ актомъ, напечатаннымъ въ изданіяхъ коммиссіи, озгачено, въ какой книгѣ и на какой страницѣ находится отыскиваемый актъ. По этому указанію, рукопись немедленно отыскивается и вручается, безъ всякихъ затрудненій, требователю. Въ справедливости всего нами сказаннаго каждый можетъ удостовѣриться собственнымъ опытомъ.

Мнѣніе критика на счетъ состоянія югозападной Россіи подъ владычествомъ Польши во многомъ согласны съ тѣми результатами, какіе вытекаютъ изъ актовъ, изданныхъ коммиссіею. Критикъ предполагаетъ извѣстнымъ и даже слишкомъ извѣстнымъ, „что въ западной и южной Россіи существовала боязнь и оппозиція противъ окончательнаго соединенія съ Польшею на люблинскомъ сеймѣ, что соединеніе послѣдовало съ гарантіею вѣры, языка и обычая со стороны Польши и что, въ слѣдъ за тѣмъ, начались іезуитскія махинаціи противъ вѣры,

дворянство передѣлалось въ Поляковъ и католиковъ, а угнѣтеніе народа произвело козацкую революцію, что понятіе о равенствѣ гражданскихъ правъ сосредоточилось на одномъ шляхетскомъ классѣ, а остальная масса была повержена къ крайнее порабощеніе" [1]). Соглашаясь во всемъ этомъ съ коммиссіею, критикъ Современника, въ слѣдъ за г. Падалицею, все таки упрекаетъ ее въ пристрастіи и односторонности, требуя, чтобъ она изобразила „вѣрную и подробную картину состоянія края и народнаго быта до соединенія съ Польшею, чтобъ она представила совокупность понятій, убѣжденій, вѣрованій—всего, что входило въ кругъ тогдашняго народнаго образованія" [2]). Мы уже замѣтили выше, въ какой степени такое требованіе несправедливо. Для устраненія подобныхъ упрековъ и притязаній на будущее время, мы повторяемъ, что коммиссія не имѣетъ своею задачею писать полную исторію Польши и югозападной Руси, а издаетъ только историческіе матеріалы, излагая ихъ содержаніе въ статьяхъ, прилагаемыхъ къ каждому тому.

Издавая постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ, коммиссія полагала, что она этимъ изданіемъ доставляетъ исторіи несомнѣнныя свѣдѣнія, изображающія общественный бытъ рѣчи посполитой въ XVII вѣкѣ. Не такъ думаетъ критикъ Современника: онъ полагаетъ, что нельзя вѣрно представить быть страны по памятникамъ повседневной общественной письменности края, пользовавшагося свободою слова, и въ доказательство своего мнѣнія ссылается на Англію. Еслибы, говоритъ критикъ, собрать все дурное, что Англичане пишутъ и говорятъ о себѣ, то Англія представлялась бы самою печальною въ мірѣ страною [3]).

[1]) Современникъ 1861 г., № IV, стр. 441.

[2]) Тамъ же стр. 443.

[3]) Тамъ же стр. 441.

Приведенный критикомъ примѣръ Англичанъ нисколько не уменьшаетъ исторической важности и достовѣрности результатовъ, вытекающихъ изъ сеймовыхъ постановленій. Англичане стараются разъяснить свое прошедшее въ его истинномъ свѣтѣ, не увлекаясь ложнымъ патріотизмомъ, не боясь отыскивать дурныя стороны въ исторіи народа. Для этого они пользуются всѣми возможными памятниками, отечественными и иностранными, частными и оффиціальными, лишь бы только эти памятники были достовѣрны. Доказательствомъ можетъ служить исторія Маколея, въ которой самыми черными красками изображается продажность парламента, безсовѣстность судей, религіозная нетерпимость государей и поразительная испорченность высшаго сословія.

Изображая состояніе парламента при Вильгельмѣ III, англійскій историкъ говоритъ, что въ вѣдомствѣ государственнаго казначейства состояло особое бюро, гдѣ члены парламента открыто продавали свои голоса правительству, и что существованіе этого бюро такъ же хорошо было извѣстно каждому Англичанину, какъ существованіе рынка для продажи скота въ Смитфильдѣ.

Актовыя книги XVII вѣка, въ которыхъ вписывались политическія судебныя дѣла, составляютъ, по мнѣнію Маколея, самую ужасную лѣтопись низости и разврата, какая только можетъ существовать на свѣтѣ. Король, чтобъ избавиться отъ противурѣчившихъ ему безпокойныхъ сановниковъ, употреблялъ клятвопреступныхъ свидѣтелей, избранныхъ по его произволу присяжныхъ и продажныхъ наглыхъ судей. До революціи 1688 года, суды въ Англіи были грязными бойнями, куда каждая партія тащила поочередно своихъ противниковъ, и гдѣ каждая находила однихъ и тѣхъ же продажныхъ и свирѣпыхъ мясниковъ, ожидавшихъ обычныхъ посѣтителей. Папистъ или протестантъ, тори или вигъ, священникъ или ольдерманъ, все

было одинаково для этихъ жадныхъ и дикихъ натуръ, лишь бы была возможность наживать деньги и проливать кровь. При такомъ состояніи судовъ, ничего нѣтъ удивительнаго, что въ царствованіе одного Генриха VIII, современника польскихъ королей Александра и Сигизмунда I, 27,000 людей погибло отъ руки палача.

Религіозная нетерпимость королевы Елисаветы, современницы Сигизмунда Августа, Стефана Баторія и Сигизмунда III, простиралась до того, что отправленіе богослуженія по обрядамъ римско-католической церкви запрещалось подъ страхомъ конфискаціи имѣнія и тюремнаго заключенія; а если кто обращалъ протестанта въ римско-католическую вѣру, то совратитель и совращенный подвергались смертной казни, какъ за государственную измѣну.

Изображая испорченность англійскаго общества при Карлѣ II, современникѣ Яна Казиміра, Маколей говоритъ: „распутство стало доказательствомъ преданности престолу, условіемъ для достиженія почестей и должностей. Глубокое и всеобщее растлѣніе поразило нравственность самыхъ вліятельныхъ классовъ общества и распространилось на всѣ отрасли литературы. Кутежи того вѣка напоминаютъ намъ остроумныя выходки какой-нибудь шайки разбойниковъ, пирующихъ въ кабакѣ съ своими красавицами. Въ шалостяхъ высшаго круга проявляется какое-то грубое, холодное звѣрство, какое-то безстыдство, какая-то низость и грязность, которымъ нѣчто подобное можно найдти развѣ у героевъ и героинь грязной, безчувственной литературы, поощрявшей подобныя явленія“.

Вотъ какъ описываетъ великій англійскій историкъ состояніе своего отечества, на основаніи оффиціальныхъ актовъ и сказаній своихъ соотечественниковъ! Въ сравненіи съ этою картиною, изображеніе рѣчи посполитой, составленное редакторомъ кіевской коммиссіи на основаніи сеймовыхъ постановле-

ній, является только блѣдною тѣнью; а между тѣмъ никто изъ Англичанъ не думаетъ упрекать Маколея въ пристрастіи и недоброжелательствѣ, а напротивъ, его исторія пользуется огромною популярностію. Такъ станемъ же подражать Англичанамъ и ихъ великому историку, не будемъ сердиться за правду, какъ бы она горька ни была, но будемъ выводить на свѣтъ божій все, что было хорошаго и дурнаго, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Россіи. Этимъ только путемъ мы достигнемъ истиннаго самопознанія, а самопознаніе есть первое условіе мирнаго прогресса какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни.

Критикъ Современника, согласно съ г. Падалицею, особенно нападаетъ на мнѣніе, высказанное редакторомъ коммиссіи на счетъ присоединенія югозападной Россіи къ Польшѣ на люблинскомъ сеймѣ. Но это мнѣніе критикъ Современника передаетъ не совсѣмъ вѣрно, приписывая редактору коммиссіи мысль, что люблинская унія была источникомъ в с ѣ х ъ бѣдствій югозападной Россіи, единственною причиною всего, что только было дурнаго въ этомъ краѣ въ XVI и XVII вѣкѣ, и что будто бы эта мысль есть единственный предметъ, на которомъ сосредоточено все вниманіе сочинителя. Такое обвиненіе доказываетъ только, что критикъ не вникнулъ въ содержаніе статьи редактора коммиссіи. Въ этой статьѣ опредѣляется вопервыхъ федеративный характеръ соединенія Литвы и югозападной Россіи съ Польшею въ 1385 году, затѣмъ слѣдуетъ люблинская унія и ея послѣдствія, потомъ изображается борьба западнорусскаго дворянства за русскій языкъ и православную вѣру, наконецъ причины, содѣйствовавшія къ полонизированію западнорусскаго дворянства и къ ослабленію русскихъ элементовъ въ этомъ сословіи. На каждый изъ этихъ предметовъ обращено вниманіе, и о каждомъ изъ нихъ изложены главнѣйшія свѣдѣнія, какія можно было извлечь изъ историческихъ матеріаловъ, изданныхъ коммиссіею и пополненныхъ другими источниками.

Обвиненіе редактора коммиссіи въ томъ, будто онъ считаетъ люблинскую унію источникомъ всѣхъ бѣдствій и всего дурнаго въ югозападной Россіи, совершенно несправедливо. Невыгоды, какимъ подвергся этотъ край, извлечены редакторомъ изъ сеймовыхъ постановленій и подробно изчислены, на основаніи жалобъ западнорусскаго дворянства. Эти невыгоды заключались въ своеволіи магнатовъ, захватывавшихъ въ свои руки власть законодательную, въ несправедливой раздачѣ староствъ и высшихъ государственныхъ должностей, въ противузаконныхъ дѣйствіяхъ власти судебной и исполнительной, въ неистовствахъ жолнеровъ и въ преслѣдованіи православной религіи [1]). Всѣ эти невыгоды изображены со словъ дворянства, излагавшаго свои мысли въ инструкціяхъ посламъ, отправлявшимся на генеральный варшавскій сеймъ. Излагая жалкое положеніе края послѣ люблинской уніи, редакторъ коммиссіи представилъ выписку изъ сеймоваго постановленія, въ которой дворянство волынское изображаетъ свое положеніе мрачными красками. Это сеймовое постановленіе относится къ 1622 году. Къ несчастію, вмѣсто 1622 по ошибкѣ напечатанъ 1522 годъ. Эта опечатка подала поводъ критику Современника обвинить редактора коммиссіи въ томъ, будто онъ намѣренно искажаетъ историческую истину, потому что, изображая невыгоды люблинскаго соединенія, бывшаго въ 1569 году, онъ заимствуетъ доказательства изъ временъ, далеко предшествовавшихъ этому событію, то есть изъ акта 1522 года. Если бы критикъ Современника основательно зналъ исторію, то онъ легко догадался бы, что 1522 годъ напечатанъ по ошибкѣ, такъ какъ въ этомъ году провинціальные сеймы въ югозападной Россіи еще не существовали; притомъ же, стоило только критику взглянуть на выноску, помѣщенную подъ текстомъ [2]), и онъ

---

[1]) Ар. ю. з. Р. Ч. II, Т. I, стр. XXIV.

[2]) Ар. ю. з. Р. Ч. II, Т. I, стр. XXXIII.

увидѣлъ бы, что означенная выше выписка заимствована изъ сеймоваго постановленія 1622 года.

О самомъ люблинскомъ сеймѣ, на которомъ постановлено было соединеніе Польши съ югозападною Россіею, критикъ имѣетъ невѣрное понятіе. Коммиссія напечатала открытый ею въ актовыхъ луцкихъ книгахъ универсалъ, которымъ король Сигизмундъ Августъ повелѣлъ дворянству согласиться на присоединеніе къ Польшѣ и подтвердить это согласіе присягою, угрожая непослушнымъ конфискаціею имѣнія. Тамъ же приложенъ и присяжный листъ, изъ котораго видно, что весьма значительное число дворянъ, и притомъ представителей знатнѣйшихъ дворянскихъ родовъ, не явились къ присягѣ, не смотря на угрозу [1]. Изъ этого весьма естественно выводится заключеніе, что присоединеніе югозападной Россіи къ Польшѣ нельзя назвать добровольнымъ, такъ какъ оно вынуждено было королевскою угрозою. Критикъ Современника смотритъ иначе на это обстоятельство. Онъ полагаетъ, что означенный выше универсалъ есть только актъ распорядительный, понуждающій къ исполненію того, что уже было рѣшено законодательною властію сейма. Стоитъ только взглянуть въ акты, относящіеся къ люблинскому сейму, напечатанные въ Volumina Legum, чтобъ убѣдиться въ неосновательности этого мнѣнія. Означенный выше универсалъ данъ былъ королемъ 25 мая 1569 года. На другой день, то есть 26 мая 1569 года, когда дворяне не могли еще получить этого универсала, подписана была королевская грамота о присоединеніи земли волынской къ Польшѣ. Сигизмундъ Августъ объявляетъ въ этой грамотѣ, что онъ присоединяетъ землю волынскую къ Польшѣ, по собственному замышленію и по доброй своей волѣ (z pewney wiadomośći naszey, a z woli uprzeymey a osobliwey), съ добровольнаго согласія всѣхъ со-

---

[1]) Тамъ же стр. I.

словій земли волынской [1]). Универсалъ 1569 г. мая 25, напечатанный коммиссіею, тѣмъ и важенъ, что онъ совершенно опровергаетъ эту послѣднюю фразу короля о мнимомъ согласіи дворянства и тѣмъ самымъ подрываетъ то основаніе, на которомъ Сигизмундъ Августъ хотѣлъ утвердить предпринятое имъ по произволу, безъ участія сейма, соединеніе Польши и югозападной Россіи. Только спустя нѣсколько мѣсяцовъ, именно 11 августа 1569 года, королевская воля была утверждена люблинскимъ сеймомъ [2]). Изъ этого ясно видно, что изданный коммиссіею универсалъ 1569 мая 25 не былъ только актъ распорядительный, понуждавшій къ исполненію сеймоваго постановленія, какъ думаетъ критикъ, напротивъ того, онъ предшествовалъ какъ королевской грамотѣ о присоединеніи земли волынской къ Польшѣ, такъ и сеймовому постановленію, подтвердившему эту грамоту.

Обвиняя русскихъ писателей въ томъ, что они не обращаютъ вниманія на выгоды, происходившія для югозападной Россіи отъ соединенія съ Польшею, критикъ Современника принялъ на себя трудъ открыть эти выгоды въ исторіи Польши и представить ихъ русскимъ историкамъ. Важнѣйшею выгодою онъ считаетъ „сознательное право земли заявлять свободный свой голосъ, излагать свои нужды, свои мнѣнія о положеніи, о потребностяхъ общаго отечества и своего роднаго края“. Противъ этого можно замѣтить, что если подъ словомъ земля разумѣть всѣ сословія государства или извѣстнаго края, то право земли свободно заявлять свой голосъ о нуждахъ и потребностяхъ края никогда не существовало ни въ Польшѣ, ни въ югозападной Россіи. Это право принадлежало одному только шляхетскому сословію, которое и воспользовалось своею привилегіею для того, чтобы захватить въ свою пользу исключительныя преимущества, вредныя для цѣлаго государства и для всѣхъ прочихъ сословій.

[1]) Vol. Legg. II, pag. 754.

[2]) Тамъ же pag. 776 и 780.

Для уразумѣнія древняго устройства рѣчи посполитой, нужно обращать вниманіе на двѣ области, которыя въ благоустроенныхъ государствахъ должны сливаться въ одно цѣлое, но которыя въ давней Польшѣ расходились одна отъ другой на далекое разстояніе. Подъ этими областями мы разумѣемъ, вопервыхъ, основныя начала права, вошедшія въ древнее польское законодательство, и, вовторыхъ, явленіе этихъ началъ въ дѣйствительной жизни. Если мы будемъ разсматривать соціальныя начала рѣчи посполитой въ одной отвлеченной области права, независимо отъ дѣйствительной жизни, то найдемъ тамъ: свободу, равенство, самоуправленіе, вѣротерпимость и другія понятія, къ осуществленію которыхъ стремятся въ настоящее время цивилизированныя государства. Разсматривая съ этой стороны исторію Польши, мы можемъ оправдать идеалистическій взглядъ Мицкевича на устройство рѣчи посполитой. Но если станемъ искать означенныхъ нами началъ въ дѣйствительной жизни западнорусскаго народа, то мы или вовсе не найдемъ ихъ, или найдемъ въ странно искаженномъ видѣ. Вмѣсто свободы, мы найдемъ разрушительное своеволіе, вмѣсто равенства—деспотизмъ немногихъ аристократовъ, вмѣсто самоуправленія—неустройство судовъ и безсиліе въ исполненіи судебныхъ приговоровъ, вмѣсто вѣротерпимости—религіозный фанатизмъ и преслѣдованія иновѣрцевъ. Всѣ эти недостатки и рѣзкій контрастъ между правомъ и дѣйствительностію весьма ясно изображаются въ изданныхъ коммиссіею постановленіяхъ провинціальныхъ сеймовъ. Разсматривая съ этой стороны исторію Польши, Маколей характеризуетъ рѣчь посполитую тремя слѣдующими чертами: кукольный государь, буйствующій сеймъ и народъ, погруженный въ рабство (a puppet sovereign, a turbulent diet, and an enslaved people). [1]).

---

[1]) Coll. of British authors. Tauchnitz edition. Vol. 337, p. 297.

Также точно и на право шляхты заявлять свой голосъ въ общественныхъ дѣлахъ мы должны смотрѣть съ двоякой стороны: въ отвлеченной области польскаго законодательства это право представляется весьма важнымъ; но въ дѣйствительной жизни оно является въ искаженномъ видѣ и потому имѣло многія вредныя послѣдствія для югозападной Россіи. Органами для выраженія общественнаго мнѣнія въ первой инстанціи служили провинціальные сеймы; но въ этихъ законосовѣщательныхъ собраніяхъ голосъ шляхты былъ подавляемъ своеволіемъ немногихъ аристократовъ. Извѣстный уже намъ польскій историкъ Морачевскій говоритъ объ этомъ предметѣ: „Провинціальные сеймы великаго княжества литовскаго производили дѣла не въ духѣ польской вольности; имъ оказывали сопротивленіе князья и сильные паны. На генеральномъ сеймѣ 1569 года поданы были жалобы, что на провинціальные сеймы съѣзжаются только воевода, староста и хорунжій. Эти лица пишутъ что имъ угодно, и разсылаютъ по домамъ шляхтѣ, для приложенія печатей; а которые отказываются приложить печати, тѣмъ грозятъ кіями“ [1]). Въ XVII вѣкѣ, провинціальные сеймы достигаютъ большаго развитія, какъ это можно видѣть изъ актовъ, изданныхъ коммиссіею, но зато опредѣленія дворянъ, постановленныя этими законосовѣщательными собраніями, мало принимались въ уваженіе генеральными варшавскими сеймами. Дворянство волынское говорило чрезъ пословъ своихъ на варшавскомъ сеймѣ въ 1645 году: „зѣница вольностей нашихъ есть посольская изба; но въ настоящее время осталась одна только тѣнь этого установленія. Въ дѣйствительности шляхта исключена изъ сейма, безполезно гибнутъ благороднѣйшія желанія республики, гибнутъ какъ инструкціи, даваемыя шляхтою посламъ на варшавскій сеймъ, такъ и проэкты законовъ, пред-

---

[1]) Moraczewski, Dz. Rz. P. Pols. T. VI, p. 158.

лагаемыхъ шляхтою въ посольской избѣ“ [1]). Изъ этого можно заключить, что голосъ шляхты и заявленіе частныхъ и общественныхъ потребностей не были выраженіемъ народнаго духа, что этотъ голосъ терялся среди всеобщаго разстройства, возбуждая одно только неудовольствіе, выражавшееся протестами на сеймахъ, мятежными рокошами и конфедераціями. Поэтому мы весьма сомнѣваемся, чтобы право подавать голосъ, предоставленное одному сословію и притомъ въ такомъ искаженномъ видѣ, можно было считать, какъ полагаетъ критикъ Современника, важнѣйшею выгодою, которою наслаждалась югозападная Россія, по соединеніи съ Польшею на люблинскомъ сеймѣ.

Вторая выгода, которою пользовалась, по мнѣнію критика, югозападная Русь вслѣдствіе соединенія съ Польшею, состояла въ благотворномъ распространеніи просвѣщенія іезуитами. Не будемъ разсуждать о благотворности іезуитскаго образованія; надъ этимъ образованіемъ уже произнесла судъ свой исторія. Замѣтимъ только, что критикъ, считая іезуитское образованіе благотворнымъ для югозападной Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ изчисляетъ его гибельныя послѣдствія и, такимъ образомъ, впадаетъ въ явное противурѣчіе: „іезуиты, говоритъ критикъ, въ короткое время успѣли, посредствомъ воспитанія и реформированія понятій, не только поддержать падающее католичество, но и распространить его между тѣми, которые его не исповѣдывали, бросить въ понятіе религіозный фанатизмъ и подорвать въ русскомъ дворянствѣ православную вѣру и старинную народность“ [2]). Нельзя не согласиться съ такимъ мнѣніемъ о послѣдствіяхъ іезуитскаго образованія, но мы сомнѣваемся, чтобы югозападная Русь была за это благодарна Польшѣ. Защищая важность іезуитскаго образованія, критикъ подтверждаетъ свое

---

[1]) Арх. югозападной Россіи, Ч. II, Т. I, стр. XXV.

[2]) Совр. стр. 443.

мнѣніе тѣмъ, что будто бы князь Константинъ Острожскій отдавалъ похвалу іезуитской системѣ воспитанія (445). Эта мысль совершенно противна общепринятому мнѣнію, что князь Константинъ Острожскій послѣдніе годы своей жизни провелъ въ борьбѣ съ іезуитами, что, противудѣйствуя ихъ гибельному вліянію, онъ учреждалъ православныя училища, выписывалъ ученыхъ Грековъ, заводилъ типографіи и печаталъ славянскія книги, для поддержанія православія и русской народности. Мы полагаемъ, что критикъ открылъ какіе-нибудь новые историческіе матеріалы, на основаніи которыхъ онъ отвергаетъ общепринятое мнѣніе; но пока эти матеріалы сдѣлаются извѣстными, мы приведемъ слѣдующія слова изъ письма князя Константина Острожскаго къ львовскому православному братству. Поручая надзоръ за своимъ сыномъ этому братству, князь писалъ: „Бога ради попеченіе всяко сотворите, да не имутъ въ немъ (т. е. въ его сынѣ) части ни единыя езуиты“ [1]).

Теперь мы спросимъ, къ какимъ результатамъ привели критика всѣ усилія открыть и доказать выгоды, доставшіяся на долю югозападной Россіи отъ соединенія съ Польшею въ 1569 году? Невыгоды: „іезуитскія махинаціи противъ вѣры, преобразованіе западнорусскаго дворянства въ Поляковъ и католиковъ, угнѣтеніе народа, бывшее причиною козацкой революціи (стр. 141)“. Выгоды: сомнительное, вредное на практикѣ право подавать голосъ на сеймахъ, предоставленное одной шляхтѣ во вредъ другимъ сословіямъ, и іезуитское образованіе, которое, по словамъ критика, бросило въ понятія народа религіозный фанатизмъ и подорвало въ русскомъ дворянствѣ православную вѣру и старинную народность. Итогъ, по нашему мнѣнію, весьма невыгодный для югозападной Россіи. Этотъ перевѣсъ невыгодъ надъ выгодами чувствовала не только Русь,

---

[1]) Кіевлянинъ, Т. I, стр. 48.

но и Литва, хотя этотъ край находился въ меньшей зависимости отъ польскаго правительства. Въ 1700 году, когда прошло почти полтораста лѣтъ послѣ люблинской уніи, литовскіе дворяне подали адресъ королю Августу II, прося его отдѣлить великое княжество литовское отъ Польши и принять надъ нимъ самодержавную власть. Въ этомъ адресѣ дворяне говорили: „Вникнувъ въ первоначальную судьбу и дѣянія народа литовскаго, мы видимъ, что нѣкогда предки наши, рыцарство великаго княжества литовскаго, были гораздо счастливѣе, когда они, какъ вѣрные подданные, состояли подъ властію одного государя и монарха. Распространяя свои границы въ длину и ширину, они были страшны пограничнымъ народамъ и монархамъ, увеличивали, сохраняли и удерживали въ своей власти замки, города, крѣпости, староства и имѣнія. Но потомъ, когда сладкое и ни къ чему доброму не ведущее желаніе вольности, по малодушію властителей, проникло изъ Польши въ славный народъ литовскій, когда предоставлено было каждому свободное право отвергать сеймовыя постановленія (liberum jus vetandi) и чрезъ то открыто было свободное поле для борьбы всѣхъ партій: тотчасъ княжество литовское начало слабѣть и коробиться въ своихъ границахъ. Сильнѣйшіе превозмогали надъ слабѣйшими, не исполнялись права и уставы ни божескіе, ни человѣческіе, и такое состояніе продолжалось до настоящаго времени. Чрезъ это политическое своеволіе, или вольность, принесенную къ намъ въ приданое изъ краевъ польскихъ, мы совершенно погибли и спасти себя не можемъ [1])“.

Отвергая выгоды, какія находятъ г. Падалица и безыменный критикъ Современника въ люблинской уніи, мы вовсе не хотимъ сказать, что это событіе не имѣло никакой важности.

---

[1]) Dzieje narodu Litewskiego prz. Teodora Narbuta. T. IX. Dodatki, str. 24.

Вслѣдствіе внутренней борьбы, слѣдовавшей за присоединеніемъ югозападной Россіи къ Польшѣ, составныя части рѣчи посполитой до того ослабѣли, что король Янъ Казиміръ, уже въ 1661 году, на варшавскомъ сеймѣ, могъ предсказать раздѣленіе этого государства между сосѣдними державами [1]) и указалъ на соединеніе польскаго народа съ великорусскимъ, какъ на средство къ поддержанію политическаго существованія Польши [2]). Это ослабленіе рѣчи посполитой дало возможность

[1]) Moraczewsky, Dz. Rz. Posp. Pols., T. X, стр. 45.

[2]) Эта мысль выражена въ слѣдующемъ королевскомъ универсалѣ, данномъ дворянству волынскому:

Янъ Казиміръ и пр. Всѣмъ вообще и каждому особо, кому о томъ вѣдать надлежитъ, а именно: велебнымъ, вельможнымъ, благороднымъ, дигнитаріямъ, урядникамъ, старостамъ, державцамъ и всему рыцарству и обывателямъ воеводства волынскаго и повѣтовъ его, искренно и вѣрно намъ милымъ. Объявляемъ, что мы, тотчасъ по окончаніи коммиссіи виленской, постоянно и искренно желали назначить генеральный коронный сеймъ для окончанія начатаго съ его милостію царемъ московскимъ дѣла и прочнаго успокоенія, чтобы на этомъ сеймѣ постановить окончательный миръ съ царскимъ величествомъ и народомъ московскимъ, происходящимъ отъ одной славянской крови, близкимъ къ народу польскому дѣяніями прежнихъ лѣтъ, одеждой, языкомъ и религіею, на конфузію всѣхъ сосѣднихъ народовъ, завидующихъ всему славянскому племени. Но этого святаго намѣренія мы не могли привести къ желанному концу въ настоящее безпокойное время, по причинѣ безпрерывныхъ войнъ, шведскихъ и венгерскихъ. Теперь, когда мы, по милости божіей, изгнали непріятелей нашихъ изъ большей части государствъ нашихъ, мы вознамѣрились привести въ исполненіе вышеозначенное доброе дѣло, полезное всему славянскому народу. Вслѣдствіе чего симъ универсаломъ нашимъ мы назначаемъ вѣрностямъ вашимъ генеральный шестинедѣльный сеймъ, безъ всякихъ торжествъ, на десятый день іюля (потому что срокъ, назначенный на 28 число

западнорусскому народу отдѣлиться отъ Польши и войти въ составъ восточной Россіи. Разсматривая люблинскую унію съ этой стороны, мы должны допустить, что отдаленнымъ и окончательнымъ результатомъ этого событія было возсоединеніе разрозненнаго русскаго міра въ одно могущественное государство; въ этомъ смыслѣ соединеніе Польши съ югозападною Россіею на люблинскомъ сеймѣ дѣйствительно имѣетъ громадное, всеміроисторическое значеніе.

мѣсяца іюня, мы должны были отложить, чтобы тѣмъ удобнѣе могли съѣхаться на сеймъ великіе послы его царскаго величества). А провинціальный сеймъ воеводству вашихъ вѣрностей мы назначаемъ на 21 день мѣсяца іюня, искренно желая, чтобы ваши вѣрности, съѣхавшись на этотъ провинціальный сеймъ, выбрали и послали на наступающій генеральный сеймъ уполномоченныхъ пословъ, людей достойныхъ и разсудительныхъ, и чтобы вы поручили посламъ своимъ исполнить на ближайшемъ сеймѣ все то, что вѣрностямъ вашимъ предложено будетъ нашимъ именемъ для окончательнаго примиренія съ царскимъ величествомъ, для желаннаго въ теченіе многихъ вѣковъ соединенія славянскихъ народовъ, и для безопасности рѣчи посполитой. Не сомнѣваясь, что ваши вѣрности захотите сообразоваться, въ настоящемъ случаѣ, съ нашею волею и нашимъ намѣреніемъ, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣрены, что вы будете слѣдовать нашей инструкціи и въ иныхъ дѣлахъ и потребностяхъ, необходимыхъ для дѣйствительнаго спасенія отечества. А чтобъ этотъ универсалъ нашъ дошелъ скорѣе до свѣдѣнія всѣхъ вѣрностей вашихъ, мы повелѣваемъ урядамъ гродскимъ публиковать его въ надлежащихъ мѣстахъ; а для большей вѣры, мы приказали, при собственноручной подписи нашей, приложить печать нашу. Дано въ Дубѣску, 21 мая, года отъ рождества христова 1658, въ IX году царствованія нашего польскаго и шведскаго. Янъ Казиміръ король. Книга гродская луцкая 1658 года, № 70, листъ 857 на оборотѣ.

Послѣднее возраженіе, сдѣланное безыменнымъ критикомъ Современника редактору коммиссіи, касается сходства между западнорусскимъ и великорусскимъ нарѣчіями. Редакторъ коммиссіи, говоря объ усиліяхъ западнорусскаго дворянства сохранить свой родной языкъ, замѣтилъ, что „въ оффиціальныхъ актахъ до шестнадцатаго вѣка западнорусскій языкъ почти сходенъ съ современнымъ ему языкомъ восточной Россіи, и что съ XVI вѣка западнорусскій языкъ начинаетъ заимствовать изъ польскаго языка слова вмѣстѣ съ грамматическими формами [1]“. Эта мысль представлена въ критической статьѣ Современника въ слѣдующемъ искаженномъ видѣ: „г. Иванишевъ говоритъ, что въ оффиціальныхъ актахъ шестнадцатаго вѣка западнорусскій языкъ почти во всемъ сходенъ съ языкомъ восточной Россіи“. Чтобъ опровергнуть мысль редактора коммиссіи о сходствѣ западнорусскаго языка съ современнымъ ему языкомъ восточной Россіи, критикъ представилъ двѣ выписки изъ рукописей XV и XIV вѣка: но эти выписки, нисколько не опровергая сходства между двумя отраслями русскаго языка, доказываютъ только неопытность критика въ чтеніи древнихъ рукописей. Въ рукописи стоитъ: „чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ...... кто на нь возритъ, или его чтучи услышитъ, комужъ коли его будетъ потребно“. Критикъ читаетъ: „чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ.... хто на нь возритъ или чтучи ея услышитъ, комужъ коли его будетъ потребитна“. Вмѣсто: „и такожъ что въ тыхъ именьяхъ собѣ примыслитъ“, критикъ читаетъ: „и такѣ што въ тыхъ имѣніяхъ собѣ примыслитъ“. Вмѣсто: „и такожъ съ луги, и зъ дубровами и сѣножатми“, критикъ читаетъ: „и такѣ слуги и съ дубровами и виножатыми“. Вмѣсто: „можетъ собѣ полѣпшивати (т. е. улучшать)“, критикъ читаетъ: „можетъ собѣ

[1]) Архивъ югозападной Россіи, Ч. II, Т. I, стр. XLI.

налептовати" и т. д. (стр. 447). Въ справедливости нашихъ поправокъ каждый можетъ удостовѣриться, прочитавъ грамоту Свидригайла, напечатанную въ Актахъ западной Россіи, Т. I, № 48, стр. 36. Представивъ текстъ западнорусской рукописи въ такомъ искаженномъ видѣ, критикъ спрашиваетъ: неужели г. Иванишевъ полагаетъ, что языкъ этой рукописи похожъ на современный ему языкъ восточной Россіи? Для рѣшенія этого вопроса, нужно прежде всего выучиться правильно читать западнорусскія рукописи, и тогда сходство между означенными отраслями русскаго языка окажется несомнѣннымъ. Въ представленной критикомъ выпискѣ изъ акта 1438 года заключается около 200 словъ; въ числѣ ихъ можно найти не болѣе четырнадцати словъ, не употреблявшихся въ языкѣ восточной Россіи (хто, чинимъ знаменито, напотомъ, неопущенный, ижъ, нигды, порадившисе, знаменавъ, съ радою, зъ, слушало, полѣпшивати, веремяны). Въ выпискѣ изъ акта 1361 года въ числѣ 62 словъ можно указать не болѣе четырехъ словъ, не употреблявшихся въ языкѣ восточной Россіи (обличье, тогды, пожадалъ, абыхмо); все прочее, какъ слова, такъ и грамматическія формы совершенно сходны. Неужели послѣ этого редакторъ коммиссіи не могъ сказать, что въ оффиціальныхъ актахъ до XVI вѣка западнорусскій языкъ почти во всемъ сходенъ съ современнымъ ему языкомъ восточной Россіи?

Разсмотрѣнная нами критическая статья Современника возбудила сильное сочувствіе нѣкоторыхъ польскихъ писателей, особенно извѣстнаго уже намъ г. Падалицы (Зенона Фиша) и редакторовъ журнала, издаваемаго въ Варшавѣ подъ заглавіемъ Библіотеки Варшавской.

Въ Виленскомъ Вѣстникѣ 1861 года, № 35, г. Падалица призналъ статью Современника критикою ученаго историка россійскаго, утверждая, что, послѣ совѣстливыхъ изслѣдованій Соловьева, не было напечатано ни одного такого дѣльнаго и

умнаго разсужденія объ исторіи Руси и ея отношеніи къ Польшѣ. Въ этомъ убѣжденіи г. Падалица внесъ въ свою статью почти всѣ критическія изслѣдованія Современника, со всѣми ошибками. Онъ даже переписалъ польскими буквами выписки изъ рукописей, которыми критикъ Современника хотѣлъ доказать несходство западнорусскаго языка съ языкомъ восточной Россіи, повторивъ и слова, изобрѣтенныя критикомъ: потребитна, налѣптовати и пр.

Признавъ за непреложную истину взглядъ Современника на исторію югозападной Россіи, на отношеніе этого края къ Польшѣ и на тѣ благодѣянія, какими наслаждался этотъ край подъ властію Польши, г. Падалица счелъ нужнымъ, при этомъ случаѣ, подвергнуть кіевскую коммиссію и ея главныхъ дѣятелей новымъ обвиненіямъ. Поводомъ къ этимъ обвиненіямъ послужило слѣдующее обстоятельство. Коммиссія, печатая постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ въ югозападной Россіи, приложила къ нимъ двѣ передовыя статьи: одна изъ нихъ, излагающая содержаніе сеймовыхъ постановленій, написана редакторомъ коммиссіи Иванишевымъ, другая—предсѣдателемъ коммиссіи Юзефовичемъ. Эти двѣ статьи напечатаны были особыми оттисками въ числѣ 500 экземпляровъ и изданы особою брошюрою, для раздачи преимущественно тѣмъ лицамъ, которыя не могутъ читать подлинныхъ актовъ, по незнанію польскаго и западнорусскаго языковъ, на которыхъ эти акты написаны. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, г. Падалица объявилъ въ своей статьѣ, что предсѣдатель коммиссіи и редакторъ обманули публику, что ссылки въ статьѣ редактора, излагающей содержаніе сеймовыхъ постановленій, ложны, что въ этихъ актахъ заключается совсѣмъ не то, что излагаетъ въ своей статьѣ редакторъ коммиссіи, что, для распространенія такого обмана, коммиссія публиковала сначала брошюру, заключающую въ себѣ статьи предсѣдателя и редактора коммиссіи,

а полное изданіе, заключающее въ себѣ акты, на которые вышеозначенныя статьи основываются, вышло въ свѣтъ нѣсколькими мѣсяцами позже, и это будто сдѣлано съ тою цѣлію, чтобы читавшіе брошюру не имѣли возможности свѣрить ее содержаніе съ актами, на которыхъ она основана. По мнѣнію г. Падалицы, даже русскія повременныя изданія были введены въ обманъ смѣлыми ссылками редактора коммиссіи на акты и ограничились рецензіями одной только брошюры, не свѣривъ ея съ подлинными документами [1]). Такъ какъ увѣренія г. Па-

[1]) Приведемъ слова самого г. Падалицы, такъ какъ неблагородный поступокъ этого фельетониста можетъ показаться невѣроятнымъ для нашихъ читателей: »нужно знать, говоритъ г. Падалица, что брошюра, составленная изъ статей г. Иванишева и г. Юзефовича, не прошла незамѣченною въ русской литературѣ. С.-Петербургскія Вѣдомости напечатали о ней замѣтку на первыхъ столбцахъ и тѣмъ дали ей дѣйствительное значеніе. Другія повременныя изданія, не входя въ подробный разборъ, вполнѣ повѣрили словамъ поименованныхъ выше господъ и, обманутые ссылками г. Иванишева на акты, изданные вмѣстѣ съ брошюрою, не подозрѣвали, что эти акты заключаютъ въ себѣ нѣчто совершенно другое, нежели то, что говоритъ о нихъ профессоръ. И то еще нужно знать, что брошюра выдана была еще тогда, когда не было окончено печатаніе актовъ, такъ что ее читали и объ ней писали, когда никто не имѣлъ еще подъ рукою документовъ, чтобы свѣрить съ ними брошюру. Самая книга уже вышла въ свѣтъ нѣсколькими мѣсяцами позже. Словомъ, русскіе газеты и журналы, не углубляясь въ подробности, и видя обоихъ тѣхъ господъ (т. е. Юзефовича и Иванишева) стоящихъ передъ рѣшеткою съ огромною связкою документовъ, и не подозрѣвали, что эти господа показываютъ не то, что подтверждаетъ ихъ мнѣнія, а напротивъ то, что ихъ опровергаетъ. Подкопы были многочисленны, цитатъ множество, ссылокъ еще больше; на какомъ же основаніи можно было заподозрить этихъ господъ?« и т. д. Biblioteka Warszawska 1851, zeszyt 9, стр. 716.

далицы въ томъ, что содержаніе изданныхъ коммиссіею актовъ изложено невѣрно, можетъ привести въ недоумѣніе польскихъ читателей, не знающихъ русскаго языка: то коммиссія сочла нужнымъ напечатать на польскомъ языкѣ, отдѣльною брошюрою, статьи г. Юзефовича и г. Иванишева, приложивъ къ этимъ статьямъ выписки изъ историческихъ матеріаловъ, на которыхъ г. Иванишевъ основывалъ свои выводы.

Что же касается до прочихъ обвиненій г. Падалицы, то коммиссія объявляетъ ихъ совершенно ложными, и можетъ опровергнуть ихъ оффиціальными доказательствами. Полное изданіе коммиссіи вышло въ свѣтъ нѣсколько позже брошюры, не по какому-нибудь злоумышленію, созданному воображеніемъ г. Падалицы, но потому только, что брошюрованіе этого изданія, заключающаго въ себѣ около сорока листовъ, въ числѣ 825 экземпляровъ, потребовало болѣе времени, чѣмъ брошюра, состоящая изъ четырехъ листовъ. По этой причинѣ брошюра получена была изъ типографіи 10 генваря, а экземпляры полнаго изданія—8 февраля. Затѣмъ коммиссія немедленно сдѣлала распоряженіе о разсылкѣ не брошюръ, а полныхъ экземпляровъ изданія въ редакціи газетъ и журналовъ. Февраля 21 отправлено было нѣсколько экземпляровъ въ редакцію Основы и въ Москву, нѣкоторымъ изъ тамошнихъ ученыхъ; посылки записаны въ кіевской почтовой конторѣ за № 69, 71, 72 и 73. Февраля 25 препровождены полные экземпляры изданія въ книжную лавку Степана Литова; что же касается до брошюры, то она вовсе не поступала въ продажу. Февраля 27 отправлены были полные экземпляры изданія въ редакціи: Отечественныхъ Записокъ, Современника, Русскаго Слова, Сѣверной Пчелы, Русскаго Вѣстника и Московскихъ Вѣдомостей; посылки записаны въ кіевской почтовой конторѣ за № 86, 87, 27, 89, 90, и 91. Изъ этого каждый можетъ убѣдиться, что коммиссія не задерживала своего изданія въ продолженіе нѣсколькихъ

мѣсяцовъ, какъ утверждаетъ г. Падалица, и не прибѣгала къ придуманнымъ г. Падалицею низкимъ средствамъ, чтобъ ввести въ обманъ публику; напротивъ того, тотчасъ по полученіи изъ типографіи своего изданія, коммиссія сдѣлала его извѣстнымъ публикѣ, частію чрезъ книгопродавца, частію разсылкою въ редакціи газетъ и журналовъ. Г. Падалица ложно утверждаетъ, будто объ изданіи коммиссіи русскіе газеты и журналы писали рецензіи по одной только брошюрѣ, не имѣя возможности свѣрить ее съ актами. Мы нашли двѣ рецензіи на изданіе коммиссіи: одну въ Основѣ, а другую въ Современникѣ. Въ обоихъ журналахъ разсматривается не отдѣльная брошюра, но полное изданіе коммиссіи, со всѣми историческими матеріалами, въ немъ помѣщенными. Если Виленскій Вѣстникъ и С.-Петербургскія Вѣдомости ограничились въ своихъ замѣткахъ разсмотрѣніемъ одной только брошюры, то въ этомъ ни сколько не виновата коммиссія.

Г. Падалица въ своемъ негодованіи на коммиссію доходитъ до того, что приписываетъ ей вещи совершенно невозможныя. Онъ увѣряетъ, что передовая статья редактора коммиссіи, заключающая въ себѣ содержаніе изданныхъ коммиссіею актовъ, вышла въ свѣтъ прежде, нежели были напечатаны самые акты. Чтобъ убѣдиться, въ какой степени забывается г. Падалица, стоитъ только взглянуть въ статью редактора коммиссіи. Въ этой статьѣ почти каждая мысль подтверждается ссылками на акты съ означеніемъ страницъ, на которыхъ эти акты напечатаны. Если бы статья редактора коммиссіи вышла въ свѣтъ прежде, чѣмъ окончено было печатаніе актовъ, то какъ онъ могъ предугадать, на какихъ страницахъ будутъ напечатаны тѣ акты, на которые онъ ссылается?

Смотря на сплетеніе ложныхъ обвиненій, публично высказываемое г. Падалицею (Зенономъ Фишемъ) и г. Совинскимъ, съ неслыханнымъ въ польской литературѣ цинизмомъ, невольно

подумаешь, что нѣкоторыя лица, принадлежащія къ благородному западнорусскому дворянству, все еще находятся подъ вліяніемъ іезуитизма, учившаго когда-то, что цѣль оправдываетъ самыя неблагородныя средства. Неужели эта вѣковая ржавчина до того въѣлась въ югозападную Русь, что никакая цивилизація истребить ее не можетъ?

Нельзя не пожалѣть, что разсмотрѣнная нами статья г. Падалицы нашла для себя мѣсто въ одномъ изъ ученыхъ польскихъ журналовъ, именно въ Варшавской Библіотекѣ, гдѣ эта статья перепечатана со всѣми ошибками и ложными обвиненіями, нагроможденными г. Падалицею и безыменнымъ критикомъ Современника. Г. Падалица объявилъ статью Современника критикою ученаго историка россійскаго, дѣльнымъ и умнымъ разсужденіемъ, зато Библіотека Варшавская признала статью г. Падалицы произведеніемъ знаменитой важности (znakomitej wartości). Неужели ученые издатели Варшавской Библіотеки дошли до того, что принуждены учиться польской исторіи по сочиненіямъ г. Падалицы и по критическимъ статьямъ самаго легкомысленнаго изъ русскихъ журналовъ?

Цѣна 2 р. 50 к.